

а з в о б а - т о в а с т ь

МАЙКЛ РОБОТЭМ

ПРОПАВШАЯ

Новый роман от автора бестселлера
«Подозреваемый»

Annotation

В романе «Пропавшая» читатель вновь встретится с главными героями предыдущей книги Майкла Роботэма «Подозреваемый» – Джозефом О'Лафлином и инспектором полиции Винсентом Руизом, которых опять объединит опасное, чреватое неожиданными поворотами событий, расследование.

Холодные темные воды Темзы, пуля в ноге и чужая фотография в кармане – а за ними потеря табельного оружия, амнезия, подозрения коллег по службе и повторяющиеся нападения неизвестного убийцы. Так, проходя через смертельный риск, боль и одиночество, Руиз продолжает поиски маленькой девочки, бесследно пропавшей три года назад – словно растворившейся в недрах ничем не примечательного лондонского пятиэтажного дома. Все знают, что Микки Карлайл мертва, а ее убийца пойман, осужден и отбывает срок в тюрьме; всем удобно так думать. Всем, кроме Руиза, который не хочет смириться с ее смертью и спустя три года, когда в деле появляется новая зацепка, возобновляет расследование – сперва как инспектор полиции, а затем, после отстранения от службы, как частное лицо. По мере того как оживают его воспоминания о случившемся на Темзе темной сентябрьской ночью, в поле зрения Руиза попадают новые лица, показания которых могут пролить неожиданный свет на события трехлетней давности. Вот только каждому из этих людей приходится вести двойную жизнь, каждый играет в свою рискованную игру, и у каждого есть свои резоны скрывать правду...

- [Майкл Роботэм](#)

-

-

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)

- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)

- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)

- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)

- [115](#)
  - [116](#)
  - [117](#)
  - [118](#)
  - [119](#)
  - [120](#)
-

Майкл Роботэм

Пропавшая

Посвящается моим родителям

Я хотел бы поблагодарить все тех же подозреваемых Урсулу Маккензи и Марка Лукаса за то, что они помогли мне найти зерно «Пропавшей». Моя благодарность распространяется и на многих других сотрудников «Тайм Уорнер» и «LAW», стоявших за рождением этой книги.

И я снова в долгу перед Вивиэн, страстной читательницей, строгим критиком, доморощенным психологом, снисходительным редактором и матерью моих детей, которая жила с моими героями бессонными ночами. В прошлый раз я сказал^[1], что менее преданная женщина на ее месте уходила бы спать в комнату для гостей. Я ошибся. Менее преданная женщина отправила бы в комнату для гостей *меня*.

*Пропало богатство – кое-что пропало,
Пропала честь – многое пропало,
Пропала смелость – пропало все.*

Немецкая пословица

Я помню, кто-то однажды сказал мне: если ты видишь юристов, засунувших руки в собственные карманы, значит, стало действительно холодно. Но сейчас гораздо холоднее. Мои губы онемели, и каждый вздох пронзает легкие, словно ледяной осколок.

Вокруг кричат люди, светят мне в лицо фонарями. Я же обнимаю желтый буюк, словно это Мэрилин Монро. Только очень толстая Мэрилин Монро, уже после того, как она стала глотать свои таблетки и вышла в тираж.

Мой любимый фильм из тех, где снималась Мэрилин, – «В джазе только девушки» с Джеком Леммоном и Тони Кертисом^[2]. Сам не знаю, почему сейчас думаю об этом, но меня всегда удивляло, как можно принять Джека Леммона за женщину.

Мне в ухо тяжело дышит парень с очень густыми усами и запахом пиццы изо рта. На нем спасательный жилет, и он пытается оторвать мои пальцы от буйка. Я слишком замерз, чтобы двигаться. Он обхватывает меня и куда-то тащит по воде прочь от моей Монро. Еще какие-то люди, освещенные прожекторами, хватают меня за руки и поднимают на палубу.

– Боже, посмотрите на его ногу! – кричит кто-то.

– Он ранен!

О ком это они говорят?

Люди снова поднимают крик, требуя бинтов и плазмы. Чернокожий парень с золотой серьгой в ухе втыкает мне в руку иглу и прижимает кислородную подушку к моему лицу.

– Принесите одеяла, кто-нибудь! Его нужно согреть.

– У него пульс – двадцать.

– Двадцать?

– Да. Едва прощупывается.

– Травмы головы?

– Не обнаружены.

Завывает мотор, и мы трогаемся. Я не чувствую ног. Я уже ничего не чувствую, даже холода. Огни тоже исчезают. Мои глаза заполняет темнота.

- Готовы?
- Да.
- Раз, два, три...
- Следите за внутривенным.
- Понял.
- Качни еще пару раз.
- Хорошо.

Парень, от которого пахнет пиццей, громко пыхтя, бежит возле каталки. Он нажимает кулаком на кислородную подушку, вгоняя воздух мне в легкие. Моя грудь поднимается, и надо мной проплывают квадратные огни. Я снова начинаю видеть.

У меня в голове воеет сирена. Когда наше движение замедляется, она звучит громче и ближе. Кто-то говорит по рации:

- Мы влили в него два литра жидкости. Он потерял три четверти объема крови. Сильное кровотечение. Артериальное давление падает.
- Нужно восстановить объем.
- Начинайте новый пакет физраствора.
- Он отключается!
- Мы теряем его. Видите?

Одна из машин заливается непрерывным воплем. Почему, черт возьми, они ее не выключат?

Любитель пиццы рвет на мне рубашку и прикладывает к груди два прямоугольника.

- Разряд! – вопит он.

От боли мне едва не сносит полчерепа. Пусть только еще раз сделает это, и я ему руки переломаю!

- РАЗРЯД!

Богом клянусь, я запомню тебя, любитель пиццы. Я очень хорошо запомню, как ты выглядишь. И когда я отсюда выберусь, я тебя разыщу. В реке мне было лучше. Верните меня к Мэрилин Монро.

И вот я проснулся. Веки трепещут, словно не могут преодолеть собственной тяжести. Я крепко сжимаю их и усилием воли открываю глаза, вглядываясь в темноту.

Поворачиваю голову и различаю оранжевый циферблат аппарата у кровати и зеленое пятно света, скользящее по жидкокристаллическому дисплею, как в одной из этих новомодных стереосистем со светомузыкой.

Где я?

Возле моей головы возвышается хромированная стойка, на ее изгибах играют блики света. С крюка свисает полиэтиленовый пакет с прозрачной жидкостью, стекающей по гибкой пластиковой трубке, которая исчезает под широкой полосой лейкопластыря, охватывающей мою левую руку.

Я в больничной палате. На столике у кровати лежит блокнот. Потянувшись за ним, я вдруг понимаю, что с моей левой рукой что-то не так. На месте безымянного пальца с обручальным кольцом белеет повязка. Я тупо смотрю на нее, будто это какой-то фокус.

Когда близнецы были маленькими, я развлекал их такой игрой: «отрывал» себе большой палец, и, если они чихали, он «вырастал» снова. Майкл хохотал так, что чуть не писался.

Добравшись до блокнота, я читаю печатный заголовок: «Больница Святой Марии, Паддингтон, Лондон». В ящике ничего не обнаруживается, кроме Библии и Корана.

Я замечаю табличку в ногах кровати, пытаюсь дотянуться до нее и едва не теряю сознание от боли, которая взрывается в правой ноге и отдается в макушке. Боже! Больше ни при каких обстоятельствах так не делай!

Свернувшись калачиком, жду, пока боль пройдет. Закрываю глаза и делаю глубокий вдох. Если я сосредоточусь на определенной точке прямо под подбородком, то могу почувствовать, как кровь течет у меня под кожей, из сосуда в сосуд, до мельчайших капилляров, разнося кислород.

Моя бывшая жена Миранда страдала от бессонницы и говорила, что ей мешает уснуть слишком громкий стук моего сердца. Я не храпел и не кричал во сне, но вот сердце меня подвело. Его стук был включен в список оснований для развода. Конечно, я преувеличиваю. Она не нуждалась в дополнительных основаниях.

Я снова открываю глаза. Мир пока на месте.

Часто дыша, я слегка приподнимаю одеяло. Обе мои ноги на месте. Я специально их пересчитываю: одна, вторая. Правая нога

скрыта бинтами, закрепленными по краям пластырем. На бедре что-то написано фломастером, но я не могу разобрать, что именно.

Дальше вижу пальцы ног. Они приветливо машут мне. «Здорово, ребята», – шепчу я.

Затаив дыхание, я опускаю руку и ощупываю гениталии, перекатывая яички между пальцами.

Из-за занавески незаметно появляется медсестра. Ее голос застает меня врасплох.

– Я вошла в неподходящий момент?

– Я просто... просто проверял.

– Что ж, думаю, вам следует это дело отпраздновать.

Она говорит с ирландским акцентом, и ее глаза зелены, как свежескошенная трава. Она нажимает кнопку вызова у меня над головой.

– Слава богу, вы наконец-то очнулись. Мы очень беспокоились за вас. – Она заменяет пакет с раствором, потом поправляет подушки.

– Что случилось? Как я сюда попал?

– В вас стреляли.

– Кто?

Она смеется:

– О, только меня не спрашивайте. Мне таких вещей не говорят.

– Но я ничего не помню. Моя нога... палец...

– Скоро здесь будет врач.

Девушка словно не слышит моих слов. Я хватаю ее за руку. Она пытается вырваться, испуганная моим поведением.

– Вы не понимаете: я ничего не помню! Я не знаю, как сюда попал!

Она бросает взгляд на кнопку вызова.

– Вас обнаружили в реке. Я слышала, как об этом говорили.

Полиция ждет, когда вы очнетесь.

– Как долго я здесь?

– Восемь дней... Вы были в коме. Я еще вчера поняла, что вы приходите в себя. Вы говорили во сне.

– И что я сказал?

– Все спрашивали о какой-то девочке – и говорили, что должны найти ее.

– Кого?

– Вы не сказали. Пожалуйста, отпустите руку. Мне больно.

Я разжимаю пальцы, и она отступает, потирая запястье. Теперь она не рискнет приблизиться.

Мое сердце колотится все быстрее. Оно просто выпрыгивает из груди и стучит, как китайские барабаны. Как я мог пробыть здесь восемь дней?

– Какое сегодня число?

– Третье октября.

– Мне вводили наркотики? Что вы со мной сделали?

Она нерешительно отвечает:

– Вам дают морфин для обезболивания.

– Что еще? Что еще мне давали?

– Ничего. – Она снова смотрит на кнопку вызова. – Идет врач.

Постарайтесь успокоиться, или он сделает вам укол.

Она исчезает за дверью и вряд ли вернется. Пока дверь закрывается, я замечаю в коридоре полисмена в форме, сидящего на стуле, вытянув ноги: он явно провел здесь много времени.

Снова упав на кровать, я чувствую запах крови и бинтов. Поднимаю руку и смотрю на повязку, пытаюсь пошевелить несуществующим пальцем. Почему же я ничего не помню?

Для меня никогда не существовало забвения; события не тускнели, не размывались и не обгорали по краям. Я накапливаю воспоминания, как скупец накапливает свое золото. Каждый эпизод, каждый фрагмент прошлого хранится во мне, пока представляет какую-то ценность.

Я не обладаю фотографической памятью. Просто я устанавливаю связи между фактами, сплетая их, как паук паутину, связывая последовательно все нити. Вот почему я могу возвращаться к деталям расследований пяти-, десяти- и даже пятнадцатилетней давности и видеть их так ясно, словно они случились вчера. Имена, даты, места, свидетели, преступники, жертвы – я вызываю к жизни их всех, прохожу по тем же улицам, веду те же разговоры, слышу ту же ложь.

И теперь я впервые забыл нечто действительно важное. Я не помню, что случилось и как я оказался здесь. В моем мозгу – черная дыра, какие иногда видишь на рентгеновском снимке. Я знаю эти темные тени. Первую жену у меня забрал рак. Такие черные дыры засасывают все. Даже свет не спасается.

Проходит двадцать минут, и из-за занавески появляется доктор Беннет. Из-под белого халата видны джинсы и галстук-бабочка.

– Инспектор Руиз, добро пожаловать обратно в мир живых людей и высоких налогов. – У него выговор выпускника закрытой школы и дурацкая челка в стиле Хью Гранта^[3], которая, сам не знаю почему, напоминает мне о салфетке, свисающей с коленей за обедом.

Он светит мне в глаза фонариком и спрашивает:

– Можете шевелить пальцами ног?

– Да.

– Не затекают?

– Нет.

Он откидывает одеяло и проводит ключом по ступне моей правой ноги.

– Чувствуете?

– Да.

– Превосходно.

Сняв табличку со спинки кровати, доктор одним небрежным движением рисует на ней свои инициалы.

– Я ничего не помню.

– О несчастном случае?

– А это был несчастный случай?

– Понятия не имею. В вас стреляли.

– Кто стрелял?

– А вы не помните?

– Нет.

Разговор заходит в тупик.

Доктор Беннет постукивает авторучкой по зубам, обдумывая ответ. Потом садится верхом на стул, обхватывая руками спинку.

– В вас стреляли. Одна пуля вошла в тело над прямой мышцей правого бедра, оставив отверстие в четверть дюйма. Она прошла сквозь кожу, подкожный жир, задела гребешковую мышцу, как раз между бедренной артерией и нервом, повредила четырехглавую мышцу бедра, пробил головку двуглавой и портняжную мышцу и вышла наружу с другой стороны. Эта рана гораздо обширнее. Пуля оставила дырку диаметром четыре дюйма. Чистая рана. Никаких лоскутов кожи. Никаких фрагментов кости. Плоть просто испарилась. – Он тихонько свистит, выражая восхищение. – Когда вас

обнаружили, пульс еще прощупывался, но давления не было. Потом вы перестали дышать. Вы умерли, но мы воскресили вас. – Он сводит большой и указательный пальцы. – Пуля прошла вот на таком расстоянии от бедренной артерии. – (Просвета между его пальцами почти не видно.) – В противном случае вы бы умерли от кровопотери через три минуты. А ведь, кроме пули, нам пришлось бороться с инфекцией. Вся ваша одежда была в тине. Одному богу известно, что плавало в той воде. Мы наспиговали вас антибиотиками. Вам повезло.

Что он несет? Что это за везение, если тебя так продырявили?

– А что с моим пальцем? – Я поднимаю руку.

– Боюсь, что его нет, начиная с первого сустава.

Тощий интерн^[4] с неопрятной прической просовывает голову за занавеску. Доктор Беннет издает низкое рычание, приберегаемое специально для подчиненных. Поднявшись со стула, он опускает руки в карманы халата.

– Почему я ничего не помню?

– Не знаю. Боюсь, это не моя специализация. Но мы можем провести тесты. Вам нужно сделать рентген, чтобы установить, нет ли трещин в черепе или кровоизлияний. Я могу связаться с неврологами.

– У меня болит нога.

– Хорошо. Она поправляется. Ваше состояние очень быстро улучшается. Вам потребуются костыли. Скоро придет физиотерапевт и расскажет о программе восстановления ноги. – Взмахнув челкой, он поворачивается, чтобы уйти. – Мне очень жаль, что у вас проблемы с памятью, инспектор. Но будьте благодарны судьбе хотя бы за то, что вы живы.

Он уходит, оставляя аромат лосьона после бритья и превосходства. Интересно, почему хирурги усваивают такую манеру поведения, словно они владеют миром? Я знаю, что должен быть благодарным. Возможно, если бы я вспомнил, что произошло, то скорее поверил бы его объяснениям.

Итак, мне полагалось умереть. Я всегда подозревал, что умру внезапно. Не то чтобы я очень любил риск, просто всегда умел оказаться на кратчайшем расстоянии от опасности. Большинство людей умирают только однажды. Теперь у меня оказалось две жизни. Добавьте еще трех жен, и получится, что я получил от судьбы гораздо больше, чем мне по справедливости полагалось. (Хотя я определенно

отказался бы от трех жен, если кто-то вдруг пожелал бы изъять их из моей жизни.)

Ко мне вернулась моя ирландская медсестра. Ее зовут Мэгги, и она улыбается так бодро, как учат только в медицинской школе. Она принесла миску теплой воды и губку.

– Вы чувствуете себя лучше?

– Извините, что напугал вас.

– Все в порядке. Время принимать ванну.

Она откидывает одеяло, но я снова натягиваю его.

– Под ним нет ничего такого, чего я не видела, – говорит она.

– Позвольте вам не поверить. Я прекрасно помню всех женщин, которые танцевали со стариной Одноглазым Джонни, и, если только вы не та девушка, которая сидела в последнем ряду на концерте «Ярдбёрдс» в «Шепердс-Буш-Эмпайр» в шестьдесят первом^[5], вы не входите в их число.

– С Одноглазым Джонни?

– Самым старым моим другом.

Она качает головой и смотрит на меня сочувственно.

За ее спиной появляется знакомая фигура – невысокий коренастый человек, совершенно без шеи, зато с модной легкой щетиной. Кэмпбелл Смит – главный суперинтендант^[6] – обладает крепким мужским рукопожатием и официальной улыбкой. На нем форма с начищенными до блеска пуговицами, а четкая складка на жестком воротнике грозит вот-вот его обезглавить.

Все, даже враги, заявляют, что Кэмпбелл – отличный парень, однако никто обычно не бывает рад его видеть. Но сегодня я исключение. Я его помню! Это хороший знак.

– Боже, Винсент, ну и напугал же ты нас! – гудит он. – Какое-то время ситуация висела на волоске. Мы все за тебя молились – весь участок. Видишь эти открытки и букеты?

Я поворачиваю голову и смотрю на стол, заваленный цветами и фруктами.

– В меня стреляли, – недоверчиво говорю я.

– Да, – отвечает он, придвигая стул. – И нам надо знать, что случилось.

– Я не помню.

– Ты их не видел?

– Кого?

– Людей в лодке.

– В какой лодке? – Я тупо смотрю на него.

Он неожиданно повышает голос:

– Тебя обнаружили в Темзе почти смертельно раненным, а меньше чем в миле была лодка, больше похожая на плавучую скотобойню. Что случилось?

– Не помню.

– Ты не помнишь стрельбу на лодке?

– Я вообще не помню эту чертову лодку.

Кэмпбелл перестает изображать радушие. Он ходит по палате, сжимая кулаки и пытаясь взять себя в руки.

– Это нехорошо, Винсент. Это совсем нехорошо. Ты кого-то убил?

– Сегодня?

– Не шути со мной. Ты стрелял? Твой пистолет был выписан из служебного арсенала. Нам предстоит обнаружить трупы?

Трупы? Так что же, черт возьми, случилось? Кэмпбелл раздраженно проводит рукой по волосам.

– Не стану говорить тебе о той возне, которая уже поднялась. Но будет проведено тщательное расследование. Комиссар требует ответа. У прессы, черт ее побери, будет удачный день. На лодке, кроме твоей, была обнаружена кровь еще троих людей. Эксперты говорят, что по крайней мере один из них должен был умереть. Они нашли мозги и фрагменты черепа.

Кажется, стены палаты начинают покачиваться и растворяться в воздухе. Возможно, это из-за морфина или духоты. Как я мог такое забыть?

– Что ты делал на той лодке?

– Наверное, это была полицейская операция...

– Нет, – отрезает он, окончательно сбрасывая маску дружелюбия. – Ты не выполнял задания. Это не была полицейская операция. Ты действовал по собственной инициативе.

Мы по привычке буравим друг друга взглядами. На этот раз я побеждаю. Наверное, я больше никогда не моргну. Все дело в морфине. Бог мой, да это здорово!

Наконец Кэмпбелл падает на стул и начинает обрывать виноград с ветки, залезая в бумажный пакет, лежащий на кровати.

– Что последнее ты помнишь?

Мы сидим молча, пока я пытаюсь собрать обрывки воспоминаний. В моей голове всплывают и снова тонут картинки, то резкие, то мутные: желтый буюк, Мэрилин Монро...

– Я помню, что заказывал пиццу.

– И все?

– Увы.

Я рассматриваю повязку на руке и размышляю о том, как может чесаться ампутированный палец.

– Над чем я работал?

Кэмпбелл пожимает плечами:

– Ты был в отпуске.

– Почему?

– Тебе надо было отдохнуть.

Он лжет. Иногда мне кажется, что он забыл, как давно мы друг друга знаем. Мы вместе учились в полицейском колледже в Брэмсхилле^[7]. А тридцать пять лет назад на барбекю я познакомил его с Морин. Она стала его женой и так и не простила меня. Не знаю, что ее больше сердит: мои три брака или тот факт, что я передал ее другому.

Уже давно Кэмпбелл не называет меня приятелем, и мы ни разу не пили пива с тех пор, как его назначили главным суперинтендантом. Он стал другим. Не лучше и не хуже, а просто другим.

Он сплевывает виноградные косточки в кулак.

– Ты всегда думал, что ты лучше меня, Винсент, но я раньше тебя получил повышение.

Потому что был подхалимом.

– Знаю, ты думаешь, что я был подхалимом. – (*Да он словно читает мои мысли!*) – Но я просто был умнее. Я наладил нужные связи и заставил систему работать на себя вместо того, чтобы сражаться с ней. Тебе нужно было уйти на пенсию три года назад, когда была такая возможность. Ты не уронил бы себя ни в чьих глазах. Мы закатали бы тебе большую прощальную вечеринку. Ты мог бы где-нибудь осесть, поигрывал бы в гольф, возможно, даже спас бы свой брак.

Я жду, когда он скажет что-либо еще, но он просто смотрит на меня, склонив голову.

– Винсент, не возражаешь, если я выскажу одно замечание? – Он не дожидается моего ответа. – Ты хорошо держишься, учитывая все, что произошло, но у меня такое чувство, что тебе... в общем, что тебе досадно. И даже больше – ты растерян.

Мне становится неуютно, словно что-то холодное проникло под мою рубашку.

– Некоторые люди в поисках утешения прибегают к религии, другие находят кого-то, с кем могут поговорить. Знаю, что это не для тебя. Посмотри на себя! Ты почти не видишься с детьми. Живешь один... А теперь взял и испоганил свою карьеру. Я больше не могу тебе помочь. Я говорил, чтобы ты бросил это дело.

– Что я должен был бросить?

Кэмпбелл не отвечает. Вместо этого он берет шляпу и трет ее поля рукавом. Вот-вот он повернется и скажет, что имел в виду. Но нет, он идет к двери и исчезает в коридоре.

Исчез и мой виноград. Оголившиеся веточки на фоне смятого коричневого пакета похожи на мертвые деревья. Рядом с ними начинают увядать цветы в корзине. Бегонии и тюльпаны, похожие на толстых танцовщиц, сбрасывают лепестки и засыпают пылью тумбочку. Между стеблей торчит белая карточка с серебряным зажимом. Я не могу разглядеть, что на ней написано.

Какой-то мерзавец стрелял в меня! Это должно было врезаться в мою память. Я должен переживать это снова и снова, как хнычущие жертвы в дневных ток-шоу, говорящие по телефону с юристами. Но я не помню ничего. Сколько бы я ни зажмурился и ни стучал кулаком по лбу, ничего не меняется.

Но действительно странным кажется то, что я *помню*. Например, мне видятся силуэты на фоне ярких огней, мужчины в масках, шапочках для душа и тапочках, обсуждающие машины, планы на пенсию и результаты футбольных матчей. Но, конечно, это было всего лишь видение на границе между жизнью и смертью. Мне дали разочек взглянуть на ад, и в нем было полным-полно хирургов.

Возможно, если я начну с чего-нибудь простого, то смогу добраться до того, что со мной случилось. Глядя на потолок, я мысленно пишу свое имя: Винсент Янко Руиз, родился 11 сентября

1946 года. Я инспектор Лондонской городской полиции, глава отдела тяжких преступлений (западное отделение). Проживаю на Рейнвил-роуд в Фулхэме... [8]

Раньше я любил повторять, что много дал бы за то, чтобы забыть большую часть своей жизни. Теперь я хочу вернуть воспоминания.

Я был знаком только с двумя людьми, в которых стреляли. Одним был парень, с которым я учился в полицейском колледже. Его звали Энгус Леманн, и он во всем хотел быть первым: в учебе, в развлечениях, на службе... Несколько лет назад он повел группу на ликвидацию подпольной фабрики наркотиков в Брикстоне^[9] и первым ворвался внутрь. Очередью из полуавтомата с полным магазином ему снесло голову. В этом можно увидеть некий урок.

А вторым был фермер из нашей долины, Брюс Керли. Он прострелил себе ногу, когда полез через окно спальни, преследуя любовника своей жены. Брюс был толстым, из ушей у него торчали седые волосы, и миссис Керли съезживалась, как собачонка, всякий раз, когда он поднимал руку. Жаль, что он не попал тогда себе между глаз.

Во время учебы в школе у нас были занятия на огневом рубеже. Инструктором был мужик откуда-то из-под Ньюкасла, с головой, похожей на бильярдный шар, и он невзлюбил меня с первого дня, потому что я высказал предположение, что наилучший способ сохранить дуло в чистоте – это надеть на него презерватив.

Мы стояли на огневом рубеже и промерзли до костей. Он показал на картонную мишень на другом конце стрельбища. Мишень представляла собой фигуру крадущегося вооруженного негодяя, у которого в области сердца и на лбу были нарисованы белые кружки.

Взяв револьвер, инструктор расставил ноги и сделал шесть выстрелов – в ритме сердцебиения, – и все пули попали в верхний кружок.

Держа револьвер за дымившийся ствол, он сказал:

– Итак, я не жду, что кто-нибудь из вас сделает это сразу же, но постарайтесь хотя бы попасть в эту чертову мишень. Кто хочет первым?

Никто не вызвался.

– Как насчет тебя, любитель презервативов?

Класс прыснул со смеху.

Я сделал шаг вперед и поднял револьвер. Мне вдруг стало очень комфортно, и это меня не обрадовало. Инструктор сказал:

– Нет, не так, открой оба глаза. Пригнись. Считай и жми на курок. Не успел он закончить, как револьвер дернулся в моей руке, сотрясая воздух и что-то внутри меня.

Мишень раскачивалась, пока ворот тащил ее к нам. Шесть отверстий расположились настолько близко друг к другу, что образовали крупную рваную дыру в картоне.

– Он ему яйца отстрелил, – пробормотал кто-то, пораженный.

Я не смотрел в лицо инструктору. Я отвернулся, проверил барабан, поставил револьвер на предохранитель и снял наушники.

– Ты промахнулся, – с торжеством произнес мой начальник.

– Как скажете, сэр.

Я просыпаюсь от внезапного толчка и жду, пока восстановится нормальное сердцебиение. Смотрю на часы – не столько на время, сколько на дату. Я хочу убедиться в том, что не проспал слишком долго и не потерял недопустимо много времени.

Прошло два дня с тех пор, как я пришел в сознание.

У моей кровати сидит человек.

– Меня зовут доктор Уикхэм, – говорит он с улыбкой. – Я невролог.

Он похож на тех врачей, которых показывают в телевизионных шоу.

– Однажды я видел, как вы играли за «Арлекинс» против «Лондон Скоттиш», – говорит он. – В тот год вы попали бы в национальную сборную, если бы не та травма. Я и сам немного играл в регби, хотя и не в основном составе.

– Правда? И на какой позиции?

– Центральным.

Я так и думал. Вероятно, за игру он пару раз касался мяча, а сам до сих пор рассуждает о тех голах, которые мог бы забить.

– Мне принесли результаты рентгена, – говорит он, открывая папку. – Нет никаких следов черепных трещин, аневризмы или кровотечений. – Он поднимает глаза от своих бумажек. – Нужно провести ряд неврологических тестов, чтобы проверить функции вашей памяти. Вам придется ответить на несколько вопросов о перестрелке.

– Я ничего о ней не помню.

– Да, но я хочу, чтобы вы отвечали просто так, даже если это только догадки. Это называется тестом вынужденного выбора. Он заставляет вас рассматривать варианты.

Кажется, я понимаю, чего от меня хотят, но не вижу в этом особого смысла.

– Сколько человек было в лодке?

– Не помню.

Доктор Уикхэм настаивает:

– Вам надо сделать выбор.

– Четверо.

– Было полнолуние?

– Да.

– Лодка называлась «Шармэйн»?

– Нет.

– Сколько у нее было моторов?

– Один.

– Это была краденая лодка?

– Да.

– Мотор работал?

– Нет.

– Вы стояли на якоре или плыли?

– Плыли.

– Вы были вооружены?

– Да.

– Вы стреляли?

– Нет.

Это просто смешно! Какой во всем этом смысл? Я просто отвечаю первое, что приходит в голову.

Внезапно меня осеняет. Они думают, что я симулирую амнезию. Этот тест нужен вовсе не для того, чтобы понять, что я помню, – нет, они проверяют истинность моих симптомов. Они заставляют меня выбирать ответ, чтобы потом подсчитать процент вопросов, на которые я ответил правильно. Если я не притворяюсь, то ответы наугад будут правильными процентов на пятьдесят. Если же результат будет существенно больше или меньше пятидесяти, это может означать, что я пытаюсь повлиять на него, нарочно давая правильные или неправильные ответы.

Мне известно о статистике достаточно, чтобы понять их цель. Шанс, что человек, потерявший память, ответит правильно на десять вопросов из пятидесяти, меньше пяти процентов.

Доктор Уикхэм записывал мои ответы. Без сомнения, он изучает распределение результатов, строит графики, которые подтвердили бы, что это не случайная выборка.

Я прерываю его и спрашиваю:

– Кто составлял эти вопросы?

– Не знаю.

– А вы сделайте выбор.

Он недоуменно смотрит на меня, внезапно почувствовав себя неловко.

– Да ладно вам, док, отвечайте: да или нет? Меня устроит простая догадка. Это тест, чтобы проверить, не симулирую ли я потерю памяти?

– Не понимаю, о чем вы, – бормочет он.

– Раз уж я могу угадать ответ, так и вы можете. Кто вас на это подвиг: отдел внутренних расследований или Кэмпбелл Смит?

Вскочив на ноги, он захлопывает папку и поворачивается к двери. Жаль, что мы не встретимся с ним на поле для регби. Я окунул бы его мордой в грязь.

Я спускаю ноги с кровати на пол. Линолеум холодный и слегка липкий. Задыхаясь от боли, просовываю руки в пластиковые ручки костылей.

Мне полагается пользоваться инвалидным креслом, но я слишком самолюбив. Не собираюсь я кататься в хромированной клетке, как какой-нибудь старикан, занимающий очередь на почте. Заглянув в шкаф, обнаруживаю, что одежды там нет. Пусто.

Знаю, что рассуждаю как параноик, но чего-то они недоговаривают. Кто-то *должен* знать, что я делал на реке. Кто-то ведь слышал выстрелы и что-то видел. Почему они не обнаружили тел?

В коридоре я вижу Кэмпбелла, беседующего с доктором Уикхэмом. Рядом с ними двое следователей. Одного я знаю: это Джон Кибел. Я работал с ним раньше, пока он не перешел в отряд по борьбе с коррупцией, так называемую призрачную команду, и не начал охотиться за своими.

Кибел – из тех копов, которые всех геев называют педерастами, а азиатов – цветными. Он громогласен, пристрастен и всецело предан работе. Когда в Темзе затонул катер «Маркиза»^[10], Кибел уже к ланчу посетил тринадцать человек и сообщил им, что их ребяташки погибли. Он точно знает, что говорить и когда замолчать. Таким образом, это человек, который иногда бывает полезным.

– И куда ты направляешься? – спрашивает Кэмпбелл.

– Решил подышать свежим воздухом.

Кибел тут же встречается:

– Да, в самом деле, полезно немного проветриться.

Я проталкиваюсь мимо них к лифту.

– Вы не можете уйти, – говорит доктор Уикхэм. – Вам нужно каждый день менять повязки. И принимать обезболивающие.

– Положите все мне в карман, и я сам за собой присмотрю.

Кэмпбелл хватает меня за руку:

– Не сходи с ума.

Легко сказать. Меня уже трясет от него.

– Вы что-нибудь нашли? Трупы?

– Нет.

– Я ведь не симулирую, понимаешь? Я действительно ничего не помню.

– Я верю.

Он отводит меня в сторону.

– Но ты же знаешь порядок. Отдел внутренних расследований должен разобраться.

– Что здесь делает Кибел?

– Хочет поговорить с тобой.

– Мне потребуется адвокат?

Кэмпбелл смеется, но это не производит на меня должного впечатления. Не дав мне разобраться в своих чувствах, Кибел уводит меня по коридору в больничный холл – пустую комнату без окон, где стоят выгоревшие оранжевые диваны и на плакатах красуются здоровые люди.

– Я слышал, к тебе приходила старушка-смерть.

– Да, и предложила мне апартаменты с роскошным видом.

– А ты ей отказал?

– Не люблю путешествовать.

Еще минут десять мы треплемся об общих знакомых и о тех временах, когда оба работали в Западном Лондоне. Он спрашивает о моей матери, и я говорю ему, что она в пансионате для престарелых.

– Некоторые подобные заведения очень дороги.

– Точно.

– А ты где сейчас живешь?

– Да прямо здесь.

Приносят кофе, и Кибел продолжает болтать. Он высказывает мне свои мысли об увеличении числа пожарных бригад, случаях проявления жестокости и бессмысленных преступлениях. Полицейские становятся одновременно легкими мишенями и страшилками. Я знаю, чего он добивается. Он хочет завоевать мое доверие речью о хороших парнях, которые должны держаться вместе.

Кибел принадлежит к тому типу полицейских, которые исповедуют особую, военную мораль, словно что-то отделяет их от остального общества. Они слышат, как политики говорят о войне с преступностью, о борьбе с наркотиками и терроризмом, и начинают представлять себя солдатами, которые сражаются за безопасность на наших улицах.

– Сколько раз ты рисковал своей жизнью, Руиз? И думаешь, этим подлецам есть до этого дело? Левые называют нас свиньями, а правые – нацистами. Sieg, sieg, хрю-хрю! Sieg, sieg, хрю-хрю! – Он вскидывает правую руку в нацистском приветствии.

Я смотрю на печатку у него на мизинце и вспоминаю «Скотный двор» Оруэлла^[11]. Кибел уже завелся:

– Мы живем в неидеальном мире, и поэтому у нас нет идеальных полицейских, так? А чего они ожидают? У нас нет этих чертовых ресурсов, и нам противостоит система, которая отпускает преступников на свободу быстрее, чем мы их ловим. А вся эта новомодная слезливо-сопливая хрень, которую они называют работой по профилактике преступлений, ничем не помогла ни тебе, ни мне. И ничем не помогла несчастным ребятишкам, которые, подавшись дурному влиянию, встали на кривую дорожку. Я тут недавно был на одной конференции, и какой-то придурок-криминалист с американским акцентом заявил, что у полицейских, мол, нет врагов. «Наш враг не преступники, а преступление», – сказал он. Господи! Ты слышал когда-нибудь подобную глупость? Я чуть не съездил ему по

морде. – Кибел наклоняется ко мне. У него изо рта пахнет арахисом. – Я не виню полицейских за то, что иногда они заводятся. И я понимаю, почему они кое-что для себя откладывают, – лишь бы не торговали наркотиками и не измывались над детьми, так? – Он опускает руку мне на плечо. – Я могу тебе помочь. Просто расскажи мне, что случилось той ночью.

– Не помню.

– То есть я не ошибусь, предположив, что ты не можешь опознать человека, который в тебя стрелял?

– Твое предположение будет абсолютно справедливым.

От моего сарказма Кибел подсакивает, как ошпаренный. Ему становится ясно, что я не купился на его бред о том, что мы-де одни против всех.

– Где бриллианты? – Вопрос вырывается у него как будто против воли.

– Какие бриллианты?

Он пытается сменить тему.

– Нет-нет, постой-ка. Какие такие бриллианты?

Кибел орет на меня:

– Палуба той лодки была залита кровью. Погибли люди, но мы не нашли тел и не поступило заявлений о пропавших. О чем это тебе говорит?

Он заставляет меня задуматься. Возможно, у жертв не было близких и родственников или же те, кто оказался в лодке, занимались чем-то незаконным. Я хочу вернуться к бриллиантам, но у Кибела свои планы.

– На днях прочитал интересные статистические данные. Тридцать пять процентов из тех, кого признали виновными в убийстве, утверждают, что забыли об этом событии.

Опять эта чертова статистика.

– Думаешь, я вру?

– Думаю, привираешь.

Я беру костыли и поднимаюсь на ноги.

– Раз уж ты знаешь все ответы, Кибел, тогда сам и расскажи мне, что произошло. Хотя да – тебя ведь там не было. Впрочем, так всегда и бывает. Когда настоящие копы рискуют жизнью, ты валяешься в постели и смотришь повтор очередной серии «Участка»^[12]. Ты ничем

не рискуешь, преследуя честных полицейских за то, на что сам не способен. Проваливай. И в следующий раз, когда захочешь со мной поговорить, лучше приходи в сопровождении вооруженных полицейских, с ордером на арест и наручниками.

Кибел краснеет, словно ему дали пощечину. Уходя, он нервно поправляет одежду и кричит мне через плечо:

– Только этот невролог и дал себя обмануть. А больше никто тебе не верит. Скоро ты пожалеешь, что та пуля не сделала свою работу.

Я пытаюсь догнать его, ковыляя на костылях по коридору и кроя последними словами. Двое чернокожих санитаров хватают меня и заламывают руки за спину.

Наконец я успокаиваюсь, и меня отводят в палату. Мэгги дает мне маленький стаканчик с каким-то сиропом, и вскоре я чувствую себя, как Алиса в стране чудес. Я словно уменьшаюсь, и белые лоскуты постельного белья кажутся мне арктическими льдами.

Во сне меня преследует клубничный запах блеска для губ, и я ощущаю мятное дыхание пропавшей девочки в оранжево-розовом купальнике. Ее зовут Микки Карлайл, и она вбита в мою память, как в скалы – обломок корабля, выбеленный солнцем, – белый, как ее кожа и волоски у нее на руках. Ее рост – четыре фута. Она хватает меня за рукав и говорит: «Почему ты меня не нашел? Ты ведь обещал моей подруге Саре, что найдешь меня».

Она говорит это тем же тоном, каким говорила Сара, когда просила у меня стаканчик мороженого: «Вы мне обещали. Вы сказали, что угостите меня, если я расскажу, что случилось».

Микки пропала недалеко отсюда. Из окна, возможно, видно Рэндольф-авеню. Это ряд крепких кирпичных домов, когда-то бывший дешевым викторианским кварталом, где теперь квартиры стоят сотни тысяч фунтов. Я мог бы копить десять лет или двести – все равно мне было бы не по карману купить там квартиру.

Я до сих пор вижу лифт, старомодную металлическую клетку, дребезжавшую и лязгавшую между этажами. Шахту огибала лестница. Микки выросла, играя на этой лестнице, а после школы давала там импровизированные концерты, так как акустика была великолепной. Она пела пришепетывая: у нее выпал передний зуб.

С тех пор прошло три года. Мир забыл ее историю, потому что надо было обсуждать новые проблемы и ужасаться другим

преступлениям, переживать гибель королевы красоты, войну с терроризмом, плохое поведение спортсменов... Но Микки не исчезла. Она все еще здесь. Она – призрак, сидящий напротив меня на каждом празднике, голос, звучащий у меня в голове, когда я ложусь спать. Я знаю, что она жива. Я чувю это нутром. Я знаю, но ничего не могу доказать.

Три года назад, когда она вошла в мою жизнь, была первая неделя школьных каникул. Восемьдесят пять ступенек, и потом тьма – она исчезла. Как может пропасть ребенок в доме, где всего пять этажей и одиннадцать квартир?

Мы обыскали каждую из них – каждую комнату, каждый шкаф, каждый закуток. Я осматривал одни и те же места снова и снова, почему-то ожидая, что она вдруг обнаружится там, несмотря на все предыдущие поиски.

Микки было семь лет, у нее были светлые волосы, голубые глаза и беззубая улыбка. В тот последний день многие видели ее одетой в купальник и красные полотняные туфли; ее волосы украшала белая лента Алисы^[13], а в руках она держала полосатое пляжное полотенце.

Полицейские машины перекрыли улицу, соседи организовали поисковые группы. Кто-то быстро соорудил столик с кувшинами холодной воды и бутылочками с сердечными средствами. В девять часов утра температура поднялась до тридцати градусов, в воздухе стоял запах раскаленного асфальта и выхлопных газов.

Толстый парень в мешковатых зеленых шортах фотографировал. Сначала я не узнал его, хотя сразу понял, что где-то его встречал. Где?

Потом я вспомнил, как вспоминаю всегда. «Коттслоу-парк» – англиканская школа-пансионат в Уоррингтоне^[14]. Этого злосчастливого, неудачливого персонажа звали Говард Уэйвелл, и он учился на три класса младше меня. Моя память одержала очередную победу.

Я знал, что Микки не выходила из здания. У меня был свидетель. Ее звали Сара Джордан, и ей было всего девять лет, но она «знала то, что знала». Сидя на верхней ступеньке, она потягивала лимонад из банки и убирала с глаз тонкие русые волосы. Спутанные прядки прилипли к ее ушам, как кусочки серебряной фольги.

На Саре были сине-желтый купальник, белые шорты, коричневые сандалии и бейсболка. У нее были бледные ноги, покрытые расцарапанными следами комариных укусов. Слишком маленькая,

чтобы думать о своем теле, она то сводила, то раздвигала колени, прижимаясь щекой к холодным перилам.

– Меня зовут инспектор Руиз, – сказал я, присаживаясь рядом с ней. – Расскажи мне еще раз, что случилось.

Она вздохнула и вытянула ноги.

– Я уже говорила, я нажала на кнопку.

– Какую кнопку?

– Одиннадцатой квартиры, где живет Микки.

– Покажи мне, на какую кнопку ты нажала.

Она снова вздохнула и пошла через фойе к большой парадной двери, возле которой снаружи был прикреплен домофон. Там Сара указала на верхнюю кнопку.

– Вот на эту! Я знаю, как пишется цифра «одиннадцать».

Мой главный свидетель с облупившимся розовым лаком на ногтях...

– Конечно знаешь. А что было потом?

– Мама Микки сказала, что та сейчас спустится.

– Что она точно сказала? Слово в слово.

Девочка нахмурила брови, сосредоточиваясь.

– Не так. Сперва она сказала «здравствуй», и я сказала «здравствуйте». Потом я спросила, можно ли Микки спуститься поиграть. Мы собирались позагорать в саду и поиграть со шлангом. Мистер Мерфи разрешает нам включать разбрызгиватель. Он говорит, что так мы помогаем ему поливать лужайку.

– А кто такой мистер Мерфи?

– Микки говорит, что он владелец здания, но я думаю, что он только комендант.

– И Микки не спустилась?

– Нет.

– Сколько ты ждала?

– Лет сто. – Она обмахивает лицо руками. – Можно мне мороженое?

– Через минуту. А пока ты ждала, мимо тебя кто-нибудь проходил?

– Нет.

– И ты не сходила с крыльца? Например, чтобы купить попить.

Она покачала головой.

– Или поговорить с другом? Или погладить собаку?

– Нет.

– А что было потом?

– Мама Микки вышла выносить мусор. И спросила: «Что ты тут делаешь? Где Микки?» А я сказала: «Я ее жду». Тогда она сказала, что Микки спустилась очень давно. Но она не спускалась, потому что я была здесь все время...

– И что ты тогда сделала?

– Мама Микки велела мне подождать. Она сказала, чтобы я не двигалась, вот я и села на ступеньки.

– Мимо тебя кто-нибудь проходил?

– Только соседи, помогавшие искать Микки.

– Ты знаешь, как их зовут?

– Некоторых. – Она перечислила их, загибая пальцы. – Это тайна?

– Думаю, можно и так сказать.

– А куда пошла Микки?

– Не знаю, милая, но мы ее найдем.

Меня приехал навестить профессор Джозеф О'Лафлин. Я вижу, как он идет по больничной парковке, странно раскачиваясь, словно на его левую ногу наложена шина. Его губы шевелятся: улыбаются, приветствуют людей, произносят шутки о том, какой коктейль он предпочитает: «взболтать, но не смешивать»^[15]. Только этот человек может сделать болезнь Паркинсона поводом для шуток.

Джо клинический психолог и обладает типичной для своей профессии внешностью: высокий, худой, с копной темных волос – ни дать ни взять рассеянный академик, сбежавший с лекции.

Мы познакомились несколько лет назад в ходе расследования убийства. Я тогда долго подозревал О'Лафлина, но оказалось, что виновен был один из его пациентов^[16]. Не думаю, что профессор упоминает об этой истории в своих лекциях.

Тихонько постучав в дверь, Джо открывает ее и неловко улыбается. У него приветливое лицо и влажные карие глаза, словно у детеныша тюленя, пока того не стукнули прикладом по голове.

– Я слышал, у вас проблемы с памятью.
– Да кто вы такой, черт возьми?
– Очень хорошо. Приятно видеть, что вы не утратили чувство юмора.

Он долго оглядывается, решая, куда поставить портфель. Потом берет блокнот, придвигает стул и садится, упираясь коленями в кровать. Наконец устроившись, он смотрит на меня и молчит, словно я сам попросил его прийти.

Вот что я ненавижу в психологах. Они играют в молчанку и заставляют тебя усомниться в том, что ты нормален. Я не обещал, что буду что-то рассказывать. Я помню свое имя. Помню, где живу. Помню, куда положил ключи и где оставил машину. Я в полном порядке.

– Как вы себя чувствуете?
– Какой-то мерзавец меня подстрелил.

Неожиданно его рука начинает дрожать и подергиваться, но он усилием воли заставляет ее не шевелиться.

- Как ваш Паркинсон?
- Я перестал заказывать суп в ресторанах.
- Очень мудро. А как Джулиана?
- Прекрасно.
- А девочки?
- Растут.

В наших отношениях никогда не было места светским беседам и семейным темам. Обычно я напрашиваюсь к Джо на обед, пью его вино, заигрываю с его женой и бесстыдно выдаиваю из него мысли о нераскрытых преступлениях. Джо, конечно, это знает – и не потому, что он чертовски умен, а потому, что я – открытая книга.

Мне нравится О'Лафлин. Он учился в частной школе и принадлежит к среднему классу, но это не страшно. И мне нравится Джулиана, его жена, которая почему-то считает, что может снова женить меня, несмотря на мой прискорбный послужной список.

- Как я понимаю, вы встречались с моим начальником.
- С главным суперинтендантом.
- И что вы о нем думаете?

Джо пожимает плечами:

- Он производит впечатление профессионала.
- Перестаньте, профессор, вы способны на большее. Скажите, что вы думаете на самом деле.

Джо коротко шикает на меня. Он знает, что я его дразню.

Откашлявшись и глядя на свои руки, он начинает:

– Главный суперинтендант – типичный карьерист и на хорошем счету у начальства. Он переживает из-за своего второго подбородка и красит волосы. Страдает астмой. Пользуется лосьоном после бритья от Кельвина Кляйна. Женат, у него три дочери, которые так крепко прибрали папу к своим маленьким ручкам, что его осталось только посеребрить и выгравировать на нем надпись, как на трофее. Они вегетарианки и не разрешают ему есть мясо дома, поэтому он ест его в служебной столовой. Он читает романы Филлис Дороти Джеймс и любит воображать себя Адамом Далглишом, хотя и не пишет стихи и вообще не слишком чувствителен^[17]. И у него есть очень раздражающая привычка не слушать людей, а читать им лекции.

Я восхищенно присвистываю.

- Вы следили за этим парнем?

Профессор неожиданно смущается. Другой на его месте поражал бы своим талантом знакомых, а Джо всегда искренне удивляется, что угадал хотя бы половину. И он берет факты не из воздуха. Я мог бы попросить его обосновать каждое утверждение, и он не медлил бы с ответом. Джо, видимо, заметил, как Кэмпбелл отдувается, унюхал его лосьон, наблюдал за тем, как ест главный суперинтендант, увидел фото его детей...

Вот что пугает меня в Джо. Он как будто способен влезть человеку в голову и читать там, как в открытой книге. Не хочется слишком сблизиться с человеком, который в один прекрасный день поставит перед тобой зеркало, где ты увидишь свою судьбу.

Джо рассматривает мою медицинскую карту, изучает результаты тестов и рентгеновские снимки. Потом закрывает папку.

– Итак, что случилось?

– Пуля, ружье – обычная история.

– Очнулись здесь? Что помните последним?

Я не отвечаю: я ломаю мозги уже два дня, с тех самых пор, как пришел в себя, но вспоминаю только пиццу.

– Каково ваше эмоциональное состояние?

– Подавлен. И зол.

– Из-за того, что не можете вспомнить?

– Никто не знает, что я делал на реке. Это не была полицейская операция. Я действовал в одиночку. Я не бунтарь. Я не бросаюсь в дело сломя голову, словно панкующий подросток с татуировкой «Рожденный проигрывать» на груди... Они обращаются со мной, как с преступником.

– Врачи?

– Полицейские.

– Вероятно, это потому, что вы не можете вспомнить. Вы чувствуете себя не таким, как все. Вы думаете, что все, кроме вас, посвящены в какую-то тайну.

– Вы полагаете, у меня паранойя?

– Нет. Это обычный симптом амнезии. Вам кажется, что от вас что-то скрывают.

Что ж, пусть так, хотя это и не объясняет поведения Кибела, заявлявшегося ко мне уже три раза с ложными обвинениями и дикими

заявлениями. Чем дольше я отказываюсь говорить, тем в большую ярость он приходит.

Джо вертит в руках ручку.

– Однажды у меня был пациент, мужчина тридцати пяти лет, у которого в прошлом не было никаких нервных или психических расстройств. Он поскользнулся на обледеневшей тропинке, упал и ударился головой. Он не терял сознания... ничего такого. Поднявшись, он просто пошел дальше...

– В этой истории будет мораль?

– Он не помнил, что упал. И больше не знал, куда идет. Он совершенно забыл то, что случилось с ним в предыдущие двенадцать часов, хотя помнил свое имя и узнавал жену и детей. Это называется обширная преходящая амнезия. Из памяти исчезают минуты, часы или дни. Самосознание не страдает, и больные ведут себя в целом нормально, но не могут вспомнить какое-то событие или период времени.

– Но ведь память возвращается?

– Не всегда.

– Что случилось с вашим пациентом?

– Сначала мы подумали, что он забыл только падение, но он недосчитался и других воспоминаний. Он не помнил своего предыдущего брака, не помнил дома, который однажды построил. И он не знал, что Джон Мейджор был премьер-министром.

– Выходит, он не так уж сильно пострадал.

Джо улыбается:

– Пока еще рано говорить, будет ли ваша амнезия постоянной. Возможно, ее причиной стала травма головы. Большинство зафиксированных случаев сопровождалось физической или эмоциональной травмой. Огнестрельная рана вполне подходит. Приступы могут быть спровоцированы сексуальным контактом или погружением в холодную воду...

– Больше не буду заниматься сексом в бассейне.

Мой сарказм не встречает сочувствия. Джо продолжает:

– Вследствие травматических событий наш мозг радикально изменяет химический состав крови и количество гормонов. Это своеобразный механизм выживания, который заставляет нас драться или убегать. Иногда, после того как угроза миновала, мозг работает в

этом режиме еще какое-то время – на всякий случай. Мы должны убедить ваш мозг, что можно расслабиться.

– А как это сделать?

– Мы разговариваем. Анализируем. Обращаемся к дневникам и фотографиям, чтобы пробудить воспоминания.

– Когда вы видели меня в последний раз? – неожиданно спрашиваю я.

Мгновение он размышляет.

– Мы обедали месяца четыре назад. Джулиана хотела, чтобы вы познакомились с ее подругой.

– Редактором из издательства.

– Да, с ней. Почему вы спрашиваете?

– Я у всех спрашиваю. Звоню и спрашиваю: «Привет, что нового? Здорово! Слушай, а когда ты видел меня в последний раз? Да, прошло много времени. Надо встретиться...»

– И что вы выяснили?

– Я недостаточно активно поддерживаю отношения.

– Ясно. Но сама идея хорошая. Нам нужно найти недостающие фрагменты.

– А вы не можете меня просто загипнотизировать?

– Нет. И если стукнуть вас по голове, это тоже не поможет.

Джо тянется к портфелю, и его рука дрожит. Он вытаскивает папку и достает картонный квадратик, обтрепанный по краям.

– Снимок нашли у вас в кармане. Пострадал от воды.

Он поворачивает квадратик, и у меня пересыхают губы.

Это фото Микки Карлайл. На ней школьная форма, она улыбается в камеру, демонстрируя отсутствие переднего зуба, словно ее рассмешило что-то, не попавшее в кадр.

Вместо замешательства я чувствую огромное облегчение. Я не схожу с ума. Это происшествие действительно имеет отношение к Микки.

– Вы не удивлены.

– Нет.

– Почему?

– Вы сочтете меня сумасшедшим, но мне снились сны.

Я вижу, как психолог в нем начинает обрабатывать информацию.

– Вы помните расследование и суд?

– Да.

– Говарда Уэйвелла посадили в тюрьму за ее убийство.

– Да.

– Вы думаете, он ее не убивал?

– Я не думаю, что она мертва.

Наконец-то я дождался реакции. Профессор явно удивлен. Оказывается, не такой уж он непрошибаемый.

– А как же улики?

Я поднимаю руки. Моя забинтованная ладонь сойдет за белый флаг. Я знаю все аргументы. Я сам передавал дело в суд. Все улики указывали на Говарда Уэйвелла, включая волокна ткани, пятна крови и отсутствие алиби. Присяжные сделали свое дело, и справедливость восторжествовала, справедливость, помещенная на один день в сердца двенадцати людей.

Закон взялся за дело Микки и довел его до конца. Умом я соглашаюсь, но мое сердце не может смириться. Я просто не могу представить себе мира, в котором нет Микки.

Джо снова смотрит на фотографию.

– Вы помните, как положили ее в бумажник?

– Нет.

– А можете предположить, почему вы это сделали?

Я качаю головой, хотя интуитивно понимаю, что, вероятно, взял с собой снимок, чтобы была возможность опознать ее.

– А что еще при мне было?

Джо читает по списку:

– Кобура, бумажник, ключи, перочинный ножик... Из ремня вы сделали жгут, чтобы остановить кровотечение.

– Ничего не помню.

– Не волнуйтесь. Мы еще вернемся к этому. Посмотрим на следы, которые вы оставили: чеки, счета, встречи, дневники... Пройдем по этим следам.

– И я вспомню.

– Или научитесь вспоминать.

Он поворачивается к окну и смотрит на небо, как будто подумывает, не устроить ли пикник.

– Не хотите уехать отсюда на денек?

– Не думаю, что мне разрешат.

Он вытаскивает из кармана пиджака письмо.

– Не волнуйтесь, я приобрел билеты заранее.

Джо ждет, пока я одеваюсь, борясь с пуговицами забинтованной рукой.

– Помощь не нужна?

– Нет, – отвечаю я излишне резко. – Мне надо учиться.

Кибел наблюдает, как мы проходим по фойе, косясь на меня, словно я иду на свидание с его сестрой. Я с трудом подавляю желание помахать ему рукой.

На улице поднимаю лицо к солнцу и делаю глубокий вдох. Аккуратно передвигая костыли, иду по парковке и замечаю знакомую фигуру возле полицейской машины без мигалки. Констебль Алиша Каур Барба (все зовут ее Али) читает учебник, готовясь к экзамену на звание сержанта. Любой, способный запомнить хотя бы половину из этого учебника, заслуживает звания главного констебля.

Нервно улыбнувшись мне, она открывает дверцы машины. У индианок такая красивая кожа и темные влажные глаза. Али выглядит очень эффектно в сшитых на заказ брюках и белой блузе, в вырезе которой виден золотой медальон.

Три года назад Али была самой младшей в отделе тяжких преступлений, и мы работали над делом Микки Карлайл вместе. Тогда она зарекомендовала себя как отличный следователь, но Кэмпбелл не представил ее к повышению.

Теперь она работает в отделе сопровождения – присматривает за послами и дипломатами, а также обеспечивает защиту свидетелей. Возможно, поэтому она сейчас здесь – чтобы защищать меня.

Когда мы выезжаем с парковки, Али смотрит на меня в зеркало, ожидая, узнаю ли я ее.

– Расскажите мне о себе, констебль.

У нее на переносице появляется морщина.

– Меня зовут Алиша Барба. Я работаю в отделе сопровождения.

– Мы раньше не встречались?

– Э... да, сэр, вообще-то вы были моим начальником.

– Подумать только! Это одно из трех преимуществ амнезии: помимо того, что я могу прятать от себя самого пасхальные яйца, я еще каждый день знакомлюсь с новыми людьми.

После долгой паузы она спрашивает:

- А в чем третье преимущество, сэр?
- Я могу прятать от себя самого пасхальные яйца.
- Она смеется, и я щелкаю ее по уху:
- Конечно, я помню тебя, Али Баба, гроза разбойников.
- Она робко улыбается мне.

Из-под ее короткой куртки видна кобура. Это карабин MP5 A2. Странно видеть ее вооруженной, ведь так мало сотрудников муниципальной полиции имеют лицензию на ношение оружия.

Проезжая на юг мимо Виктории, через Уайтхолл и по набережной Темзы, мы минуем парки и сады, заполненные служащими, которые завтракают, сидя на траве, здоровыми девушками, на чьих юбках играет осеннее солнце и свежий воздух, мужчинами, дремлющими подложив под головы пиджаки.

Когда мы поворачиваем на набережную Виктории, я бросаю взгляд на Темзу, скользящую вдоль гладких каменных берегов. То сужаясь, то расширяясь, она несет свои воды под львиными головами и фигурами горгулий, украшающими мосты, мимо Тауэра к Кэнэри-уорф и Розерсхит.

Али останавливает машину в маленьком переулке возле станции «Кэннон-стрит». Семнадцать каменных ступеней ведут вниз к узкому каменистому пляжу, медленно обнажающемуся под отливом. При ближайшем рассмотрении оказывается, что пляж устлан не гравием, а черепками, обломками кирпича, строительным мусором и осколками стекла, отполированными водой.

- Здесь вас обнаружили, – говорит Джо, перемещая руку вдоль горизонта, пока его палец не упирается в желтый заржавленный буюк.
- Мэрилин Монро.
- Что-что, простите?
- Ничего, это я так.

У нас над головой набирают и сбрасывают скорость поезда – на мосту железнодорожная станция.

– Говорят, вы потеряли около четырех пинт крови. Из-за холодной воды процессы в организме замедлились, что, возможно, и спасло вас. Вы также сохранили ясность сознания, позволившую наложить жгут из ремня...

- А что лодка?

– Ее нашли только утром, к востоку от Тауэр-бридж. Припоминаете?

Я качаю головой.

– В ту ночь был прилив. Вода поднялась на четыре фута выше, чем сейчас. Скорость течения составляла примерно пять узлов. Учитывая потерю крови и температуру тела, вы были ранены тремя милями выше по течению...

Плюс-минус тысяча других возможностей, говорю я себе, хотя и понимаю, чего он добивается. Джо пытается вернуть меня в прошлое.

– У вас на брюках были кровь, глина, ил и следы бензина и аммиака.

– Мотор у лодки работал, когда ее нашли?

– Кончилось топливо.

– Кто-нибудь сообщал о выстрелах на реке?

– Нет.

Я смотрю на воду отвратительного коричневого цвета, в которой плавают листья и водоросли. Когда-то здесь были главные ворота города: здесь рождались состояния, сообщества, возникали споры о границах, здесь оживали давняя зависть, бывлые битвы и старинный фольклор. Жизнь была ключом. А теперь можно застрелить трех человек на расстоянии всего нескольких миль от Тауэр-бридж, и никто ничего не заметит.

К нам приближается бело-голубой полицейский катер. На сержанте оранжевый костюм и бейсболка, а также спасательный жилет, который делает его туловище похожим на бочонок. Протянув руку, сержант помогает мне подняться на борт.

Али нацепила панаму, словно мы собираемся на рыбалку.

Мимо проходит туристический катер, и нас покачивает на волнах. Камеры и фотоаппараты запечатлевают нас в качестве элемента великолепных лондонских декораций. Сержант заводит мотор, и мы, развернувшись против течения, направляемся к Саутуорк-бридж.

Поворачивая, река течет быстрее, спеша мимо гладких каменных стен; волны раскачивают пришвартованные лодки и разбиваются об опоры мостов.

Молодая девушка с длинными темными волосами проплывает под мостом на одновесельной лодке. Ее спина напряженно согнута, на руках блестит пот. Я смотрю ей вслед, потом перевожу взгляд на

здания и небо над ними. Высокие белые облака словно нарисованы мелом на голубом фоне.

Колесо Миллениума^[18] больше похоже на космический объект, чем на приманку для туристов. Невдалеке на скамейках сидит группа школьников – девочки в клетчатых юбках и синих чулках. Мимо них по набережной Альберта проносятся бегуны.

Не помню, ясно ли было той ночью. В Лондоне из-за фонарей и дыма нечасто видны звезды. Обычно над головой появляется полдюжины бледных точек, да иногда на юго-востоке виден Марс. Облачной ночью некоторые участки реки, особенно те, что находятся напротив парков, погружены в темноту. Ворота в парках закрывают на закате.

Сто лет назад некоторые зарабатывали на жизнь, вылавливая трупы из Темзы. Спецы знали каждый водоворот, каждый омут, где может всплыть утопленник. Им были известны все места швартовок, все лодки и баржи, стоявшие на приколе.

Когда я только перевелся в Лондон из Ланкашира, меня направили в речную полицию. Мы вылавливали из Темзы по два трупа в неделю. Как правило, это были самоубийцы. После подобной работы везде мерещатся потенциальные утопленники: они перегибаются через перила мостов, вглядываются в глубину. Такова природа реки – вода может смыть все твои надежды и стремления или, наоборот, унести прочь все беды.

Пуля, проделавшая дырку в моей ноге, летела с большой скоростью: пуля снайпера, стрелявшего со значительного расстояния. Значит, было достаточно светло, чтобы меня разглядеть, или же он воспользовался прибором ночного видения. Он мог находиться где угодно в пределах тысячи ярдов. С расстояния пятисот ярдов угол отклонения составляет всего дюйм, но этого бывает достаточно, чтобы не попасть в голову или сердце.

В меня стрелял не простой наемный убийца. Не многие обладают такими возможностями. Обычно киллеры убивают с близкого расстояния, из засады, или, например, стреляют через стекло, когда машина стоит на светофоре. А этот действовал иначе. Он лежал, распластавшись, не двигаясь, прижавшись лицом к прикладу, поглаживая курок... Снайпер похож на компьютерную систему, ему нужно учитывать расстояние, скорость и направление ветра,

температуру воздуха. Он наверняка прошел обучение – возможно, в армии.

Оглядывая неровную линию заводов, подъемных кранов и жилых кварталов, я пытаюсь представить себе, где прятался стрелок. Скорее всего, он находился выше меня. Попасть в цель на воде нелегко. Порыв ветра или качание лодки могли вызвать промах. А вспышки от выстрелов обнаружили бы его местонахождение.

Отлив продолжается, река словно усыхает, обнажая островки ила, где чайки дерутся за какие-то объедки в тине, и остатки старых опор, торчащие из дна, как гнилые зубы.

Профессор явно чувствует себя не в своей тарелке. Думаю, скорость и вода – не его стихии.

– Почему вы были на реке?

– Не знаю.

– А вы подумайте.

– Я с кем-то встречался или за кем-то следил.

– За кем-то, у кого была информация о Микки Карлайл?

– Возможно.

Зачем встречаться на лодке? Странное решение. Хотя ночью, когда заканчиваются все развлекательные поездки, река – пустынное место. Здесь можно легко скрыться.

– Зачем кому-то понадобилось в вас стрелять? – спрашивает Джо.

– Возможно, вышла ссора или...

– Или что?

– Или же прятали концы в воду. Мы не нашли тел. Возможно, этого и не предполагалось.

Господи, как же это изматывает! Я хочу засунуть пальцы в черепную коробку и надавить на ее содержимое. Мне нужен ключ к разгадке, а он спрятан во мне.

– Мне нужно видеть лодку.

– Она в Уоппинге^[19], сэр, – отвечает сержант.

– Так отвезите меня туда.

Он небрежно поворачивает штурвал и прибавляет скорость, отчего корпус судна погружается глубоко в воду и нас окатывает фонтан брызг. Капли летят на ресницы Али, и она поглубже надвигает панаму.

Через двадцать минут, пройдя милю вниз по течению от Тауэр-бридж, мы оказываемся в штабе отдела содействия водным службам.

Моторная лодка «Шармэйн» вытащена на сушу, водружена на деревянные балки и окружена лесами. Издали сорокафутовая лодка выглядит очень опрятной: рулевая кабина из лакированного дерева, медная отделка. При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что окна разбиты, а палуба выщерблена. Бело-голубая полицейская лента натянута между перилами, маленькие белые флажки отмечают следы от пуль и другие примечательные детали.

Али объясняет, что заявление об угоне «Шармэйн» от набережной возле ботанического сада Кью в Западном Лондоне поступило спустя четырнадцать часов после того, как меня обнаружили. Она сообщает мне об объеме двигателя, пробеге и максимальной скорости. Она знает, что я люблю факты.

Дежурный офицер в белом комбинезоне появляется из рубки и, согнувшись, продвигается по корме. Измеряя рулеткой борт, она заносит результаты измерений в блокнот и поправляет теодолит, стоящий рядом на штативе. Повернувшись в нашу сторону и прикрыв глаза от солнца, она узнает сержанта.

– Это офицер Кей Симпсон, – представляет он ее.

Ей слегка за тридцать, у нее короткие светлые волосы и пытливые глаза. Она смотрит на меня, как на привидение.

– Что именно вы пытаетесь установить? – осторожно спрашиваю я.

– Траектории, скорость пули, угол наклона лодки, цель, расстояния, погрешности и следы крови... – Она замолкает на середине фразы, поняв, что мы за ней не успеваем. – Я пытаюсь установить, с какого расстояния и с какой высоты производились выстрелы и как часто стрелявший промахивался.

– Это он ранил меня в ногу?

– Да, но, возможно, он целился вам в голову. – Она молчит, потом добавляет «сэр», на случай, если я вдруг обиделся. – Снайпер использовал установку для стрельбы по водным объектам со скоростью полета пули две тысячи шестьсот семьдесят пять футов в секунду. Таких нет в свободной продаже, но теперь из Восточной Европы можно получить все, что угодно.

Внезапно ее посещает новая идея.

– Вы не против помочь мне, сэр?

– Как?

– Можете лечь на пол вот здесь? – Она показывает на палубу перед собой. – Слегка повернитесь на бок, вытяните ноги и положите одну на другую.

Выпустив из рук костыли, я разрешаю ей уложить меня в нужную позу, словно натурщика.

Когда она наклоняется надо мной, я внезапно вижу другую женщину. Потом воздух начинает дрожать и видение исчезает.

Офицер Симпсон устанавливает штатив со световым прибором. Ярко-красная точка появляется на моей ноге, как раз там, куда вошла пуля.

Внезапно меня охватывает инстинктивный страх, и я кричу женщине, чтобы она легла. Всем лечь! Я помню этот красный цвет, танцующий красный лучик, предвещающий смерть. Я лежал в темноте, скорчившись от боли, а красная точка металась по палубе, ища меня.

Но никто не услышал моего крика. Он прозвучал у меня в голове. Все слушают офицера.

– Стреляли, видимо, оттуда, здесь пуля пробила ваше бедро и застряла в палубе. Пуля задела бедренную кость и развернулась боком, вот почему выходное отверстие было таким широким. – Кей Симпсон отходит на несколько шагов, измеряя рулеткой расстояние между перилами и еще одной дыркой в палубе. – Годами спорят, как точнее определить поражающую силу пули – по импульсу или по кинетической энергии. Ответ: нужно учитывать оба параметра. У нас есть программы, которые на основе измерительных данных определяют расстояние, пройденное той или иной пулей. В данном случае речь идет о четырехстах тридцати ярдах с погрешностью в два процента. Зная места попадания пуль, мы можем восстановить траектории и узнать, где прятался стрелявший.

Она смотрит на меня так, словно я должен дать ей ответ. Я же все еще пытаюсь унять сердцебиение.

– Вы хорошо себя чувствуете, сэр?

– Нормально.

Теперь и Джо наклонился надо мной.

– Наверное, не стоит реагировать так эмоционально.

– Я вам что, инвалид?!

Это звучит чересчур резко, и я тут же хочу взять свои слова обратно и извиниться. Все ощущают неловкость. Офицер Симпсон помогает мне встать.

– Что из случившегося вы можете воссоздать? – спрашиваю я.

Она явно польщена вопросом.

– Вот здесь вас ранили в первый раз. Пострадал еще кто-то, он упал сверху: в ваших волосах были обнаружены следы чужой крови и осколки костной ткани. – Она опускается на корточки, упираясь спиной в перила. – Вот здесь одно из основных скоплений пулевых отверстий. – Она показывает на палубу перед собой. – Думаю, вам удалось подползти сюда, чтобы спрятаться, но пули прошли над бортом и попали в палубу. Вы занимали слишком уязвимую позицию, поэтому...

– Поэтому я перекатился по палубе и скрылся за рулевой кабиной.

Джо бросает на меня взгляд.

– Вы помните?

– Нет, это просто естественно. – Не успев ответить, я понимаю, что частично я это помню.

Офицер обходит кабину.

– Здесь вы лишились пальца, когда хотели выглянуть, чтобы понять, откуда стреляют. Раненая нога, очевидно, не действовала, поэтому вы ухватились пальцами за раму иллюминатора и подтянулись. Пуля прошла через стекло и попала вам в руку.

Стены забрызганы засохшей кровью, красные подтеки видны вокруг дырок в раскрошенном дереве.

– Всего на судне мы обнаружили двадцать четыре следа от пуль. Только восемь из них были выпущены снайпером. Он был очень собран и точен.

– А остальные?

– Остальные пули были девятимиллиметрового калибра.

Двадцать второго сентября из оружейного хранилища участка был выписан мой автоматический пистолет «Глок 17», и его до сих пор не нашли. Возможно, Кэмпбелл прав, и я кого-то застрелил.

Офицер Симпсон продолжает развивать свою теорию:

– Думаю, вас вытащили через перила на корме с помощью крюка, на котором осталась одна из шлевок вашего ремня. Здесь вас вырвало.

– Значит, сначала я был в воде – до того, как меня подстрелили?

– Да.

Я смотрю на Джо и качаю головой. Ничего не помню. Кровь – вот все, что я вижу. Я чувствую ее вкус во рту и слышу, как она пульсирует у меня в ушах.

Я смотрю на офицера, и слова застревают в горле.

– Вы сказали, что кто-то погиб, так? Вы наверняка проверили кровь. Это была... то есть я хочу сказать, принадлежала ли она... могла ли она принадлежать... – Я не могу выговорить это.

Джо понимает, о чем я хотел спросить:

– Это была не Микки Карлайл.

Снова оказавшись в машине, мы проезжаем через табачный док, мимо серого квадрата воды, окруженного складами. Я так и не могу понять, облагораживают или уродуют этот район новые застройки, – большинство зданий здесь были заброшены еще до приезда новых владельцев. Портовые пабы закрылись, сменившись фитнес-центрами, интернет-кафе и барами, где подают блюда из побегов пшеницы.

Дальше от реки, зажатое между викторианскими постройками, располагается более традиционное кафе, где мы находим столик у окна. На стенах висят плакаты с пейзажами Южной и Центральной Америки, вокруг пахнет кипяченым молоком и овсянкой.

В зале управляются две полные седые женщины: одна принимает заказы, другая готовит.

Яичница смотрит на меня из тарелки огромными желтушными глазами, искривив беконовый рот. Али заказала сэндвич с салатом и наливает чай из металлического чайника. Заварка темного цвета хаки, в ней плавают листья.

В местной школе только что начался обеденный перерыв, и на улице полно ребятишек, поедающих чипсы из пакетов. Некоторые курят у телефонной будки, другие слушают музыку, передавая друг другу наушники.

Джо пытается размешать кофе левой рукой, но ложка словно цепляется за что-то, и ему приходится воспользоваться правой. Его голос заглушает звяканье ножей о тарелки.

– Почему вы думаете, что Микки могла находиться на лодке?

Али уже наострила уши. Ее тоже интересует этот вопрос.

– Не знаю. Я думал о снимке. С чего мне было носить его с собой – разве что я хотел опознать Микки? Прошло три года. Она изменилась.

Али смотрит поочередно то на меня, то на профессора.

– Вы думаете, что она жива, сэр?

– Но не придумал же я все это. – Я показываю на ногу. – Вы видели лодку. Погибли люди. Уверен, что это как-то связано с Микки.

Я не притронулся к еде. И больше не чувствую голода. Возможно, профессор прав: я пытаюсь исправить ошибки прошлого и облегчить свою совесть.

– Нам пора возвращаться в больницу, – говорит он.

– Нет, только не сейчас. Сперва я хочу найти Рэйчел Карлайл. Может, она что-нибудь знает о Микки.

Он кивает, соглашаясь. Это хороший план.

Осенние листья кружатся по Рэндольф-авеню, собираясь у ступеней Долфин-мэншн. Здание выглядит все так же: белая резная арка над входом, бронзовые буквы на стекле над дверью.

Али нетерпеливо барабанит по рулю своими короткими ухоженными ноготками. Это место ее нервирует. Мы оба помним другое время года, суматоху, шум, мрачную жару, страх и горе. Джо ничего об этом не знает, но, должно быть, чувствует наше состояние. Шурша опавшими листьями, мы переходим дорогу и поднимаемся по ступенькам. Дверь открыта: домофон автоматически открывает ее каждый день с девяти до четырех часов. Стоя в фойе, я смотрю на центральную лестницу, словно прислушиваясь к отдаленному эху. Вверх и вниз по этим ступенькам может пройти все: письма, мебель, еда, новорожденные младенцы и пропавшие дети.

Я помню имена и лица всех жильцов. Я могу изобразить линиями на схеме их связи, контакты, карьеру, передвижения и алиби на время исчезновения Микки. Я помню это даже не так, как если бы это случилось вчера, – я помню это, как яичницу с тощим беконом, которую недавно так и не смог съесть.

Возьмите, например, Рэйчел Карлайл. В последний раз я видел ее на поминальной службе по Микки спустя несколько месяцев после суда. Я опоздал и сел сзади, чувствуя, что вмешиваюсь в чужую жизнь. Тихие, одурманенные всхлипывания Рэйчел наполняли часовню, она выглядела отчаявшейся и уставшей от жизни.

Там же присутствовали некоторые ее соседи по Долфин-мэншн, включая миссис Суинглер, любительницу кошек, чья прическа выглядела так, словно один из ее полосатых любимцев свернулся у нее на голове. Рука Кирстен Фицрой лежала на плече Рэйчел. Рядом с Кирстен сидел С. К. Дрэйвид, учитель игры на фортепьяно. На скамейке позади расположились Рэй Мерфи, комендант, и его жена. Между ними ерзал и бормотал их сын Стиви. Синдром Туретта делал его движения молниеносно быстрыми^[20].

Я не остался до конца службы. Я выскользнул на улицу и остановился, только чтобы посмотреть на мемориальную табличку,

ждавшую благословения:

Микаэла Луиза Карлайл
1995–2002

Мы не успели попрощаться, ангел мой, но до тебя –
всего лишь мысль

Ни морали, ни логики, ни душевного успокоения. По словам судьбы, ее смерть была бессмысленной, жестокой и случайной.

Потом я еще много раз допрашивал Говарда Уэйвелла, надеясь, что он расскажет о месте погребения Микки, но он ничего не сказал. Время от времени мы обнаруживали новые зацепки, перекапывали парк в Пимлико^[21], осушали пруд в Рэйвенскорт-парке^[22].

С тех пор я не говорил с Рэйчел, но иногда, втайне от всех, оказывался возле Долфин-мэншн, выглядывал из окна машины и все думал, как же может ребенок пропасть в пятиэтажном доме из одиннадцати квартир.

Старомодный железный лифт грохочет и дребезжит между этажами, поднимаясь на самый верх. Я стучу в дверь квартиры номер 11, но мне не отвечают.

Али всматривается в прозрачные вставки на двери, потом опускается на колени и заглядывает в щель для почты.

- Ее давно не было дома. На полу скопилось много писем.
- Что ты еще видишь?
- Дверь в спальню открыта. На крючке висит халат.
- Голубой?
- Да.

Я помню, как Рэйчел сидела в этом халате на диване, обнимая телефон.

Ее лоб был липким от пота, глаза затуманились. Прежде я уже видел подобное. Ей надо было выпить, ей необходимо было выпить чего-нибудь покрепче, чтобы пережить это.

- Семь лет. Прекрасный возраст.
- Она не ответила.
- Вы с Микки хорошо ладили?
- Она озадаченно посмотрела на меня.

– Я хочу сказать, вы никогда не ссорились?
– Иногда. Не больше, чем все обычные семьи.
– А как часто, по-вашему, ссорятся обычные семьи?
– Не знаю, инспектор. Я вижу нормальные семьи только в телесериалах.

Она смотрела на меня без вызова, но с твердой уверенностью, что я избрал неверный путь расследования.

– Микки общается с кем-нибудь в доме особенно тесно?
– Она всех знает. Мистера Уэйвелла снизу, Кирстен через площадку, миссис Суинглер, мистера Мерфи, Дрэйвида с первого этажа. Он дает уроки фортепьяно...

– Мог быть у Микки повод уйти из дома?

– Нет.

Бретелька бюстгалтера соскользнула с плеча Рэйчел, и она поправила ее. Та снова соскользнула.

– Может, кто-нибудь хотел забрать ее?

Она покачала головой.

– А ее отец?

– Нет.

– Вы в разводе?

– Уже три года.

– Он видится с Микки?

Она сжала в руке шарик из мокрых бумажных салфеток и снова покачала головой.

Я положил открытый блокнот на колени.

– Мне нужно его имя.

Она не ответила.

Я ждал, когда тишина смутит ее, но, казалось, Рэйчел абсолютно равнодушна ко всему вокруг. У нее не было нервных привычек вроде приглаживания волос или покусывания губ. Она выглядела полностью отрешенной.

– Он никогда не причинил бы ей вреда, – внезапно сказала она. – И он не так глуп, чтобы забирать ее.

Моя ручка зависла над блокнотом.

– Алексей Кузнец, – спокойно произнесла она. Сначала я подумал, что она шутит, и чуть не засмеялся.

Алексей Кузнец... Это было имя, от которого перехватывало дыхание и становилось холодно внутри, имя, которое произносили в тихих уголках, скрестив пальцы и постучав по дереву.

– И когда вы в последний раз видели бывшего мужа?

– В день нашего развода.

– А почему вы так уверены, что не он забрал Микки?

Она и бровью не повела.

– Мой муж пользуется репутацией человека жестокого и опасного, инспектор, но не глупого. Он никогда пальцем не тронул бы ни Микки, ни меня. Он знает, что я могу его уничтожить.

– И как именно вы можете это сделать?

Ей не нужно было отвечать. Я видел в ее немигающих глазах свое отражение. Она была убеждена в своей правоте. У нее не было и тени сомнения на этот счет.

– Вы должны знать кое-что еще, – сказала она. – У Микки бывают приступы паники. Она не может выходить на улицу одна. Психолог говорит, что это агорафобия.

– Но она ведь только...

– Ребенок? Да. Люди не знают, что такое случается. Раньше даже от одной мысли о том, чтобы пойти в школу, ей становилось плохо. Боль в груди, сердцебиение, тошнота, астма... Обычно мне приходилось доводить ее прямо до класса и потом забирать оттуда же.

Она была вынуждена призвать на помощь всю свою волю, чтобы не заплакать. Слезы и женщины – в этом я не специалист. Некоторые мужчины могут просто обнять женщину и принять на себя часть ее боли, но я не из их числа. Увы.

Рэйчел, казалось, была слишком потрясена, чтобы владеть собой, но она не собиралась расклеиваться у меня на глазах. Она хотела показать мне, что умеет быть сильной. Но я и так знал это. Женщина, которая ушла от Алексея Кузнецца, несомненно, обладала незаурядной храбростью.

– Вы что-то вспомнили? – спрашивает Джо, приблизившись ко мне.

– Нет. Просто задумался.

Али перегибается через перила.

– Может, кто-нибудь из соседей знает, где Рэйчел. Как насчет той, у которой кошки?

– Миссис Суинглер.

За время, прошедшее с момента трагедии, многие соседи съехали. Семья Мерфи теперь управляет пабом в Эшере^[23], Кирстен Фицрой, лучшая подруга Рэйчел, перебралась в Ноттинг-хилл^[24]. Наверное, трагедия заполняет дом, словно запах, от которого нельзя избавиться.

Спустившись на лифте на второй этаж, я стучусь в дверь миссис Суинглер. Опершись на костыли, прислушиваюсь, как она идет по прихожей. Длинные нитки бусин, вплетенные в ее волосы, тихо постукивают при ходьбе. Дверь со скрипом открывается.

– Здравствуйте, миссис Суинглер, вы меня помните?

Она свирепо смотрит на меня. Она думает, что я местный санитарный инспектор, пришедший, чтобы забрать ее кошек.

– Я приходил сюда несколько лет назад, когда пропала Микки Карлайл. Я ищу Рэйчел Карлайл. Вы ее видели?

Из комнаты доносится отвратительный запах, отчасти кошачий, отчасти человеческий. Хозяйка обретает голос:

– Нет.

– А когда вы видели ее в последний раз?

Она пожимает плечами:

– Несколько недель назад. Наверное, она уехала в отпуск.

– Это она вам сказала?

– Нет.

– А вы замечали ее машину у дома?

– А какая у нее машина?

Я задумываюсь. Не знаю почему, но я помню.

– «Рено эстейт».

Миссис Суинглер качает головой, отчего бусины снова стучат.

В прихожей у нее за спиной громоздятся коробки и ящики. Я замечаю легкое движение, шевеление, как будто меня окружают мятущиеся тени. Кошки. Повсюду. Вылезают из коробок и ящиков, из-под кровати и со шкафа. Темные фигуры текут по полу, собираются вокруг хозяйки, трутся о ее бледные ноги, покусывают за лодыжки.

– Когда вы видели меня в последний раз?

В ее глазах я читаю удивление.

– В прошлом месяце. Вы то приходили, то уходили.

– Со мной был кто-нибудь?

Она с подозрением косится на профессора.

– Ваш друг пытается шутить?

– Нет. Он просто кое-что забыл.

– Думаю, вы встречались у нее наверху.

– Вы знаете зачем?

Ее смех пронзителен, как скрипка.

– Я что, похожа на вашего бесплатного секретаря?

Она уже собирается захлопнуть дверь, как вдруг что-то припоминает.

– Теперь я вас вспомнила. Вы все искали эту девчущку, которую убили. Это все она виновата, помяните мое слово.

– Кто виноват?

– Таким людям, как она, нечего заводить детей, если они не могут с ними управиться. Я не против, когда мои налоги идут на больных ребятишек в больницах и на починку дорог, но почему я должна платить матерям-одиночкам, которые живут на пособие и тратят денежки на сигареты и выпивку?

– Ей не нужно было пособие.

Миссис Суинглер одергивает халат.

– Горбатого могила исправит.

Я делаю шаг ей навстречу.

– Вы так думаете?

Внезапно она пугается и словно выпадает из реальности:

– Я все маме скажу. Хорошенького понемножку, ладно?

Профессор закрывает дверь лифта, тот дергается и начинает спускаться. Когда мы оказываемся в фойе, я снова поворачиваюсь к лестнице. Десятки раз я обыскивал этот дом – в реальности и во сне, – но все равно хочу еще раз прочесать его насквозь, разобрать по кирпичику.

Рэйчел исчезла. Как и люди, чья кровь осталась на лодке. Я не знаю, что все это значит, но какая-то мыслишка, какая-то нервная клеточка, какой-то инстинкт подсказывают мне, что это дело требует моего вмешательства.

Постепенно темнеет. Начинают мигать фонари, включаются фары. Мы движемся по переулку и доезжаем до садика на заднем дворе –

узкого прямоугольника травы, окруженного кирпичными стенами. В тени лежит перевернутый надувной детский бассейн, садовая мебель свалена у сарая.

За забором вдалеке находится Паддингтонская площадка для отдыха, где дорожки тут и там покрывают грязные лужи. Налево тянется линия гаражей, а направо, отделенный полудюжиной стен, находится Макмиллан-эстейт, скучное послевоенное муниципальное строение. В нем девяносто шесть квартир, на балконах сушится белье, к стенам прикреплены тарелки спутникового телевидения.

Мы на том месте, где когда-то загорали Сара и Микки. Сверху окно, из которого за ними наблюдал Говард. В тот день, когда Микки пропала, я пошел в этот сад в поисках тени и покоя. Я знал, что девочка ушла не по своей воле. Ребенок не пропадает просто так в пятиэтажном доме. Это похоже на похищение или на кое-что еще похуже.

Видите ли, пропавшие подростки – о них никогда не жди хороших новостей. Каждый день они пропадают десятками, большинство сбегает, некоторых просто выставляют из дома. Но семилетняя девочка – это совсем другое дело. За этим может стоять только нечто, граничащее с кошмаром.

Я наклоняюсь и смотрю в пруд, где лениво кружат рыбы. Никогда не понимал, зачем люди заводят рыбок. Они равнодушные, дорогие, покрыты чешуей и очень хрупки. Моя вторая жена Джесси была такой же. Мы были женаты шесть месяцев, но я вышел из моды быстрее, чем мужские стринги.

Ребенком я разводил лягушек. Я собирал икру на пруду нашей фермы и держал ее в сорокачетырехгалонной бочке, разрезанной пополам. Головастики очень милые, но попробуйте поместить сотню таких в ведро – и получите скользкую снующую массу. В конце концов они заполнили весь дом. Отчим сказал тогда, что я большой мастер по части головастиков. Полагаю, он употребил слово «мастер» отнюдь не в положительном смысле.

Али стоит рядом со мной, заправляя волосы за уши.

– Я предполагала, что она погибла в самый первый день.

– Знаю.

– Мы тогда не успели осмотреть дом, и даже эксперт еще не приехал. Не было ни крови, ни подозреваемых, но у вас все равно

были дурные предчувствия.

– Да.

– И с самого начала вы заметили Говарда. Что в нем такого было?

– Он фотографировал. Все в доме искали Микки, а он пошел и взял фотоаппарат. Сказал, что хочет запечатлеть.

– Запечатлеть?

– Всю эту суматоху.

– Зачем?

– Чтобы не забыть.

Когда я добираюсь до больницы, уже почти темно. В палате кисловатый запах застоявшегося воздуха. Я пропустил сеанс физиотерапии, а теперь Мэгги ждет меня, чтобы сделать перевязку.

– Вчера кто-то взял таблетки со столика, – говорит она, срезая последние бинты. – Бутылочку с капсулами морфина. У моей подруги из-за этого неприятности. Говорят, это она не уследила.

Мэгги не обвиняет меня напрямую, но я прекрасно понимаю, что имеется в виду.

– Мы надеемся, что капсулы найдутся. Возможно, их просто поставили не на то место.

Она отходит, держа перед собой поднос с ножницами и старыми бинтами.

– Надеюсь, у вашей подруги не будет особых проблем, – говорю я. Мэгги кивает и беззвучно удаляется.

Откинувшись на кровати, я слышу, как дребезжат тележки в дальних палатах, как кто-то с криком просыпается от дурного сна. Четыре раза за вечер я пытаюсь дозвониться до Рэйчел Карлайл. Ее все еще нет дома. Али пообещала, что пробьет ее имя и номер машины на полицейском компьютере.

В коридоре возле моей палаты никого нет. Наверное, ищейки из отдела по борьбе с коррупцией ушли домой, устав меня ждать.

В девять вечера я звоню матери в Виллавуд-лодж. Она долго не подходит к телефону.

– Ты спала?

– Смотрела телевизор. – Я слышу, как он жужжит на заднем плане. – Почему ты не приехал меня навестить?

– Я в больнице.

– Что с тобой стряслось?

– Повредил ногу, но я поправляюсь.

– Раз это не серьезно, ты должен был приехать навестить меня.

– Врачи говорят, мне надо побыть здесь еще недельку.

– А близнецы знают?

– Я не хотел их волновать.

– Клэр прислала мне открытку из Нью-Йорка. На выходных она была на виноградниках Марты. И говорит, что Майкл, видимо, перегоняет яхту в Ньюпорт^[25], на Род-Айленд. Они смогут встретиться.

– Здорово.

– Ты должен им позвонить.

– Да.

Я задаю ей еще какие-то вопросы, пытаюсь поддержать разговор, но она уже сосредоточилась на телевизоре. Внезапно она начинает сопеть. Кажется, что ее нос находится прямо у меня над ухом.

– Спокойной ночи, Даж, – так я ее называю.

– Погоди! – Она прижимает трубку к губам. – Янко, приезжай ко мне.

– Приеду. Скоро.

Я жду, когда она повесит трубку, и настраиваюсь позвонить близнецам – просто так, чтобы проверить, все ли у них в порядке. Этот телефонный звонок я постоянно прокручиваю в уме, но никогда не совершаю.

Я представляю, как Клэр говорит:

– Привет, папа, как дела? Получил книгу, которую я тебе послала?... Нет, она не о диете, она о стиле жизни... о том, как очистить печень и вывести токсины...

Потом она приглашает меня на вегетарианский обед, который выведет из меня еще больше токсинов и окончательно все очистит.

Я также представляю, как позвоню Майклу. Мы встретимся, выпьем пивка, поболтаем о футболе, как нормальные отец и сын. Только в нашей ситуации давно нет ничего нормального. Я представляю себе чужую жизнь. Ни один из моих детей не станет тратить свое время на телефонный разговор с отцом, не говоря уж об ужине.

Я очень люблю своих детей – просто я их не понимаю. Они были замечательными малышами, но потом превратились в подростков, стали слишком быстро водить машину, слушать слишком громкую музыку и обращаться со мной, как с фашистским приспешником, только потому, что я работаю в полиции. Любить детей легко. А вот воспитывать их трудно.

Я засыпаю под телепрограмму. Последнее, что я помню, – женщина с застывшей улыбкой снимает саронг и прыгает в бассейн.

Через какое-то время я просыпаюсь от боли. В воздухе разлито ощущение опасности. В палате кто-то есть. Свет падает только на его руки. С пальцев свисают серебряные четки.

– Как вы сюда попали?

– Не верьте тому, что пишут в газетах о порядке посещений в больницах.

Алексей Кузнец наклоняется ко мне. У него темные глаза и еще более темные прямые волосы, зачесанные назад и удерживаемые средством для фиксации и силой воли. Еще одна его особая примета – круглый розовый шрам на щеке, сморщенный и покрытый белыми жилками. Часы у него на руке стоят больше, чем я могу заработать за год.

– Простите, я не справился о вашем здоровье. Вы хорошо себя чувствуете?

– Прекрасно.

– Это очень приятная новость. Уверен, что ваша мать почувствует облегчение.

Он на что-то намекает?

Я чувствую, как холодеют мои пальцы.

– Что вы здесь делаете?

– Я пришел забрать то, что принадлежит мне.

– Забрать?

– Мне кажется, мы заключили договор. – У него классическое английское произношение, безупречное и холодное.

Я недоуменно смотрю на него. Голос Алексея становится тверже:

– Моя дочь – вы должны были ее спасти.

Я чувствую себя так, словно пропустил какую-то часть разговора.

– О чем вы? Как я мог спасти Микки?

– Боже мой, это неверный ответ.

– Нет, послушайте. Я ничего не помню. Я не знаю, что случилось.

– Вы видели мою дочь?

– Не уверен. Думаю, что нет.

– Ее прячет моя бывшая жена. Ничему другому не верьте.

– Зачем ей это делать?

– Потому что она жестокая, бессердечная тварь, которой нравится поворачивать нож у меня в ране. И нож этот очень острый.

Он произносит это с такой яростью, что, кажется, даже температура в комнате падает.

Успокоившись, он поправляет манжеты рубашки.

– Итак, как я понимаю, вы не передали выкуп.

– Какой выкуп? Кто просил выкуп?

У меня трясутся руки. Растерянность и разочарование последних дней достигают кульминации. Алексей знает, что произошло.

Путаясь в словах, я прошу его рассказать мне о случившемся.

– На реке стреляли. Я не помню, что там произошло. Мне нужно, чтобы вы помогли мне понять.

Алексей улыбается. Я уже видел эту презрительную, всепонимающую улыбку. Пауза затягивается. Мне не верят. Он сжимает ладонями голову, словно хочет раздавить ее. На большом пальце у него перстень – золотой и очень толстый.

– Вы всегда забываете свои неудачи, инспектор?

– Напротив, обычно я только их и помню.

– Кому-то придется за все ответить.

– Да, но сначала помогите мне вспомнить.

Он сухо смеется и протягивает руку в направлении моего лица. Его указательный палец нацелен мне в голову, а большой палец с перстнем представляет спусковой крючок. Затем он поворачивает руку так, что его пальцы охватывают мое лицо.

– Мне нужна дочь или бриллианты. Надеюсь, это понятно. Мой отец всегда повторял, что нельзя доверять цыганам. Докажите мне, что он был не прав.

Даже после ухода Алексея я чувствую его присутствие. Он похож на персонаж из фильма Тарантино – его окружает аура едва сдерживаемой жестокости. Хотя он и прячется за своими безупречно скроенными костюмами и прекрасным английским произношением, я знаю, с чего он начинал. В школе я встречал таких ребят. Я даже представляю его в дешевой белой рубашке, грубых ботинках и шортах не по размеру, представляю, как на перемене его бьют за то, что у него странное имя, убогая одежда и иностранный акцент.

Я знаю это, потому что был таким же изгоем. Сыном цыганки, который приходил в школу с анкрусте – маленькими пончиками, приправленными тмином и кориандром, а не с сэндвичами, и на куртке у меня был нарисован значок школы, поскольку мы не могли позволить себе вышитый.

– Красоту ложкой не съешь, – говорила мне мать. Тогда я не понимал, что она имела в виду. Это была ее очередная загадочная поговорка, вроде той, что «тот, кто едет сзади, не может выбирать лошадь».

Как и Алексей, я пережил побои и насмешки. Но, в отличие от него, я не получил возможности поступить в «Чартерхаус»^[26], где он избавился от русского акцента. Никто из одноклассников не был у него дома, а посылки, которые приходили ему от матери, – с шоколадным печеньем, пряниками и тянучками, – он тщательно прятал. Откуда я это знаю? Я был в его шкуре.

Отец Алексея, Дмитрий Кузнец, был русским эмигрантом. Начав свой бизнес с маленькой цветочной лавки в Сохо, он постепенно создал небольшую империю цветочных лотков в Западном Лондоне. Во время войны за передел рынка три человека погибли и пятеро пропали без вести.

В Валентинов день 1987 года продавец цветов в Ковент-Гардене был привязан к прилавку, облит бензином и подожжен. На следующий день мы арестовали Дмитрия. Алексей смотрел из своей спальни наверху, как уводили его отца. Его мать кричала и рыдала, разбудив половину округа.

За три недели до начала суда Алексей оставил школу и занялся семейным бизнесом вместе с Александром, своим старшим братом. Через пять лет братья Кузнецы уже контролировали все цветочные лавки в Центре Лондона. А через десять лет их компания подчинила себе всю цветочную индустрию Британии, получив большее влияние на мир цветов, чем сама мать-природа.

Я не верю мифам и страшилкам об Алексее Кузнеце, но он все равно меня пугает. Его грубость и жестокость – следствие воспитания, своего рода защитная реакция на генетическую ошибку, допущенную в отношении него Господом.

Мы начали примерно с одного и того же, страдали от похожих унижений и обид, но я не позволил им встать комом у меня в горле и

перекрыть воздух рассудку.

Даже брат Алексея подвел его. Возможно, Александр был слишком русским и так и не сумел стать англичанином. Но, вероятнее всего, Алексея не устраивали кокаиновые вечеринки брата и его подружки-модели. После одной из таких вечеринок в бассейне была обнаружена мертвой несовершеннолетняя официантка со следами спермы в желудке и героина в крови.

Александр не предстал перед судом из двенадцати присяжных. Потребовалось всего четыре человека в масках. Однажды ночью они вломилась к нему в дом, задушили его жену, а его самого увезли неизвестно куда. Говорят, что Алексей подвесил его за руки и опустил в ванну с кислотой. Другие утверждают, что он отрубил брату голову топором. При этом никто не сомневается, что Александр живет за границей под другим именем.

Для таких, как Алексей, в мире существует только две категории людей. Не богатые и бедные, не плохие и хорошие, не люди слова и люди дела. Нет. Есть только победители и проигравшие. Орел или решка. Это его универсальная истина.

Обычно я стараюсь не копаться в прошлом. Я не хочу гадать, что могло произойти с Микки Карлайл или другими детьми, исчезнувшими из моей жизни.

Но с тех пор, как я очнулся в больнице, я не могу не возвращаться к прошлому, заполняя пустоту забытых часов ужасными сценами. Я вижу Темзу, кишащую трупами, которые бьются об опоры мостов, плывут за туристическими судами. Я вижу кровь в воде и пистолеты в иле.

Смотрю на часы. Пять утра. В это время злодеи выходят на охоту, а полицейские приходят с ордером на арест. В этот час человек очень уязвим. Люди просыпаются, их одолевают различные мысли, и они плотнее подтыкают вокруг себя одеяла.

Алексей говорил о выкупе. Кибел упомянул о каких-то бриллиантах. Да, скорее всего, дело в этом: я должен был передать выкуп. Но я ничего не предпринял бы, не получив доказательств того, что девочка жива. Я должен был это знать.

Внезапно тишина взрывается какофонией звуков. Я слышу топот, крики бегущих людей и вой пожарной сигнализации.

В дверях появляется Мэгги:

– У нас утечка газа. Мы эвакуируем больных. Я раздобуду вам коляску – правда, не знаю, сколько их еще осталось.

– Я смогу идти сам.

Она кивает в знак одобрения.

– Сначала мы вывозим самых тяжелых пациентов. Подождите меня. Я вернусь.

Не успев договорить, она исчезает. За стеклом завывают пожарные и полицейские сирены. Эти звуки скоро заглушаются грохотом катящихся по коридору тележек и голосами, отдающими инструкции.

Через несколько минут шум стихает, и мгновения начинают тянуться медленно. Может, обо мне забыли? Однажды я отстал от класса во время похода к заливу Моркам^[27]. Кто-то решил подбить меня на то, чтобы пройти восемь миль по трясинам от Арнсайда до Кентс-Бэнк^[28]. Там постоянно тонули люди, которые, заблудившись в тумане, оказывались в месте, затопляемом во время приливов.

Конечно, я был не так глуп, чтобы поддаться на «слабо». Я провел день в кафе, уплетая лепешки с заварным кремом, пока мои одноклассники изучали болотную и полевую дичь. Но я всех убедил в том, что прошел опасным маршрутом. Мне тогда было четырнадцать, и меня чуть не исключили из «Коттслоу-парк», однако до последнего класса я оставался знаменитостью.

Мои металлические костыли стоят у кровати. Я опускаю ноги на пол и двигаюсь боком, пока не дотягиваюсь до ручек.

Выйдя из палаты, смотрю вдоль прямого коридора и через стеклянные окошки на дверях вижу еще один коридор, уходящий вглубь здания. Слегка пахнет газом.

Ориентируясь по указателям, я двигаюсь в направлении лестницы, заглядывая в пустые палаты со смятыми постелями. Прохожу мимо тележки уборщицы. Из нее выглядывают щетки и швабры, похожие на прически рок-звезд семидесятых.

Лестница не освещена. Я смотрю через перила, почти ожидая увидеть, как Мэгги спешит мне на помощь. Оглянувшись, улавливаю какое-то движение в дальнем конце коридора, там, откуда я пришел. Возможно, это ищут меня.

Возвращаюсь и открываю дверь костылем.

– Алло! Вы меня слышите?

За зеленой пластиковой дверью – пустая операционная, на столе лежит заляпанная кровью бумага.

Комната медсестер пуста. На столе – раскрытые медкарты. В кружке остывает кофе.

Из-за перегородки раздается глухой стон. Мэгги лежит без движения на полу, неестественно подогнув ногу. Вокруг рта и носа видна кровь, она стекает на пол, образуя лужицу возле ее головы.

Я щупаю ее пульс. Мэгги жива.

Поворачиваюсь на придушенный голос.

– Эй, парень, почему ты еще здесь?

В дверях стоит пожарный в противогазе. Дыхательный аппарат делает его похожим на инопланетянина, в руках у него огнетушитель.

– Она пострадала. Быстрее! Сделайте что-нибудь.

Он опускается на колени рядом с Мэгги и прижимает палец к ее шее.

– Что ты с ней сделал?

– Ничего. Я нашел ее в таком состоянии.

За маской мне видны только его глаза, и они смотрят на меня настороженно.

– Ты не должен здесь находиться.

– Меня забыли.

Бросив взгляд поверх моей головы, он неожиданно поднимается и шагает мимо меня.

– Я привезу тебе коляску.

– Я могу идти.

Кажется, он меня не слышит. Меньше чем через минуту он входит в дверь, толкая перед собой коляску.

– А как же Мэгги?

– Я за ней вернусь.

– Но она ранена...

– С ней все будет в порядке.

Пристраивая костыли между коленей, я усаживаюсь в коляску. Пожарный трусит по коридору, поворачивая направо, потом налево к главным лифтам.

Его комбинезон недавно выстиран, резиновые сапоги шлепают по натертому полу. Почему-то мне не слышно, как кислород поступает к

нему в маску.

– Я больше не чувствую запаха газа, – говорю я. Он не отвечает.

Мы поворачиваем в центральный коридор. В дальнем конце три лифта. Двери среднего раздвинуты при помощи желтого рычага. Пожарный увеличивает скорость, коляска гремит и подпрыгивает по линолеуму.

– Я думал, пользоваться лифтами в такой ситуации небезопасно.

Он не отвечает и не останавливается.

– Возможно, следует спуститься по лестнице, – настаиваю я.

Он несется, толкая меня со спринтерской скоростью к открытым дверям. Чернота шахты распахивается передо мной.

В последний момент я успеваю поднять костыли. Они врезаются в стены по обе стороны от лифта. Из легких с шумом выходит воздух, и я чувствую, как прогибаются мои ребра. Оттолкнувшись от стены, я сползаю с коляски и откатываюсь в сторону.

Пожарный согнулся на том месте, где ручка коляски угодила ему в пах. Я подползаю к нему и просовываю его руку в колесо. Повернув коляску на девяносто градусов, закрепляю его кисть, словно в тисках. Еще один поворот – и она сломается, как карандаш.

Теперь он молотит свободным кулаком, пытаюсь достать до меня. Я уворачиваюсь, держа между нами кресло.

– Кто ты? Зачем ты это делаешь?

Он чертыхается и барахтается, его противогаз почти сполз. Внезапно он изменяет направление атаки и бьет меня кулаком по раненой ноге. Боль невероятная, перед глазами начинают танцевать белые точки. Я поворачиваю коляску, пытаюсь спастись, и слышу хруст его костей и громкий стон.

Мы оба лежим на полу. Он пинает меня в грудь. Откинувшись назад, я ударяюсь головой о стену. Поднявшись на колени, он хватается меня сзади за рубашку здоровой рукой и пытается подтащить к шахте. Я отбрыкиваюсь здоровой ногой, а руками цепляюсь за его куртку.

Мы очень устали и движемся медленно. Он хочет меня убить. Я хочу выжить. На его стороне сила и выносливость, на моей – страх и отчаяние.

– Слушай, Тарзан, это не выгорит, – говорю я, переводя дыхание после каждого слова. – Я отправлюсь в эту дыру только вместе с тобой.

– Пошел к черту! Ты мне руку сломал!

– А мне ногу прострелили. И я не жалуясь.

Где-то под нами начинает работать мотор. Лифты движутся. Он смотрит на цифры над дверью, поднимается на ноги и ковыляет по коридору, держа распухшее запястье, как будто его уже перевязали. Он собирается сбежать по лестнице. Я ничего не могу сделать.

Засунув руку в карман рубашки, я нащупываю маленькую желтую таблетку. Мои пальцы слишком толсты для такой деликатной задачи. Теперь я ее нащупал... она между большим и указательным пальцами... на языке.

Адреналин уходит из крови, и мои веки трепещут, как крылья мошки на стекле. Кто-то желает моей смерти. Разве это не странно?

Я слышу, как поднимается лифт, слышу гул голосов. Показывая вдаль по коридору, бормочу:

– Помогите Мэгги.

Полицейские ходят по коридорам, опрашивают сотрудников, фотографируют. Я слышу, как Кэмпбелл выговаривает какому-то бедолаге-доктору за то, что тот мешает расследованию. По тону Кэмпбелла можно подумать, что это расстрельное дело.

Действие морфина прекращается, и меня охватывает дрожь. Почему меня хотели убить? Возможно, на реке я стал свидетелем убийства. Возможно, я кого-то застрелил. Я не помню.

Кэмпбелл открывает дверь, и я переживаю дежа вю: мне знакомо не место, а разговор, который сейчас произойдет. Он усаживается и улыбается мне своей фирменной приветливой улыбкой. Но прежде чем он успевает заговорить, я справляюсь о Мэгги.

– Она в палате внизу. Ей кто-то сломал нос и подбил оба глаза. Ты?

– Нет.

Он кивает.

– Да, она так и сказала. Хочешь рассказать мне, что произошло?

Я передаю всю историю, рассказываю о «пожарнике Сэме» и гонке по коридору на инвалидном кресле. Кажется, подробности его удовлетворяют.

– Что зафиксировали камеры в коридоре?

– Ни фиги. Он забрызгал линзы краской из пульверизатора. У нас есть кадры из комнаты медсестер, но лица за маской не видно. Ты его не узнал?

– Нет.

На его лице написано отвращение.

– Я убежден, что это имеет отношение к Микки Карлайл, – говорю я. – Кто-то потребовал выкуп. Поэтому-то я и очутился на реке...

– Микки Карлайл умерла.

– А что если мы ошиблись?

– Черта с два! Мы не ошиблись.

– Но я наверняка получил доказательства того, что она жива.

Кэмпбелл это знает. Он знал это с самого начала.

– Это *фальшивка!* – шипит он. – Никто в это не поверил, кроме тебя и миссис Карлайл. Скорбящую мать я еще могу понять, но тебя! – Его пальцы сжимаются и разжимаются. – Ты тогда успешно расследовал убийство, а потом вдруг поверил в фальшивку, которая бросает тень на исход дела. Попросил провести ДНК-тест. Ты потерял голову, как какой-то голливудский борец за правосудие, и сунулся под пули.

Теперь Кэмпбелл приблизился. Я вижу перхоть на его бровях.

– Говард Уэйвелл убил Микки Карлайл. И если этот больной, извращенный сукин сын убийца выйдет на свободу из-за тебя, то в конторе больше не останется ни одного полицейского, который согласится с тобой работать. Ты конченный человек.

Я чувствую нарастающую дрожь, словно внутри корпуса корабля заработал двигатель.

– Но мы должны провести расследование. На той лодке погибли люди.

– Да! И, насколько мне известно, их застрелил ты.

Моя решимость тает. Мне не хватает фактов, чтобы с ним спорить. То, что случилось на реке, случилось из-за меня. Я потревожил что-то ядовитое, и теперь никто не хочет мне помочь.

Кэмпбелл продолжает говорить:

– Я не знаю, что ты натворил, Винсент, но ты нажил себе серьезных врагов. Держись подальше от Рэйчел Карлайл. И от этого дела. Если ты оспоришь приговор Говарда, если я услышу хотя бы звук об этом, твоя карьера закончится. Это я железно гарантирую, черт возьми.

Потом он уходит и продолжает вопить уже в коридоре. Сколько времени я пролежал без сознания? Восемь дней или восемь лет? Не важно: этого хватило для того, чтобы мир изменился.

Приезжает профессор. Его щеки покраснели от мороза. Он мнетя в дверях, словно ожидает приглашения. У него за спиной я вижу Али, сидящую в кресле. Теперь она является моей официальной тенью.

В холле установлены металлоискатели, просвечивающие моих врачей. Но Мэгги не придет. И в этом виноват я.

Хотя я уже десять раз повторил свой рассказ следователям, я не против обсудить все с Джо, потому что он задает другие вопросы. Он

хочет знать, что я слышал и какие запахи чувствовал. Этот парень тяжело дышал? Он казался испуганным?

Я приглашаю профессора на экскурсию и показываю место, где состоялась драка. Али держится в двух шагах от меня, оглядывая коридоры и палаты.

Опершись на костыли, я наблюдаю за тем, как Джо изображает безумного профессора, измеряя шагами расстояния, припадая к полу и ощупывая углы.

– Расскажите мне об утечке газа.

– Один из водителей первым почувствовал запах, но не смог обнаружить источник. Кто-то открыл кран на вспомогательной трубе возле служебного выхода.

Джо шаркает ногой по полу, словно пытается выровнять его. Я вижу, как работает его мысль; анализируя факты, он пытается восстановить происшедшее.

Он размышляет, теперь уже вслух:

– Он знал план больницы, но не знал, в какой вы палате. После того, как он вывел всех, не у кого было спрашивать.

Джо поворачивается и идет по коридору. Я пытаюсь догнать его и не потерять равновесия. Он останавливается у камеры слежения и протягивает к ней руку, сжимая воображаемый баллончик с краской.

– Рост, видимо, шесть футов два дюйма.

– Ага.

Он идет к комнате медсестер, окидывает быстрым взглядом стойку и маленькую кухню.

– Где вы нашли Мэгги?

– На полу.

Джо опускается на колени, потом ложится головой к раковине.

– Нет, она лежала вот так, ее голова была почти под столом.

Вскочив на ноги, он поворачивается лицом к шкафчикам с картотекой, полуприкрыв глаза.

– Он просматривал картотеку, чтобы узнать, в какой вы палате.

– Откуда вы знаете?

Джо наклоняется вперед, я смотрю туда, куда указывает его палец. На стойке видны два черных пятна, оставленные сапогами пожарника.

– Мэгги вошла из коридора. Она возвращалась за вами. Он услышал ее шаги, отошел и спрятался.

Я представляю себе, как Мэгги бежит по коридору, ругая себя за то, что замешкалась.

– Проходя мимо двери, она повернула голову. Он ударил ее локтем по переносице. – Джо опускается на пол и укладывается так, как лежала Мэгги. – Потом этот человек пошел в вашу палату, но вас там уже не было.

Все это звучит вполне разумно.

– Но кое-что мне непонятно. Он мог убить меня сразу же, прямо в коридоре, но он раздобыл коляску и пытался спихнуть меня в шахту лифта.

Все еще лежа на полу, Джо показывает на камеру наблюдения.

– Эту он не затемнил.

– Какая разница, он же был в маске.

– Психологически разница большая. Он не хотел сниматься в кино, даже спрятав лицо. Этот эпизод был бы уликой.

– Поэтому он убрал меня из виду.

– Да.

Теперь Джо размышляет вслух, забыв даже о своем треморе. Я иду за ним по коридору к лестнице. Внезапно он останавливается, удивленный какой-то мыслью.

– Утечка газа входила в оба плана.

– Оба?

– Внешний и внутренний.

Я не понимаю. Джо, кажется, позабыл, что я все еще рядом. Он поднимается на два пролета к тяжелой двери пожарного выхода. Открыв ее, мы выходим на крышу больницы – голый бетонированный прямоугольник. Порыв ветра едва не сбивает меня с ног, и Джо хватается меня за плечо, чтобы удержать. Над головой нависает серобрюхое небо.

У нас под ногами мотки проводов и жерла кондиционеров. Низкая кирпичная стена, облицованная белым камнем, поднимается на границе здания. По ней бежит проволочная изгородь, увенчанная колючей проволокой.

Джо медленно двигается по периметру, периодически поглядывая на соседние дома, словно настраивая внутренний компас. Дойдя до северо-восточного угла, он приближается к забору.

– Видите парк вон там – тот, где фонтан? – Я слежу за его взглядом. – Это место сбора во время эвакуации. Все, покинувшие больницу, встречаются там. Вы должны были быть среди них. Как они могли догадаться, что вы остались в здании?

Теперь я наконец его понял.

– Возможно, он должен был спрятаться в палате и убить меня, когда я вернусь.

– Или же они собирались убить вас снаружи.

Джо опускается на колени и изучает тонкий слой сажи на белом камне. Эта черная пленка покрывает в Лондоне все от дождя до дождя. На поверхности видны три кружочка диаметром с пенс. Джо переводит взгляд на пол, где у стены видны два пятна побольше.

Кто-то встал здесь на колени и установил штатив – одинокий снайпер, палец на курке, ресницы задевают прицел, глаза изучают парк. У меня по спине бегут мурашки.

Через пятнадцать минут крыша огорожена, полицейские работают там в поисках улики. Кэмпбелл переживает из-за того, что ему утер нос клинический психолог.

Джо отводит меня вниз в столовую – одно из типичных стерильных помещений с паркетным полом и металлическими столами. Седрик – парень на раздаче, ямаец с невообразимо тугими кудрями – смеется так, словно кто-то колет орехи кирпичом.

Он приносит нам кофе, вытаскивает из кармана передника полбутылки скотча и наливает мне. Джо, похоже, не замечает. Он слишком занят попытками восстановить недостающие фрагменты.

– Снайперы проявляют очень небольшой интерес к своим жертвам. Для них это как компьютерная игра.

– Значит, возможно, он молод?

– И одинок.

Если честно, профессора больше интересует вопрос «почему», чем «кто», ему нужно объяснение, тогда как мне нужно лицо, которое бы заполнило пустую рамку. Мне нужен кто-то, кого следует поймать и наказать.

– Сегодня утром ко мне приходил Алексей Кузнец. Полагаю, теперь я знаю, почему оказался на реке. Я следил за передачей выкупа.

Джо и глазом не моргнул.

– Он не сообщил мне подробностей, но думаю, у меня были доказательства, что Микки жива. Иначе я бы ничего не предпринял.

– Или вы просто хотели верить, что она жива.

Понятно, о чем он. Он считает, что я веду себя неразумно.

– Хорошо, давайте ответим на несколько вопросов, – говорит он. – Если Микки жива, где она была эти три года?

– Не знаю.

– И зачем кому-то ждать три года, чтобы потребовать выкуп?

– Возможно, ее похитили не для выкупа, по крайней мере вначале.

– Так. Если не для выкупа, то для чего?

Неприятное положение. Я не знаю.

– Возможно, они хотели наказать Алексея.

Звучит неубедительно.

– Мне это кажется больше похожим на фальшивку. Кто-то, кто был близок к семье или к первому расследованию, знал достаточно, чтобы убедить отчаявшихся людей в том, что Микки жива.

– А как же стрельба?

– Они поссорились, или же кто-то отказался делиться.

Это гораздо разумнее моей теории. Джо вытаскивает блокнот и начинает рисовать черточки, как в игре в «виселицу»^[29].

– Вы ведь выросли в Ланкашире?

– При чем тут это?

– Просто спрашиваю. Ваш отец служил в авиации во время войны.

– Откуда вы знаете?

– Помню, как однажды вы мне говорили.

У меня в горле комком поднимается злость. Я не могу ее проглотить.

– Пытаетесь залезть мне в голову, да? Человеческий фактор – вы ведь так это называете? Лучше бы выследили мерзавца, который пытался меня убить.

– Почему вам снятся пропавшие дети?

– Да идите вы!..

– Может, вы чувствуете себя виноватым?

Я не отвечаю.

– Возможно, вы вытеснили это из своего сознания.

– Я ничего не вытесняю.

– А вы когда-нибудь видели своего настоящего отца?

– Вероятно, трудно будет задавать вопросы, если я стяну вам челюсть?

– Многие люди не знают своих отцов. Наверное, вы иногда думаете: а как он выглядел? Похожи ли вы на него? Говорите ли, как он?

– Вы ошибаетесь. Мне все равно.

– Если вам все равно, почему вы отказываетесь об этом говорить? Наверное, вы были военным ребенком – родились сразу после войны. Тогда многие отцы не возвращались домой. Кто-то оставался за границей. Дети пропадали.

Я ненавижу слово «пропадали». Мой отец не пропал без вести. Он не лежит на том маленьком участке Франции, который навек будет Англией. Я даже не знаю, как его зовут.

Джо ждет. Он сидит и крутит ручку в ожидании Годо^[30]. Но я не хочу, чтобы меня подвергали психоанализу, чтобы копались в моем прошлом. Я не хочу говорить о своем детстве.

Мне было четырнадцать, когда мать впервые рассказала, как я появился на свет. Она была пьяна, конечно же, свернулась на краю моей кровати и попросила меня помассировать ей ноги. И рассказала мне историю Джамили Пуррум, девочки-цыганки, у которой на левой руке была татуировка «Z», а на вещах вышит черный треугольник^[31].

– Мы были похожи на мячи для боулинга – с торчащими ушами и перепуганными глазами, – сказала она, пристраивая стакан на груди.

Самых красивых и сильных цыганских девушек посылали в дома офицеров СС. Остальных отправляли в бордели, насиловали скопом, чтобы обучить ремеслу, а потом часто стерилизовали, поскольку цыгане считались нечистыми.

Моей матери было пятнадцать, когда она оказалась в Равенсбрюке^[32], крупнейшем женском концентрационном лагере рейха. Ее направили в бордель, где она работала по двенадцать часов в сутки.

Она не вдавалась в подробности, хотя я уверен, что она помнила каждый из этих дней.

– Думаю, я беременна, – бормотала она.

– Это невозможно, Даж.

– У меня прекратились месячные.

– Ты слишком стара, чтобы забеременеть.

Она сердито смотрела на меня. Она не любила, когда говорили о ее возрасте.

– Эрика пыталась вызвать у меня кровотечение.

– Кто такая Эрика?

– Одна еврейка, настоящий ангел... Но ты прицепился ко мне изнутри. Не хотел выходить. Так сильно хотел жить.

Она была на третьем месяце, когда окончилась война. Еще два месяца пыталась найти свою семью, но никого не осталось: ни ее братьев-близнецов, ни мамы, ни папы, ни дядей, ни теток, ни кузенов...

Под Франкфуртом, в лагере для беженцев, молодой служащий британской иммиграционной службы по имени Винсент Смит сказал, что ей стоит эмигрировать. США и Великобритания принимали беженцев, если у тех были документы и какие-либо профессиональные навыки. У Джамии не было ни того, ни другого.

Поскольку цыганка была никому не нужна, она солгала в анкете, что она еврейка. Так много народу погибло, что не сложно было раздобыть документы на чужое имя. Джамия Пуррум превратилась в Софию Эйснер, портниху из Франкфурта, а ее шестнадцать лет – в девятнадцать; она стала новым человеком, чтобы начать новую жизнь.

Я родился в дождливом английском городке в муниципальной больнице, где с окон еще не было снято затемнение. Она не дала мне умереть. Она не сказала: «Кому нужен еще один белобрысый немец с холодными голубыми глазами?», и даже когда я отказывался от ее молока, выплевывая его ей на блузку (возможно, еще один признак того, что его гены во мне были сильнее), она прощала меня.

Я не знаю, что она видела, когда глядела мне в глаза: может быть, врага или насильника. Она говорила, что я выгляжу так, словно мир принадлежит мне. Словно все сотворенное можно изменить лишь мне в угоду.

Я не знаю, кто я. Не знаю, являю я собой чудо выживания или гибели. Я отчасти цыган, отчасти немец, отчасти англичанин, на треть злодей, на треть жертва и на треть гнев. Мама говорила, что я джентльмен. Ни в одном языке, кроме английского, нет такого слова. Это слово – парадокс. Нельзя утверждать, что ты джентльмен, но ты надеешься, что именно таким тебя видят окружающие.

Я поднимаю глаза на Джо и стряхиваю с себя прошлое. Все это время я говорил вслух.

Его голос звучит мягче, чем мой.

– Вы не несете ответственность за грехи вашего отца.

Вот это точно! Теперь я разозлился. Зачем он завел этот разговор? Мне не нужен его слащавый, слезливый, сочувственный психоаналитический бред.

Мы сидим молча. Я закончил говорить. Мимо меня шествуют кошмары, и лучше оставить их в покое.

Внезапно Джо встает и начинает собирать портфель. Я не хочу, чтобы он сейчас уходил.

– Мы разве не будем говорить о выкупе?

– Вы устали. Я приду к вам завтра.

– Но я вспомнил кое-какие детали.

– Замечательно.

– Но вы можете мне что-нибудь посоветовать? Что мне делать?

Он озадаченно смотрит на меня:

– Вам нужен совет?

– Да.

– Никогда не лечитесь у врача, в кабинете которого засохли цветы.

И уходит.

Когда Микки пропала, первые сорок восемь часов я вообще не спал. Если пропавшего ребенка не находят в первые двое суток, то шансы обнаружить его снижаются до сорока процентов. А через две недели они составляют менее десяти процентов.

Я ненавижу статистику. Где-то я вычитал, что среднестатистический человек, подтирая задницу, использует в год 5,9 рулона туалетной бумаги. Этот факт ничего не доказывает и никому не помогает.

А вот еще цифры. Шестьсот волонтеров прочесывали улицы, восемьдесят полицейских обходили дома, дверь за дверью. Спешка граничила с жестокостью. Мне хотелось открывать дверь пинками, трясти деревья и гнаться за каждым ребенком в парке и на улице.

Мы проверяли алиби, останавливали водителей, опрашивали торговцев, отслеживали посетителей Долфин-мэншн за прошедший месяц. Каждый жилец был допрошен. Я знал, кто из них избивал жену, спал с проститутками, брал липовые больничные, кто задолжал букмекерам и разводил коноплю в ящике под кроватью.

Поступило шестьдесят пять неподтвержденных сообщений и четыре признания в убийстве (в том числе заявление от человека, якобы принесшего ее в жертву языческому богу лесов). Нам предложили свои услуги двенадцать экстрасенсов, двое хиромантов и парень, называвший себя Волшебником из Литтл-Мильтон^[33].

Самое правдоподобное сообщение о Микки мы получили от пожилой пары со станции метро «Лестер-сквер» вечером в среду. Однако миссис Эсмеральда Бёрд была без очков, а ее муж Брайан стоял слишком далеко, чтобы отчетливо разглядеть девочку. На станции работали двенадцать камер наблюдения, но они были установлены не под теми углами, а качество изображения оказалось таким плохим, что ничего не проясняло, и, обнародовав это заявление, мы рисковали бы пустить расследование по ложному следу.

Поиски уже привлекли внимание прессы. Автобусы телевидения запрудили Рэндольф-авеню, передавая изображение из ящика в ящик,

чтобы люди, никогда не знавшие Микки, могли оторвать взгляд от хлопьев в своих тарелках и немедленно удочерить ее.

К ограде вокруг Долфин-мэншн были привязаны фиолетовые ленты. В некоторые из них были вплетены цветы. Везде виднелись фотографии Микки. Ее портреты висели на домах, фонарях и в витринах.

Список привлекавшихся за сексуальное насилие дал нам триста пятьдесят девять имен тех, кто проживал в Большом Лондоне. Двадцать пять из них либо жили неподалеку, либо бывали там по делам. Каждое имя проверялось и перепроверялось, каждая деталь сопоставлялась с другой для обнаружения тех невидимых линий человеческих отношений, которые связывают мир в единое целое.

Через два дня я зашел домой – только для того, чтобы принять душ и переодеться. Даж храпела, положив голову на стол между рук, сжимая в пальцах стакан водки, на ее коленях свернулась сиамская кошка. Мать говорила, что первая утренняя порция была для нее настоящим облегчением, соком ангелов, соединяющихся на лету. Джин казался ей слишком английским, а виски – слишком шотландским. От портвейна у нее краснели зубы и десны, а когда ее тошнило, то казалось, что это воробьи нагадили черной смородиной.

Постарев и опустившись, Даж стала больше походить на цыганку: она возвращалась к корням, заворачиваясь в прошлое, словно в накидки. Она пила, чтобы забыть, чтобы убить боль. Пила потому, что ее демоны страдали от жажды.

Я вытащил у нее из рук стакан и перенес ее на кровать. Кошка соскользнула с ее коленей и перетекла на пол, как водяная лужица. Когда я укрывал мать одеялом, она открыла глаза.

– Ты ведь найдешь ее, Янко? – пробормотала она. – Ты ведь найдешь ту девочку? Я знаю, каково это – потерять кого-то.

– Я делаю все, что могу.

– Я вижу *всех* потерянных детей.

– Я не могу вернуть их, Даж.

– Закрой глаза, и ты ее увидишь.

– Тише, тише. Засыпай.

– Они не умирают, – прошептала она, принимая от меня поцелуй в щеку.

Через месяц она отправилась в пансионат для престарелых. Мать так и не простила мне, что я ее бросил, но это самый незначительный из моих грехов.

В палате темно. В коридорах темно. И снаружи темно, если не считать фонарей, освещающих спящие машины в шубах из инея.

Али дремлет в кресле у моей кровати. Ее лицо пепельного цвета от усталости, тело словно застыло. Единственный источник света в палате – телевизор, мигающий в углу.

Она открывает глаза.

– Надо было тебе пойти домой.

Али пожимает плечами:

– У них здесь есть кабельное.

Я смотрю на экран. Показывают старый черно-белый фильм – «Добрые сердца и короны» с Алеком Гиннесом^[34]. Когда звук выключен, еще сильнее бросается в глаза, как переигрывают актеры.

– Я не одержимый, ты же знаешь.

– О чем вы, сэр?

– Я не пытаюсь возродить Микки Карлайл из мертвых.

Али откидывает с глаз прядь волос.

– А почему вы думаете, что она жива?

– Я не могу объяснить.

Она кивает:

– Когда-то вы были уверены насчет Говарда.

– Но не абсолютно.

Как бы мне хотелось все ей объяснить! Но я понимаю, что это похоже на паранойю. Иногда я ловлю себя на мысли, что только одного человека в мире я могу с уверенностью исключить из числа похитителей Микки – себя самого. Мы провели более восьмисот допросов и записали тысячу двести показаний. Это было одно из самых крупных и дорогостоящих расследований в истории британской полиции, но мы все равно не смогли найти ребенка.

Даже сейчас мне иногда попадаются фотографии Микки на столбах и домах. Никто другой их не замечает, никто не вглядывается в ее черты, но я ничего не могу с собой поделать. Иногда я разговариваю с ней по ночам, что очень странно, – ведь я никогда по-настоящему не разговаривал с Клэр, моей собственной дочерью, когда ей было

столько же, сколько Микки. У меня было больше общего с сыном, поскольку мы говорили о спорте. А что я знал о балете и Барби?

О Микки я знаю больше, чем о Клэр. Я знаю, что ей нравился блестящий лак для ногтей, блеск для губ с ароматом клубники и Эм-ти-ви. У нее была тайная шкатулка, в которой хранились гладкие камушки, раскрашенные керамические бусы и заколка для волос, украшенная, как она утверждала, не стекляшками, а настоящими бриллиантами.

Она любила петь и танцевать, а в поездках пела: «Плыви, плыви на корабле, качаясь по волнам, а как увидишь крокодила, дай знать скорее нам». Когда-то я сам пел эту песню Клэр перед сном и гонялся за ней по комнате, пока она, хохоча, не ныряла под одеяло.

Возможно, я чувствую вину. Об этом чувстве я знаю много. Я с ним жил, женился на нем, видел, как оно плавает в пруду подо льдом. Я эксперт по части вины. В моей жизни есть и другие пропавшие дети.

– Вы хорошо себя чувствуете? – спрашивает Али, опираясь на мою кровать.

– Просто задумался.

Она подкладывает мне под спину подушку, отворачивается и, наклонившись над раковиной, умывает лицо холодной водой. Теперь мои глаза привыкли к темноте.

– Ты счастлива?

Она снова поворачивается ко мне, удивленная моим вопросом.

– О чем вы?

– Тебе нравится работать в отделе сопровождения? Ты этим хотела заниматься?

– Я хотела быть следователем. А теперь катаю людей по городу.

– Но тебе предстоит сдавать экзамен на звание сержанта.

– Мне никогда не поручат расследование.

– Ты всегда хотела работать в полиции?

Она качает головой:

– Я собиралась стать спортсменкой. Хотела быть первым британским олимпийцем с индийскими корнями.

– И что случилось?

– Плохо бегала. – Она смеется и потягивается так, что хрустят суставы. Потом искоса смотрит на меня. – Вы ведь собираетесь продолжить расследование, несмотря на предубеждение Кэмпбелла?

– Да.

Вспышка молнии рассеивает мрак палаты. Но гроза слишком далеко, и грома не слышно.

Али щелкает языком. Она явно приняла решение.

– У меня есть пара недель неиспользованного отпуска. Возможно, я смогу вам помочь, сэр.

– Нет. Не стоит рисковать своей карьерой.

– Какой еще карьерой?

– Я серьезно, ты мне ничего не должна.

Она смотрит на телеэкран, и его серый квадратик отражается в ее глазах.

– Вы, возможно, подумаете, что это звучит сентиментально, сэр, но я всегда вас уважала. В нашей конторе женщине приходится нелегко, но вы никогда не относились ко мне иначе, чем к другим. Вы дали мне шанс.

– Тебя должны были повысить.

– Это не ваша вина. Когда вас выпишут, возможно, вам стоит поселиться у меня... в комнате для гостей. Я смогу вас охранять. Я знаю, сэр, что вы откажетесь, потому что думаете, что помощь вам не нужна, и не хотите доставлять мне неприятностей, но не стоит сходу отвергать мое предложение. Я думаю, это хорошее предложение.

– Спасибо, – шепчу я.

– Что вы сказали?

– Я сказал «спасибо».

– Ах, вот как. Здорово.

Она вытирает руки о джинсы с выражением облегчения на лице. Новая вспышка молнии окрашивает все в палате в белый цвет, словно при фотосъемке.

Я прошу Али идти домой и отдохнуть, потому что через несколько часов я уеду из больницы. Несмотря на все усилия Кэмпбелла, меня не взяли под арест. Полиция находится здесь, чтобы охранять, а не удерживать меня. Мне безразлично, что скажут врачи или что сделает Кэмпбелл Смит. Я хочу вернуться домой, взять свой дневник и найти Рэйчел Карлайл.

Теперь я не могу рассчитывать на то, что память ко мне вернется. Возможно, этого не случится. Чтобы раскрыть дело, нужны факты, а не воспоминания. Факты, а не воспоминания расскажут мне, что

случилось с Микки Карлайл. Говорят, плохому копу не дает спать совесть, а хорошему – нераскрытое дело.

Я не думаю, что я плохой коп. Но, может быть, мне предстоит узнать о себе и это.

Доктор Беннет топает по коридору в своих ковбойских сапогах с кубинскими каблуками.

– Вы не должны уезжать. Это противоречит врачебным рекомендациям.

– Я прекрасно себя чувствую.

Он прикрывает рукой кнопку лифта.

– Вы находитесь под охраной полиции, вы не можете уйти.

Я делаю вид, что покачнулся, и он бросается мне на помощь. В тот же миг я бью костылем по кнопке со стрелкой.

– Сожалею, док, но я позаботился о своей защите. – Я указываю на Али, которая несет мои вещи в полиэтиленовом пакете. Это все, что я хочу отсюда забрать.

Впервые после ранения я чувствую себя по-прежнему. Я снова следователь, а не жертва. Сотрудники больницы начинают появляться в коридоре. Слух распространился. Они пришли попрощаться. Яжимаю руки и бормочу «спасибо», ожидая, когда придет лифт.

Двери открываются, и появляется Мэгги. С синяками вокруг глаз и перебинтованным носом она похожа на панду. Я не знаю, что ей сказать.

– Вы собирались уехать не попрощавшись?

– Нет.

Али передает мне цветы, и Мэгги, просияв, обнимает меня, прижимая букет к моей груди. Я доставлял ей сплошные неприятности, из-за меня она угодила на больничную койку, и все равно ей хочется меня обнять. Я никогда не смогу понять женщин.

Я пересекаю фойе, покачиваясь на костылях. Моя нога окрепла, и, если я по-настоящему сосредоточусь, то скорее стану напоминать человека, которому что-то попало в ботинок, чем того, кто получил пулевое ранение. Все новые врачи и сестры подходят попрощаться. Я знаменитость – следователь, который пережил покушение. Но я хочу, чтобы мои пятнадцать минут славы^[35] поскорее закончились.

Везде полно полицейских, охраняющих входы и крыши. В черных бронежилетах, вооруженные автоматами. Никто из них не знает, что

делать. Предполагается, что они должны меня охранять, а я уйду.

Али прокладывает путь, я иду за ней к выходу, потом по бетонным ступенькам к парковке. Подходя к машине, я замечаю Джона Кибела, прислонившегося к бетонной опоре. Он не приближается. Он просто ест арахис, бросая скорлупу в аккуратную кучку у ног.

Я ненадолго покидаю Али, подходя к нему.

– Ты навещаешь больную бабушку или ждешь меня?

– Думал, что подвезу тебя до дому, но, вижу, ты подстраховался, – отвечает он, окинув Али взглядом с головы до ног. – Немного молода для тебя, не находишь?

– Это не твое дело.

Мы несколько секунд смотрим друг на друга, потом Кибел улыбается. Я становлюсь слишком стар для таких соревнований.

– Что именно тебе нужно?

– Думал, может, ты пригласишь меня в гости.

– Что, ордер не раздобыл?

– Похоже, что так.

Ну и наглость! Он не смог убедить судью выдать ордер на обыск моей квартиры, а теперь ждет, что я соглашусь на это просто так. Из подобных вещей и складывается дело. Если я скажу «нет», Кибел заявит, что я отказываюсь сотрудничать.

– Слушай, в нормальных обстоятельствах, ты знаешь, я бы с радостью позволил тебе прийти. Если бы я только был уверен, что прибрал в доме и купил чего-нибудь к чаю, но ведь меня не было дома несколько недель. Давай в другой раз.

Я поворачиваюсь, опершись на костыли, и возвращаюсь к Али.

Она поднимает бровь.

– Не думала, что он ваш друг.

– Сама знаешь, все за меня переживают.

Я забираюсь на заднее сиденье черной «ауди». Али садится за руль, машина делает круг по парковке, проезжает под поднятым шлагбаумом и оказывается на улице. За все это время Али не произносит ни слова. Ее взгляд перемещается от зеркал к дороге. Она специально то сбрасывает, то прибавляет скорость, перестраиваясь из ряда в ряд, проверяя, не следуют ли за нами.

Али не глядя нащупывает на соседнем сиденье бронезилет и протягивает мне. Я отказываюсь его надеть, и мы долго спорим, пока

она наконец не теряет терпение:

– Сэр, при всем моем уважении, либо вы наденете жилет, либо я прострелю вам вторую ногу и отвезу обратно в больницу.

Глядя на ее лицо в зеркале, я нисколько не сомневаюсь, что она это сделает. В моей жизни слишком много женщин, и мне за это не приплачивают.

Мы едем на юг через Кенсингтон и Эрлс-Корт^[36], мимо туристических отелей и забегаловок. Детские площадки заполнены мамашами и детишками, играющими на ярких качелях-каруселях.

Рейнвилл-роуд идет параллельно Темзе, напротив – водопроводная станция «Барн-Элмс». Мне нравится жить у воды. По утрам можно посмотреть из окна спальни на огромное небо и представить себе, что живешь вовсе и не в городе с населением семь миллионов.

Али останавливает машину перед домом, оглядывает тропинки, ведущие к реке, и дома на противоположной стороне улицы. Выйдя из машины, она быстро взбегает по ступенькам и открывает дверь моим ключом. Осмотрев комнаты, возвращается за мной.

Поддерживаемый Али, я хромаю домой. На коврике скопились невскрытые письма, счета и рекламки. Али сгребает их в охапку. Сейчас у меня нет времени разбирать почту. Надо быстро уходить. Затолкав корреспонденцию в пакет, я иду по дому, пытаюсь что-нибудь вспомнить.

Я знаю свое жилище наизусть, но знакомые картины не приносят утешения. Привычные размеры, цвета, мебель. На столиках в кухне ничего нет, в раковине стоят три кружки из-под кофе. Значит, у меня были гости.

Кухонный стол засыпан обрывками оранжевого полиэтилена, липкой ленты и пенопласта, который резали столовым ножом с зубчиками. Видимо, я что-то заворачивал. Пенопластовая крошка лежит на полу, как искусственный снег.

У телефона я нахожу свой дневник, открытый на дне накануне стрельбы. Это вторник, двадцать пятое сентября. Под обложкой скомканный счет за объявление в «Санди таймс». Текст написан моей рукой:

Требуется вилла с шестью спальнями. Желательно с бассейном. Патио. Сад. Недалеко от Флоренции. Сент. / окт. Оплата за два месяца.

Я оплатил объявление кредитной картой за четыре дня до стрельбы. Зачем мне понадобилась вилла?

В конце объявления напечатан незнакомый номер мобильного телефона. Я беру трубку и набираю его. Металлический голос отвечает, что абонент недоступен, но я могу оставить сообщение. Звучит гудок. Я не знаю, что сказать, и не хочу оставлять своего имени. Это может быть небезопасно.

Повесив трубку, я пробегаю взглядом записи в дневнике, натываясь на последние напоминания о неоплаченных счетах и назначенные приемы у дантиста. Должны же здесь быть какие-то улики. И тотчас бросается в глаза имя – Рэйчел Карлайл. На протяжении последних десяти дней перед стрельбой я встречался с нею шесть раз. Волна надежды накрывает меня.

Снова пролистывая дневник, я смотрю записи за предыдущий месяц. Во второй четверг августа я записал имя Сары Джордан – той самой девочки, которая ждала на крыльце, когда выйдет Микки. Я не помню, чтобы встречался с Сарой. Сколько ей сейчас – двенадцать, может, тринадцать?

Али наверху, пытается собрать мою одежду.

– У вас есть чистое постельное белье? – кричит она.

– Да. Сейчас возьму.

Бельевой шкаф находится в прихожей, возле прачечной. Я прислоняю к нему костыли и забираюсь внутрь.

В глубине полки мне попадает смятая спортивная сумка. Я вытаскиваю ее и бросаю на пол, чтобы достать простыни. И только тут меня осеняет. Я смотрю на свою находку. Конечно, я многое забыл, но ясно помню, что у меня не было такой сумки.

Опустившись на колени, я расстегиваю молнию. Внутри четыре ярко-оранжевых свертка. Почти не испытывая волнения, я срываю липкую ленту и разворачиваю полиэтилен. Под ним еще один слой, а за ним – черный бархатный футляр. Мне на ладонь высыпаются бриллианты, застревают между пальцами.

Спускается Али.

– Вы нашли белье?

Нет времени для вступлений. Я смотрю на нее, не в силах что-либо объяснить. Мой голос неожиданно охрип.

– Бриллианты! Видимо, это был выкуп!

Твердой рукой Али колет лед и кидает мне в стакан с виски. Себе она делает кофе и садится напротив меня, ожидая объяснений.

У меня их нет. Я чувствую себя так, словно заблудился в чужой стране, где даже названия мест мне неведомы.

– Наверное, они стоят целое состояние.

– Два миллиона фунтов, – шепчу я.

– Откуда вы знаете?

– Понятия не имею. Они принадлежат Алексею Кузнецу.

Я вижу в ее глазах испуг. Она знает все ужасные истории, связанные с этим именем. Представляю, как их рассказывают, выключив свет, на подготовительных курсах.

Я снова обращаю внимание на обрезки полиэтилена и пенопластовую пыль на полу. Здесь я упаковывал бриллианты: четыре одинаковых свертка. Пенопласт должен был удерживать их на плаву, а флюоресцентный полиэтилен позволит разглядеть их в темноте с большого расстояния.

Бриллианты легко украсть и трудно найти. Их не могут унюхать собаки, у них нет серийных номеров. И продать их несложно. В Антверпене или, скажем, в Нью-Йорке хватает покупателей, готовых иметь дело с «кровавыми» бриллиантами из сомнительных мест вроде Анголы, Сьерра-Леоне и Конго.

Али наклоняется вперед, облокотившись на стол.

– Почему выкуп оказался здесь?

– Не знаю.

Что там Алексей говорил мне в больнице? «Мне нужна дочь или бриллианты».

– Мы должны их отдать, – настаивает Али. Молчание слишком затягивается.

– Вы шутите? Вы же не собираетесь их оставить?

– Конечно нет.

Али пристально смотрит на меня. Мне не нравится мое отражение в ее глазах – уменьшенное, съежившееся. Она отворачивается, словно

не хочет видеть, во что я превратил свою жизнь. Так вот почему Кибел хотел получить ордер на обыск, а «пожарник» пытался меня убить!

Раздается звонок в дверь. Мы оба вздрагиваем от неожиданности.

Али вскакивает на ноги.

– Быстрее! Спрячьте их! Спрячьте!

– Спокойно, открывай дверь.

В работе полицейского есть некоторые правила, которые я выучил очень давно. Первое: никогда не обыскивай темное заброшенное помещение вместе с вооруженным копом по прозвищу Бум-Бум. И второе: всегда первым делом проверяй собственный пульс.

Я заталкиваю свертки в сумку и замечаю влажные следы на гладкой поверхности стола. Свертки побывали в воде.

Услышав голос Кибела, я выглядываю в прихожую. Али поворачивается ко мне, в ее глазах отчетливо читается тревога.

– Я купил кое-что к чаю, – объявляет Кибел, показывая мне пакет. Его фигура вырисовывается на фоне дверного проема.

– Тогда заходи.

Али смотрит на меня, не веря своим ушам.

– Пожалуйста, поставь чайник, Али, – говорю я, положив руку ей на плечо и подталкивая к раковине.

– Что вы делаете? – шепчет она, но я уже поворачиваюсь к Кибелу.

– Как пьешь чай?

– Немного молока.

– Боюсь, у нас его нет.

Он вытягивает из кармана пакет молока.

– Я обо всем позаботился.

Али расставляет чашки, стараясь держаться в тени, так как у нее дрожат руки. Кибел останавливается перед стулом со спортивной сумкой.

– Кинь ее на пол, – говорю я.

Он берется за ручки и сбрасывает сумку себе под ноги. Руки Али, словно замороженные, застывают над чашками.

– Итак, что же, по-твоему, случилось, Руиз? Даже если ты говоришь правду и действительно ничего не помнишь, у тебя должна быть теория.

– У меня нет ничего такого, что сгодилось бы в качестве теории.

Кибел смотрит на свои ботинки, покоящиеся перед спортивной сумкой. Наклоняется и стряхивает пылинку с начищенного носка.

– Хочешь услышать мою теорию? – говорю я, привлекая его внимание. – Думаю, это как-то связано с Микки Карлайл.

– Она умерла три года назад.

– Но мы не нашли ее тела.

– Человека посадили за ее убийство. Значит, она умерла. Дело закрыто. Если ты ее воскресишь, то столкнешься с большими неприятностями, если только ты не Господь Всемогуший.

– Но что если Говард невиновен?

Кибел смеется:

– И это твоя теория? Ты что, хочешь отпустить на свободу педофила? Говоришь, как его адвокат. Вспомни, за что тебе платят: за то, чтобы ты спасал и охранял. А если ты позволишь Говарду Уэйвеллу выйти из тюрьмы, то сделаешь как раз обратное.

Последние лучи солнца упали на тропинки в саду. Мы сидим в тишине, допивая чай и не притрагиваясь к пирогу. Наконец Кибел поднимается и кладет сумку на стул – туда, откуда он ее снял. Окидывает взглядом кухню, смотрит на потолок, словно пытается пронизать дерево и штукатурку рентгеном.

– Думаешь, память к тебе вернется? – спрашивает он.

– Я тебя оповещу.

– Непременно оповести.

После его ухода Али опускает голову на стол, испытывая одновременно облегчение и отчаяние. Она напугана, но не так, как пугаются трусы. Она просто не понимает, что происходит.

Я беру сумку и кидаю ее возле двери.

– Что вы делаете? – спрашивает она.

– Мы не можем их здесь оставить.

– Но из-за них вас чуть не убили. – Ее голос звучит умоляюще.

К сожалению, сейчас я не могу придумать более удачный план. Мне нужно уходить. Единственное решение для меня – собрать утерянные фрагменты.

– А что если вы не вспомните? – шепчет она.

Я не отвечаю. Прокручивая в голове возможность неудачи, я понимаю, что любой исход ведет к одной и той же невыразимой истине. Ведь это я сажаю людей в тюрьму, а не меня сажают.

Моя одежда лежит в багажнике машины Али, там же находится мешок с непрочитанными письмами. Бриллианты тоже там. У меня никогда не было двух миллионов фунтов. У меня также никогда не было «феррари» или жены, которая при помощи языка завязывала бы во рту узелки на черенках от вишни^[37]. Может, мне стоит серьезнее относиться к моему нынешнему положению?

Профессор прав, я должен пройти по собственному следу: счета, телефонные разговоры, дневниковые записи. Я должен повторить проделанный ранее путь, идти по нему до тех пор, пока снова не найду письмо с требованием выкупа и не получу доказательства того, что Микки жива. Без них я не стану передавать ни единого камушка.

Сара Джордан живет за углом от Долфин-мэншн. Дверь открывает ее мать, которая меня помнит. За ее спиной на диване перед орущим телевизором пристроился мистер Джордан с «Рейсинг пост» на животе.

– Сара скоро придет, – говорит ее мама. – Она пошла в супермаркет кое-что купить. Все в порядке?

– Все прекрасно.

– Но вы разговаривали с Сарой несколько недель назад.

– Надо кое-что уточнить.

Я оставляю Али в доме, а сам иду на поиски Сары, чтобы размять ноги. Супермаркет находится за углом. Ярко освещенные проходы заставлены картонными коробками и полупустыми ящиками, создающими полосу препятствий для тележек.

Совершая второй круг по магазину, я замечаю совсем юную девушку в длинном пальто, которая маячит в конце прохода. Озираясь по сторонам, она запихивает шоколадные батончики себе в карманы. Ее правая рука прижата к боку, удерживая еще что-то, спрятанное под пальто.

Я узнаю Сару. Конечно, она выросла и теперь уже не тот пухленький ребенок, которого я помню. Светло-русская челка падает ей на лоб, прямой тонкий нос усыпан веснушками.

Я перевожу взгляд на камеру наблюдения, прикрепленную к потолку. Она направлена в сторону от девочки. Сара знает, что здесь ее не видно.

Завернувшись в пальто, она идет к кассе и кладет на ленту конвейера кукурузные хлопья и пачку пастилы. Потом берет журнал и перелистывает страницы с выражением полного безразличия на лице, пока кассир обслуживает предыдущего покупателя.

В очередь встает молодая мать с ребенком. Сара поднимает голову и, встретившись со мной взглядом, отводит глаза и начинает пересчитывать мелочь на ладони.

Магазинный охранник, индус в ярко-голубом тюрбане, наблюдает за ней сквозь окошко, спрятавшись за рекламным плакатом. Он проходит через автоматические двери, положив руку на пояс, словно достает несуществующий пистолет. Свет падает со спины, и вокруг его тюрбана возникает синий отсвет: индус-терминатор.

До самого последнего момента Сара ни о чем не подозревает. Охранник подходит сзади и заламывает ей руку за спину. Из-под пальто выпадают два журнала. Сара вырывается и кричит. Все замирают: кассирша, жующая розовую жвачку, служащий на лесенке, выкладывавший товар, мясник, резавший ветчину...

Мои пальцы обжигает замороженная куриная корма. Я не помню, как вытащил ее из холодильника. Протиснувшись сквозь очередь, я протягиваю ее кассирше.

– Сара, я же просил подождать меня.

Охранник в замешательстве.

– Простите. У нас не было корзины.

Я залезаю Саре в карман, достаю шоколадные батончики и выкладываю их перед кассой. Потом поднимаю с пола журналы и обнаруживаю у нее за поясом пачку печенья.

– Она пыталась их украсть, – возражает охранник.

– Она просто их держала. Уберите от нее руки.

– А кто вы такой, черт возьми?

Я вытаскиваю значок.

– Человек, который может привлечь вас за насильственные действия, если вы ее не отпустите.

Сара залезает под пальто и достает из внутреннего кармана пачку чая. Потом ждет, пока кассир пропустит покупки через кассу и сложит

в пакет.

Я беру покупки, она выходит следом за мной через автоматические двери. Нас перехватывает менеджер.

– Отныне вход сюда для нее закрыт. Я не хочу, чтобы она приходила снова.

– Она платит – она приходит, – говорю я, отодвигая его и выходя на солнечный свет.

В какой-то момент мне кажется, что Сара сбежит, но она поворачивается ко мне и протягивает руку за пакетом.

– Не так быстро.

Она скидывает пальто, оставаясь в шортах цвета хаки и футболке.

– Оно тебя выдает, – показываю я на пальто.

– Спасибо за совет. – Она пытается выглядеть крутой.

– Хочешь чего-нибудь выпить?

Она не хочет. Она думает, что я прочитаю ей нудную лекцию о том, что воровать из магазинов грешно, и оставляю в покое.

Я поднимаю пакет.

– Если хочешь получить вот это, тебе придется выпить.

Мы идем в кафе за углом и садимся за столик на улице. Сара заказывает банановый коктейль, потом углядывает булочку. Глядя, как она ест, я тоже чувствую голод.

– Мы с тобой встречались несколько недель назад.

Она кивает.

– Где?

Она бросает на меня странный взгляд.

– Со мной случилось несчастье. И я кое-что забыл. Я надеялся, что ты сможешь мне вспомнить.

Сара смотрит на мою ногу.

– У вас что-то вроде амнезии?

– Что-то вроде.

Она откусывает еще один кусочек булочки.

– Зачем я с тобой встречался?

– Вы хотели узнать, отрезала ли я когда-нибудь у Микки волосы и считала ли деньги в ее копилке.

– Я объяснил, зачем мне это нужно?

– Нет.

– А о чем еще мы говорили?

– Не знаю. Думаю, о какой-то ерунде.

Сара смотрит на свои ботинки, ковыряя носком ножку стула. Солнце высокое и яркое – это его последний привет накануне зимы.

– Ты когда-нибудь думаешь о Микки? – спрашиваю я.

– Иногда.

– И я тоже. Полагаю, у тебя сейчас много новых друзей.

– Да, есть, но Микки была другой. Она была как... как неотъемлемая часть.

– Ты хочешь сказать – неотъемлемая.

– Да, как сердце.

– Но это не совсем то, что «неотъемлемая часть».

– Хорошо, как рука... что-то важное. – Она допивает коктейль.

– Ты видишься с миссис Карлайл?

Сара водит пальцем по оправе очков, стирая капельки пены от коктейля.

– Она живет все там же. Мама говорит, что ее бы кондрашка хватила, если бы ей пришлось жить там, где кого-то убили, но я полагаю, у миссис Карлайл есть причины остаться.

– Какие?

– Она ждет Микки. То есть я-то не говорю, что Микки вернется. Просто думаю, что миссис Карлайл хочет узнать, где она. И поэтому она каждый месяц ездит к нему в тюрьму.

– К кому?

– К мистеру Уэйвеллу.

– Она к нему ездит?

– Каждый месяц. Мама говорит, что в этом есть что-то нездоровое. Может кондрашка хватить.

Сара протягивает руку через стол и поворачивает мое запястье, чтобы взглянуть на часы.

– У меня будет куча неприятностей. Можно забрать покупки?

Я протягиваю ей полиэтиленовый пакет и десять фунтов.

– Если еще раз поймаю тебя на воровстве, заставлю целый месяц мыть полы в супермаркете.

Она строит гримасу и исчезает, неистово крутя педали своего велосипеда, унося пальто, пакет с едой и мою замороженную куриную корму.

При мысли о том, что Рэйчел Карлайл навещает Говарда Уэйвелла, меня бросает в дрожь. Педофил и скорбящий родитель – так быть не должно, не положено, но я знаю, почему она это делает. Рэйчел хочет найти Микки. Она хочет вернуть ее домой.

Я помню нечто, о чем она рассказала мне довольно давно. Ее пальцы на коленях сплетались в мучительной борьбе, пока она вспоминала, какой у них с Микки был ритуал. «Даже на почту», – говорили они, обнимаясь на прощание.

– Иногда люди не возвращаются, – сказала Рэйчел. – Поэтому всегда надо прощаться, как следует.

Мать пыталась сохранить в памяти каждую деталь жизни дочери – ее одежду, игры, в которые она играла, песни, которые пела, то, как она хмурилась, когда говорила о серьезных вещах, и особый смех за столом, от которого молоко текло у нее из носа. Рэйчел хотела запомнить тысячи незначительных деталей, мелочей, которые расцветивают любую жизнь – даже такую короткую, какая была у Микки.

Мы встречаемся с Али в кафе, и я передаю ей слова Сары.

– Вы ведь поедете на свидание с Говардом, сэр?

– Да.

– А он мог послать требование о выкупе?

– Только если ему кто-то помог.

Я знаю, о чем думает Али, хотя она ничего и не говорит. Она согласна с Кэмпбеллом. Любое приемлемое объяснение тянет за собой словечко «фальшивка», особенно то, которое предполагает возможность освобождения Говарда из тюрьмы.

По пути в тюрьму «Уормвуд-Скрабз»^[38] мы проезжаем под трассой Вестуэй^[39] и поворачиваем на Скрабз-лейн. На площадках девочки-подростки играют в хоккей, а мальчики-подростки сидят и смотрят, замороженные видом синих плиссированных юбок, которые развеваются вокруг тонких гладких ног с грязными коленками.

«Уормвуд-Скрабз» похожа на декорацию мюзикла пятидесятых годов, где грязь и копоть стерли специально для кинокамер. Четырехэтажные башни-близнецы соединены арочными перекрытиями, огромная железная дверь, украшенная массивными засовами, довершает картину.

Я пытаюсь представить, как Рэйчел Карлайл приезжает на встречу с Говардом. Черное такси подъезжает к зданию, из него, стараясь не разводить коленей, выскальзывает Рэйчел. Она осторожно идет по брусчатке, боясь подвернуть ногу. Ей так и не привили шика, несмотря на все деньги ее семьи.

Помещение для свиданий находится справа от главного входа, в одной из современных построек. Посетительницы уже начали собираться, некоторые из них пришли с детьми, которые шалят и дерутся.

При входе женщин подвергают обыску и проверяют их документы. Вещи запирают в шкафчики, а передачи заранее осматривают. Любого, чья одежда сколь-либо напоминает тюремную, просят переодеться.

Али смотрит на викторианский фасад, и ее передергивает.

– Ты когда-нибудь была внутри?

– Пару раз, – отвечает она. – Это здание надо снести.

– Считается, что один его вид предотвращает преступления.

– Да, на меня оно действует угнетающе.

Выйдя из машины, я открываю багажник и достаю бриллианты. Два свертка я могу положить во внутренние карманы пальто, еще два – в наружные. Я кладу пальто на сиденье рядом с ней.

– Я хочу, чтобы ты осталась здесь и последила за камнями.

Она кивает.

– Наденете жилет?

– Думаю, что в тюрьме я буду в безопасности.

Перейдя дорогу, я предъявляю удостоверение. Через десять минут поднимаюсь по лестнице на два пролета и вхожу в большое помещение с длинным столом, разделенным посередине перегородкой. Посетители сидят по одну сторону, заключенные – по другую. Нельзя коснуться коленями или поцеловаться. Единственно возможный физический контакт – пожать руку над перегородкой или поднять над ней ребенка.

По коридору эхом отдается стук тяжелых сапог, в комнату входят заключенные. Каждый посетитель предъявляет номерок и ждет, пока заключенный не усядется на место.

Я наблюдаю за тем, как молодой арестант встречается со своей женой или подругой. Он целует ее руку и не хочет отпускать. Они оба подаются вперед, словно хотят подышать одним воздухом. Его рука опускается под стол.

Внезапно один из охранников хватает ее стул и резко отодвигает назад. Женщина падает на пол, прикрывая от удара свой округлившийся живот, но в тюремщиках не заметно сочувствия.

– Инспектор Руиз, вам здесь как будто медом намазано.

Старший смотритель – лысеющий толстяк лет сорока. Доев сандвич, он вытирает губы бумажным платком, пропуская, однако, яичную крошку на подбородке.

– Что же привело вас к нам снова?

– Что-то особенное у вас в воздухе.

Он грубо смеется и осматривает через пластиковое окно комнату свиданий.

– Я давно был здесь в последний раз?

– Вы что, не помните?

– Старею, память уже не та.

– Недели четыре назад. Вас интересовала женщина, которая приходит к Говарду.

– Миссис Карлайл.

– Да. Но сегодня ее здесь нет. Она приходит каждый месяц и пытается передать ему одно и то же – детские каталоги. И зачем дразнить этого гаденыша?

Я воображаю Говарда, сидящего напротив Рэйчел. Интересно, она пожимает ему руку через перегородку? Я даже чувствую укол ревности, когда представляю себе, как его глаза скользят по вырезу ее блузки. Все-таки мы живем в нездоровом мире.

– Мне нужно поговорить с Говардом.

– Он в отдельной камере.

– Почему?

Смотритель неопределенно шевелит в воздухе пальцами.

– Я же говорил вам: никто не надеется, что он заживется на этом свете. Он убил дочку Алексея Кузнецца! А это смертный приговор, как ни крути.

– Но вам удастся его охранять.

Он сухо смеется:

– Можно и так сказать. Он пробыл здесь всего четыре дня, как кто-то полоснул его бритвой по горлу. Следующий месяц он пролежал в больнице. С тех пор его никто не трогал, поэтому я полагаю, что Алексею он нужен живым. Но Говарду наплевать. Только посмотрите на него.

– О чем вы?

– Как я уже говорил, он отказывается от уколов инсулина. Дважды за последние полгода впадал в кому. Если ему все равно, почему это должно заботить ее величество? Я бы позволил этому негодяю умереть.

Смотритель чувствует, что я с ним не согласен.

– Вопреки распространенному мнению, инспектор, я здесь не для того, чтобы нянчиться с заключенными. Я не беру их за руки и не говорю: «Бедняжки, у вас было тяжелое детство, вам попался паршивый адвокат и злобный судья». Цепной пес смог бы делать то, что я делаю.

(И, без сомнения, проявил бы при этом больше сочувствия.)

– Но мне все равно нужно его повидать.

– У него на сегодня не запланировано посещений.

– Вы же можете его привести.

Смотритель тихо ворчит что-то старшему охраннику, который берет трубку и запускает цепочку распоряжений. Где-то в самой глубине этого здания кто-то пойдет за Говардом. Я вижу, как он лежит на узкой койке и дышит спертым воздухом. Для педофила в тюрьме будущее таит множество опасностей. Это вам не летний отпуск и не поездка на выходные в Озерный край^[40]. Будущее растягивается от того момента, когда вы просыпаетесь, до того, когда отходите ко сну. И эти шестнадцать часов могут показаться целой жизнью.

Время посещений подходит к концу. Говард идет против течения, двигаясь так, словно у него связаны ноги. Он озирается в поисках своего посетителя, возможно ожидая увидеть Рэйчел.

Прошло больше сорока лет, но я без труда узнаю в нем толстого паренька из моей школы, который переодевался, прикрывшись полотенцем, и прикладывался к ингалятору. Он казался полутрагическим персонажем, хотя и не таким трагическим, как Рори Макинтайр, лунатик, который нырнул из окна четвертого этажа рано утром в годовщину основания школы. Говорят, что лунатики в воздухе

просыпаются, но Рори не издал ни звука. И плеска тоже не раздалось. Он был плохим ныряльщиком.

Говард усаживается на место и, кажется, не испытывает удивления, услышав мой голос. Он замирает, вытянув и изогнув шею, как старая черепаха. Я подхожу к нему. Он медленно поднимает на меня взгляд.

– Привет, Говард. Я хочу поговорить с тобой о Рэйчел Карлайл.

Он чуть заметно улыбается, но не отвечает. Прямо под подбородком его горло украшает шрам.

– Она приезжает к тебе на встречи. Зачем?

– Спросите у нее.

– О чем вы разговариваете?

Говард смотрит на тюремщиков.

– Я не обязан вам ничего говорить. Через пять дней я подаю на апелляцию.

– Ты отсюда не выйдешь, Говард. Никто не хочет тебя отпустить.

Он снова улыбается. У некоторых людей голос не соответствует внешности. Говард как раз из их числа. Его голос поднимается слишком высоко, словно его легкие наполнены гелием, и кажется, что голова вот-вот отделится от туловища и медленно поплывет по ветру, как белый воздушный шарик.

– Мы все несовершенны, мистер Руиз. Мы совершаем ошибки и страдаем от их последствий. Но разница между мной и вами заключается в том, что у меня есть Господь. Он будет судить меня и освободит. А вы когда-нибудь думали, кто судит вас?

Он выглядит весьма уверенным. Почему? Возможно, знает о новом требовании выкупа. Любое предположение о том, что Микки жива, автоматически гарантирует его освобождение.

– Зачем сюда приезжает миссис Карлайл?

Он поднимает руки, как будто сдается, и снова кладет их на стол.

– Она хочет знать, что я сделал с Микки. Беспокойтесь, что я могу умереть, так никому и не сказав.

– Ты пропускаешь уколы инсулина.

– Вы знаете, что происходит, когда впадаешь в кому? Сначала становится трудно дышать. Во рту пересыхает. Давление падает, а пульс учащается. У меня темнеет в глазах, потом они начинают болеть. Наконец, я теряю сознание. Если ко мне быстро не прийти, то почки

совсем откажут, а мозг непоправимо пострадает. Вскоре после этого я умру.

Кажется, он смакует эти подробности, словно с нетерпением ожидает мучений.

– И ты рассказал миссис Карлайл, что случилось с Микки?

– Я сказал ей правду.

– Скажи и мне.

– Я сказал ей, что я не невинен, но невиновен в этом преступлении. Я грешил, но *этого* греха на моей совести нет. Я верю, что человеческая жизнь свята. Я верю, что дети – дар Божий, что они рождаются чистыми и невинными. Они могут поступать зло и жестоко только потому, что мы учим их злу и жестокости. И только они одни могут судить меня.

– И как же дети будут тебя судить?

Он смолкает.

Пятна пота у него из-под мышек расширились и слились друг с другом, отчего рубашка прилипла к телу, и мне видно каждую складку и морщину. Но на спине, под рубашкой, заметно что-то еще. Почему-то ткань полиняла и стала желтой.

Чтобы видеть меня, Говарду приходится поворачивать голову через правое плечо. Это вызывает у него легкую гримасу боли. В тот же миг я резко перегибаюсь через стол. Не обращая внимания на его крики, поднимаю на нем рубашку. Его тело похоже на переспелую дыню. Жестокие раны пересекают спину, сочась кровью и какой-то желтоватой жидкостью.

К нам подбегают охранники. Один из них зажимает ему рот платком.

– Приведите врача! – ору я. – Шевелитесь!

Выкрикиваются указания, кто-то звонит по телефону. Говард вопит и извивается, словно его поджаривают. Внезапно он затихает, уронив руки на стол.

– Кто это сделал?

Он не отвечает.

– Скажи мне. Кто это сделал?

Он что-то бормочет. Мне не слышно. Я наклоняюсь ближе и ловлю отдельные слова:

– Велите малым детям прийти ко мне и запретите им не... не поддавайтесь искушению...

Что-то торчит из-за отворота рукава его рубашки. Он не останавливает меня, когда я вытаскиваю этот предмет. Это деревянная ручка от скакалки, к которой примотан двенадцатидюймовый кусок колючей проволоки. Самоистязание, самобичевание, пост и добровольное мученичество – кто объяснит мне все это?

Говард отталкивает мою руку и встает. Он не будет дожидаться врача и больше не станет разговаривать. Он бредет к двери, шаркая туфлями, часто дыша, почти пожелтевший. В последний момент он оборачивается, и я ожидаю увидеть знакомое мне жалкое, умоляющее выражение лица.

Но получаю я нечто другое. Человек, которого я помогал посадить за убийство, человек, который хлещет себя колючей проволокой, человек, на которого каждый день плюют, над которым издеваются и которому угрожают, – этот человек смотрит на меня с жалостью.

Восемьдесят пять шагов и девяносто четыре часа – столько времени Микки считалась пропавшей, когда я получил ордер на обыск квартиры номер одиннадцать в Долфин-мэншн.

– Сюрприз! – сказал я, когда Говард открыл дверь.

Его большие глаза округлились, рот слегка приоткрылся, но он ничего не сказал. На нем были верхняя часть от пижамы, длинные шорты с эластичным поясом и темно-коричневые туфли, подчеркивавшие белизну его ног.

Я начал традиционно – рассказал Говарду, как много я о нем знаю. Он холост и никогда не был женат. Вырос в Уоррингтоне. Самый младший из семерых детей в большой и шумной протестантской семье. Отец и мать умерли. У него двадцать восемь племянников и племянниц, для одиннадцати из которых он стал крестным отцом. В 1962 году он попал в больницу после дорожной аварии. Год спустя пережил нервный срыв и добровольно лечился в клинике на севере Лондона. Работал кладовщиком, строителем, художником, декоратором, водителем и, наконец, садовником. Трижды в неделю ходит в церковь, поет в хоре, читает биографии, у него аллергия на клубнику, а в свободное время он занимается фотографией.

Я хотел, чтобы Говард почувствовал себя пятнадцатилетним мальчишкой, которого я застал за мастурбацией в душе школы «Коттслоу-парк». И какие бы оправдания он ни придумывал, я узнаю, что он лжет. Способность внушать страх и неуверенность – вот самое сильное оружие в нашем мире.

– Вы кое-что пропустили, – пробормотал Говард.

– Что?

– Я диабетик. Инсулин и все дела.

– У моего дяди был диабет.

– Только не говорите мне, что он перестал есть шоколад, начал бегать по утрам, и все прошло. Я это все время слышу. И еще: «Боже, я бы просто умер, если бы мне пришлось каждый день колоть себя иглой!» Или вот еще: «Это ведь из-за того, что ты такой толстый?»

Мимо нас сновали люди, одетые в комбинезоны и перчатки. Некоторые несли металлические ящики, фотооборудование и осветительные приборы. По коридору, словно через реку, были положены мостки.

– Что вы ищете? – тихо спросил он.

– Улики. Этим, собственно, и занимаются следователи. Мы используем улики, чтобы возбудить дело. Они-то и превращают гипотезы в теории, а теории в уголовные дела.

– Значит, на меня заведено дело?

– Ведется работа.

В этом была доля истины. Я не мог сказать, что конкретно ищу, пока не нашел: одежду, отпечатки пальцев, перевязочные материалы, кассеты и фотографии, семилетнюю девочку, которая шепелявит, – любое из вышеперечисленного.

– Мне нужен адвокат.

– Хорошо. Можете позвонить по моему телефону. А потом спустимся вниз и дадим на крыльце совместную пресс-конференцию.

– Вы не можете вывести меня туда.

Телекамеры стояли вдоль дорожек, как металлические триффиды, поджидая возможности вцепиться в любого, покинувшего здание^[41].

Говард сел на ступеньку, ухватившись для верности за перила.

– Я чувствую запах извести.

– Я прибирался.

– Как трогательно, Говард! И что же вы прибирали?

– Я пролил химикаты в студии.

У него на запястье были царапины. Я указал на них:

– Откуда это?

– Две кошки миссис Суинглер убежали в сад. Один из ваших офицеров оставил дверь открытой. Я помогал ей поймать их.

Он прислушался к стуку выдвигаемых ящиков и передвигаемой мебели.

– Вы знаете историю Адама и Евы, Говард? Это был самый важный момент в человеческой истории: первая ложь. Это и отличает нас от животных. Не более развитое мышление, не способность получить кредит. Мы лжем друг другу. Мы намеренно вводим других в заблуждение. Я думаю, что вы честный человек, Говард, но вы сообщили мне ложную информацию. А у лжеца есть выбор.

– Я говорю правду.

– У вас есть секрет?

– Нет.

– А у вас с Микки есть секреты?

Он покачал головой.

– Я арестован?

– Нет. Вы просто помогаете нам вести расследование. Вы очень полезный человек. Я понял это с самого начала, когда вы фотографировали и печатали листовки.

– Я показывал людям, как выглядела Микки.

– Вот и правильно, Говард. Вы очень полезный человек.

Обыск занял три часа. На мебели не было пыли, ковры недавно пропылесосили, одежду вычистили, раковины помыли. За операцией следил Джордж Нунан, опытейший криминалист, который выглядел почти альбиносом из-за седых волос и бледной кожи. Создавалось впечатление, что Нунан презирает обыски, в которых не фигурировал труп. Для него смерть всегда была бонусом.

– Возможно, вы захотите на это взглянуть, – сказал он.

Я пошел за ним по коридору в переднюю. Он перекрыл там все источники света, завесив окна и заклеив изолентой щели в дверях. Поставив меня перед камином, Нунан закрыл дверь и выключил свет.

Темнота. Я не мог разглядеть своих ног. Потом заметил на ковре маленькую дорожку капелек, которые горели синим светом.

– Вероятно, это следы небольшого кровотечения, – объяснил Нунан. – Гемоглобин в крови реагирует на люминол, химикат, который я распылил по полу. Некоторые бытовые препараты, вроде извести, могут давать такую же реакцию, но я думаю, что это кровь.

– Вы сказали, от небольшого кровотечения?

– Да, медленного – вряд ли из глубокой раны.

Капли были размером не крупнее хлебных крошек и образовывали прямую линию.

– Здесь раньше что-то лежало – какой-то ковер, – объяснил он.

– И на нем было больше крови?

– Возможно, хозяин попытался избавиться от улики.

– Или завернул в него тело. Хватит, чтобы сделать анализ ДНК?

– Думаю, да.

Я поднялся, с хрустом разогнув колени. Нунан включил свет.

– Мы еще кое-что нашли. – Он протянул мне детские купальные трусики, запечатанные в полиэтиленовый пакет. – Кажется, здесь нет ни крови, ни спермы. Но с уверенностью сказать не могу, пока не проверю в лаборатории.

Говард ждал на лестнице. Я не стал его спрашивать о пятнах крови и о белье. Я также не стал задавать вопросов о восьмидесяти шести тысячах детских фотографий на диске его компьютера и о шести коробках каталогов детской одежды под кроватью. Придет время и для этого.

Мир Говарда перевернули вверх тормашками и опустошили, словно ящик комода, но он даже не поднял головы, когда уходил последний полицейский.

Выйдя на крыльцо, я сощурился от яркого солнечного света и повернулся к камерам.

– Мы действовали согласно ордеру на обыск квартиры в этом доме. Один человек помогает нам в расследовании. Он не находится под арестом. Я хочу, чтобы вы уважали его право на уединение и оставили в покое всех жильцов этого дома. Не мешайте следствию.

Из-за камер на меня хлынул поток вопросов:

– Микки Карлайл еще жива?

– Вы готовы произвести арест в ближайшее время?

– Это правда, что вы нашли фотографии?

Протиснувшись сквозь толпу, я направился к машине, не дав ни единого ответа. В последний момент оглянулся на Долфин-мэншн. Говард стоял у окна. Он смотрел не на меня. Он смотрел на телекамеры и с возраставшим ужасом понимал, что репортеры не собираются уходить. Что они ждут *его*.

Покинув тюрьму, я снова испытываю внезапное дежа вю. Быстро подъезжает черная «БМВ», открывается дверь, и на тротуар выходит Алексей Кузнец. Его черные влажные волосы все так же неестественно идеально зачесаны назад.

Откуда он узнал, что я здесь?

За ним появляется телохранитель, этакий наемный убийца из числа тех, что занимают значительное число тюремных камер и главным аргументом в споре считают балонный ключ. У него славянские черты, вероятно, он русский. При ходьбе его левая рука двигается чуть менее свободно, чем правая, из-за кобуры под мышкой.

– Инспектор Руиз, навещали друга?

– То же могу спросить у вас.

Али выскакивает из машины и бежит ко мне. Русский засовывает руку под пальто, и я чувствую, как земля уходит у меня из-под ног. Алексей взглядом останавливает его, и ситуация разряжается. Рука покидает опасную зону, пальто застегивается.

Решительные действия Али забавляют Алексея, и он даже тратит пару секунд на то, чтобы окинуть ее взглядом. Потом просит ее проходить мимо, потому что печенье сегодня не покупает.

Али смотрит на меня, ожидая приказа.

– Разомни ноги, я не задержусь.

Она отходит недалеко, поворачивается и наблюдает.

– Простите меня, – говорит Алексей, – я не хотел обидеть вашу юную подругу.

– Она работает в полиции.

– Правда? Все флаги в гости... Вернулась ли ваша память?

– Нет.

– Какая досада!

Его глаза всматриваются в мои с настороженным любопытством. Он мне не верит. Окидывает взглядом площадь.

– Знаете, сегодня есть такие цифровые микрофоны, которые могут записать разговор в парке или ресторане на расстоянии более тысячи футов.

– Городская полиция не обладает такими изысками.

– Может, и не обладает.

– Я не пытаюсь подстроить вам ловушку, Алексей. Никто нас не слышит. Я действительно не могу вспомнить, что произошло.

– Все очень просто: я передал вам девятьсот шестьдесят пять бриллиантов высшего качества весом в один и более карат. Вы обещали вернуть мою дочь. Я выразился совершенно ясно: я не плачу дважды.

У него звонит телефон. Он достает из куртки изящный мобильный, размером не больше пачки от сигарет, и читает сообщение.

– Обожаю всякие технические новинки, инспектор, – объясняет он. – Недавно у меня украли телефон. Конечно, я заявил в полицию. А потом позвонил вору и сказал ему, что собираюсь с ним сделать.

– Он вернул вам вашу собственность?

– Не важно. Он был очень сокрушен, когда я в последний раз видел его. Хотя и не смог принести мне свои извинения. У него не было голосовых связок. Да, при обращении с кислотой требуется большая осторожность. – Взгляд Алексея бегаёт по брусчатому тротуару. – Вы взяли мои бриллианты. И гарантировали безопасность вложения.

Я вспоминаю пальто на сиденье в машине Али. Если бы он знал!

– Микки еще жива?

– Это я у вас должен спросить.

– Раз потребовали выкуп, значит, должны были это доказать.

– Прислали пряди волос. Вы сделали ДНК-тест. Волосы принадлежали Микки.

– Но это еще не доказывает, что она жива. Волосы можно было собрать с расчески или с подушки, хоть три года назад. Это все могло быть фальшивкой.

– Да, инспектор, но вы были уверены. Вы поставили на это свою жизнь.

Мне не нравится, как он произносит слово «жизнь». В его устах оно звучит, как ничтожная ставка. Моя тревога растет.

– Почему вы мне поверили?

Он окидывает меня холодным взглядом.

– У меня что, был выбор?

Внезапно я осознаю дилемму, перед которой он стоял. Неважно, жива Микки или мертва, Алексей должен был предоставить выкуп. Речь шла о том, чтобы спасти свое лицо, пусть даже хватаясь за соломинку. Что если была хотя одна тысячная доля вероятности, что он вернет свою дочь? Он не мог упустить ее. Как это выглядело бы со стороны? Что сказали бы люди? Отец должен верить в невозможное. Он обязан охранять своих детей и приводить их домой.

Возможно, из-за этих мыслей я внезапно испытываю сочувствие к Алексею. И так же быстро вспоминаю покушение в больнице.

– Вчера меня пытались убить.

– Да что вы? – Он складывает пальцы домиком. – Наверное, вы им что-то не вернули.

Звучит цинично, но это не признание.

– Мы можем все обсудить.

– Как джентльмены? – Теперь он подшучивает надо мной. – Вы говорите с акцентом.

– Нет, я родился здесь.

– Возможно, но вы все равно говорите с акцентом.

Он вытаскивает из кармана упаковочку сахара и откусывает край.

– Моя мама немка.

Он кивает и высыпает сахар в рот.

– Zigeuner? – Это немецкое название цыгана. – Отец говорил, что цыгане – это восьмая чума египетская^[42].

Это оскорбление произносится безо всякой злобы.

– У вас есть дети, инспектор?

– Близнецы.

– И сколько им?

– Двадцать шесть.

– Вы их часто видите?

– Теперь нет.

– Может, вы забыли, каково это. Мне тридцать шесть лет. Я совершал поступки, которыми не могу гордиться, но я способен с этим жить. Сплю как младенец. Но, скажу я вам, мне наплевать, насколько большой у кого-то счет в банке, – если у него нет детей, у него нет ничего ценного. *Ничего!* – Он почесывает шрам на щеке. – Моя жена давно меня возненавидела, но Микаэла всегда оставалась бы

наполовину моей... моей половиной. Она выросла бы и сама приняла решение. И она простила бы меня.

– Вы думаете, что она погибла?

– Я предоставил *вам* право убедить меня в обратном.

– Значит, у меня были твердые доказательства.

– Надеюсь.

Он поворачивается и собирается уходить.

– Я вам не враг, Алексей. Я просто хочу узнать, что произошло.

Что вы знаете о снайпере? Он работает на вас?

– На меня? – Его смех звучит презрительно.

– Где вы были ночью двадцать четвертого сентября?

– А вы не помните? У меня есть алиби. Я был с вами.

Он поворачивается и кивает русскому, ожидающему его, как собака, привязанная к столбу. Я не могу позволить уйти человеку, который владеет необходимой мне информацией. Он должен рассказать мне о Рэйчел и о выкупе. Схватив Алексея за руку, я выворачиваю ее, пока его спина не сгибается и он не падает на колени. Мои костыли стучат по тротуару.

Прохожие и посетители тюрьмы оборачиваются. До меня доходит, как смешно я выгляжу: произвожу задержание с костылем. Самолюбие никогда не оставляет нас.

– Вы арестованы за сокрытие информации от следствия.

– Вы совершаете большую ошибку, – шипит он.

– Не двигайтесь!

У меня за спиной вырастает фигура, теплый ствол пистолета упирается в мой затылок. Это русский, огромный, застывший как статуя. Внезапно его внимание переключается на другой объект. Али стоит в классической полицейской стойке, целясь ему в грудь.

Все еще удерживая руку Алексея, я наклоняюсь к его уху.

– Вы этого хотите? Чтобы мы друг друга перестреляли?

– Нет, – говорит он.

Русский отступает на шаг и убирает пистолет в кобуру. Он внимательно смотрит на Али, запоминая ее лицо.

Я уже веду Алексея к машине. Али следует за мной, пятясь, наблюдая за русским.

– Позвони Карлуччи! – кричит Алексей. Карлуччи – его адвокат.

Опустив голову, он садится в машину. Я забираюсь на сиденье рядом с ним. Мое пальто свисает со спинки переднего кресла. Али не произнесла ни слова, но я знаю, что ее мысли бегут быстрее, чем когда-либо прежде.

– Вы пожалеете, – угрожающе шипит Алексей, глядя мимо меня в окно. – Вы сказали, что обойдемся без полиции. Мы заключили сделку.

– Тогда помогите мне! Скажите! Что произошло той ночью?

Он двигает во рту языком, словно обсасывает мысль.

– В меня стреляли. Со мной случилась штуковина, которая называется «обширная преходящая амнезия». Я не помню, что произошло.

– Идите к дьяволу!

Когда мы приезжаем в полицейский участок на Харроу-роуд, Фрэнк Карлуччи уже находится там. Маленький, загорелый, типичный итальянец, лицо покрыто морщинами, как грецкий орех, кроме области вокруг глаз – поработал хирург.

Он несется за мной по лестнице, требуя встречи со своим клиентом.

– Можете подождать своей очереди. Он должен пройти процедуру оформления.

Али осталась в машине. Я возвращаюсь к ней.

– Присмотри за пальто.

– Что мне сделать?

– Найди профессора. Скажи, что он мне нужен. Потом поищи Рэйчел. Должна же она где-то быть.

На лице Али масса вопросов. Она сомневается в том, что я знаю, что делаю. Я пытаюсь изобразить самоуверенную улыбку и возвращаюсь к Алексею.

Когда мы входим в комнату для задержанных, воцаряется тишина. Клянусь, я и правда слышу, как растут цветы в горшках и как высыхают на бумаге чернила, – так тихо становится вокруг. Эти люди – мои друзья и коллеги. Теперь они отводят глаза и не обращают на меня внимания. Может, я все-таки погиб на реке, просто еще не понял этого?

Я оставляю Алексея с Карлуччи в комнате для допросов. У меня сильно колотится сердце, и я не могу собраться с мыслями. Сначала

звоню Кэмпбеллу. Он на совещании в Скотленд-Ярде, поэтому я отправляю ему голосовое сообщение. Через двадцать минут он врывается в участок, мечтая, чтобы ему под ноги попалась кошка, которую можно пнуть.

Встретив меня в коридоре, он орет:

– *Ты совсем спятил?!*

Я расцениваю это как риторический вопрос.

– Может, убавишь громкость?

– Что?

– Пожалуйста, говори тише. У меня в комнате для допросов сидит подозреваемый.

На этот раз голос похож на сдавленное рычание:

– Ты арестовал Алексея Кузнецца?

– Он знает о выкупе. И скрывает информацию.

– Я же велел тебе не лезть в это дело!

– Погибли люди. И Микки Карлайл может быть жива.

– Я этого уже достаточно наслушался. Я хочу, чтобы ты вернулся в больницу.

– Нет, сэр!

Он снова издает глухое рычание, как медведь, выходящий из берлоги.

– Сдайте свой значок, инспектор. Вы отстранены.

Дальше по коридору открывается дверь, появляется Фрэнк Карлуччи, а за ним – Алексей Кузнец. Итальянец вопит, тыча в меня пальцем:

– Я хочу, чтобы этому офицеру предъявили обвинение!

– Да пошел ты! Хочешь моего мяса? На!

Мною овладевает неудержимая ярость, как будто кто-то нажал тревожную кнопку у меня внутри. Кэмпбеллу приходится удерживать меня. Я пытаюсь вырваться из его рук.

Алексей медленно поворачивается и улыбается. У него потрясающе холеная внешность.

– Вы у меня кое-что забрали. Я не плачу дважды.

Я молча сижу в комнате для допросов, давно допив чай и доев имбирно-ореховое печенье. В комнате пахнет страхом и ненавистью. Быть может, это пахнет от меня.

Если бы у Кэмпбелла была возможность, он арестовал бы меня. Теперь он хочет, чтобы я вернулся в больницу, поскольку якобы не может гарантировать моей безопасности. На самом деле, он мечтает убрать меня подальше, чтобы я не путался под ногами.

Мои пальцы почти инстинктивно нащупывают капсулу с морфином. Меня мучит боль в ноге или уязвленная гордость? Я хочу на какое-то время отвлечься от мыслей. Хочу забыться. Амнезия не так уж плоха.

Здесь я в первый раз допрашивал Говарда. До этого он сидел в своей норе три дня, ему звонили по домофону незнакомые люди, пресса стояла лагерем вокруг дома. Большинство людей в такой ситуации уже давно исчезли бы – уехали бы к родственникам или друзьям. Но Говард не хотел рисковать и привозить за собой весь этот цирк.

Я помню, как Говард стоял у стойки в приемной, препираясь с дежурным сержантом. Он переминался с ноги на ногу и оглядывался по сторонам. Короткие рукава рубашки были туго натянуты вокруг бицепсов, пуговицы расходились на животе.

– Они запихнули мне в почтовый ящик собачье дерьмо, – потрясенно говорил он. – И кидались яйцами в окна. Вы должны их остановить.

Дежурный сержант обращался с ним устало-официально:

– Вы хотите заявить о преступлении, сэр?

– Мне угрожают.

– Кто именно вам угрожает?

– Мстители! Вандалы!

Сержант вытащил из-под стойки книгу записи происшествий и подтолкнул ее к Говарду. Потом извлек дешевую ручку и положил поверх книги.

– Напишите об этом.

На лице Говарда появилось почти радостное выражение, когда подошел я.

– Они напали на мою квартиру.

– Сожалею. Я пошлю кого-нибудь подежурить. Может, пройдем ко мне в кабинет и присядем?

Он пошел за мной по коридору в комнату для допросов, я пододвинул стул поближе к кондиционеру и предложил ему бутылку воды.

– Рад, что ты пришел. Нам так и не удалось встретиться и поговорить. Давно мы не виделись.

– Пожалуй, – согласился он, потягивая воду.

Изображая давнего друга, я предался воспоминаниям о школе и старых учителях. Получив толчок, Говард добавил кое-что от себя. Касательно допросов существует теория, что, как только подозреваемые начинают свободно высказываться на отвлеченную тему, им труднее солгать или отказаться говорить на другие темы, которые предлагаете вы.

– Так поведай мне, Говард, что, по-твоему, случилось с Микки Карлайл. Наверняка ты об этом думал. Все остальные только над этим и размышляют. Ты полагаешь, что она все-таки вышла из дому незамеченной или же на нее напали? Может, думаешь, что ее похитили инопланетяне? Последнюю неделю я выслушивал самые причудливые теории, какие только можно вообразить.

Говард нахмурился и провел по губам кончиком языка. На карниз снаружи, рядом с кондиционером, опустился голубь, и Говард уставился на птицу, словно она принесла ему какую-то весть.

– Сначала я решил, что она прячется. Понимаете, она любила прятаться под лестницей и играть в бойлерной. Так я думал на прошлой неделе, но теперь... теперь не знаю. Может, она пошла продавать печенье.

– Этой возможности я, признаться, не учел.

– Нет, я не хотел говорить так легкомысленно, – неуклюже поправился он. – Я просто так с ней познакомился. Она постучалась ко мне в дверь – продавала печенье для скаутов, но на ней не было формы, да и печенье было домашнего приготовления.

– И ты купил?

– Больше никто не купил бы – оно все сгорело дотла.

– А ты почему купил?

Он пожал плечами:

– Ну, она проявила инициативу. У меня есть племянники и племянницы... – Он не закончил фразы.

– Думаю, ты сладкоежка. Как насчет конфет, пирожных и сластей всевозможных^[43], а?

Бледно-розовая волна залила его щеки, шея напряглась. Он не мог понять, намек ли это.

Сменив тему, я начал сначала, попросив его дать отчет о своих перемещениях в течение нескольких часов до и после исчезновения Микки. В тот понедельник шторы на его окнах были опущены. Его коллеги не видели, чтобы он косил крытую лужайку в Примроуз-хилл^[44]. В час дня полиция обыскала его квартиру. Он не вернулся на работу. Вместо этого Говард провел целый день возле дома, фотографируя.

– Ты не пошел на работу и во вторник?

– Нет. Я хотел помочь. Я напечатал фотографии Микки, чтобы сделать листовки.

– В своей студии?

– Да.

– А что ты сделал потом?

– Постирал.

– Это ведь было во вторник утром? Весь дом вышел на поиски, а ты устраиваешь постирушку?

Он неуверенно кивнул.

– На полу у тебя в гостиной был ковер. – Я протянул ему фотографию, им же и сделанную. – Где он сейчас?

– Я его выкинул.

– Почему?

– Он был грязным. Я не смог его отчистить.

– Почему он был грязным?

– Я уронил на него компост. Я делал висячие горшки.

– Когда ты его выбросил?

– Не помню.

– После исчезновения Микки?

– Думаю, да. Возможно.

– Куда ты его выбросил?

- В контейнер у Эджвер-роуд.
- А что, поближе не нашел?
- Они были переполнены.
- Но ты ведь работаешь на муниципалитет. Ты мог найти десяток урн.
- Я... я не подумал...
- Видишь ли, как это выглядит со стороны. Ты прибрал квартиру, выбросил ковер, у тебя пахло известкой – кажется, будто ты пытался что-то спрятать.
- Нет. Я просто немного прибрался. Я хотел, чтобы все было симпатично.
- Симпатично?
- Да.
- А это ты раньше видел, Говард? – Я показал ему детские трусики в полиэтиленовом пакете. – Их нашли в твоей бельевой корзине.
- Его голос напрягся.
- Они принадлежат одной моей племяннице. Они постоянно у меня останавливаются – племянницы и племянники...
- Они остаются ночевать?
- В комнате для гостей.
- А Микки когда-нибудь была в твоей комнате для гостей?
- Да... Нет... Может быть.
- Ты хорошо знаешь миссис Карлайл?
- Просто здороваюсь, встретив ее на лестнице.
- Она хорошая мать?
- Пожалуй.
- Привлекательная женщина.
- Не в моем вкусе.
- Почему?
- Она немного резкая, понимаете, не очень приветливая. Не говорите ей, что я так сказал, я не хочу задевать ее чувства.
- А ты предпочитаешь?...
- Мм, понимаете, дело тут не в сексе. Не знаю, право. Трудно сказать.
- У тебя есть подружка, Говард?
- Сейчас нет.

Он сказал это так, как будто утром за кофе она у него была.

– Расскажи мне о Даниэлле.

– Я не знаю никакой Даниэллы.

– У тебя в компьютере хранятся фотографии девочки по имени Даниэлла. На ней трусики от бикини.

Он моргнул – раз, два, три.

– Это дочь моей бывшей девушки.

– На ней не надет топ. Сколько ей?

– Одиннадцать.

– Еще на одной фотографии есть девочка, с полотенцем на голове, она лежит на кровати. На ней только шорты. Кто она?

Он помедлил:

– Микки и Сара играли. Они разыгрывали пьесу. Это была просто забава.

– Да, так я и думал, – успокоительно улыбнулся я.

Волосы Говарда прилипли ко лбу, капли пота то и дело стекали ему в глаза, отчего он моргал. Открыв большой желтый конверт, я вытащил из него пачку фотографий и стал выкладывать их рядами на стол, одну за другой. Это все были снимки Микки – двести семьдесят штук: вот она загорает с Сарой в саду, вот они играют со шлангом, едят мороженое, борются на его кушетке.

– Это просто фотографии, – защищаясь, сказал он. – Она была очень фотогеничной.

– Ты сказал «была», Говард. То есть ты не думаешь, что она жива.

– Я не это хотел сказать... то есть... вы... вы пытаетесь придумать, что я... я...

– Ты же фотографируешь, Говард, это очевидно. Некоторые из снимков очень хороши. А еще поешь в церковном хоре и работаешь мальчиком в алтаре.

– Служителем.

– И преподаешь в воскресной школе.

– Я просто помогаю.

– Возишь детей на экскурсии – на пляж или в зоопарк.

– Да.

Я заставил его повнимательнее взглянуть на фотографию.

– Кажется, ей не очень-то нравится позировать в бикини? – Я выложил перед ним еще одну фотографию... и еще одну.

- Это была просто забава.
- Где она переодевалась?
- В комнате для гостей.
- Ты фотографировал, как она переодевалась?
- Нет.
- Микки оставалась у тебя на ночь?
- Нет.
- Ты оставлял ее одну в квартире?
- Нет.
- И не уводил ее из дома без разрешения?
- Нет.
- Ты не водил ее в зоопарк или на экскурсии?

Он покачал головой.

– Это хорошо. То есть я о том, что было бы безответственно оставить без присмотра такого маленького ребенка или разрешить ей играть с химикатами и острыми инструментами, так?

Он кивнул.

– А если бы она порезалась, тебе пришлось объясняться с ее матерью. Уверен, миссис Карлайл поняла бы. Несчастные случаи иногда происходят. Но, с другой стороны, ты не захотел бы, чтобы она рассердилась и запретила Микки встречаться с тобой. Значит, возможно, ты и не сказал бы, а сохранил бы это в тайне.

– Нет, я ей сказал бы.

– Конечно сказал бы. Если бы Микки поранилась, тебе пришлось бы сообщить об этом ее матери.

– Да.

Взяв синюю папку, я извлек из нее лист бумаги, пробежал глазами по строчкам и постучал по нужной указательным пальцем.

– Очень хорошо, Говард, но я вот чего не могу понять. Видишь ли, в твоей гостиной обнаружили следы крови Микки, а также у тебя в ванной и на полотенцах.

Говард открывал и закрывал рот, его голос напрягся.

– Вы думаете, я это сделал, но я не делал.

– Тогда расскажи мне, откуда взялась кровь.

– Она порезала палец. Они с Сарой мастерили телефон из консервных банок, и у одной был острый край. Я должен был

проверить. Но порез был неглубоким. Я заклеил его пластырем. Она была очень смелой. Даже не плакала...

– И ты сказал ее матери?

Он смотрит вниз, на свои руки.

– Я попросил Микки не говорить. Я боялся, что миссис Карлайл прекратит наше общение, если решит, что я за ней не слежу.

– Там было слишком много крови для царапины на пальце. Ты пытался прибраться, но ковер все равно был весь в пятнах. Поэтому ты его и выбросил.

– Это была не кровь. Это была земля из цветочных горшков.

– Земля?

Он с энтузиазмом закивал.

– Ты сказал, что никогда не брал Микки на экскурсии. Но в твоём фургоне мы нашли волокна ее одежды.

– Нет. Нет.

Я позволил паузе затянуться. В глазах Говарда отражались страх и сожаление. Внезапно он удивил меня, заговорив первым.

– Вы помните миссис Касл... из школы? Она водила нас на уроки танцев.

Я ее помнил. Она была похожа на Джулию Эндрюс в «Звуках музыки»^[45] (сразу после того, как она уходит из монастыря) и фигурировала в эротических снах каждого мальчика, кроме разве что Найджела Брайанта и Ричарда Койла, у которых были иные интересы.

– При чем здесь она?

– Однажды я видел ее в душе.

– Иди ты!

– Нет, правда. Она принимала душ у директора, а старый Арчи, наш физрук, послал меня в помещение руководства за стартовым пистолетом. Она вышла из душа, вытирая волосы, и заметила меня слишком поздно. Она разрешила мне посмотреть. Стояла там и позволяла наблюдать, как вытирает груди и бедра. А потом взяла с меня слово, что я никому не скажу. Я мог бы стать самым знаменитым ребенком в школе. Мне нужно было только рассказать об этом. Я избежал бы десятка побоев и всех этих издевок и подколов. Я мог бы стать легендой.

– Так почему же ты не сказал?

Он грустно посмотрел на меня.

– Потому что я был в нее влюблен. И не имело значения, что она в меня не влюблена. Я ее любил. Это была *моя* любовь. Я не надеюсь, что вы поймете, но это правда. Не обязательно, чтобы тебя любили. Можно любить и без этого.

– При чем здесь Микки?

– Я и Микки любил. Я никогда не причинил бы ей боль... нарочно, никогда.

Его светло-зеленые глаза наполнились слезами. Когда он больше не мог смаргивать их, он принялся вытирать их руками. Я чувствовал жалость к нему. Я всегда ее чувствовал.

– Говард, теперь ты должен меня выслушать. Ты сможешь высказаться позже. – Я придвинул стул ближе, так, что наши колени соприкоснулись. – Ты человек средних лет, ты никогда не был женат, живешь один, проводишь все свободное время с детьми, фотографируешь их, покупаешь им мороженое, вывозишь их на прогулки...

Его щеки еще больше покраснели, но сжатые губы оставались бледными.

– У меня есть племянники и племянницы. Я их тоже фотографирую. В этом нет ничего плохого.

– И ты собираешь детские журналы и каталоги детской одежды?

– Это законно. Они не порнографические. Я хочу стать фотографом, детским фотографом...

Я встал со стула и переместился так, чтобы оказаться у него за спиной.

– Говард, я только одного не понимаю. Что ты находишь в маленьких девочках? Ни бедер, ни груди, ни опыта. Они же плоские вдоль и поперек. Нет, я понимаю: «из конфет и пирожных и сладостей всевозможных»^[43], и все дела – девочки пахнут лучше, чем мальчишки, но у Микки не было даже намека на какие-то формы. Добрая фея отрочества еще не посыпала волшебным порошком ее глаза, отчего у нее затрепетали бы веки, а тело стало бы развиваться. Что ты находишь в маленьких девочках?

– Они невинны.

– И ты хочешь отнять это у них?

– Нет. Ни за что.

– Ты хочешь их обнять... прикоснуться к ним.

– Не так. Не в дурном смысле.

– Наверное, Микки смеялась над тобой. Неуклюжий старик-сосед. На этот раз его голос звучит громче:

– Я не прикасался к ней!

– Ты помнишь «Убить пересмешника»^[46]?

Он промолчал, с недоумением глядя на меня.

– Страшила Рэдли, живший через дорогу, был жутким типом с изуродованным лицом. Его боялись все дети. Они кидали камни в крышу его дома и подбивали друг друга залезть к нему во двор. Но в конце именно Страшила спасает Глазастика и Джима от настоящего злодея. Он становится героем. Ты этого ждал, Говард, – возможности спасти Микки?

– Вы меня не знаете. Вы ничего обо мне не знаете.

– Да нет, знаю. Я точно знаю, кто ты такой. Для таких, как ты, есть название: преступник-педофил. Ты выбираешь жертву. Выделяешь ее из толпы. Знакомишься с родителями. Постепенно проникаешь в ее жизнь, пока она не начинает тебе доверять...

– Нет.

– Что ты сделал с Микки?

– Ничего. Я к ней не прикасался.

– Но хотел.

– Я просто делал снимки. Я никогда бы не обидел ее.

Он хотел сказать что-то еще, но я поднял руку и перебил его:

– Знаю, ты не из тех парней, которые подобные вещи планируют. Ты не такой. Но иногда случается непредвиденное. К такому не готовятся. Просто ситуация выходит из-под контроля. Ты видел ее в тот день?

– Нет. Я не прикасался к ней.

– Мы нашли отпечатки пальцев и волокна одежды.

Он отчаянно трясет головой.

– Они были у тебя в фургоне, Говард. И в твоей спальне.

Перегнувшись через его плечо, я тычу пальцами в разные фотографии.

– Мы обязательно найдем твоих «моделей», Говард, эту, и эту, и эту. И мы спросим всех этих девочек, что ты с ними сделал. Мы узнаем, прикасался ли ты к ним и какие еще фотографии делал...

Мой голос стал низким и хриплым. Я наклоняюсь и, упершись в плечо Горварда, выталкиваю его со стула.

– Я не оставлю тебя, Говард. Мы оказались здесь вместе – как сиамские близнецы, у которых одно бедро на двоих, но только вот здесь разное. – Я стучу себя по голове. – Помогите мне понять.

Он медленно повернулся, ища сочувствия в моих глазах. И вдруг попятился, забился угол и упал на колени, прикрывая голову руками.

– *Не бейте меня! Не бейте меня!* – закричал он. – Я скажу вам все, что вы хотите...

– Что ты устраиваешь? – прошипел я.

– *Только не по лицу! Не бейте меня по лицу!*

– Поднимайся. Прекрати это!

– *Пожалуйста! Не надо! А-а-а!..*

Я открыл дверь, чтобы позвать дежурных. Двое уже бежали по коридору.

– Поднимите его. Усадите его обратно.

Говард словно растекся по полу. Это было все равно что собирать желе. Едва его поднимали и усаживали на стул, он тут же соскальзывал обратно, дрожа и стелая. Дежурные переглянулись, потом посмотрели на меня. Я знал, о чем они думали.

В конце концов мы оставили его лежать под столом. В дверях я обернулся. Я хотел кое-что сказать. Хотел предупредить его, что это только начало.

– Вы меня не запугаете, – тихо произнес он. – Я специалист. Меня запугивали всю жизнь.

Я сижу в той самой комнате спустя три года, но история еще не закончена. Звонит мобильный. В голосе профессора сквозит облегчение:

– Как ваши дела?

– Нормально, но мне нужно, чтобы вы приехали за мной. Меня хотят опять отправить в больницу.

– Может, это неплохая мысль?

– Вы поможете мне или нет?

В участке пересменка. На дежурство заступают новые группы. Кэмпбелл сидит где-то наверху, перебирая бумажки или другим сходным образом отработывая свою зарплату. Проскользнув по

коридору мимо гардероба, я добираюсь до выхода на парковку. Порыв ветра выносит меня на улицу.

Электрические ворота приходят в движение. Спрятавшись в тени, я наблюдаю, как на территорию въезжает «скорая». Это за мной. Ворота закрываются. В последний момент я проскальзываю в узкую щель. Поворачиваю направо, иду по тротуару и, еще дважды свернув в ту же сторону, возвращаюсь на Харроу-роуд.

На этой улице есть паб под названием «Гончая» – прокуренное место с музыкальным автоматом и непременно пьянчужкой в углу. Я занимаю столик и глотаю еще одну капсулу с морфином. К приезду профессора я уже парю в синтетических облаках. У греков был бог по имени Морфей – повелитель снов. Кто сказал, что в изучении мифологии нет смысла?

Джо просовывает голову в дверь и нервно озирается. Вероятно, он забыл, как выглядели настоящие английские пабы до тех пор, пока континентальная культура кафе не превратила их в светлые помещения, где подают непомерно дорогое пиво.

– Вы принимали лекарство?

– У меня болела нога.

– И сколько приняли?

– Недостаточно.

Он дожидается более подробного объяснения.

– Я начал с двухсот миллиграммов, но в последнее время глотаю их, как «Тик-Так». Боль все не проходит. От меня гораздо больше толку, если я не думаю о боли.

– О боли? – Он не верит своим ушам. – До чего вы дошли! Переживаете и нервничаете. Не едите и не спите.

– Со мной все в порядке.

– Вам нужна помощь.

– Нет! Мне нужно найти Рэйчел Карлайл.

Мои слова звучат отрывисто и резко. Джо отгоняет какие-то неприятные мысли и меняет тему. Я рассказываю ему о том, как повидал Говарда и арестовал Алексея Кузнецца.

– Он так и не рассказал мне о выкупе.

– О каком выкупе?

Джо не знает о бриллиантах, и я не собираюсь ему рассказывать. Ему это ничего не даст, а я и так уже поставил под угрозу жизнь Али.

За последние несколько часов ничего не прояснилось, но по крайней мере у меня появилась цель – отыскать Рэйчел.

– Как Алексей вас нашел?

– Не знаю. От больницы он за мной не следил, и никто не знал, что я поеду в «Уормвуд-Скрабз». Возможно, кто-то позвонил ему из тюрьмы.

Я закрываю глаза и мысленно воспроизвожу недавние события. У меня кружится голова, но я в состоянии мыслить трезво. Ко мне возвращаются обрывки разговоров.

«Господь освободит меня», – сказал Говард.

Если Говард потребовал выкуп, то почему он так долго ждал? Он мог бы подбросить эту фальшивку во время процесса или в любой другой момент. Ему бы потребовалась помощь извне. Кто это был?

В главном офисе хранятся записи обо всех визитах в тюрьмы ее величества. Старшая сестра Говарда навещает его раз в несколько месяцев, приезжая из Уоррингтона и останавливаясь в местной гостинице. А кроме нее приходит только Рэйчел.

В первые несколько месяцев заключения он получил кучу писем. Многие из них пришли от женщин, которых тронуло его одиночество и его преступление. Одна из них, Беттина Галлахер, судебный секретарь из Кардифа, особенно популярна у отбывающих пожизненное заключение. Она посылает им свои порнографические фото и дважды вступала в переписку со смертниками из Алабамы и Оклахомы.

Говарду разрешено отправлять одно бесплатное письмо в неделю, но он может купить сколько угодно марок и конвертов. Каждому заключенному дается индивидуальный телефонный код, который они должны вводить при каждом звонке. Педофилам и растлителям малолетних разрешается звонить лишь по заранее определенным номерам. За звонками и перепиской следят.

Эти детали грохочут в пустоте. Я не понимаю, как Говард мог бы организовать передачу выкупа – особенно из камеры.

– Дай шанс глазам, – говаривал мой отчим, когда морозной ночью мы искали новорожденных ягнят. Очень трудно увидеть белое на белом. Иногда приходится заглянуть за грань, прежде чем по-настоящему что-то увидишь.

Был один хороший комик, который называл себя Носмо Кинг. Я годами смотрел его выступления, прежде чем до меня дошло, откуда

взялось его имя^[47]. Вот почему всегда надо держать глаза открытыми. Ответ может быть прямо перед тобой.

Профессор открывает портфель и вытаскивает фотоальбом. Его обложка в лохмотьях, корешок поела моль. Я его смутно припоминаю.

– Я навестил вашу мать, – говорит он.

– Что вы сделали?!

– Я ее навестил.

Стиснув зубы, я вглядываюсь в его невозмутимое лицо.

– Вы не имели права.

Не обращая на меня внимания, он поглаживает пальцами альбом. Вот опять началось: восстановить мое прошлое, изучить мое детство, семью, отношения. Что это доказывает? Ничего. Как чужой человек сможет оценить мою жизнь и обстоятельства, сформировавшие мою личность?

– Вы не хотите об этом говорить?

– Нет.

– Почему?

– Потому что вы суете свой нос в мои дела и копаетесь в моей голове.

И тут я понимаю, что кричу на него. К счастью, поблизости нет никого, кроме бармена и спящего пьянчужки.

– Кажется, ваша мама не очень счастлива в богадельне.

– Это не богадельня, а пансионат.

Он открывает альбом. На первой фотографии изображен мой отчим, Джон Фрэнсис Руиз. Сын фермера из Ланкашира, он одет в форму ВВС и стоит на крыле бомбардировщика «Ланкастер». Он уже начал лысеть, и из-за высокого лба его глаза кажутся более широкими и живыми.

Я помню эту фотографию. Она двадцать лет стояла на камине рядом со снимком «Сильвер Джубили»^[48] в рамке и дешевым стеклянным шаром, внутри которого был собор Святого Павла^[49].

Джон Руиз пропал без вести в небе над Бельгией 15 июля 1943 года, вылетев на бомбардировку моста в Генте. Его самолет был подбит немецкими силами ПВО и, взорвавшись в воздухе, рухнул, как огненная комета.

«Не вернулся из боя. Вероятно, погиб», – было сказано в телеграмме. Только он не погиб. Он пережил немецкий лагерь для военнопленных, вернулся домой и обнаружил, что будущее, за которое он так отчаянно сражался, сбежало, выйдя замуж за американского сержанта интендантской службы и переехав в Техас. Никто не винил ее, и он меньше всех.

А потом он встретил Софию Эйснер (или Джамилю Пуррум), «портниху-еврейку» с маленьким сыном. Она шла по холму из Голден-грин под ручку с двумя подружками и смеялась.

– Не забудьте, – закричала старшая из них, – сегодня мы встретим тех, за кого нам суждено выйти замуж.

Возле кинотеатра у подножия холма стояли в очереди несколько молодых людей. На одном из них был однобортный пиджак с V-образным воротником, застегнутым на все три пуговицы.

Джамиля прошептала подругам:

– Который из них мой?

Джон Руиз улыбнулся ей. Через год они поженились.

Джо перелистывает страницы. Старые фотографии словно въелись в бумагу. Вот снимок фермы – коттедж с маленькими окошками и такой низкой дверью, что отчиму приходилось наклоняться, чтобы пройти. Мама набивала комнаты всякими безделушками и сувенирами, убеждая себя в том, что они достались ей в наследство от погибшей семьи.

Снаружи простирались вспаханные поля цвета молочного шоколада, дым, выходящий из трубы, трепетал, словно белый флаг. В конце лета на склонах холма, подобно маленьким замкам, поднимались стога сена.

Иногда я до сих пор вспоминаю, как там пахло утро: подгоревшими тостами, крепким чаем, тальком, которым отчим посыпал ноги, прежде чем надеть сапоги. Когда он выходил во двор, собаки поднимали лай и прыгали у его ног.

На ферме я узнал все о жизни и смерти. Я кастрировал новорожденных ягнят, пережимая им яички. Засовывал руку глубоко в брюхо кобылы, нащупывая матку. Я убивал телят и хоронил собак, которые были для меня скорее родственниками, чем рабочими животными.

Фотографии не запечатлели повседневной жизни фермы. Альбом хранит только особые случаи: свадьбы, рождения, крестины, первое причастие.

– Кто это? – Джо показывает на фотографию Люка в матросском костюмчике, сидящего на крыльце. Его непослушный светлый вихор трепещет на ветру, как стрелка на счетчике старого такси.

У меня в горле встает комок. Зажав рот ладонью, я пытаюсь помешать алкоголю и морфину говорить, но слова будто вытекают через поры.

Люк всегда был мелковат для своего возраста, но зато не в меру шумен и надоедлив. Я проводил большую часть жизни в школе, поэтому видел его только на каникулах. Даж всегда просила меня присматривать за братом, а ему наказывала не мешать мне, потому что он все время тащил меня играть или смотреть мои футбольные карточки.

В самый разгар зимы, когда выпадал снег, я катался на санках с холма, стартуя от крыльца и останавливаясь у пруда. Люк был слишком мал, поэтому катался со мной. Когда санки подскакивали на бугорках, он пищал от смеха, цепляясь за мои колени.

Дорожка спускалась и упиралась в забор из сетки, провисший на столбах из-за того, что в него многократно въезжали ботинками.

Отчим поехал в город за термостатом для котла. Даж пыталась перекрасить мои простыни в более темный цвет, чтобы не были видны следы спермы. Я не помню, что делал я. Не странно ли? Все остальные детали я помню так отчетливо, словно несколько раз просматривал кассету.

Когда пришла пора мыться, мы заметили, что его нет. Заведя мотор трактора и включив прожектор, осмотрели пруд, но пролом во льду уже затянулся.

Я не спал всю ночь, пытаюсь усилием воли вернуть Люка к жизни. Я хотел, чтобы он оказался спящим в своей кровати, сопя и ворочаясь, как собака, которой снятся блохи.

Утром его обнаружили подо льдом. Его лицо посинело, а губы посинели еще больше. На нем были мои старые штаны и мои старые ботинки.

Из окна в спальне я смотрел, как его уложили на одеяло и укрыли другим. Стояла «скорая» – заляпанная грязью, с открытыми дверями.

Когда они подняли носилки, я вылетел из дома и заорал на них, чтобы они оставили моего брата в покое. Отчим поймал меня у ворот. Он поднял меня в воздух и обнял так крепко, что я чуть не задохнулся. Его лицо посерело и вытянулось. В глазах стояли слезы.

- Его больше нет, Винс.
- Я хочу, чтобы он вернулся.
- Мы его потеряли.
- Дай мне посмотреть.
- Возвращайся в дом.
- Дай мне посмотреть.

Подбородок отчима упирался мне в голову. Даж упала на колени рядом с Люком. Она кричала, раскачивалась, гладила его волосы и целовала в закрытые веки.

Теперь она будет меня ненавидеть. Я это знал. Она будет ненавидеть меня вечно. Это я виноват. Я должен был за ним присматривать. Я должен был помогать ему пересчитывать футбольные карточки и играть в его детские игры. Меня никто никогда не упрекнул – никто, кроме меня самого. Я знал правду. Это была *моя* вина. Я был в ответе за это.

«Мы его потеряли», – сказал мне отчим.

Потеряли? Можно потерять вещь за спинкой дивана или из-за дыры в кармане, можно потерять нить рассуждений и счет времени, можно даже потерять надежду. Но ребенка потерять нельзя.

Все это я произнес вслух. Я вытираю мокрые глаза и смотрю на профессора. Зачем он начал этот разговор? Разве он знает о том, что такое вина? Ему не приходится каждый день видеть ее в зеркале, соскребать щетину с ее намыленной кожи, видеть ее отражение в глазах матери. Я превратил Даж в алкоголичку. Она стала пить с призраками своих родных и своего сына. Она пила до тех пор, пока у нее не начали трястись руки, а мир не расплылся, подобно пятну от помады на краю ее стакана. У алкоголиков нет близких – только заложники.

– Пожалуйста, довольно об этом, – шепчу я, желая, чтобы он прекратил.

Джо закрывает альбом.

- Ваша амнезия стала результатом психологической травмы.
- Я был ранен.

– Снимки не показали никаких нарушений, ушибов или кровоизлияний у вас в мозгу. У вас даже шишки не вскочило. Вы не потеряли некоторые воспоминания, а вытеснили их. И я хочу знать почему.

– Люк умер более сорока лет назад.

– Но вы каждый день думаете о нем. Вы все размышляете, могли ли вы его спасти, так же как и о том, могли ли вы спасти Микки.

Я не отвечаю. Я хочу, чтобы он замолчал.

– Ведь у вас в мозгу словно прокручивается бесконечная кассета. Один и тот же фильм, снова и снова.

– Довольно.

– Вы хотите снова скатиться с ледяного холма, чтобы Люк сидел впереди вас. Вы хотите крепко его обнять и упереться ногами в снег, чтобы санки на этот раз остановились вовремя...

– Заткнитесь! Заткнитесь, черт вас подери!

Вскочив, я нависаю над ним. Мой палец направлен ему в лоб, прямо между глаз. Бармен достает из-под стойки телефон и берет металлическую трубку.

Джо даже не пошевелился. Господи, как он спокоен. Я вижу свое отражение – одинокое и пустое – в его глазах. Мой гнев испаряется. На столе дребезжит мобильный.

– Вы в порядке? – спрашивает Али. – Я слышала о том, что случилось в участке.

Слова застревают у меня в горле. Наконец я выдавливаю их:

– Ты нашла Рэйчел?

– Нет, но, думаю, я нашла ее машину.

– Где?

– Ее обнаружили брошенной две недели назад и забрали с Хэйверсток-хилл. Теперь она в парке на Реджис-роуд. Хотите, чтобы я ее осмотрела?

– Нет, я поеду сам.

Смотрю на часы. Почти шесть. Но стоянки потерянных машин открыты всю ночь. Нет, конечно, не потому, что они приносят доход, просто это позволяет не нарушать ритм городского движения. Если вы в это верите, то я смогу продать вам Тауэр.

Допив пиво, я хватаю свои вещи. Профессор хочет помахать мне рукой на прощанье.

– Вы тоже поедете, – говорю я ему. – Можете сесть за руль, только не открывайте рта.

Полицейская автостоянка в Кэмдене^[50] похожа на концлагерь времен Второй мировой: ограда с колючей проволокой, прожекторы по периметру и деревянная будка, где сидит одинокий охранник, положив ноги в начищенных ботинках на стол, по обе стороны от маленького телевизора.

Я стучу по стеклу, и он поворачивает голову. Опускает ноги на пол и подтягивает штаны. У него детское лицо, волосы подстрижены ежиком. На поясе болтается фонарь в кожаном чехле.

– Я инспектор Руиз. У вас находится транспортное средство, доставленное с улицы в Хэйверсток-хилл две недели назад.

Он окидывает меня изучающим взглядом.

– Вы пришли его забрать?

– Нет. Я пришел его осмотреть.

Он смотрит на профессора, явно не понимая, почему у того дрожит левая рука. Забавная парочка: Хопалонг Кэссиди^[51] и Пит Деревянная Нога^[52].

– Мне никто не сказал, что вы приедете. Меня должны были предупредить. Вы будете платить штраф?

– Мы не забираем машину. Мы просто посмотрим на нее.

У него за спиной что-то шевелится.

Огромная овчарка встает с пола и словно раздувается, пока не оказывается вровень со столом. Собака угрожающе рычит, и охранник шепчет ей что-то успокаивающее.

– Не обращайтесь на него внимания. Он вас не тронет.

– Вы уж об этом позаботьтесь.

В списке значится сотня машин, каждая пронумерована и снабжена кратким описанием. Через несколько минут охранник находит информацию о «рено эстейт», принадлежащем Рэйчел.

В описании говорится, что машина была обнаружена на Белсайз-авеню со вставленным ключом зажигания и открытой дверцей. Из салона похищены стереосистема и одно сиденье.

Охранник ведет нас по парковке, разделенной на квадраты.

Машина Рэйчел залита дождем, свет не включается, когда я открываю дверцу. Я забираюсь внутрь и машинально захлопываю дверь.

Переднее пассажирское сиденье отсутствует. Там, где оно находилось, на полу лежит темное одеяло. Аккуратно подняв его, я обнаруживаю бутылку с водой, шоколадные батончики и ручной перископ.

– Кто-то должен был лечь на пол и спрятаться, – говорит Джо.

– Вероятно, Рэйчел доставляла выкуп. И кто-то поехал с ней.

Мы думаем об одном и том же: был ли это я? Кэмпбелл назвал меня борцом за правосудие. Алексей сказал, что уговор не предусматривал участия полиции, значит, за нами не следили ни на машинах, ни на мотоциклах, ни с воздуха.

– Если бы я взялся доставлять выкуп, в чем мне следовало быть уверенным?

– В том, что девочка жива, – говорит Джо.

– Да, но помимо этого, когда я ехал на передачу, о чем бы я позаботился?

Джо пожимает плечами. Я отвечаю за него:

– О прикрытии. Я захотел бы, чтобы кто-то ехал за мной, по крайней мере на расстоянии. И я позаботился бы о том, чтобы они меня не потеряли.

– Каким образом?

– При помощи передатчика. Один я спрятал бы в выкуп, а второй установил бы в машине.

Внезапно весь мир сжимается до одной-единственной мысли. Вот почему Алексей нашел меня у тюрьмы. И вот почему Кибел хотел обыскать дом. Кто-то сказал ему о бриллиантах. Бриллианты теперь у Али.

Один гудок, второй, третий...

– Али, возьми трубку. Возьми сейчас же! – Я жду несколько секунд. Она не отвечает.

Набираю ее домашний номер.

– Алло.

– Куда ты дела мое пальто?

– Оно здесь.

– Оставайся на месте! Запри дверь. Не подходи к окнам.

– Что случилось?

– Пожалуйста, Али, делай, как я говорю. В бриллиантах установлен передатчик. Поэтому Алексей и смог меня выследить.

Улица внезапно исчезла. Джо вдавил педаль газа, петляя по переулкам, срезая путь через дворы и парковки. Одному богу известно, где он научился так водить. Он либо профи, либо абсолютный чайник, который хочет выкинуть нас из салона через лобовое стекло.

– Какие бриллианты? О чем вы говорите? – возмущается он.

– Замолчите и следите за дорогой.

Али еще у телефона.

– Может, я и ошибаюсь насчет передатчика, – говорю я ей. – Расслабься.

Но она уже вскрывает пакеты. Слышен звук ломающегося пенопласта. Я знаю, что она сейчас обнаружит. Радиопередатчики могут весить меньше восьмидесяти граммов, а батареек в них хватает на три, может, четыре недели. Пол моей кухни был покрыт обрывками полиэтилена и пенопластом, в котором я проделывал ножом дырки.

– Я его нашла.

– Отсоедини батарейку.

Джо орет на меня:

– У вас бриллианты Алексея Кузнецова? Вы спятели?

Машина выезжает на Олбани-стрит и резко тормозит, вливаясь в поток транспорта. Потом снова набирает скорость, и мы перескакиваем через «лежачего полицейского».

Али живет в бедном, обветшалом квартале в Хэрни^[53], на узкой улице, полной закопченных складов и заколоченных витрин. Она все еще у телефона.

– Где вы сейчас?

– Близко. У тебя выключен свет?

– Да.

Я слышу, как ей звонят в дверь.

– Ты кого-то ждешь?

– Нет.

– Тогда не открывай.

Десять... двадцать... тридцать секунд. Раздается звук разбитого стекла.

– Кто-то разбил стекло в двери, – говорит Али осипшим от страха голосом. Слышен звон сработавшей сигнализации.

– Ты вооружена?

– Да.

– Просто отдай им бриллианты, Али. Не надо рисковать.

– Да, сэр. Я больше не могу говорить. Поспешите!

Следующие несколько минут – самые долгие в моей жизни. Джо ведет машину на бешеной скорости, резко тормозя на поворотах и светофорах. Выехав на встречную полосу, он обгоняет три автобуса, заставляя машины шарахаться на обочину.

Отчаянно крутанув руль, он едва вписывается в крутой поворот. Меня отбрасывает на дверь, телефон бьет меня по уху. Я звоню в полицию, чтобы заявить о нападении на их сотрудника.

– Следующий поворот налево... примерно в середине улицы...

По обеим сторонам дороги выстроились шеренги домов. Фонари окрасили их в желтый цвет, от каменных фасадов до занавесок.

Дом Али прямо по курсу. Сигнализация все еще слышна. Выскочив из машины, я почти бегом направляюсь к дому. Джо кричит, чтобы я помедлил.

За распахнутой входной дверью зияет темнота. Прижавшись спиной к стене, я заглядываю внутрь. Вижу прихожую и лестницу, ведущую наверх. Проскользнув в дом, я жду, пока глаза привыкнут к темноте.

Я приходил к Али лишь однажды. Это было несколько лет назад. Тогда мы сидели в садике на крыше, положив ноги на перила, и попивали пиво. Все казалось золотым в лучах заката, и тогда я подумал, что, возможно, Лондон и впрямь новый Вавилон. Но эта мысль быстро погрузилась во тьму.

Из глубин памяти извлекается план квартиры.

Сразу налево гостиная, дальше столовая. Прямо за моей спиной – кухня. В лунном свете, проникающем через окно, не видно никаких зловещих силуэтов.

Пронзительный вой сигнализации действует мне на нервы. Ощупывая пальцами стену, я ищу панель управления. Сигнализация подсоединена к центральной проводке, у нее дополнительная батарейка на двенадцать вольт и защита от выключения.

Кто-то кладет руку мне на плечо и едва не получает удар костылем. К счастью, я вовремя понимаю, что это Джо. Во весь голос, чтобы он меня услышал, я велю ему пойти на улицу, найти звонок сигнализации и сбить его со стены.

– Чем?

– Включите воображение.

Он исчезает, а я проверяю кухню и гостиную. За окном светит фонарь, и мне видно, как Джо переходит улицу с автомобильной покрывкой в руках. Забравшись на кирпичную стену, он размахивается и бьет своим орудием по звонку. Еще пара попыток, и внезапно наступает тишина. Перемена столь разительная, что кажется, будто упало давление.

Осмотрев первый этаж, я тихо подхожу к лестнице, ведущей вверх. При всей моей нелюбви к оружию сейчас я жалею, что у меня его нет. Мой пистолет находится на дне реки или же на черном рынке.

На втором этаже я останавливаюсь и прислушиваюсь. Слышу только удары собственного сердца. Потом различаю в тишине еще один звук: чье-то дыхание. Прижав ухо к двери, я жду новых звуков.

Поводнее ухватив костыль, я поворачиваю ручку и открываю дверь. Там настоящая темнота, не то что сумерки за моей спиной.

Здесь я тоже жду.

Я слышу короткий скрип пружин. Это кто-то дернулся на кровати – не от страха, а скорее от напряжения. Метнувшись вперед, включаю свет. Али сидит, вжавшись в стену, ее MP5 нацелен прямо мне в грудь.

Мы смотрим друг на друга. Потом она устало закрывает глаза и издает облегченный вздох.

– Вам повезло, что я не выстрелила.

– Я об этом позаботился.

Подняв рубашку, я показываю ей пуленепробиваемый жилет.

Профессор падает в кресло, вцепившись в подлокотники. Последние несколько минут окончательно истощили его силы. Али наливает ему стакан воды. Он берет его правой рукой – той, которая не дрожит.

– Где вы научились так ездить?

– В Сильверстоуне^[54], – отвечает он. – Я выиграл на одной школьной вечеринке курс обучения вождению.

– Михаэль Шумахер отдыхает.

Али забаррикадировала входную дверь и теперь обходит комнаты, выясняя, не пропало ли что из вещей. При взломе сработала сигнализация, и преступник сбежал.

– Ты кого-нибудь видела?

– Нет.

– А где бриллианты?

Али выдвигает ящик.

– Я спрятала их туда, куда все девушки прячут личные вещи, – в нижнее белье.

Достав четыре бархатных футляра, она открывает один из них, и камни сыплются между ее пальцев на одеяло. Обычно, когда видишь слишком много чего-то редкого и прекрасного, его ценность начинает меркнуть. Но с бриллиантами все иначе. При виде их всегда перехватывает дыхание.

Я слышу приближающийся вой сирен. Али спускается навстречу полицейским. Я не думаю, что в доме остались отпечатки пальцев или какие-то другие улики, но у нас все равно возьмут показания и снимут отпечатки. Джо до сих пор не понимает, как выкуп оказался у Али. Я вкратце рассказываю ему всю историю.

Не могу не восхититься его умению концентрироваться на самом главном. Вместо того, чтобы пугаться или сердиться, он садится на кровать Али и изучает то, что осталось от свертков: светло-оранжевый полиэтилен, белый пенопласт и куски изолянта, передатчик размером со спичечный коробок, два проводка, ранее присоединявшиеся к батарейке...

– Почему они были так упакованы?

– Думаю, они должны были плыть.

– Значит, вы отвезли бриллианты к реке?

– Не знаю. Этот передатчик каждые десять секунд посылает сигнал, который принимает станция. В отличие от спутниковой системы слежения, он действует на ограниченном расстоянии: около трех миль в черте города и в пределах шести миль за городом.

– Насколько он точен?

– Плюс-минус пятьдесят ярдов.

Если Рэйчел выступала курьером, а я поехал с ней, я должен был устроить так, чтобы за нами кто-то следовал, ориентируясь по сигналу.

Алексей являлся наиболее заинтересованным лицом. Речь шла о его дочери и его бриллиантах.

Джо взвешивает передатчик на руке.

– Но как выкуп оказался в вашем шкафу? Видимо, что-то пошло не так?

– Это не у меня надо спрашивать. Я-то получил пулю.

– Нет, рассудите логически. Вы десять дней пролежали в больнице. Если бы Алексей знал, что бриллианты у вас, он мог бы забрать их в любое время. А он предпочел ждать.

– Возможно, он хотел, чтобы их нашел кто-то другой – например, Кибел.

Еще не закончив фразы, я уже пытаюсь отогнать эту мысль. Я не верю в заговоры и ничего не имею против Кибела, кроме разве что его профессиональных обязанностей – шпионить за своими же коллегами, – но ведь кто-то намекнул ему о бриллиантах. Это мог быть только Алексей. Интересно, эти двое работают вместе или у каждого из них своя цель?

Профессор все еще изучает свертки, словно пытается восстановить их первоначальный вид.

– И что делаем теперь? – спрашивает Али, поднявшись в комнату.

– Воспользуемся вот этим. – Я протягиваю ей передатчик.

Она улыбается. Теперь мы понимаем друг друга с полуслова.

– Как насчет междугородного экспресса?

– Слишком быстро. – Я смотрю на часы. – В Уоппинге только что заработали печатные станки. Некоторые из грузовиков, развозящих газеты, ездят аж до Корнуолла^[55].

В добрый путь!

Капли влаги мерно стекают по окну мансарды, и на подоконнике появляются маленькие радуги. Какой сегодня день? Четверг? Нет, пятница. Лежа в постели, я слушаю гул грузовиков, вой пневматических дрелей и крики рабочих. Обычный лондонский утренний хорал.

Вопреки моим благим намерениям, я позволил Али привезти меня вчера сюда – в дом ее родителей в Миллуолл. Нельзя было оставаться в ее квартире после всего, что случилось.

Когда мы приехали, родители Али уже спали. От усталости я еле держался на ногах, и Али провела меня в комнату для гостей, положив полотенце и кусок мыла в ногах кровати, как будто играла в гостиницу.

Наверное, это бывшая комната Али. На полках и шкафах громоздятся слоны всех видов: от маленьких стеклянных фигурок до огромного пушистого мамонта, охраняющего деревянный комод возле кровати.

В дверь комнаты тихонько стучат.

– Я принесла вам чашку чаю, – говорит Али, открывая дверь бедром. – И еще мне надо сменить вам повязку.

На ней халат, подвязанный шнуром с кистями, на кармане вышит слон. Она идет босиком, слегка покачивая бедрами, что почему-то наводит меня на мысль о пингвине – странная ассоциация, если учесть, как изящно она двигается.

– Как спали?

– Прекрасно.

Али знает, что я лгу. Присев рядом со мной, она достает ножницы, бинты и пластырь. Следующие пятнадцать минут я молча наблюдаю, как она освобождает, а потом вновь забинтовывает мое бедро.

– Швы скоро можно будет снять.

– Где ты научилась медицинским навыкам?

– У меня четыре брата.

– Я думал, что индийские мальчишки очень миролюбивы.

– Это не они начинают драки.

Отрезав последний кусок пластыря, она обматывает его вокруг моей ноги.

– Сегодня болит?

– Уже не так сильно.

Она хочет спросить о морфине, но воздерживается.

Когда она наклоняется, чтобы убрать ножницы, ее халат распахивается, и я вижу в вырезе ее груди с темными сосками. Почувствовав укол совести, я отворачиваюсь.

– Итак, что вы собираетесь делать с бриллиантами? – спрашивает она.

– Спрятать их в надежном месте. – Я окидываю взглядом комнату. – Видимо, ты любишь слонов.

Она с улыбкой признает это:

– Они приносят удачу. Видите: у них подняты хоботы.

– А что с этим? – Я указываю на мехового мамонта, опустившего хобот.

– Мне его подарил бывший парень. А потом тоже вымер.

Она собирает обрезки бинта и поправляет кружевную салфетку на тумбочке.

– Сегодня утром мне позвонили насчет Рэйчел Карлайл. – Она медлит, и во мне зарождается надежда. – С ней случилось что-то вроде нервного приступа. Ее нашел ночной сторож: она сидела в угнанной машине на каком-то пустыре в Килберне^[56].

– Когда это было?

– В то самое утро, когда вас выловили из реки. Полицейские отвезли ее в больницу Ройал-Фри в Хэмпстеде^[57].

Я чувствую не столько радость, сколько облегчение. До сих пор я пытался отогнать от себя мысли о том, кто же мог быть на той лодке. И чем дольше Рэйчел не находилась, тем труднее было верить в то, что она жива.

– Ее допросили?

– Нет. С ней даже не беседовали.

Это дело рук Кэмпбелла. Он не хочет расследовать ничего, что связано с Микки Карлайл, поскольку боится, что последствия окажутся непредсказуемыми. Нет, он ничего не замалчивает, он просто закрывает глаза на сомнительные вещи. Умелая аргументация – лучшая защита труса.

– Они обыскали квартиру Рэйчел и обнаружили ваши сообщения у нее на автоответчике. И еще ваш костюм. Они не хотят, чтобы вы добрались до нее – особенно теперь, перед апелляцией Говарда.

– Где сейчас Рэйчел?

– Выписалась восемь дней назад.

Кто-то из людей Кэмпбелла передал Али эти сведения, какой-то детектив, участвовавший в расследовании с самого начала. Вероятно, это был «новичок» Дэйв Кинг, которому она всегда нравилась. Мы зовем его «новичком», потому что он последним пришел в отдел тяжких преступлений, хотя это и было уже восемь лет назад.

– И как твой приятель?

Али морщит нос:

– Это вас не касается.

– Он хороший парень, этот Дэйв. Парень что надо. Думаю, у него есть шансы.

Она не отвечает.

– Конечно, он не первый после Бога, но далеко не последний.

– Он мне не подходит, сэр.

– Почему?

– Видите ли, его ноги тоньше моих. Если он *влезает* в мои трусики, как он может *залезть* в них?

И почти пятнадцать секунд она сидит с совершенно каменным лицом. Бедный Дэйв. Она для него слишком остра на язык.

Внизу, на кухне, я знакомлюсь с мамой Али. Эта женщина не больше пяти футов ростом, и в своем ярко-зеленом сари она похожа на елочную игрушку.

– Доброе утро, инспектор, добро пожаловать в наш дом. – Она улыбается мне своими темными глазами и выговаривает каждое слово так тщательно, словно я важная персона. А ведь она меня даже не знает. – Надеюсь, вы хорошо спали.

– Прекрасно, спасибо.

– Я приготовила вам завтрак.

– Обычно я завтракаю ближе к обеду.

Разочарованное выражение лица заставляет меня пожалеть о сказанном. Но, похоже, мой отказ не доставил ей особых хлопот. Она уже прибирает стол после первой группы едоков. Братья Али еще

живут в этом доме. Двое из них владеют гаражом в Майл-энде^[58], третий работает бухгалтером, еще один учится в университете.

Слышен звук спускаемой в туалете воды, и вскоре появляется отец Али. На нем форма железнодорожника, его голову украшает ярко-голубой тюрбан, а в бороде пробивается седина. Пожимая мне руку, он слегка кланяется:

– Добро пожаловать, инспектор.

Входит Али в джинсах и джемпере. Отец с трудом удерживается от замечания.

– Мы теперь в Британии, бабба, – говорит она, целуя его в лоб.

– За этими стенами – да, – отвечает он. – Но здесь ты – моя дочь. Достаточно того, что ты подстригла волосы.

В доме родителей Али должна носить сари. Однажды я видел, как она шла на свадьбу к двоюродной сестре: торжественно-прекрасная, облаченная в оранжевый и зеленый шелк. Тогда я почему-то ей позавидовал. Она не разрывается между культурами, а соединяет их.

– Спасибо, что разрешили у вас остаться, – говорю я, пытаюсь сменить тему.

Мистер Барба качает головой:

– Все в порядке, инспектор. Моя дочь все нам рассказала.

Почему-то я в этом сомневаюсь.

– Мы очень рады принимать вас. Садитесь. Угощайтесь. Я должен принести свои извинения и уйти.

Он берет со стола коробку с ланчем и термос. Миссис Барба провожает его до двери и целует в щеку. Из чайника начинает со свистом валить пар, и Али принимается заваривать свежий чай.

– Вам придется извинить моих родителей, – говорит она. – И я должна предупредить вас о расспросах.

– О расспросах?

– Моя мама очень любопытна.

Из прихожей доносится голос:

– Я все слышу.

– И слух у нее, как у летучей мыши, – шепчет Али.

– И это тоже слышу. – Миссис Барба снова появляется на кухне. – Уверена, что вы так со своей мамой не разговариваете, инспектор.

Я чувствую укол совести.

– Она в пансионате для престарелых.

– Я уверена, он очень уютный.

Она хотела сказать «дорогой»? Миссис Барба обнимает Али за талию.

– Моя дочь считает, что я за ней шпионю, только потому, что я раз в неделю прихожу прибраться у нее в квартире.

– Мне не нужны эти уборки.

– Вот как? Если ты королева и я королева, то кто будет воду носить?

Али закатывает глаза. Миссис Барба спрашивает у меня:

– У вас есть дети, инспектор?

– Двое.

– Вы ведь разведены, верно?

– Дважды. И хочу попытать удачи в третий раз.

– Как печально. Вам недостает жены?

– Еще как недостает: никто не достает.

Она не улыбается моей шутке. Наливает новую чашку чаю и садится напротив меня.

– Почему вам не повезло в браке?

Али в ужасе смотрит на нее:

– Мама, о таком не спрашивают!

– Все в порядке, – говорю я. – Только я не знаю, что ответить.

– Почему? Моя дочь говорит, что вы очень умны.

– Только не в сердечных делах.

– Любить жену совсем не трудно.

– Я любил одну, просто не смог ее удержать.

Не поняв даже, как это произошло, я рассказываю ей, что моя первая жена, Лора, умерла от рака в тридцать восемь лет, что моя вторая жена, Джесси, бросила меня, как только поняла, что брак – это не только на выходные, но на всю жизнь. Теперь она в Аргентине, снимает документальный фильм об игроках в поло и, вполне вероятно, спит с одним из них. А моя нынешняя жена, Миранда, собрала свои вещи, потому что я проводил больше времени на работе, чем дома. Мой рассказ похож на мыльную оперу.

Мы с Лорой должны были встретиться и полюбить друг друга в детстве, тогда я прожил бы с ней больше тех пятнадцати лет, что подарила нам судьба. Мы заслуживали большего. Она заслуживала большего.

Одна тема цепляется за другую, и вскоре я уже рассказываю о близнецах: что Клэр танцует в Нью-Йорке и что каждый раз, когда я вижу ее деформированные пальцы, мне хочется арестовать весь нью-йоркский балет; что, по последней имеющейся у меня информации, Майкл работает на чартерных яхтах в Карибском море.

Миссис Барба улавливает меланхолическую нотку в моем голосе.

– Вы их нечасто видите.

– Да, нечасто.

Она качает головой, и я жду лекции о родительской ответственности. Но она только наливает еще одну чашку и принимается рассказывать о своих детях и о своей вере. Она не видит различий между расами, полами и религиями. Люди везде одинаковы, за исключением некоторых стран, где к жизни относятся не так серьезно и где оправдывают ненависть. Когда мы уходим, Али снова извиняется за свою мать.

– Почему? Она очень мила.

– Она сводит меня с ума.

– Хочешь, поменяемся?

Сегодня у нас другой транспорт. Али взяла машину в гараже своих братьев. Я знаю, что это входит в ее подготовку: никогда не использовать одно и то же транспортное средство и не ездить по одному маршруту два дня подряд. Подобным вещам людей обучают годами. Интересно, что с этими людьми случается потом? Они начинают бояться окружающего мира, как Микки Карлайл?

Пока мы маневрируем между машинами, двигаясь на север по Эджвер-роуд, я пребываю в предвкушении разгадки. Сегодня моим сомнениям придет конец. Как только я найду Рэйчел, она расскажет мне, что произошло. Пусть я не вспомню, но, по крайней мере, буду *знать*.

Мы переезжаем через железнодорожный мост и поворачиваем направо, в промышленный район, полный автомобильных мастерских, бульдозеров, уличных рисовальщиков и инженерных контор. Голуби суетятся на помойках за кафе.

– Вот здесь нашли Рэйчел. Она сидела на пассажирском сиденье угнанной машины, – говорит Али, изучая карту, разложенную у нее на

колених. – Об угоне машины сообщили накануне вечером, она пропала из многоэтажного гаража в Сохо.

Небо очистилось, и солнце светит ярко, отражаясь в лужах. Выбравшись из машины, я иду к промышленному морозильнику, осторожно ступая по неровной земле. Ближайший завод или склад находится в пятидесяти ярдах. В Лондоне полно таких мест. Люди думают, что здесь живут очень тесно, используя каждый свободный квадратный фут, но здесь тысячи пустых складов, нежилых кварталов и пустырей.

Я не знаю, что надеюсь найти. Ответы. Свидетелей. Что-нибудь знакомое. Каждый человек оставляет след. Забавно – я не могу смотреть на пустующую землю, не прикидывая при этом, что на ней можно вырастить.

Я нахожусь посреди огромного города и думаю о ячмене и рапсе.

– Почему я ничего здесь не помню?

– Может, вы здесь никогда не были, – говорит Али. – Рэйчел бросила свою машину в трех милях отсюда.

– Но я пошел бы за ней.

– Как?

– Не знаю.

Отыскав самую ровную дорожку среди сорняков и мусора, мы доходим по ней до забора. За ним железнодорожное полотно линии метро Бейкерлоо. Земля дрожит, когда мимо проносится поезд.

Повернув у забора влево, мы доходим до пешеходного моста над рельсами. На севере смутно виднеются платформы станции Килберн. Вдоль колеи растут сорняки, между шпалами лежит мусор.

Хорошее место для передачи выкупа. Тихое. Ночью заводы и склады пустуют. Неподалеку трассы, уходящие на север и на юг. С запада на восток протянулась железная дорога. Десять минут в любом направлении – и окажешься за мили отсюда.

– Нужно, чтобы ты просмотрела учетные журналы в местном участке, – говорю я Али. – Я хочу знать обо всем, что случилось в ту ночь в радиусе четырех миль: о грабежах, нападениях, неправильных парковках, разбитых фонарях – обо всем, что сможешь найти.

– А что вы ищете?

– Когда найду, обязательно скажу тебе.

Больница Ройал-Фри в Хэмпстеде находится менее чем в полумиле от того места, где нашли машину Рэйчел, и в трех милях от места, где нашли ее саму. Али ждет на улице, а я захожу внутрь.

Дежурит женщина лет пятидесяти, с аккуратно заколотыми рыжеватыми волосами. Возможно, она медсестра, но без униформы трудно понять.

– Я инспектор Руиз. Мне нужна информация о женщине, которая лечилась у вас около недели назад. – Я замечаю карточку у нее на кофте и добавляю: – Огромное спасибо, Джоанна.

Она выпрямляется и поправляет волосы.

– Ее зовут Рэйчел Карлайл. Ее привезли полицейские.

Джоанна опирается на локти и смотрит на меня.

– Может, стоит посмотреть в компьютере, – подсказываю я.

Внезапно покраснев, она поворачивается к клавиатуре.

– Полагаю, мисс Карлайл у нас больше не лечится.

– Почему ее сюда поместили?

– Боюсь, я не могу предоставить подобную информацию.

– Когда она выписалась?

– Сейчас скажу... Двадцать девятого сентября.

– Вы знаете, куда она отправилась?

– Ну, здесь есть адрес... Но я не уверена...

Я знаю, что она сейчас скажет. Она попросит официальное удостоверение или сопроводительное письмо. А у меня больше нет значка.

Тут я замечаю, что она смотрит на мои руки, точнее на мое цыганское кольцо. Оно достаточно массивное, белого золота и украшено бриллиантом цвета шампанского. Если верить Даж, оно принадлежало моему дедушке, хотя я не понимаю, откуда она это знает и как смогла сохранить его в лагере.

Люди боятся цыган. Матушка прежде пользовалась этим. На школьных праздниках и местных ярмарках она устанавливала столик и раскидывала карты, предсказывая судьбу за несколько фунтов. В гостиной нашего дома устраивались и частные сеансы, когда опускались занавески и в воздухе пахло благовониями. В такие вечера нам с Люком велели убираться подальше.

– Мертвые вселяются в детей, – говорила Даж. – И похищают их души.

Эта чепуха о цыганских проклятиях и предсказаниях никогда не производила на меня никакого впечатления, но иногда, допрашивая подозреваемых, я замечаю, что они с опаской поглядывают на мое кольцо. Такой же взгляд сейчас у Джоанны.

Она переводит взгляд с кольца на место отсутствующего пальца.

– Это пуля, – говорю я, поднимая руку. – Иногда мне кажется, что палец еще здесь. Он чешется. Вы собирались дать мне адрес.

Она слегка вздрагивает:

– Думаю, ее забрал отец. Сэр Дуглас Карлайл.

– Тогда адрес не нужен. Я знаю, где он живет.

Сэр Дуглас Карлайл – банкир в отставке и потомок Роберта Брюса^[59], короля Шотландии. Во время первого расследования я его допрашивал и, кажется, не очень ему понравился. Кроме того, у него и на Рэйчел-то не хватало времени. Эти двое до пропажи Микки не разговаривали одиннадцать лет, с тех пор как она бросила университет, увлеклась левыми идеями и отреклась от отца из-за того, что он богат и родовит.

Она искупала его грех, работая попеременно в приютах для бездомных, жилищных кооперативах и экологических группах, спасая по дереву за раз. Но настоящим ударом в спину отца был ее брак с Алексеем Кузнецом.

Что действительно поразило меня в сэре Дугласе, так это его спокойствие и терпение. Он не терял уверенности, что однажды Рэйчел к нему вернется. И теперь начинало казаться, что он был прав.

Остановив машину возле его большого дома в Чизуике^[60], я внимательно изучаю свою внешность. Титулованные особы всегда вызывали во мне смущение. Я не смог бы стать классовым борцом. В саду красуется большой белый фонтан, от которого между клумбами и аккуратными лужайками во все стороны разбегаются дорожки.

Я слышу из глубины сада смех и негромкие удары ракетки по мячу. Доносятся то дикие крики восторга, то отчаянные возгласы разочарования. Кто-то либо играет в теннис, либо смотрит порнофильм шестидесятых годов.

Теннисный корт возле дома скрыт за оградой, увитой плющом. Мы движемся по тропинке и выходим к беседке возле корта, где на столе выставлены прохладительные напитки. На корте две пары.

Мужчины моего возраста демонстрируют дорогой загар и мускулистые руки. Женщины моложе и симпатичнее, на них мини-юбки и топы, обнажающие плоские животы.

Сэр Дуглас собирается подавать. Из-за его агрессивной манеры игры и орлиного носа матч не кажется таким уж любительским.

– Чем могу помочь? – спрашивает он, раздраженный тем, что ему помешали. Потом узнает меня.

– Извините, что побеспокоил вас, сэр Дуглас. Я ищу Рэйчел.

Он сердито запускает мячиком в забор.

– Я сейчас не могу этим заниматься.

– Это очень важно.

Он покидает корт вместе со своей партнершей, которая проходит мимо меня и берет спортивную куртку, чтобы не замерзнуть. Она вытирает лицо и шею. Очень изящную шею. Я читал, что сэр Дуглас развелся с матерью Рэйчел.

– Это Шарлотта, – представляет он.

Она ослепительно улыбается:

– Называйте меня Тотти. Так меня все называют. Я всю жизнь была Тотти^[61].

Я так и думал.

Сэр Дуглас кивает в сторону оставшихся на корте.

– А это наши друзья. – Он кричит им: – Может, пойдете в дом и переоденетесь к обеду? Встретимся внутри.

Пара машет ему в ответ.

Сэр Дуглас выглядит еще более подтянутым, чем я его помню с предыдущей нашей встречи. У него глубокий загар, какой бывает у моряков и австралийцев. Кажется, если отрезать ему руку, она и на срезе будет загорелой.

– Рэйчел здесь?

– С чего вы это взяли? – проверяет он меня.

– Вы забрали ее из больницы более недели назад.

Встревоженные мухи поднимаются с остатков утреннего чаепития и снова усаживаются на место.

– Не знаю, помните ли вы, инспектор, но моей дочери я, в общем-то, никогда не нравился. Она думает, что мой бизнес – своего рода мафия, а я – крестный отец. Она не ценит привилегии титула и образования, за которое я заплатил. Она думает, что честность может

быть только в бедности, и поверила в популярный миф о том, что рабочий класс состоит из достойных людей, набожных и здравомыслящих. А вот воспитание – это проклятие.

– Где она?

Он отпивает лимонад из стакана и смотрит на Тотти. Почему мне кажется, что сейчас меня накормят какой-то гадостью?

– Наверное, тебе лучше пойти в дом, дорогая, – говорит он. – Скажи Томасу, что он может здесь убрать.

Томас – это дворецкий.

Тотти встает, демонстрируя длину своих ног, и треплет его за щеку.

– Не позволяй расстраивать себя, милый.

Сэр Дуглас указывает на стулья, пододвигая один и для Али.

– Знаете, что самое трудное в отцовстве, инспектор? Попытки заставить детей избежать твоих же ошибок. Ты хочешь ими руководить. Хочешь, чтобы они принимали правильные решения, выходили замуж за стоящих людей, верили в нужные вещи, но не можешь заставить их пойти этим путем. Они сами принимают решения. Моя дочь решила выйти замуж за бандита и психопата. Она сделала это отчасти для того, чтобы наказать меня. Я это знаю. Я знал, что за человек этот Алексей Кузнец. Это было у него в крови. Яблочко от яблони... – Сэр Дуглас засовывает ракетку в чехол. – Как ни странно, мне было даже немного жаль Алексея. Рэйчел удовлетворилась бы только миллионером с чистой совестью, а такого не бывает, если, конечно, не относиться серьезно к возможности выиграть в лотерею или найти сокровище.

Я не понимаю, куда он клонит, но стараюсь скрыть отчаяние:

– Просто скажите мне, где Рэйчел.

Он не обращает внимания на мои слова.

– Я всегда жалел людей, которые не хотят иметь детей. Они не знают, что такое истинная человечность и любовь во всех ее формах. – Его глаза слегка затуманиваются. – Я был не очень последователен и не слишком объективен. Я хотел, чтобы Рэйчел заставила меня гордиться ею, не понимая, что я должен гордиться ею безо всяких условий.

– Как она себя чувствует?

– Поправляется.

– Мне нужно с ней поговорить.

– Боюсь, это невозможно.

– Вы не понимаете... Поступило требование о выкупе. Рэйчел верила, что Микки еще жива. Мы оба в это верили. Я должен узнать почему.

– Это официальное расследование, инспектор?

– Должны были быть доказательства. Какие-то улики, которые убедили бы нас.

– Мне звонил главный суперинтендант Кэмпбелл. Я его плохо знаю, но он производит благоприятное впечатление. Он поделился со мной своим подозрением, что вы можете попытаться установить контакт с Рэйчел. – Он больше на меня не смотрит. Можно подумать, что он разговаривает с деревьями. – Моя дочь пережила нервный срыв. Какие-то бессовестные и бессердечные люди воспользовались ее горем. Она почти ни слова не сказала с тех самых пор, как ее нашли.

– Мне нужна ее помощь...

Сэр Дуглас жестом перебивает меня:

– Доктор не велел. Ее нельзя расстраивать.

– Но погибли люди. Совершено серьезное преступление...

– Да, именно. Но произошло и нечто хорошее. Моя дочь вернулась домой, и я собираюсь защищать ее. Я намерен позаботиться о том, чтобы больше никто никогда ее не обидел.

Он не шутит. В его глазах горит чистая, неколебимая, идиотская решимость. Весь наш разговор не более чем ритуал. Я даже жду, что он вот-вот скажет: «Зайдите в другой раз», словно в мире нет ничего проще, чем прийти на другой день.

Меня накрывает горячая волна отчаяния. Я не могу уйти, не поговорив с Рэйчел, – слишком многое поставлено на карту.

– А Рэйчел знает о том, что до исчезновения Микки вы подавали на оформление опеки?

Он морщится:

– Инспектор, моя дочь была алкоголичкой. Мы беспокоились за Микаэлу. Однажды Рэйчел упала в ванной, и моя внучка всю ночь пролежала рядом с ней на полу.

– Откуда вы об этом узнали?

Он не отвечает.

– Вы за ней шпионили.

Он снова молчит. Я с самого начала знал об оформлении опекуна. Если бы Говард не вызвал таких сильных подозрений, я продолжил бы расследование и схлестнулся бы с сэром Дугласом.

– Как далеко вы могли зайти, чтобы защитить Микки?

Окончательно рассердившись, он уже почти кричит:

– Я не похищал собственную внучку, если вы на это намекаете. Правда, жаль, что я этого не сделал: возможно, тогда она была бы жива. Все, что случилось в прошлом, прощено и забыто. Моя дочь вернулась домой.

Он встает. Разговор закончен.

Вскочив на ноги, я кидаюсь к дому. Он пытается меня задержать, но я отталкиваю его и ору:

– Рэйчел!

– Вы не имеете права! Я требую, чтобы вы ушли!

– *Рэйчел!*

– Немедленно покиньте мои владения!

Али пытается меня остановить:

– Сэр, наверное, нам лучше уйти.

Сэр Дуглас догоняет меня перед верандой. Он удивительно силен, этот загорелый, жилистый мужчина.

– Бросьте это, сэр, – говорит Али, хватая меня за руки.

– Я должен повидать Рэйчел.

– Но не таким способом.

В это мгновение появляется Томас в переднике поверх отглаженной белой рубашки. Он держит подсвечник, как дубинку.

Внезапно сцена представляется мне смутно знакомой и оттого смешной. Подсвечник в качестве одного из возможных орудий преступления фигурирует в «Клюдо», правда, дворецкого среди подозреваемых нет^[62]. Подозревать прислугу – слишком избитое клише.

Томас возвышается надо мной, а сэр Дуглас отряхивает с коленок грязь и травинки. Али подает мне руку, помогая подняться, и ведет к дорожке.

Сэр Дуглас уже говорит по телефону – без сомнения, жалуется Кэмпбеллу. Повернувшись, я кричу:

– Что если вы совершаете ошибку? Что если Микки жива?

Мне отвечают только птицы.

Порывшись в карманах, я вытаскиваю капсулу с морфином и пытаюсь проглотить ее, не запивая, так что она едва не застревает у меня в горле. Через несколько минут, открыв глаза, я вглядываюсь в бледную прозрачную дымку. Кажется, что машины дрейфуют между красными светофорами, а люди плывут по мостовым, как листья по реке.

Вереница автобусов застопорилась. Мой отчим умер на автобусной остановке в Брэдфорде^[63] в октябре 1995-го. Его хватил удар, когда он ехал к кардиологу. Видите, что бывает, когда автобус задерживается. В гробу он выглядел очень солидно, словно адвокат или бизнесмен, а не фермер. Немногочисленные оставшиеся на его голове волосы были прилизаны и разделены таким пробором, какой у него никогда не получался при жизни. Какое-то время я себе тоже такой делал. Думал, что от этого больше похожу на англичанина.

После похорон Даж переехала в Лондон. Она поселилась у нас с Мирандой. Они были как масло и уксус. Даж, естественно, была уксусом: крепкой и темной. Как ни пытались их соединить, они все равно разделялись, а я оказывался между ними.

На мостовой под матерчатым навесом между корзинами с цветами мерзнет молодая продавщица. Полностью спрятав руки в рукава джемпера, она обнимает себя за плечи, чтобы согреться. Алексей обычно нанимает на работу беженцев и иммигрантов. Они обходятся дешевле и проявляют больше благодарности. Интересно, что снится этой девушке, когда она засыпает в своей постели в дешевой гостинице или съемной комнате. Думает ли она, что ей повезло?

Десятки тысяч людей оказались заброшены сюда из Восточной Европы, из бывшего социалистического лагеря, страны которого провозгласили свою независимость и тотчас же начали распадаться. Иногда кажется, что вся Европа обречена на этот распад и будет делиться на все меньшие и меньшие кусочки до тех пор, пока нам не хватит земли для того, чтобы сохранить язык и культуру. Быть может, нам всем суждено стать цыганами.

Мною движут ярость и страх. Ярость оттого, что в меня стреляли, и страх, что не удастся узнать почему. Я хочу либо вспомнить, либо забыть. Я не могу жить посередине. Или верните мне пропавшие дни, или окончательно сотрите все из моей памяти.

Али чувствует мое состояние.

– Дела раскрывают факты, а не воспоминания. Вы так сказали. Мы должны просто продолжать расследование.

Она не понимает. Рэйчел знала ответы. Она рассказала бы мне, что случилось.

– Он ни за что не разрешил бы вам встретиться с ней. Нам нужно найти другой путь.

– Если бы я мог передать ей сообщение...

И тут в мозгу у меня совершается какая-то химическая реакция, и в памяти всплывает лицо: темноволосая женщина с родимым пятном на шее, похожим на карамельный потек. Кирстен Фицрой – лучшая подруга и бывшая соседка Рэйчел.

Некоторые женщины с самого рождения наделены особым взглядом. Они смотрят на тебя так, словно знают и всегда будут знать, о чем ты думаешь. Кирстен была такой. В дни после исчезновения Микки она стала той скалой, за которую уцепилась Рэйчел: Кирстен защищала ее от прессы, готовила ей еду, просто помогала выжить.

Она может передать Рэйчел сообщение. Она может выяснить, что произошло... Я знаю, что Кирстен живет где-то в Ноттинг-хилле.

– Я могу уточнить адрес, – говорит Али. Остановив машину, она звонит по мобильному «новичку» Дэйву.

Спустя двадцать минут мы тормозим на Лэдброк-сквер, возле большого беленого дома в георгианском стиле, выходящего окнами на общественные сады. Соседние дома окрашены в карамельные цвета, то тут, то там мелькают кафе и рестораны. Кирстен явно улучшила свое материальное положение.

Ее квартира на четвертом этаже, окна выходят на улицу. Я задерживаюсь на площадке, переводя дух. И тут замечаю, что дверь приоткрыта. Али, сразу насторожившись, осматривает лестницу.

Толкнув дверь, я зову Кирстен. Никакого ответа.

Замок выломан, и на полу за порогом лежат щепки. Дальше в прихожей, на коврике из соломки, раскиданы бумаги и одежда.

Али расстегивает кобуру и жестом велит мне оставаться на месте. Я качаю головой. Лучше я прикрою ее со спины. Она перекатывается через порог кухни и, пригнувшись, двигается по коридору. Я иду за ней, глядя в противоположном направлении. Мебель в гостиной перевернута, обивка дивана распорота самурайским мечом. Наполнитель торчит наружу, словно кишки убитого зверя.

Абажуры из рисовой бумаги разорваны и валяются на полу. Ваза с засохшими цветами лежит на боку, стеклянная ширма разбита вдребезги.

Переходя из комнаты в комнату, мы обнаруживаем все новые следы разрушения. Еда, безделушки, посуда валяются на полу кухни между перевернутыми ящиками и открытыми шкафами. Стул сломан. На него вставали, чтобы заглянуть за шкафчики.

На первый взгляд это кажется скорее актом вандализма, чем ограблением. Потом среди разгрома я замечаю несколько конвертов. Обратный адрес с каждого из них аккуратно удален. Возле телефона нет ни дневника, ни записной книжки. Кто-то оборвал со стены записки и фотографии, так что от них остались кое-где только уголки, приколотые разноцветными булавками.

Из-за морфина реальность расплывается. Я иду в ванную и ополаскиваю лицо холодной водой. Через вешалку перекинута полотенце и женская сорочка, в ванну упал тюбик помады. Достав его, я снимаю колпачок и разглядываю конус помады, словно это какая-то подсказка.

Над раковиной, слегка покосившись, висит квадратное зеркало в раме, украшенной перламутром. Я похудел. Щеки ввалились, у глаз образовались морщины. Или, может быть, в зеркале кто-то другой. Может быть, меня скопировали и поместили в иную вселенную. А настоящий мир – по ту сторону стекла. Я чувствую, что действие наркотика прекращается, и хочу уцепиться за нереальность.

Поставив помаду на полочку, я удивляюсь количеству бальзамов, паст, порошков и ароматических смесей. От них исходит аромат Кирстен, и я вспоминаю нашу первую встречу в Долфин-мэншн на следующий день после исчезновения Микки.

Она была высокой и худой, с тонкими руками и ногами, и кремовые слаксы сидели так низко на ее бедрах, что казалось

непонятным, на чем же они держатся. Ее квартира была увешана старинным оружием и доспехами. Имелись даже два самурайских меча, скрещенные на стене, и японский шлем, сделанный из железа, кожи и шелка.

– Говорят, его носил Тоётоми Хидэёси^[64], – объяснила Кирстен. – Он объединил Японию в шестнадцатом веке, в эпоху междоусобных войн. Вы интересуетесь историей, инспектор?

– Нет.

– Так вы не верите, что мы можем учиться на своих ошибках?

– До сих пор нам это не удавалось.

Она приняла мое мнение, не согласившись с ним. Али ходила по квартире, восхищаясь трофеями.

– Так чем, говорите, вы занимаетесь? – спросила она Кирстен.

– Я ничего еще не говорила. – Она улыбнулась уголками глаз. – Я управляю агентством по найму персонала в Сохо. Мы ищем поваров, официанток и все такое.

– Похоже, ваш бизнес процветает.

– Я много работаю.

Кирстен заварила чай в расписанном вручную японском чайнике и достала такие же керамические чаши. Нам пришлось встать на колени вокруг маленького столика, а она опустила в чайник миниатюрный черпачок и взбила заварку, как яичницу. Я не понял смысла этой сложной церемонии. Али казалась более осведомленной в вопросах медитации и Единого Сознания.

Кирстен прожила в Долфин-мэншн три года; она въехала через несколько недель после Рэйчел и Микки. Они с Рэйчел подружились. Сначала вместе пили кофе. Потом вместе ходили по магазинам и брали друг у друга одежду. И все же Рэйчел, видимо, не посвятила Кирстен в подробности об Алексее и своей знаменитой семье. Это было слишком большой тайной.

– Кто бы мог подумать... Вот уж действительно Красавица и Чудовище, – сказала мне Кирстен, услышав новости. – Столько денег, а она живет здесь.

– А вы бы что сделали?

– Забрала бы свою долю и уехала в Патагонию или куда подальше – и всю оставшуюся жизнь спала бы с пистолетом под подушкой.

– У вас богатое воображение.

– Я же сказала, что слышала истории про Алексея. Каждый ведь рассказывает что-то свое. Например, о том, как он играл в блэк-джек в Лас-Вегасе, и тут заходит сетевой миллионер и говорит, что Алексей занял его стул. Алексей не обращает на него внимания, и калифорниец говорит: «Слушай, ты, убогий придурок, я стою шесть миллионов долларов, и это мой стул, черт побери!» Тогда Алексей вытаскивает из кармана жетон и говорит: «Шесть миллионов? Ставлю тебя на кон».

Она не ждала, что мы засмеемся. Просто позволила паузе затянуться. Я предпочел бы, чтобы она дала возможность вытянуться моим затекшим ногам.

У нее было алиби на время исчезновения Микки. Комендант Рэй Мерфи чинил ей душ. И, как она сказала, это ему удалось всего лишь с третьей попытки.

– А что вы делали потом?

– Снова пошла спать.

Она загадочно посмотрела на меня и добавила: «Одна».

Двадцать лет назад я подумал бы, что она со мной флиртует, но тогда я уже знал, что она надо мной смеется. Возраст и мудрость не приносят облегчения самолюбию. Миром по-прежнему правит молодость.

Вернувшись в гостиную, я вижу, что Али осматривает содержимое разоренных книжных шкафов. Тот, кто это сделал, открыл каждую книгу, папку и фотоальбом. Дневники, записные книжки, компьютерные диски и фотографии пропали. Это было не ограбление, это был обыск. Они искали Кирстен. Им были нужны имена друзей и знакомых – всех, кто может ее знать.

– Надо сообщить в полицию, сэр.

– Да.

– Что мне сказать?

– Правду. Скажи, что мы обнаружили следы взлома.

Мы ждем приезда официальных лиц внизу, сидя на крыльце и перебирая возможные варианты. Начинает моросить дождь. Он оседает на волосах Али и собирается тысячами мельчайших капелек на швах ее пальто.

На другой стороне улицы группа грязных мальчишек высыпает из «рейнджровера», на ногах у них только носки, поскольку футбольные

бутсы сняты и болтаются на шее.

Неподалеку от них я замечаю машину, в которой кто-то сидит. Я ничего не заметил бы, если бы не огонек зажигалки. Мне приходит в голову, что Кибел мог установить за мной наблюдение, но почти сразу я нахожу иное объяснение. Возможно, кто-то ждет, когда Кирстен вернется домой.

Я спускаюсь на тротуар и потягиваюсь. Солнце пытается пробиться к земле, но его глотают серые тучи. Я отправляюсь в путь по площади. Сперва иду в сторону от подозрительной машины, однако на углу поворачиваю и перехожу через дорогу. Останавливаюсь и читаю табличку на пьедестале бронзового всадника.

Снова поворачиваюсь и продолжаю двигаться. Неловко взлетает голубь. Теперь я иду прямо к машине. Уже различим чей-то силуэт за рулем.

Держась поближе к тротуару, чтобы нас разделял ряд машин, в самый последний момент я выныриваю из-за «ауди». На сиденье рядом с водителем лежит фотография Кирстен Фицрой.

Крупный седоволосый человек ошарашенно смотрит на меня. Я вижу два смутных отражения в его темных очках – это мое лицо. Пытаюсь открыть дверцу. Он поворачивает ключ зажигания, и я ору, чтобы он не двигался.

В этот момент на сцену выходит Али, разворачивая машину поперек дороги, чтобы перекрыть ему путь. Найдя заднюю передачу, мужчина отчаянно газует, и резина визжит по асфальту. Он врывается в машину позади, потом резко устремляется вперед, двигая стоящие впереди автомобили. Шины скрипят и дымятся, а он снова включает заднюю передачу.

Али выскакивает из машины, держа руку на кобуре. Водитель замечает ее первым. Он поднимает пистолет, целясь ей в грудь.

Я инстинктивно бью по лобовому стеклу костылем, который разлетается на лакированные обломки. Шум отвлекает незнакомца. Али падает на землю и перекачивается к обочине. Я бросаюсь в другую сторону, падая быстро, но далеко не так грациозно.

Вдруг в ближайшем доме, всего в восемнадцати футах от нас, открывается дверь. Появляются две девочки, одна тянет за собой велосипед. Пистолет направляется на них.

Я выкрикиваю им предостережения, но они стоят и тупо смотрят на нас. С такого расстояния он не промахнется.

Бросив взгляд на Али, я вижу, что она уже на ногах, а ее правая рука с «Глоком» вытянута в сторону незнакомца.

– Я могу его накрыть, сэр.

– Пусть уходит.

Она опускает руку. Машина движется задним ходом до перекрестка и, развернувшись со скрипом тормозов, уносится на север в направлении Лэдброк-гроув^[65].

Мы сидим рядом на поребрике. В воздухе пахнет горелой резиной. Девочки куда-то исчезли, зато в окнах ближайших домов показались встревоженные лица.

Али вытирает с рук пистолетную смазку.

– Я могла бы его уложить.

– Знаю.

– Тогда почему?

– Потому что вас учат, как убивать людей, но не учат, как потом с этим жить.

Она кивает, и порыв ветра роняет ей челку на глаза. Она отводит ее рукой.

– Вы его узнали?

Я качаю головой:

– Он ждал Кирстен. Она кому-то очень нужна.

Полицейская машина показывается из-за угла и медленно плывет по улице. Два парня в форме смотрят в окно, вглядываясь в номера домов. Пять минут назад они или опозорились бы, или погибли. Спасибо небесам за счастливые опоздания.

Надо опросить свидетелей и записать показания. Али отвечает почти на все вопросы, описывая машину и водителя. Согласно компьютерной базе, номера принадлежат фермерскому микроавтобусу из Ньюкасла. Их либо украли, либо подделали.

В обычных обстоятельствах местный участковый классифицировал бы это происшествие как хулиганство на дорогах или отказ подчиняться полиции. Под обычными обстоятельствами я подразумеваю ситуацию, в которую вовлечены рядовые граждане, а не два сотрудника полиции.

Сержант Майк Друри – один из тех реформаторов из «Паддингтон-грин»^[66], который поднаторел в допросах членов ИРА, а теперь и «Алькаиды». Он меряет взглядом улицу, засунув руки в карманы. Его длинный нос морщится, словно ему не нравится, как пахнет местный воздух.

– Итак, скажите мне, зачем вам понадобилась Кирстен Фицрой?

– Я пытаюсь разыскать ее подругу Рэйчел Карлайл.

– И зачем вы хотите с ней встретиться?

– Поболтать о старых добрых временах.

Он ждет более подробных объяснений. Но я не иду ему навстречу.

– У вас был ордер?

– Он мне не потребовался. Когда мы приехали, дверь была открыта.

– И вы вошли внутрь?

– Посмотреть, не совершается ли там преступление. Мисс Фицрой могла нуждаться в помощи. У нас были основания.

Мне не нравится тон, которым он задает вопросы. Это больше похоже на допрос, чем на беседу. Друри что-то скребет в блокноте.

– Итак, вы сообщили о взломе и заметили парня в машине.

– В нем было нечто странное.

– Странное?

– Да.

– Подойдя к нему, вы показали значок?

– Нет. У меня нет с собой значка.

– Вы представились офицером полиции?

– Нет.

– Так что же вы сделали?

– Попытался открыть дверцу.

– Значит, этот парень сидел себе в машине и никого не трогал, и тут откуда ни возьмись появляетесь вы и пытаетесь вломиться к нему в машину?

– Не совсем так.

Друри изображает адвоката дьявола.

– Он не знал, что вы из полиции. Должно быть, вы его до смерти напугали. Неудивительно, что он сбежал...

– У него был пистолет. И он направил его в мою напарницу.

– Напарницу? А я думал, что наша сотрудница мисс Барба работает в отделе сопровождения и в настоящее время находится в отпуске... – Он сверяется с блокнотом. – И согласно моим сведениям, вчера вы были отстранены от своих обязанностей и теперь являетесь героем разбирательства, проводимого независимым комитетом по рассмотрению жалоб на сотрудников полиции.

Этот парень порядком меня разозлил. И не только он – отношение вообще. Сорок три года на службе, и вот теперь со мной обращаются так, словно я Чарльз Бронсон, снимающийся в «Жажде смерти 15»^[67].

В прежнее время здесь повсюду уже ползали бы шесть десятков полицейских: искали машину, опрашивали свидетелей. А вместо этого мне приходится заниматься всякой ерундой. Может, Кэмпбелл прав и мне следовало уйти в отставку три года назад. Все, что я делаю сейчас, либо противозаконно, либо кому-то мешает. Но я еще не потерял хватки и в сто раз умнее, чем этот дурень.

– Али сможет ответить на остальные вопросы. А у меня есть занятия поважнее.

– Вам придется подождать. Я не закончил, – говорит Друри.

– У вас есть пистолет, сержант?

– Нет.

– А наручники?

– Нет.

– Что же, если вы не можете меня пристрелить или заковать, то вы не можете задержать меня здесь.

Профессор живет на Примроуз-хилл^[44], в дальнем конце зеленой улочки, где цена любого дома составляет семизначную цифру, а каждая машина загажена птицами. Эта извращенная справедливость мне нравится.

Джо открывает двери после второго звонка. На нем фланелевые брюки и рубашка без воротника. Критически осмотрев меня, он констатирует:

– Вы ужасно выглядите.

– Еще бы! Меня постоянно пытаются пристрелить.

За его спиной появляется Джулиана, похожая на модель, только что сошедшую с рекламного плаката.

Высокие скулы, голубые глаза, гладкая кожа. Она тихо объявляет:

– Вы ужасно выглядите.

– Мне все это говорят.

Она целует меня в щеку, и я иду за ней по коридору в кухню. На высоком стульчике сидит малышка с ложкой в руках. Ее щеки и лоб перемазаны яблочным пюре. Десятилетняя Чарли, уже вернувшаяся из школы, контролирует процесс кормления.

– Простите, – шепчу я Джулиане, чувствуя неуместность своего вторжения. – Я не подумал... что вы все будете здесь.

– Да, у нас есть дети, не забыли?

Джо хочет спросить меня, что случилось, но воздерживается из-за Чарли, которая обожает полицейские истории тем больше, чем они мрачнее.

– Вы сегодня кого-нибудь уже арестовали? – спрашивает она меня.

– С какой стати? Ты что, сделала что-то плохое?

Она широко распахивает глаза:

– Нет!

– Продолжай в том же духе.

Джулиана протягивает мне чашку кофе и замечает отсутствие пальца на моей руке.

– Полагаю, вы пришли по делу, а не для того, чтобы устроить свою личную жизнь.

Чарли впечатлена не меньше и наклоняется, чтобы рассмотреть опустевшее основание, где на суставе сморщилась кожа.

– Что случилось?

– Я слишком торопился, когда ел гамбургер.

– Какая гадость!

– Я не почувствовал никакого вкуса.

Джулиана шикает на меня:

– Хватит, а то она будет плохо спать. Ступай, Чарли, тебе пора делать уроки.

– Но сегодня пятница. Ты сказала, что мы пойдем покупать туфли.

– Пойдем завтра.

Ее настроение улучшается.

– А можно купить с каблуками?

– Только вот с такими. – Джулиана отмеряет пальцами дюйм.

– Фу!

Чарли пристраивает малышку на бедро, гладит ее по головке и убирает прядь волос с глаз. Боже, как она похожа на свою мать!

Джо приглашает меня в свой кабинет. Я поднимаюсь за ним по лестнице в небольшую комнату, которая выходит окнами в сад. Почти все свободное место занимает письменный стол, втиснутый между книжными полками и картотекой. Справа на стене висит стенд, пестрящий записками, открытками и семейными фотографиями.

Это убежище Джо. Если бы я жил с тремя женщинами, я тоже такое завел бы. Только в моем были бы бар и телевизор.

Джо убирает папки со стула и расчищает стол. Мне кажется, что он не так аккуратен, как раньше. Наверное, это из-за болезни.

– У вас нет костыля, – замечает он.

– Я его сломал.

– Я могу дать вам другой.

– Не надо. Моя нога уже почти в порядке.

В течение следующего часа мы обсуждаем неудачи, случившиеся со мной за день. Я рассказываю Джо о сэре Дугласе и о нападении у квартиры Кирстен. Его лицо ничего не выражает. Оно словно чистая страница в одном из его блокнотов. Однажды он рассказывал мне о симптоме под названием «маска Паркинсона». Может, это она.

Джо начинает рисовать в блокноте.

– Я размышлял о выкупе.

– И до чего додумались?

– Сначала должно было прийти письмо либо электронное сообщение или поступить телефонный звонок. Вы говорили о ДНК-тесте.

– Пряди волос.

– Первое известие должно было стать огромным потрясением. Есть погибшая девочка, человек сидит за ее убийство, и вдруг этот выкуп. Что вы подумали?

– Не помню.

– Но вы можете представить. Поставьте себя в подобные обстоятельства. Что вы подумаете, когда получите требование?

– Что это фальшивка.

– Но вы никогда не были до конца уверены в виновности Говарда.

– Все равно пахнет подделкой.

– Что могло бы изменить ваше мнение?

– Доказательства, что она жива.

– В письме были пряди волос.

– Я их проверил.

– Что еще?

– Я проверил бы все: чернила, почерк, бумагу...

– Кто этим занимается?

– Криминалисты.

– Но ваш начальник отказывается в это верить. Он велит вам бросить дело.

– Он не прав.

– Никто не верит письму, кроме матери девочки и вас. Почему верите вы?

– Не может быть, чтобы только из-за волос. Мне нужны другие доказательства.

– Например?

– Фотография или, еще лучше, видеозапись. И там должна быть какая-то ссылка на время, например, первая страница газеты.

– Что-нибудь еще?

– Кровь или образец кожи – что-то, чему не может быть три года.

– Если таких доказательств нет, станете ли вы организовывать передачу выкупа?

– Не знаю. Это может оказаться подделкой.

– Но, наверное, вы хотите поймать мошенников.

– Я не стал бы из-за этого подвергать Рэйчел опасности.

– Значит, вы верите в то, что Микки жива.

– Да.

– Ни один из ваших коллег с вами не согласен. Почему?

– Возможно, доказательства неубедительны.

Джо поворачивается на стуле боком ко мне и смотрит на меня искоса. Когда я молчу или запинаюсь, он задает новый вопрос. Это похоже на задание восстановить рисунок по точкам, ориентируясь по возрастанию цифр.

– Зачем кому-то ждать три года, чтобы потребовать выкуп?

– Возможно, ее похитили не из-за выкупа – поначалу.

– Тогда зачем?

Я усиленно размышляю. По словам Рэйчел, никто в Англии не знал, что Алексей – отец Микки. Конечно, об этом знал сэр Дуглас, но он вряд ли стал бы просить выкуп.

– Значит, Микки забрал кто-то другой, и мы возвращаемся к прежнему вопросу: зачем ждать три года? – продолжает Джо.

Я снова не могу найти ответа. Высказываю предположение:

– Либо Микки у них не было, либо они хотели ее оставить.

– Тогда зачем сейчас отдавать?

Я понимаю, к чему он клонит. В выкупе нет смысла. Что я себе воображаю: что Микки три года провела где-то, прикованная цепью к батарее? Это невероятно. Она не сидит в какой-то комнате в кресле, болтая ногами и дожидаясь, пока ее спасут.

Джо все еще говорит:

– Есть еще один вопрос. Если Микки до сих пор жива, нужно понять, хочет ли она вернуться домой. Для семилетнего ребенка три года – огромный срок. Она могла привязаться к другим людям, найти новую семью.

– Но она же написала письмо!

– Какое письмо?

Это похоже на резкий порыв ветра. Я помню! Открытка и детский почерк – написано большими буквами. Я могу процитировать.

ДОРОГАЯ МАМОЧКА!

Я ПО ТЕБЕ ОЧЕНЬ СКУЧАЮ И ХОЧУ ВЕРНУТЬСЯ ДОМОЙ. Я МОЛЮСЬ КАЖДЫЙ ВЕЧЕР И ВСЕГДА ОБ ЭТОМ ПРОШУ. ОНИ ГОВОРЯТ, ЧТО ОТПУСТЯТ МЕНЯ, ЕСЛИ ТЫ ИМ ЧТО-ТО ПРИШЛЕШЬ. ДУМАЮ, ИМ НУЖНЫ ДЕНЬГИ У МЕНЯ В КОПИЛКЕ ПОД КРОВАТЬЮ ЕСТЬ 25 ФУНТОВ И НЕСКОЛЬКО ЗОЛОТЫХ МОНЕТ. ПОЖАЛУЙСТА, ПОСПЕШИ. Я СКОРО С НОВА СМОГУ С ТОБОЙ ВСТРЕТИТЬСЯ, ЕСЛИ ТОЛЬКО ТЫ НЕ ПОЗВОНИШЬ В ПОЛИЦИЮ.

С ЛЮБОВЬЮ, МИККИ

P. S. ТЕПЕРЬ У МЕНЯ ВЫРОСЛИ ОБА ПЕРЕДНИХ ЗУБА.

В это мгновение мне даже хочется обнять Джо. Господи, как здорово помнить! Это лучше морфина.

– Что вы сделали с открыткой? – спрашивает он.

– Отнес на анализ.

– Куда?

– В частную лабораторию.

Я представляю себе, как открытку кладут под стекло и тщательно изучают при помощи особой машины – спектрального видеосканера. Данный анализ может показать, был ли изменен почерк и какими чернилами пользовался писавший.

– Почерк был похож на детский.

– Вы не очень уверенно это говорите.

– А я и не уверен.

Я помню, как графолог объяснил мне, что большинство детей выводят в букве «R» вертикальную линию выше окружности. На открытке этого не было. Дети также пишут «E» с горизонтальными линиями одинаковой длины. И перечеркивают заглавную «J», тогда как взрослые этого не делают.

Но основные выводы можно было сделать из расположения строчек. Дети с трудом пишут на нелинованной бумаге. Строчки у них получаются неровными. И, поскольку дети не могут рассчитать, сколько им потребуется места, то строчки у них обычно загибаются

вниз и буквы к концу текста становятся меньше. Строчки в этом письме были идеально ровными.

– Значит, его написал не ребенок? – спрашивает Джо.

– Нет.

У меня вдруг начинает щемить сердце. Джо пытается удержать мое внимание на предмете разговора.

– А как насчет волос?

– Их было шесть.

– Там были указания, как передать выкуп?

– Нет.

– Значит, должны были поступить другие письма или телефонные звонки.

– Звучит правдоподобно.

Джо все еще водит карандашом по блокноту, рисуя спираль с темным центром.

– Свертки с бриллиантами были водонепроницаемы и предназначены для перемещения по воде. Оранжевый полиэтилен делал их заметными в темноте. Почему было четыре одинаковых свертка?

– Не знаю. Может, было четыре похитителя?

– Они могли бы поделить их потом.

– У вас есть предположение?

– Думаю, свертки должны были куда-то поместиться... или через что-то проплыть.

– Что-то вроде трубы?

– Да.

Я обессилен, но воодушевлен. У меня словно открылись глаза, и впереди начал мерцать свет.

– Можете расслабиться, – говорит Джо. – Вы хорошо поработали.

– Я вспомнил открытку.

– Да, и что же?

– В ней упоминалась копилка Микки. Даже была указана точная сумма. Это мог знать только кто-то, близко знакомый с Микки и Рэйчел.

– Правдоподобная деталь.

– Но этого недостаточно.

– Наберитесь терпения.

В Лондоне есть три частные лаборатории, в которых проводятся генетические исследования. Крупнейшая из них – корпорация «Генетех» на Харли-стрит. В холле гранитная стойка, кожаные кресла и плакат в рамке: «Верните себе покой – установите отцовство». Не оксюморон ли это?

Над стойкой возвышается девушка с растрепанными волосами и безучастным лицом. Ее облик дополняют жемчужные серьги в сочетании с пластмассовой зажигалкой, засунутой за тесемку бюстгальтера.

– Добро пожаловать в «Генетех». Чем могу помочь?

– Вы меня помните?

Она недоуменно моргает:

– Э-э... Ну, не думаю. А вы здесь уже были?

– Я надеялся, что вы мне подскажете. Может, я был здесь около месяца назад.

– Вы заказывали тест?

– Думаю, да.

Она и глазом не моргнула. Я мог бы попросить установить отцовство принца Уильяма, и она все равно продолжала бы вести себя как ни в чем не бывало. Она спрашивает мое имя и стучит пальцами по клавиатуре.

– Это было полицейское расследование?

– Нет, частный тест.

Она снова давит на клавиши.

– Да, вот он – ДНК-тест. Вы хотели, чтобы провели сопоставление с предыдущим образцом... – Она запинаясь и что-то озадаченно мычит.

– В чем дело?

– Вы также попросили, чтобы проанализировали письмо и конверт. Заплатили наличными. Почти четыреста пятьдесят фунтов.

– Как долго делали тест?

– Пять дней. Иногда он занимает до шести недель. Видимо, вы спешили. А что, есть какие-то проблемы?

– Мне надо посмотреть на результаты. Я их не получил.

– Но вы лично забрали их. Здесь так и указано. – Она тычет пальцем в экран.

– Наверное, вы ошибаетесь.

В ее глазах появляется сомнение.

– Так вам нужны копии?

– Нет. Я хочу поговорить с человеком, который проводил тесты.

Следующие двадцать минут я ожидаю, сидя на кожаном диване и листая брошюру о генетических тестах. Мы живем в век тотальной подозрительности. Жены проверяют мужей, мужья проверяют жен, родители выясняют, не принимают ли их малолетние дети наркотики и не спят ли они с кем попало, но некоторых вещей лучше не знать.

Наконец меня ведут вверх по стерильным коридорам, и я оказываюсь в белой комнате, где столы уставлены микроскопами и какими-то мигающими и гудящими аппаратами. Молодая женщина в белом халате стягивает перчатку, прежде чем пожать мне руку. Ее зовут Бернадетт Фостер, и она выглядит слишком молодо даже для того, чтобы иметь диплом, не говоря уже о том, чтобы освоить такое оборудование.

– Вы хотите спросить о тестах? – интересуется она.

– Да, мне нужно более подробное объяснение.

Соскользнув с высокой табуретки, она открывает картотеку и достает ярко-зеленую папку.

– Насколько я помню, результаты были очевидны. Я исследовала ДНК волос и сравнила с предыдущими тестами, проведенными полицейской криминалистической службой, которые, как я полагаю, мне дали вы.

– Да.

– Оба образца, первый и второй, принадлежали девочке по имени Микаэла Карлайл.

– Возможна ли ошибка?

– Совпало тринадцать показателей. Вероятность ошибки – один к десяти миллиардам.

Даже несмотря на то, что я ожидал это услышать, пол внезапно уходит у меня из-под ног. Образцы совпали. Конечно, от этого Микки не начинает дышать, не обретает плоть и кровь. Но это доказывает, что

когда-то, не важно, насколько давно, волосы падали ей на плечи или ложились на лоб.

Мисс Фостер просматривает свои заметки.

– Позвольте спросить, зачем вы заказали этот тест? Обычно мы не делаем работу полиции.

– Это была частная просьба матери девочки.

– Но ведь вы детектив.

– Да.

Моя собеседница смотрит на меня в ожидании, но понимает, что объяснять я ничего не намерен. Открыв папку, она вынимает несколько фотографий.

– Волосы с головы, как правило, самые длинные и имеют одинаковый диаметр. Естественно выпавшие волосы слегка секутся, но в нашем случае они были срезаны... – Она показывает на фотографию: – Этот волос не окрашивался и не завивался.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

– Вы можете определить ее возраст?

– Нет.

– Девочка может быть жива?

В моем вопросе звучит надежда, но мисс Фостер, кажется, не замечает этого. Показывает на другой увеличенный снимок.

– Когда волос взят с тела, находящегося в состоянии разложения, у корня иногда появляется темный круг. Это называется посмертным волосяным кольцом.

– Я его не вижу.

– И я не вижу.

На следующем наборе фотографий представлена открытка. Мне знаком этот текст, эти ровные строчки больших печатных букв.

– Открытка и конверт почти ничего не дают. Тот, кто послал письмо, не лизал марку. И мы не обнаружили отпечатков пальцев. – Она перебирает фотографии. – Почему вдруг все так заинтересовались этим делом?

– О чем это вы?

– На прошлой неделе нам звонил юрист. Спрашивал о тестах Микаэлы Карлайл.

– Он назвался?

– Нет.

– И что вы сказали?

– Ничего. Сказала, что наши тесты конфиденциальны.

Возможно, это был адвокат Говарда, но тогда возникает вопрос, откуда он узнал. Мисс Фостер убирает папку обратно. Я не могу придумать других вопросов.

– Вы не хотите узнать о втором заказе? – спрашивает она.

Мое смущение длится долю секунды, но ее достаточно, чтобы меня выдать.

– Вы ведь не помните, верно?

Мою шею заливают жар.

– Увы. Со мной произошел несчастный случай. В меня стреляли. – Я показываю на ногу. – Теперь я не помню, что произошло.

– Обширная преходящая амнезия.

– Да. Поэтому я здесь. Восстанавливаю прошлое по кусочкам. Вы должны мне помочь. Что было во втором свертке?

Открыв шкаф под столом, она вытаскивает пластмассовую коробку и достает из нее прозрачный пакет. В нем несколько треугольников из оранжевого и розового полиэстера. Купальник!

Мисс Фостер вертит пакет в руках.

– Я провела небольшое расследование. Микаэла Карлайл была одета в такой же купальник в день своего исчезновения, вот почему, как я полагаю, вы попросили меня его осмотреть.

– Я тоже так полагаю, – говорю я, чувствуя, что у меня пересохло во рту.

– Где вы его взяли?

– Не помню.

Она понимающе бормочет:

– Значит, вы мне не скажете, что происходит?

– К сожалению, не могу.

Прочитав что-то в моих глазах, она смиряется с таким ответом.

– Это купальник Микки?

– Мы не смогли обнаружить генетического материала, но нашли следы мочи и кала. К сожалению, их недостаточно для анализа. Однако я выяснила, что партия таких купальников была произведена в Тунисе и продавалась в магазинах и по каталогам летом две тысячи первого

года. Три тысячи единиц были ввезены в Англию и проданы здесь, пятьсот из них были этого размера.

Я пытаюсь быстро обдумать услышанное. Несколько треугольников из полиэстера седьмого размера не доказывают, что Микки жива. Говард мог сохранить купальник как сувенир, или кто-то мог найти такой же. Подробности дела широко освещались в прессе. Была даже напечатана фотография Микки в купальнике.

Достаточно ли этого, чтобы убедить меня, что Микки еще жива? Не знаю. Достаточно ли, чтобы убедить Рэйчел? Более чем.

Сжав зубы, я пытаюсь заставить мозг работать. Нога снова заболела. Я больше не ощущаю ее как часть своего тела. Я словно таскаю за собой чужую конечность после неудачной трансплантации.

Мисс Фостер провожает меня вниз.

– Вам лучше вернуться в больницу, – предупреждает она.

– Со мной все в порядке. Послушайте, вы можете провести еще какие-нибудь тесты... с купальником?

– Что вы хотите знать?

– Не знаю: следы краски для волос, волокна, химические вещества...

– Я могла бы попробовать.

– Спасибо.

В каждом полицейском расследовании есть упущенные детали. Большинство из них не имеет значения, и, если удастся получить признание подозреваемого или приговор присяжных, эти детали остаются не более чем фоновым шумом. Теперь я постоянно возвращаюсь к первому расследованию, прикидывая, что мы могли упустить.

Мы поговорили с каждым жильцом Долфин-мэншн. У всех, кроме Говарда, было алиби. Он не мог знать точную сумму денег в копилке Микки, если только она ему не рассказала. А вот Кирстен вполне могла знать такую подробность.

Мне нужно снова увидеть Джо. Возможно, его склад ума поможет отыскать во всем этом какой-нибудь смысл. Подчас он соединяет друг с другом разрозненные, несвязанные детали, и все становится простым, как картинка из точек, по которым способен рисовать даже ребенок.

Я не люблю звонить ему в субботу. Большинство людей посвящают этот день семье. Он берет трубку раньше, чем включается автоответчик. Где-то на заднем плане слышен смех Чарли.

– Вы пообедали? – спрашиваю я.

– Да.

– Уже?

– Вспомните, у нас маленький ребенок: кормление и игры по расписанию.

– Не хотите посмотреть, как ем я?

– Всю жизнь мечтал.

Мы договариваемся встретиться в «Перегрини», итальянском ресторанчике в Кэмден-тауне, где кьянти вполне сношен, а шеф-повар с моржовыми усами и оглушительным тенором как будто только что сошел со сцены.

Я наливаю Джо бокал вина и передаю ему меню. Он изучает окружающую обстановку, бессознательно собирая информацию.

– И почему вы выбрали это место? – спрашивает он.

– Оно вам не нравится?

– Почему же, здесь очень мило.

– Ну, здесь хорошо кормят, оно напоминает мне о Тоскане, и я знаю семью владельцев. Альберто здесь с шестидесятых. Это он сейчас на кухне. Уверены, что не будете ничего есть?

– Я закажу пудинг.

Пока мы ждем официанта, я рассказываю профессору о ДНК-тестах и купальнике. Теперь очевидно, что были и другие письма.

– Что бы вы с ними сделали?

– Отнес бы на анализ.

– А потом?

– Спрятал бы в надежное место, на случай, если со мной что-то случится.

Джо кивает и смотрит на свой бокал.

– Хорошо, покажите мне свой бумажник. – Он протягивает руку через стол.

– У меня нечего красть.

– Просто дайте мне его.

Он роется в отделениях и карманах, извлекая квитанции, визитки и кусочек пластика, который оплачивает мою жизнь.

– Итак, представьте на минуту, что вы не знаете этого человека, а просто нашли бумажник на дороге. Что он расскажет вам о своем владельце?

– Что владелец не носит с собой много наличных.

– Что еще?

Это одна из психологических игр Джо. Он хочет, чтобы я ему подыграл. Я беру квитанции, слипшиеся в комок (бумажник побывал вместе со мной в реке) и начинаю отделять их друг от друга. Некоторые прочесть невозможно, но я нахожу несколько чеков за еду на вынос. Вечером 24 сентября – в тот злополучный вечер – я заказывал пиццу. Когда Джо пришел ко мне в больницу и спросил, что я помню последним, я сказал ему об этом.

Глядя на стол, я чувствую тоску. Вся моя жизнь свалена передо мной в кучу. Визитки приятелей по регби, уведомление из Британской газовой компании, что отопительная система в моем доме нуждается в ремонте, почтовая квитанция на заказное письмо, водительские права, фотография Люка...

Этот снимок сделан на побережье в Блэкпуле^[68]. Мы ездили туда на день, и Даж упакована в десять юбок и туфли на завязках. Ее волосы спрятаны под шарфом, и она скалится на фотографа, потому что отчим попросил ее улыбаться. Люк висит у нее на руках и смеется. Я стою поодаль, глядя себе под ноги, словно на что-то наступил.

– Ты всегда смотрел вниз, – говорила мне Даж. – И все равно умудрялся падать на ровном месте.

Я помню тот день. На пляже шел конкурс талантов. Сотни людей сидели на солнышке и слушали, как всевозможные Джо Блоу^[69] поют песни и рассказывают анекдоты. Люк тянул Даж за руку и ныл, что хочет петь. Ему было всего четыре. Она велела ему замолчать.

Потом мы наблюдали за тем, как парень в клетчатом пиджаке с прилизанными волосами строил гримасы и шутил. Внезапно он запнулся, потому что на сцену вышел маленький ребенок. Это был Люк – со своим светлым вихром и в заляпанных мороженым шортах. Комик поднял ужасную суету, опуская микрофон, чтобы задать ему вопрос.

– Так-так, мальчик, как тебя зовут?

– Люк.

– Ты здесь отдыхаешь, Люк?

– Нет, я здесь с мамой.

Все засмеялись, а Люк нахмурился. Он не понимал, почему вокруг смеются.

– Зачем ты сюда вышел, Люк?

– Я хочу спеть песню.

– И что ты будешь петь?

– Не знаю.

Все снова засмеялись. Я на его месте умер бы, но Люк только стоял и таранился, загипнотизированный толпой. Даже когда Даж стащила его со сцены и все зааплодировали, Люк не помахал и не отреагировал. Он просто смотрел.

Джо продолжает рыться в содержимом моего бумажника.

– Каждый оставляет след, – говорит он. – Это не только обрывки бумаги и фотографии. Это еще и впечатление, которое мы производим на людей, и наше взаимодействие с миром. – Он поворачивается и смотрит направо. – Возьмем вот ту парочку.

Мужчина и женщина заказывают обед. На нем спортивный свитер, а на ней классическая юбка и кашемировый джемпер.

– Обратите внимание: он не смотрит на официанта, когда тот рассказывает о фирменных блюдах. Он смотрит вниз и притворяется, будто читает меню. А вот его спутница – другое дело. Наклонилась вперед, локти на столе, лицо на ладонях. Ей интересно каждое слово официанта.

– Она с ним заигрывает.

– Думаете? Взгляните-ка на ее ноги.

Нога женщины, освободившись от обуви, поглаживает ногу мужчины. Она его дразнит. Хочет, чтобы он расслабился.

– Всегда важно видеть полную картину, – говорит Джо. – Я знаю, что вы многого не помните – по крайней мере, пока. Поэтому вы должны записывать или запоминать внезапные проблески, образы, слова, лица – все, что придет на ум. Сейчас в них нет смысла, но когда-нибудь он появится.

Подходит официантка с тарелкой сардин.

– Это подарок от нашего шеф-повара, – говорит она. Я поднимаю стакан, повернувшись в сторону Альберто, стоящего на пороге кухни. Он бьет себя кулаком в грудь, как гладиатор.

Слизывая с пальцев масло от рыбы, Джо рассуждает о том, откуда мог взяться купальник. Когда Микки пропала, на ней было совсем немного одежды, а ее полотенце стало самой важной уликой против Говарда.

В каждом расследовании бывает прорыв: свидетель или улика, которые превращают теорию в факт. В случае с Микки таковым стало ее полосатое полотенце. Женщина, выгуливавшая собаку, нашла его на кладбище Ист-Финчли. Оно было пропитано кровью, и на нем остались следы рвоты и краски для волос. У Говарда не было алиби на время исчезновения Микки, а в последующие дни он работал на кладбище.

Исследование показало, что кровь была той же группы, что и у Микки (и еще у семи процентов населения): вторая, резус отрицательный. ДНК-тесты дали положительный результат.

Я без колебаний распорядился обыскать цветочные клумбы и свежие могилы. Мы использовали радары; несколько гусеничных экскаваторов и десятки полицейских с лопатами и решетчатыми ситами фут за футом выкапывали и просеивали почву.

Кэмпбелл, естественно, был вне себя от ярости.

– Вы раскапываете кладбище, черт возьми! – орал он. Мне пришлось держать трубку в шести дюймах от уха.

Я тяжело вздохнул:

– Я провожу выборочный осмотр, сэр. У нас есть журнал регистрации, где отмечены свежие могилы. Если что-то вызывает подозрения, это подлежит обследованию.

– А что надгробия?

– Мы стараемся их не трогать.

Кэмпбелл принялся перечислять всех тех, чье разрешение необходимо для проведения эксгумации, включая главного судью графства, главного смотрителя кладбищ и главного медицинского офицера Совета Вестминстера.

– Мы не вытаскиваем тела и ничего не крадем, – заверил я его.

К тому времени было уже перерыто восемьдесят футов клумб. Бордюрные камни были свалены у стен, почва перекатывалась грязными комками.

За два месяца до того Говард помогал высаживать здесь растения для выставки «Вестминстер в цвету»

Были разрыты еще двадцать два участка на территории кладбища. Хотя кладбище кажется прекрасным местом для того, чтобы спрятать труп, сделать это не так-то легко. Во-первых, зарывать надо таким образом, чтобы никто не заметил, то есть лучше всего ночью. И совершенно не важно, верите вы в привидения или нет, не многие люди чувствуют себя комфортно на кладбище после захода солнца.

Раскопки проходили втайне от прессы, но я понимал, что так будет недолго. Наверное, кто-то позвонил Рэйчел, и она примчалась на кладбище в первый же день. Двоим полицейским пришлось удерживать ее за заградительной лентой. Она билась у них в руках, умоляя позволить ей пройти.

– Это Микки? – закричала она, увидев меня. Я отвел ее в сторону и попытался успокоить.

– Мы пока не знаем.

– Вы что-то нашли?

– Полотенце.

– Полотенце Микки?

– Мы не можем сказать, пока...

– Это полотенце Микки?

Она прочитала ответ в моих глазах и, вырвавшись, побежала к только что выкопанной траншее. Я догнал ее на самом краю и удерживал, обхватив за талию. Она кричала, вытянув вперед руки, и, казалось, хотела броситься вниз. Я не мог сказать ей ничего утешительного – ничего такого, что могло утешить ее хотя бы в будущем.

Потом мы ждали, когда полицейская машина заберет ее домой. Мы сидели возле часовни на каменной скамье под доской объявлений, на которой висел плакат, гласивший: «Дети – надежда мира».

Только где? Покажите мне! Вы можете о них мечтать, беспокоиться о них, любить их всем своим существом, но вы не можете их защитить. Время, случай и чужая злоба все равно вас одолеют.

Где-то на кухне ресторана падает на пол поднос с бокалами. Посетители мгновенно стихают, возможно из сочувствия, потом их разговор продолжается. Джо смотрит прямо перед собой, все так же

невозмутимо. Он говорит, что это маска Паркинсона, но мне кажется, ему нравится казаться таким непроницаемым.

– А при чем здесь краска для волос? – спрашивает он.

– О чем вы?

– Вы сказали, что на ее полотенце были следы краски. Если Говард похитил Микки с лестницы и убил ее у себя в квартире, зачем ему понадобилось красить ей волосы?

Он прав. Но пятна могли появиться и раньше. Рэйчел могла красить волосы. Я ее не спрашивал. Джо откладывает этот вопрос для последующего рассмотрения.

Принесли мой обед, но я совсем не хочу есть. Это из-за морфина: он убивает аппетит. Я наматываю спагетти на вилку и кладу ее на тарелку.

Джо подливает вина в бокал.

– Вы говорите, что сомневались насчет Говарда. Почему?

– Как ни странно, из-за того, что вы мне однажды сказали. Когда мы познакомились и я расследовал убийство Кэтрин Макбрайд, вы нарисовали мне портрет ее убийцы.

– И что же я сказал?

– Вы сказали, что садистами, педофилами и сексуальными извращенцами не рождаются. Ими становятся.

Джо кивает, впечатленный то ли моей памятью, то ли качеством совета. Я пытаюсь объяснить:

– До того момента, как было обнаружено полотенце Микки, мы, подозревая Говарда, руководствовались скорее эмоциями, чем реальными фактами. На него никогда не поступало ни одной жалобы ни от родителей, ни от ребяташек, находящихся на его попечении. Его никто никогда не называл подозрительным, никто не предлагал держать его подальше от детей. У него в компьютере были тысячи детских снимков, но только несколько можно было бы назвать сомнительными, и ни один из них не доказывал, что он педофил. В его прошлом не было никакой сексуальной патологии, и вдруг он оказывается законченным детоубийцей.

Джо смотрит на бутылку, обернутую соломкой.

– Некоторые могут мечтать о детях, но не действовать. Им бывает достаточно фантазий.

– Точно, но я не видел прогресса. Вы сказали мне, что отклонения в поведении можно прямо-таки отобразить на графике. Сперва человек начинает собирать порнографию все в больших количествах. А в самом конце этого пути – нападение и убийство.

– А вы нашли порнографию?

– У Говарда был фургончик, хотя он и уверял, что продал его. Мы отследили местонахождение этого фургончика по квитанциям с автомоек и заправок. Он стоял в кемпинге на южном побережье. Владелец ежегодно платил вперед. А в самом фургончике были коробки с журналами, в основном из Восточной Европы и Азии. Детская порнография.

Джо подается вперед. Его серые клеточки гудят, как процессор.

– Вы описываете типичного тайного педофила. Он узнал, что Микки уязвима. Подружился с ней и засыпал похвалами и подарками, покупал игрушки и одежду, фотографировал ее, повторяя, какая она красивая. Наконец дошло и до сексуальной части «мероприятия»: прикосновения исподтишка, борьба на диване. Если педофил не имеет садистских наклонностей, он иногда проводит месяцы, изучая ребенка, располагая его к себе.

– Именно так, они очень терпеливы. Так зачем Говарду тратить все это время и силы на совращение Микки, а потом ни с того ни с сего похищать ее прямо на лестнице?

Рука Джо дрожит, словно освободилась из тисков.

– Вы правы. Педофилы такого типа не нападают, они соблазняют.

Я чувствую облегчение. Как хорошо, когда кто-то с тобой соглашается.

Джо предостерегающе добавляет:

– Но психология – неточная наука. И даже если Говард невиновен, это не возвращает Микки к жизни. Из одного факта не вытекает другой. Что было, когда вы поделились своими сомнениями с Кэмпбеллом?

– Он велел мне отложить на время мой значок и взглянуть на вещи трезво. Думаю ли я, что Микки мертва? Я подумал о крови на полотенце и сказал «да». Все указывало на Говарда.

– Но это не вы его осудили, а присяжные.

Джо говорит отнюдь не покровительственно, но я ненавижу, когда люди придумывают для меня оправдания. Он допивает вино.

– Это расследование стало частью вашей жизни.

– Да, пожалуй.

– Думаю, я знаю почему.

– Не надо об этом, профессор.

Он сдвигает бокал к краю столика, а в середину ставит локоть, предлагая мне соревнование по армрестлингу.

– У вас нет шансов.

– Я знаю.

– Тогда к чему это?

– Вам станет легче.

– Каким образом?

– Вы ведете себя так, словно я вас в чем-то превосхожу. Что ж, вот вам шанс отыграться. Может, тогда вы поймете, что это не соревнование. Я пытаюсь вам помочь.

Я чувствую укол совести. Я вспоминаю горьковатый дрожжевой запах его лекарств, дрожание его руки, и у меня сжимается горло. Джо все еще ждет. Улыбается мне.

– Запишем ничью?

Как бы неприятно мне ни было это признавать, у нас с Джо есть некое родство, некая связь. Мы оба переживаем не лучшие времена. Моя служба подходит к концу, а его болезнь отнимает у него годы. И еще, я думаю, он понимает, каково это – быть в ответе за смерть другого человека. Возможно, это расследование – мой последний шанс искупить вину, доказать, что я чего-то стою, свести баланс в великой книге бытия.

Когда такси высаживает меня возле дома родителей Али, на улице уже темно. Дверь открывается сразу – Али ждала меня. На полу среди керамических осколков лежат веник и совок.

– У меня был посетитель, – объясняет она.

– Кибел.

– Откуда вы знаете?

– Он оставил запах своего лосьона. А где твои родители?

– В гостях у моей тети Мины – они скоро вернутся.

Али достает пылесос, а я собираю осколки в мусорное ведро. Она одета в сари, которое, кажется, владеет ею в той же степени, что и она им. От ее одеяния исходит запах специй, сандала и жасмина.

– Чего хотел Кибел?

– Мне предъявлено обвинение в нарушении устава. Полицейские, находящиеся в отпуске, не имеют права участвовать в частных расследованиях и носить огнестрельное оружие. Будет проведено слушание.

– Сочувствую.

– Не беспокойтесь об этом.

– Нет, это моя вина. Мне не следовало использовать тебя.

Она сердится:

– Слушайте, я уже большая девочка и сама принимаю решения.

– Думаю, мне лучше уехать.

– Нет! Я рискую вовсе не блестящей карьерой. Я охраняю послов и дипломатов, вожу их избалованных детей в школу, а их жен – за покупками в «Хэрродс»^[70]. В жизни есть вещи поважнее.

– А что ты хотела бы делать?

– Мало ли... Я могла бы открыть свой бизнес. Возможно, вышла бы замуж...

– За «новичка» Дэйва?

Она не обращает внимания на мои слова.

– Больше всего меня достает политика – и уроды вроде Кибела, которых давным-давно пора уволить, а они только получают повышения. Он расист, шовинист и придурак!

Я смотрю на разбитую вазу.

– Ты его ударила?

– Промахнулась.

– Жаль.

Она смеется, и мне хочется ее обнять. Но я упускаю эту возможность.

Али ставит чайник и открывает пакет шоколадного печенья.

– Я сегодня нашла кое-что интересное, – говорит она, обмакивая печенье в кофе и облизывая пальцы. – У Алексея Кузнецца есть моторная лодка. Он держит ее в гавани Челси и использует для корпоративных вечеринок. Шкипер серб, живет прямо на судне. Я могла бы задать ему пару вопросов, но подумала, что, наверное, надо действовать осторожнее.

– Хорошая мысль.

– Есть еще кое-что. Алексей в последнее время продает свои акции и доли в компаниях. Его дом в Хэмпстеде тоже выставлен на продажу.

– Почему?

– Моя подруга работает в «Файнэншл таймс». Она считает, что Алексей ликвидирует собственность, но никто не знает зачем. Поговаривают, что, возможно, он должен расплатиться с долгами или же готовится к большому делу.

– Продавая дом.

– Он выставлен на продажу в последние месяцы. Возможно, нам удастся вскрыть фундамент и найти, где он замуровал живьем своего брата.

– Александра же распотрошили.

– Наверное, это было до того, как его окунули в ванну с кислотой.

Мы оба сухо смеемся, сознавая, что в этих легендах достаточно правды, чтобы они жили.

У Али есть что-то еще, но она некоторое время молчит, подогревая мое любопытство.

– Еще я проверила Кирстен Фицрой. Помните, она говорила, что заведует агентством по найму в Западном Лондоне? Им управляли из здания в районе Мэйфэйр^[71], арендованного компанией, которая была зарегистрирована на Бермудах. Восемь месяцев назад срок аренды истек, и все счета были оплачены. С тех пор всю корреспонденцию

направляют в офис в Сохо, откуда пересылают швейцарской юридической фирме, которая представляет интересы официальных владельцев – компании, располагающейся в Неваде.

Подобные схемы кажутся чересчур запутанными всем, кроме инспекторов из министерства торговли. Единственной причиной появления таких сложных структур является желание что-то спрятать, укрыться от уплаты налогов или избежать ответственности за финансовые нарушения.

– По словам соседей, агентство иногда выполняло частные услуги, но в основном оно предоставляло работников на небольшой срок. Сохранились записи об официантках и танцовщицах, однако нет никаких документов и налоговых записей. Большинство работников – женщины с иностранными фамилиями. Возможно, нелегалы.

Мне это говорит и о другом: царство соблазна влажных бедер, упругих бюстов, изогнутых обнаженных тел. Секс и деньги! Неудивительно, что Кирстен могла себе позволить антикварные доспехи и средневековые мечи.

Али достаёт свои заметки и пристраивается на диване, потирая ступни во время чтения.

– Я проверила документы на квартиру Кирстен. Хозяйка купила ее всего за пятьсот тысяч, за половину рыночной стоимости, у частной компании под названием «Далмейшн Инвестмент». Основным держателем акций этой компании является сэр Дуглас Карлайл.

Я невольно вздрагиваю. Откуда Кирстен и сэр Дуглас знают друг друга? И почему он был так щедр к ней?

– Возможно, он пользовался услугами ее компании, – предполагает Али.

– Или она оказала ему другую услугу.

Быть может, я недооценил Кирстен. Мне ее дружба с Рэйчел всегда казалась странной. У них было слишком мало общего. Рэйчел стремилась сбежать от денег своей семьи и своего безоблачного детства, а Кирстен с таким же рвением стремилась подняться по социальной лестнице и завязать знакомства в престижных кругах. Она переехала в Долфин-мэншн всего через несколько недель после Рэйчел, и они подружились. Брали друг у друга деньги, общались, обменивались одеждой.

Сэр Дуглас знал о том, как пьяная Рэйчел упала в ванной и как Микки провела ночь на полу рядом с ней.

У него был шпион, свой человек – Кирстен. Полмиллиона фунтов – приличная плата за то, что следишь за соседкой. Этого достаточно, чтобы обосновать похищение, это также объясняет, почему кто-то хочет найти Кирстен.

Али берет мою чашку.

– Я знаю, вы не согласны, сэр, но я все равно думаю, что это фальшивка.

– А мотив?

– Жадность, месть, стремление освободить Говарда – все, что угодно.

– А при чем здесь Кирстен?

– Вы сами сказали, что у нее была возможность. Она знала достаточно подробностей, будучи близка к Рэйчел, и вполне могла закрутить эту интригу.

– Но стала бы она так поступать с подругой?

– Вы имеете в виду ту, за кем она шпионила? Мы можем спорить всю ночь и все равно не найдем ответа, который объяснил бы все известные нам факты.

– Есть еще кое-что, – говорит Али, протягивая мне пачку бумажек. – Мне удалось достать запись происшествий, случившихся в ту ночь, когда в вас стреляли. Можете почитать на сон грядущий.

Ксерокопия страниц из журнала содержит сведения о происшествиях на территории четырех квадратных миль в северном Лондоне с десяти часов вечера до трех утра.

– Могу вам сказать, что было зарегистрировано пять случаев передозировки наркотиков, три угона машин, шесть ограблений, один случай захвата автомобиля, пять ложных вызовов, дебош на холостяцкой вечеринке, пожар, одиннадцать жалоб на сработавшие сигнализации, прорыв водопроводной трубы, небольшой потоп и нападение на медсестру, возвращавшуюся домой. Еще был найден неразорвавшийся баллончик со слезоточивым газом в мусорном баке.

– Сколько сработавших сигнализаций?

– Одиннадцать.

– На одной улице?

– Да. На Прайори-роуд.

– А где прорвало трубу?

Она сверяется с картой и прищуривает глаза.

– Тоже на Прайори-роуд. Затопило несколько магазинов.

– Ты можешь найти бригаду, которая чинила трубу?

– А вы не хотите сказать мне зачем?

– У мужчины должны быть свои тайны. Что если я ошибаюсь? Я не хочу разрушать твоей веры в мое величие.

Она даже не пытается иронизировать. Просто тянется мимо меня к телефону.

– Кому ты звонишь?

– Своему бойфренду.

Мне снится, что я тону: мои легкие заливают грязная вода. Вспышки яркого света и хаос голосов в темноте. Грудь разрывает тошнота, коричневая вода течет из носа, рта и ушей.

Надо мной склоняется женщина. Ее бедра устраиваются на моих, руки упираются мне в грудь. Она снова наклоняется и касается моего рта губами. У нее по шее скользит родимое пятно, стекая в ложбинку между грудями.

Я долго не могу проснуться. Не хочу покидать этот сон. Открыв глаза, я чувствую, что случилось нечто, чего уже давно не случалось. Приподняв одеяло на несколько дюймов, я убеждаюсь, что не ошибся. Мне следовало бы испытывать неловкость, однако я ощущаю удовлетворение. Нынче каждый раз, когда мне удается одноствольный салют, становится поводом для праздника.

Но моя эйфория непродолжительна. Я начинаю думать о Микки, выкупе и стрельбе на реке. Слишком многих деталей не хватает. Должны были существовать другие письма. Что я с ними сделал? Положил в надежное место. Если бы со мной что-нибудь случилось во время передачи выкупа, кто-то другой должен был узнать правду.

Когда Джо вчера осматривал мой бумажник, там была почтовая квитанция. Я кому-то послал заказное письмо. Стянув со стула брюки, я достаю квитанцию и разглаживаю ее на одеяле. Чернила почти смылись, так что можно различить только индекс, но этого достаточно.

Даж берет трубку после первого гудка и орет в телефон. Сомневаюсь, что она понимает что-то в беспроводных технологиях, поэтому думает, что я говорю в консервную банку.

- Прошло три недели. Ты меня не любишь.
- Я лежал в больнице.
- Ты не звонишь.
- Я звонил тебе дважды на прошлой неделе. Ты бросала трубку.
- Пфф!
- Меня ранили.
- Ты умираешь?
- Нет.

– Только посмотрите на него! Любишь корчить из себя страдальца. Ко мне приезжал твой друг – этот психолог, доктор О'Лафлин. Он был очень мил. Остался на чай...

Параллельно с этим потоком обвинений она ведет другой разговор с кем-то, кто сидит рядом с ней:

– Вот второй мой сын, Люк, – настоящий ангел. Красивый мальчик, блондин... глаза как звездочки. А этот разбивает мне сердце.

– Послушай, Даж. Я должен задать тебе вопрос. Я тебе что-нибудь присылал?

– Ты никогда мне ничего не присылаешь... Мой Люк такой добрый мальчик... Можете ему что-нибудь связать. Жилет, чтобы он согрелся...

– Ну же, Даж. Напрягись и подумай.

Что-то начинает шевелиться в ее памяти.

– Ты прислал мне письмо. Попросил присмотреть за ним.

– Я уже еду к тебе. Присмотри за письмом.

– Привези мне фиников.

Главный корпус Виллавуд-лодж похож на старую школу: с мезонинами и горгульями у водосточных труб. Но это только фасад, а за ним – здание из красного кирпича в стиле семидесятых с алюминиевыми рамами и бетонной крышей.

Даж ждет меня на закрытой веранде. Она принимает два поцелуя в щеку и выглядит разочарованной тем, что я привез только одну коробку фиников. Ее руки находятся в постоянном движении, она почесывается, словно кто-то ползает у нее по коже.

Али старается держаться в тени, но Даж подозрительно смотрит на нее.

– Кто вы?

– Это Али, – представляю я.

– Она очень смуглая.

– Мои родители из Индии, – объясняет Али.

– Пфф!

Не знаю, почему родители всегда ставят детей в неловкое положение. Наверное, это наказание за плач, отрывку и нарушенный ночной сон.

– Где конверт, Даж?

– Нет, сперва поговори со мной. Ты ведь возьмешь его и убежишь – как в прошлый раз. – Она поворачивается к группе престарелых жителей: – Это мой сын Янко. Да, он полицейский. Тот самый, который никогда меня не навещает.

Я чувствую, как краснеют мои щеки. Даж не только присвоила имя еврейской женщины, она усвоила стиль поведения.

– Почему ты говоришь, что в последний раз я убежал?

Она поворачивается к Али:

– Видите, он никогда не слушает. Даже когда ребенком был, не слушал. Голова вечно чем-то забита.

– Когда я был здесь в последний раз?

– Видишь! Ты забыл! Это давно было. Вот Люк не забывает. Люк заботится обо мне.

– Люк умер, Даж. Когда я приезжал?

– Пфф! В воскресенье. У тебя были газеты, и ты ждал звонка.

– Откуда ты знаешь?

– Тебе позвонила мама той пропавшей девочки. Она, наверное, была очень расстроена. Ты велел ей набраться терпения и ждать звонка.

Она снова начинает чесать руки.

– Мне надо посмотреть на конверт.

– Ты его не найдешь, если я не скажу тебе, где он.

– У меня нет на это времени.

– У тебя никогда нет времени. Своди меня погулять.

На ней уличные ботинки и теплое пальто. Я беру ее под руку, и мы плетемся по дорожке, посыпанной белым гравием. Я двигаюсь медленно, принаравливая свой шаг к ее шагу. Несколько постояльцев занимаются гимнастикой на лужайке. Садовники высаживают луковицы к весне.

– Как здесь кормят?

– Меня пытаются отравить.

– Ты играешь в бридж?

– Здесь некоторые мухлюют.

Ее мог бы услышать и глухой.

– Даж, тебе надо взять себя в руки.

– Зачем? Мы здесь все просто ожидаем смерти.

– Не говори глупости.

Я останавливаюсь и застегиваю ей верхнюю пуговицу. Вокруг губ у нее собралась паутина морщин, но глаза не постарели. На расстоянии мы кажемся мамой и сыном в трогательной семейной сцене. Если приблизиться, то мы – персонажи неказистой одноактной трагикомедии, разыгрываемой уже пятьдесят лет.

– Теперь я могу получить конверт?

– После чая.

Вернувшись в дом, мы садимся в столовой, совершая ритуал натянутых разговоров, приправленных сливками и джемом. Между столиками ходит заведующая.

– Здравствуйте все. Как приятно вас видеть! Это замечательно, что ваш сын приехал, правда, миссис Руиз? Может, он останется и послушает лекцию мистера Уилсона о путешествии по Андам?

Лучше пусть меня свяжут и окунут в котел с холодной овсянкой.

Даж громко объявляет:

– Янко всегда был сильным ребенком. Я только двумя руками могла оторвать его от бутылочки. А грудь он не хотел.

– Даж, это никому не интересно.

Но она продолжает еще громче:

– Его отец был нацистом, вы же знаете. Как отец Арнольда Шварценеггера^[72].

Я чувствую, как у меня краснеют щеки. Даж завелась, и теперь ее не остановишь.

– Я не знаю, похож ли он на отца. Их было так много. Может, у меня внутри смешалась сперма их всех.

Заведующая чуть не задыхается от смущения и приносит нам свои извинения. Уходя, она бросает на меня взгляд, который я помню еще по школе: так на меня смотрели учителя, когда Даж приходила на день открытых дверей.

Чай остывает, сухая булочка остается на тарелке, а я веду Даж в ее комнату и забираю конверт. На обратном пути захожу к заведующей и выписываю чек.

– Наверно, вы очень любите свою маму, – говорит секретарь.

– Нет. Она просто моя мама.

Вернувшись в машину, я вскрываю большой пухлый конверт. Внутри лежат копии открытки и конверта, результаты ДНК-тестов,

отчеты об анализах чернил и бумаги и образцы волос Микки.

Отдельно, в пластиковой папке, лежит еще одно письмо. Я раскрываю его, затаив дыхание.

Дорогая миссис Карлайл!

Ваша дочь жива. И останется жить, если вы станете сотрудничать. Любая ошибка – и она умрет. Ее жизнь в ваших руках.

Мы требуем два миллиона фунтов в бриллиантах высшей пробы размером не меньше карата. Вы разложите их в четыре отдельных бархатных футляра. Каждый футляр должен быть прикреплен к полоске пенопласта толщиной в четверть дюйма, затем дважды обернут флюоресцирующим полиэтиленом. Каждый сверток не должен превышать в длину 6 дюймов, в ширину – 2,5 дюйма и в высоту – 0,75 дюйма. Их следует положить в 20-дюймовую коробку из-под пиццы.

Спустя три дня вы разместите объявление в «Санди таймс» об аренде виллы. В нем будет номер мобильного телефона для дальнейшей связи.

К телефону всегда должны подходить вы, миссис Карлайл. Только вы. Если трубку возьмет кто-то другой, Микаэла умрет.

Мы не вступаем в переговоры. Не принимаем никаких оправданий. Если в дело вмешается полиция, вы знаете исход.

У ВАС ЕСТЬ ЕДИНСТВЕННЫЙ ШАНС.

Письмо напечатано аккуратно, видимо, на лазерном принтере. И хотя на этот раз никто не подделывает детский почерк, эмоциональный шантаж столь же силен.

Я поместил объявление. Купил мобильный телефон. Значит, я верил, что Микки жива. Возможно, меня убедила не бесспорность доказательств, а их совокупность. Говарда осудили на основании косвенных улик, и не исключено, что воскресил Микки, поверив рассказам и предположениям.

– По крайней мере, теперь у нас есть подтверждение, – говорит Али, читая заключение по тестам ДНК.

– Но это ничего не меняет. Кэмпбелл не станет заново открывать дело или признавать, что мы совершили ошибку. Криминалисты, юристы, свидетели и политики не собираются пересматривать приговор, вынесенный Говарду.

– Вы их осуждаете? Вы что, действительно хотите его освободить?

– Нет.

– Тогда почему мы это делаем, сэр?

– Потому что я не думаю, что выкуп был подделкой. Я думаю, что она жива! Иначе почему я рискнул всем?

Я смотрю через дорогу на автобусную остановку, где девочка лет двенадцати напряженно всматривается в даль в ожидании автобуса на 11.15, который приедет не раньше одиннадцати тридцати пяти.

Дело не в Говарде. Меня не волнуют вопросы совести и проблемы правосудия. Я просто хочу найти Микки.

Надвигается гроза. Из-за того, что воздух наэлектризован, волосы Али поднимаются, словно подпертые невидимыми проволочками. Через несколько минут крупные капли начинают стучать по лобовому стеклу, а водостоки захлебываются листьями. Можете списать это на глобальное потепление и изменение климата, но я не помню, чтобы такие грозы были во времена моей юности.

Шины «воксхолла» шуршат по мокрому асфальту. Сидя за рулем, Али всегда сосредоточивается, словно проходит компьютерную аркаду. Она как будто постоянно ждет, что кто-то побежит на красный свет или шагнет с тротуара под колеса.

Мы переезжаем Тауэр-бридж и поворачиваем на восток по шоссе А2, минуя Блэкхит^[73] и Шутерс-хилл^[74], потом оказываемся в Дартфорде^[75]. Гроза окончилась, но небо по-прежнему низкое и серое. Холодный ветер поднимает с земли клочья бумаги и несет их по улице.

Это настоящий английский спальный район, с живыми изгородями и бассейнами для птиц, похожими на лужи. Я даже чувствую запах удобрений для газонов и вижу картинку в телевизоре, который смотрят за три дома отсюда.

Паб «Белая лошадь» приглашает на круглосуточные завтраки, но закрыт до полудня. Заглядывая в окно, я вижу пустой бар, стулья, поставленные на столы, пылесос на ковре, мишень для дротиков и железную подставку для ног вдоль барной стойки.

Я обхожу здание сзади, Али держится на расстоянии нескольких футов от меня. Большие деревянные ворота закрыты, но не заперты. За ними – кирпичный двор, заставленный серебристыми бочонками, из-за которых видны мотоцикл и две машины, одна из которых, лишенная колес, водружена на кирпичи и покрашена в камуфляжные цвета.

Прямо возле двери на капоте сидит мальчишка лет пятнадцати и протирает карбюратор промасленной тряпкой. Его ноги в поношенных кроссовках раскачиваются взад-вперед, челюсть постоянно двигается, откусывая, пережевывая и выплевывая слова. Он замечает меня, и его голова дергается.

– При-пере-пиреветик.

– Привет, Стиви.

Он соскальзывает с машины и хватает меня за руку, прижимая ухо к часам.

– Тик-так, тик-так.

Синдром Туретта превратил его в комок ужимок, ругательств и криков – в «ходячую кунсткамеру», по словам его отца, Рэя Мерфи, бывшего коменданта Долфин-мэншн.

Я оборачиваюсь к Али:

– Это Стиви Мерфи.

– С. Мерфи. Смерфи. Смерф, Смерф, – лает он, как морской котик.

Али гладит его по коротко стриженным волосам, и он мурлычет, как котенок.

– Папа дома?

Он дергает головой:

– Фига с два. Ушел!

– Куда ушел?

Он пожимает плечами.

Рэй Мерфи обеспечил алиби Кирстен в утро исчезновения Микки. Как они оба утверждали, он чинил ей душ. Маленький человечек, припадающий к земле, словно такса, но я помню, как когда-то Мерфи

дрался на Уэмбли – лучший боксер Британии в весе цыпленка. Это было где-то в начале восьмидесятых.

Я дважды допрашивал его во время первого расследования. Я думал, что он мог знать, как Микки вышла из здания.

– Так же, как и все остальные, – сказал он мне. – Через дверь.

– Думаете, что ее подруга Сара ее не заметила?

– Дети не всегда поступают так, как вам хочется.

Он знал, о чем говорил. Его старший сын Тони сидел в тюрьме Брикстон, получив пять лет за вооруженное ограбление.

Отвернувшись от Стиви, я три раза стучу в дверь. Скрипит стул, и дверь приоткрывается на несколько дюймов. Крупная женщина с волосами табачного цвета, залитыми лаком до крепости бетона, подозрительно смотрит на меня. На ней мохнатый желтый пуловер и черные леггинсы, делающие ее похожей на утку-переростка.

– Миссис Мерфи?

– Вы его нашли?

– Простите?

– Нашли моего Рэя? С какой тварью он спит?

Али пытается прояснить ситуацию:

– Вы утверждаете, что не видели своего мужа?

– Именно, мисс Марпл.

Она отворачивается от двери и бредет к своему стулу. На столе стоят остатки завтрака, на прилавке примостился телевизор, демонстрирующий парочку на диване с оживленными и счастливыми лицами.

– Я вас помню, – говорит она, не отрываясь от экрана. – Вы коп, который искал ту малютку.

– Микки Карлайл.

Она машет рукой:

– Стиви помнит. Он ничего не забывает.

– Микки-фикки-стикки-лики, – бормочет Стиви.

– Не надоедай, – ворчит миссис Мерфи.

Стиви отшатывается, уклоняясь от ее шлепка. Он отступает на шаг и начинает крутить бедрами в причудливом, не совсем пристойном танце.

Кухня маленькая и захламленная. Каминную полку украшает странная подборка сувениров и безделушек, включая набор для специй

в виде Микки-Маусов, боксерский кубок и фотографию с автографом Генри Купера^[76].

Стиви все еще приплясывает, а глаза миссис Мерфи уже прикованы к экрану.

Можно простоять еще лет сорок и так и не дожждаться ее драгоценного внимания. Я нажимаю кнопку на пульте, экран гаснет, и миссис Мерфи оборачивается ко мне с таким выражением лица, словно я отключил ее систему жизнеобеспечения.

– Когда вы видели Рэя в последний раз?

– Я им уже говорила: двадцать четвертого сентября.

– Кому вы говорили?

– Полиции! Я два раза к ним приходила, но они мне не поверили. Они решили, что Рэй просто слинял, как раньше.

– Раньше?

Она вытирает глаза и смотрит на Стиви. Али улавливает ее желание.

– Наверное, нам лучше выйти на улицу, – предлагает она.

Стиви радостно улыбается и обнимает ее за талию.

– Проследите, чтобы он не распускал руки, – говорит его мать, потерянно глядя в черный экран телевизора.

Когда дверь закрывается, миссис Мерфи продолжает:

– Рэй никогда не мог держать ширинку застегнутой. Но с тех пор, как мы открыли паб, он не уходил из дома. Он любил «Белую лошадь»... – Ее голос прерывается.

– Видимо, он хорошо получал, исполняя обязанности коменданта, раз смог позволить себе открыть паб.

Она сразу же огрызается:

– Мы приобрели его совершенно законно. Рэю дядя оставил кое-какие деньги.

– А вы знали этого дядю?

– Он работал в Саудовской Аравии. В Саудовской Аравии нет налогов. А Рэй это заслужил. Он двадцать лет проработал в Водном управлении черпальщиком. Вы знаете, что это значит? Он рыл дерьмо. Работал в нем по колено, в темноте, среди крыс. Натыкался на целые гнезда, где крысята кишели, как червяки в банке.

– А я думал, что он работал в службе по предотвращению наводнений.

– Да, позже, после того, как у него отказала спина. Он помогал Водному управлению Темзы составлять планы на случай, если сильный прилив затопит Лондон. Люди забывают, что Темза зависит от прилива. Всегда зависела и всегда будет зависеть. – В ее голосе начинают звучать грустные нотки. – Когда на Темзе построили барьер^[77], то сказали, что сильные приливы больше не проблема. И избавились от Рэя. Он говорил, что они идиоты. Уровень моря повышается, юго-восток Англии уходит под воду. Вот и прикиньте сами.

– А почему он выбрал паб?

– Покажите мне мужика, который не хотел бы владеть пабом.

– Но такие, как правило, пропивают весь доход.

– Только не мой Рэй – он капли в рот не взял за шестнадцать лет. Он любил это место. Дела шли хорошо, пока этот чертов тематический паб не открылся дальше по улице. «Лягушка и Салат». Что это за название для паба, скажите-ка мне? Мы собирались объединиться с ними и провести турнир по дартсу. Наш Тони должен был его организовать. Он знает многих профессиональных игроков.

– А как Тони?

Она замолкает.

– Я надеялся, что смогу с ним переговорить.

– Его нет дома.

Ответ вырывается слишком быстро. Я смотрю вверх, на потолок. Эта женщина – как магический шар у гадалки: потряси ее, и ответ окажется написанным у нее на лбу.

– Он ничего плохого не сделал, мой Тони. Он был хорошим мальчиком.

– Когда он освободился?

– Полгода назад.

– Вы слышали, чтобы Рэй упоминал о Кирстен Фицрой?

Имя начинает медленно пробуждать в ней какие-то воспоминания.

– Это та птичка из Долфин-мэншн. У нее еще был шрам на шее...

– Родимое пятно.

– Какая разница, – отрезает она.

– Она приходит? Звонит?

– Рэй не стал бы с ней спать. Слишком тощая. А он любит, чтобы у женщины было за что подержаться. Вот и сейчас он этим занимается

– трахает какую-нибудь шлюху. Скоро придет домой. Всегда так.

Снаружи начинает тарахтеть и рычать мотор. Стиви залез под капот, а Али сидит за рулем, переключая передачи. Где-то надо мной распахивается окно, и воздух наполняется потоком ругательств и требованиями перестать шуметь.

– Раз уж Тони проснулся... – говорю я, усиливая ее смущение.

Она опирается обеими руками о стол, поднимается на ноги и устало бредет по лестнице.

Через несколько минут появляется Тони, всклокоченный и расхристанный, в халате. Он выбрил себе голову, оставив только клок волос у основания шеи.

На руках татуировки, уши торчат, как спутниковые антенны, – ни дать ни взять статист из «Звездного пути»^[78].

Как и отец, Тони когда-то был многообещающим боксером, пока не решил привнести в свой арсенал некоторые элементы рестлинга. Дешевая помпезность и демонстрация липовой силы еще сошли ему с рук, но когда он стал участвовать в договорных матчах, начались неприятности. Второй раз он потерпел неудачу, когда пытался организовать турнир по дартсу. Он сломал пальцы игроку, ошибшемуся в подсчете и выигравшему вчистую матч, который он должен был проиграть.

Тони открывает холодильник и пьет апельсиновый сок из картонной коробки. Вытирает губы и садится.

– Я не обязан отвечать ни на какие вопросы. Я даже не обязан был вставать ради вас с постели.

– Спасибо, что потрудились. – Он не улавливает сарказма. – Когда вы в последний раз видели отца?

– Я что, по-вашему, веду гребаный дневник?

Быстро перегнувшись через стол, я хватаю его за халат на плече и тяну к себе.

– Слушай, ты, злобный маленький мешок дерьма! Ты еще отбываешь испытательный срок. Хочешь назад? Не вопрос. Я позабочусь, чтобы ты оказался в одной камере с самым здоровым и гнусным педерастом. И тебе не придется вставать с постели, Тони. Он тебе разрешит валяться там весь день.

Я вижу, как он бросает взгляд на нож, лежащий на столе, но это только секундный порыв.

– Недели три назад. Я его подвез в южный Лондон, а потом забрал оттуда.

– Что он делал?

– Без понятия. Он об этом не говорил. – Тони повышает голос. – Я не имею отношения к его поганым делишкам.

– Значит, ты думаешь, что он что-то затеял?

– Не знаю.

– Но ведь что-то ты знаешь? У тебя возникли подозрения.

Он гоняет языком слюну во рту, прикидывая, сколько мне рассказать.

– В Брикстоне я сидел в камере с одним парнем, Джерри Брандтом. Мы его звали Гусеницей.

Вот этого имени я в последнее время не слышал. Тони продолжает:

– Никогда не видел, чтобы кто-нибудь спал так, как Гусеница. Никогда. Можно было поклясться, что он помер, если бы только его грудь не поднималась и опускалась. Парни в камерах ссорились, их били зрители, но Гусеница спал себе, как ребенок, пропуская все мимо себя. Говорю вам, этот парень умел спать. – Тони делает еще один глоток апельсинового сока. – Гусеницу посадили всего на несколько месяцев. Потом я несколько лет его не видел, но месяца три назад он здесь объявился и выглядел таким плейбоем: загар, костюм, все такое.

– У него были деньги?

– При нем – возможно, но приехал он на каком-то барахле. Ни украсть, ни поджечь.

– И чего он хотел?

– Без понятия. Он приезжал не ко мне. Хотел повидаться со стариком. Я не слышал, о чем они говорили, но явно ругались. Мой старик кипятком плевался. Потом сказал, что Гусеница искал работу, но я-то знаю, что это фигня. Джерри Брандт стаканы мыть не станет. Он думает, что он игрок.

– То есть у них было общее дело?

Тони пожимает плечами:

– Хрен знает. Я даже не знал, что они знакомы.

– Когда ты сидел в камере с Джерри Брандтом, ты говорил ему про своего старика?

– Может, и говорил. В камере обо всем болтаешь.

– А когда твой отец поехал в Лондон, почему ты решил, что он ехал на встречу с Джерри?

– Я высадил его у распивочной на Пентонвилл-роуд. А я помню, как Джерри рассказывал о ней. Он там часто бывал.

Я кидаю ему через стол фотографию Кирстен Фицрой.

– Ты ее знаешь?

Тони смотрит на нее. Врать легче, чем говорить правду, поэтому теперь ему нужно время. Он качает головой. И я ему верю.

Сидя в машине, я рассказываю подробности Али, а она засыпает меня вопросами. Она из тех людей, которые все обдумывают вслух. А я размышляю молча.

– Ты помнишь человека по имени Джерри Брандт?

Она пожимает плечами:

– А кто это?

– Гнусный мерзавец с вонючей пастью и склонностью к сутенерству.

– Какая прелесть.

– Он фигурировал в первом расследовании. Когда в день исчезновения Микки Говард фотографировал улицу вокруг Долфин-мэншн, на одном из снимков был Джерри Брандт – просто лицо в толпе. Позже его имя снова всплыло, на этот раз в списке насильников. Его когда-то привлекли за секс с малолеткой.

Но нам это ничего не дало. Ему тогда было семнадцать, а ей четырнадцать, и они друг друга знали. Так вот... Мы хотели поговорить с Джерри, но не смогли его найти. Он просто испарился. А теперь снова появился. По словам Тони, он приезжал к Рэю Мерфи три месяца назад.

– Это могло быть совпадением.

– Возможно.

И Кирстен, и Рэй Мерфи пропали. Три года назад они обеспечили друг другу алиби на время исчезновения Микки. По пути к входной двери на встречу с Сарой Микки должна была пройти мимо квартиры Кирстен. Кроме того, сэр Дуглас Карлайл платил Кирстен, чтобы та собирала доказательства для дела об опеке. Возможно, он решил пойти

дальше и организовать похищение внучки. Но это не объясняет, где она была и почему спустя три года потребовали выкуп.

Может, Али права и вся история – просто фальшивка. Кирстен могла собрать волосы Микки с подушки или с расчески. Она могла знать о ее копилке. И могла составить план, чтобы воспользоваться ситуацией.

По спине пробегает холодок, словно сейчас пять утра. Профессор говорит, что совпадение – это два события, происшедшие одновременно, но я в это не верю. Мелочи поворачивают нож быстрее, чем судьба.

В середине Прайори-роуд, купаясь в лучах заходящего солнца, стоит автомобиль Водного управления. Рабочий, курящий рядом с ним сигарету, потягивается и почесывает между ног.

– Сегодня у меня выходной, надеюсь, у вас что-то важное.

Неудивительно, что он выглядит так, словно у него нет более важных дел, чем погонять шары с дружками в пабе.

Али представляет меня, и рабочий становится вежливей.

– Мистер Донован, двадцать пятого сентября вы устранили прорыв трубы на этой улице.

– И что? Кто-то пожаловался? Мы сделали все как следует.

Прерывая его заявление, я говорю ему, что просто хочу узнать, что случилось.

Он давит каблуком свой окурок и кивает в сторону темного пятна свежего асфальта, покрывающего тридцать футов дороги:

– Это выглядело словно Гранд-Каньон^[79], чтоб его. Полдороги просто смыло. Никогда раньше не видел, чтобы труба так взрывалась.

– Что вы имеете в виду?

Он подтягивает штаны.

– Ну, видите ли, некоторые трубы пролежали здесь уже сто лет и порядком износились. Одну починишь, вторую прорвет. Бум! Словно хочешь десятью пальцами зажать сто дырок.

– Но этот случай чем-то отличался от прочих?

– Да. Их обычно прорывает на стыках – это самое слабое место. А эту словно разнесло. – Он сжимает руки и резко разводит их. – Мы не смогли поставить хомут. Пришлось менять двадцать футов трубы.

– Вы можете предположить, почему такое произошло? – спрашивает Али.

Он качает головой и снова чешет между ног.

– Лу, парень из нашей бригады, в армии служил сапером. Он решил, что был какой-то взрыв, потому что трубы были покорежены, металл погнулся. Он сказал, что, возможно, в трубу попал метан.

– А это часто случается?

– Не-е-е! Раньше – да. А теперь трубы лучше вентилируют. Я о чем-то таком слышал несколько лет назад. Тогда залило шесть улиц в Бэйсуотере^[80].

Али ходит взад-вперед по дороге, глядя себе под ноги.

– Как вы узнаете, где именно проходят трубы? – спрашивает она.

– Когда как, – говорит Донован. – Магнитометр указывает, где под землей находится металл, иногда бывает нужен радар, но обычно никаких приборов не требуется. Водопровод проходит рядом с канализацией.

– А как вы находите канализационные трубы?

– Надо двигаться вниз. Вся система основана на естественном стоке.

Опустившись на колени, я ощупываю решетку люка. Металлические прутья идут на расстоянии трех четвертей дюйма друг от друга. Выкуп был очень тщательно упакован. Каждый сверток был водонепроницаемым и мог плыть. В длину шесть дюймов, в ширину – два с половиной, в высоту – три четверти... Подходящий размер.

Тот, кто потребовал выкуп, подумал о возможной слежке. А одно из мест, где не работает передатчик или система обнаружения, – это подземные коммуникации.

– Вы можете провести меня по канализационным сетям, мистер Донован?

– Вы что, шутите?

– Подыграйте мне.

Он качает головой:

– С одиннадцатого сентября все помешались на канализации. Возьмите участок тайбернский коллектор – он проходит под американским посольством и Бэкингемским дворцом. А участок Тачбрук пролегает под Пимлико. Их даже на картах не найдешь – на тех, что теперь печатают. И в библиотеках о них ничего нет. Все забрали.

– Но должна быть какая-то возможность. Я могу сделать запрос?

– Думаю, да. Но это займет время.

– Сколько?

Он потирает подбородок.

– Думаю, несколько недель.

Я вижу, к чему он клонит. Большие, неповоротливые колеса британской бюрократии понесут мой запрос от комитета к подкомитету, а оттуда – к рабочей группе, где его будут обсуждать, обдумывать, проговаривать и анализировать, и все только для того, чтобы подобрать подходящие слова для отказа.

Что ж, снять шкуру с кота можно разными способом. Профессор утверждает, что их как минимум три, а он знает, что говорит, – он ведь учился в медицинской школе.

Около десяти лет назад один человек, протестовавший против строительства обьездной дороги возле Ньюбери^[81], провел шестнадцать дней под землей, выкопав себе длинную узкую нору. Нам пришлось его доставать, но он рыл голыми руками быстрее, чем десять человек лопатами.

Этот сумасшедший называл себя эковоином, бьющимся с «насильниками земли». В прессе его окрестили Кротом.

Али требуется три часа и пятьдесят фунтов на взятку, чтобы установить его нынешний адрес – заброшенный склад в Хэгни, в одном из тех забытых мест, которые очень трудно разыскать, если только у тебя в руках нет баллончика с краской или тебе не нужна доза.

Медленно проезжая между покрытыми сажей фабриками и заколоченными магазинами, мы оказываемся на пустыре, где мальчишки играют в футбол, сделав ворота из собственных курток. Наше прибытие не проходит незамеченным. Эта новость передастся со скоростью телеграфного сообщения – хотя непонятно, какие провода могут пролегать под этой почвой и камнями.

– Может, мне лучше остаться в машине, – говорит Али, – пока у нее еще четыре колеса.

Перед нами возвышается заброшенная фабрика, покрытая слоями граффити – один рисунок поверх другого. Я приближаюсь к отгрузочному доку, одна из створок которого выломана, а отверстие закрыто листом заржавленного железа. Отодвинув его, я вхожу внутрь. Из окон, расположенных почти под самым потолком, пробивается свет, в лучах которого серебрится паутина.

На первом этаже пусто, виднеются лишь несколько коробок и кювет. Поднявшись на третий этаж, я обнаруживаю ряд бывших

кабинетов с облупившимися стеновыми панелями и оголенными проводами. В странной комнате, не больше шести футов в длину, лежит на полу узкая доска, на ней – одеяло и матрас, сделанные из одежды. На гвозде висит пара брюк, на одной из полок выстроилась вереница консервных банок. В центре помещения на коробке примостились жестяная тарелка и кружка с логотипом Бэтмена.

Я подхожу к масляной лампе и подхватываю ее, не позволяя упасть. Стекло еще теплое. Наверное, обитатель комнаты услышал мои шаги.

Стены вокруг оклеены старыми газетами и предвыборными плакатами, представляя собой коллаж портретов героев новостей: Саддам Хуссейн, Тони Блэр, Ясир Арафат, Дэвид Бекхэм. Джордж Буш-младший, одетый в армейскую форму, держит индейку на Дне благодарения.

На еще одной странице изображен Арт Карни, рядом с его фотографией – текст некролога. Я не знал, что Арт Карни умер. Я помню его по «Молодоженам» с Джеки Глисоном^[82], который играл его соседа снизу. В одном эпизоде они с Джеки пытаются научиться играть в гольф по книжке, и Джеки говорит ему: «Сперва надо правильно послать мяч». И Арт кивает мячу и говорит: «Да пошел ты!»

В ту же секунду моя рука прорывает газету, и я хватаю кого-то за грязные, засаленные волосы. Тяну его к себе, бумага рвется, и к моим ногам падает визжащее, одичавшее существо.

– Я этого не делал! Это не я! – вопит Крот, сворачиваясь комочком. – Не бейте меня! Не бейте меня!

– Никто тебя бить не будет. Я из полиции.

– Незаконное вторжение! Вы нарушаете границу! У вас нет на это права! Нельзя просто так сюда заявиться, нельзя!

– Крот, ты живешь здесь незаконно, и не думаю, что у тебя много прав.

Он обращает ко мне свое бледное лицо и таращится такими же бледными глазами. Вокруг шеи, как крысиные хвосты, висят дреды. На нем мешковатые штаны и армейская куртка с металлическими заклепками и планками, похожими на крепления для строп несуществующего парашюта.

Я заставляю его сесть на ящик, и он подозрительно смотрит на меня. Я люблюсь его самодельной мебелью.

– Здорово тут у тебя.

– Спасает от дождя, – говорит он без тени сарказма. Из-за бакенбард он похож на барсука. Чешет себе шею, потом под мышкой. Боже, надеюсь, это не заразно.

– Мне надо попасть в канализацию.

– Это запрещено.

– Но ты можешь меня проводить.

Он одновременно кивает и качает головой:

– Нет. Нет. Нет. Запрещено.

– Я же сказал тебе, Крот, что работаю в полиции.

Я зажигаю масляную лампу и ставлю ее на ящик. Потом расстилаю на полу карту и разглаживаю на ней сгибы.

– Ты знаешь это место?

Я показываю на Прайори-роуд, но Крот смотрит на карту тупо.

– Это почти на углу Эбботс-плейс, – объясняю я. – Мне нужна сточная или канализационная труба.

Крот чешет шею.

Внезапно до меня доходит – он не разбирается в карте. Все его ориентиры находятся под землей, и он не может соотнести их с улицами и перекрестками на поверхности.

Я вынимаю из кармана апельсин и кладу его на карту. Несколько раз перекатившись, он останавливается и, покачавшись, замирает.

– Ты можешь меня провести?

Крот внимательно смотрит на апельсин.

– Идите по течению. Вода находит путь.

– Именно, но мне нужна твоя помощь.

Крот не сводит глаз с апельсина. Я протягиваю его ему, он запикивает его в карман и застегивает карман на молнию.

– Хотите отправиться в логово дьявола?

– Да.

– Один?

– Один.

– Завтра.

– А почему не сегодня?

– Я должен встретиться с Синоптиком Питом. Он скажет нам прогноз.

– Какое значение имеет прогноз в канализации?

Крот издает громкий свист, словно поезд.

– Не хотел бы я оказаться там в дождь. Тогда воистину развернутся хляби небесные.

– Почему вас так интересует канализация? – спрашивает Джо.

Он приглашает меня сесть – отработанным, почти механическим движением.

Сегодня понедельник, и мы сидим у него в офисе, частном кабинете рядом с Харли-стрит. Это дом в георгианском стиле с черными водосточными трубами и белыми окнами. На табличке возле дверей кабинета после имени Джо тянется вереница титулов, которая оканчивается смайликом, – видимо, чтобы пациенты не чувствовали слишком большого почтения.

– Это просто теория. Выкуп должен был передвигаться по воде.

– И все?

– Рэй Мерфи работал в Водном управлении. А теперь он пропал.

Левая рука Джо дергается на колене. Перед ним на столе лежит книга «Восстановление памяти»^[83].

– Как ваша нога?

– Лучше.

Он хочет спросить про морфин, но воздерживается. На протяжении пары минут по кабинету, как масло, растекается молчание. Джо медленно встает, с трудом удерживая равновесие, и пускается в путь по комнате, борясь за каждый шаг. Иногда его сносит вправо, но он терпеливо восстанавливает курс.

Окидывая взглядом кабинет, я замечаю, что все в нем немного покосилось: книги на полках, папки в картотеке. Наверное, профессору все труднее поддерживать порядок.

– Вы помните Джессику Линч^[84]? – спрашивает он.

– Американскую военнослужащую, которую взяли в плен в Ираке?

– Когда ее спасли, она не помнила ни одного события с момента пленения до той минуты, как очнулась в госпитале. Даже спустя месяцы, несмотря на все врачебные сессии и обследования, она так и не смогла ничего вспомнить. Врачи назвали это отказом памяти, что в корне отличается от амнезии. В случае амнезии вы из-за какой-либо травмы забываете о том, что с вами происходило. А Джессике просто

нечего было вспоминать. Она словно находилась в сомнамбулическом состоянии, не воспринимая ничего из того, что с ней приключилось.

– То есть вы хотите сказать, что я могу так и не вспомнить, что случилось?

– Может, вам просто нечего вспомнить.

Он молчит, пока я отчаянно пытаюсь отвергнуть эту новость. Я не хочу смириться с таким исходом. Я *должен* вспомнить.

– Вы когда-нибудь участвовали в передаче выкупа? – спрашивает он.

– Около пятнадцати лет назад принимал участие в операции по поимке вымогателя. Он грозился отравить детское питание.

– И каков был план?

– Существует два варианта передачи выкупа: долгий маршрут и внезапная атака. Долгий маршрут включает сложную систему инструкций, которые заставляют курьера ходить кругами, перемещаясь из пункта А в пункт Б и так далее, рассеивая силы полиции.

– А альтернатива?

– Принцип поначалу тот же: курьера посылают от одной телефонной будки к другой, заставляя пересаживаться с автобуса на автобус, меняют направление... как вдруг где-то в пути что-то случается. Наносится молниеносный удар, кардинально меняющий ситуацию.

– Например?

– В восьмидесятые годы человек по имени Майкл Сэмс похитил молодую девушку Стефани Слэйтер, агента по продаже недвижимости, и потребовал выкуп. Курьером был босс Стефани. Стояла темная, туманная ночь в Южном Йоркшире. Сэмс оставлял записки на фонарях и в телефонных будках. Он заставлял курьера двигаться по узким сельским дорожкам, словно пешку; внезапно дорогу перегородило оставленное Сэмсом препятствие, и курьер вынужден был остановить машину. Ему пришлось оставить деньги на деревянном подносе на краю моста. Сэмс прятался под мостом. Он потянул веревку, поднос перевернулся, и он удрал на мотороллере по разбитой дороге^[85].

– Он скрылся?

– Вместе со ста семьюдесятью пятью тысячами фунтов.

Глаза профессора выдают его невольное восхищение. Как и большинство людей, он ценит изобретательность. Только это была не игра: Майкл Сэмс к тому времени уже убил девушку.

– Вы послали бы в качестве курьера Рэйчел?

– Нет.

– Почему?

– Нельзя ожидать от человека рациональных решений, когда дело касается его ребенка. Наверное, они сами выбрали Рэйчел. Я на их месте поступил бы именно так.

– А что еще вы сделали бы на своем месте?

– Я ее подготовил бы. Обсудил бы с ней различные варианты развития событий и потренировал бы ее.

– Как? – Джо показывает на пустой стул. – Вообразите, что здесь сейчас сидит Рэйчел. Как бы вы ее готовили?

Я смотрю на пустой стул и пытаюсь представить себе Рэйчел. В раковине на моей кухне стояли три чашки из-под кофе. Со мной была Рэйчел. А кто еще? Возможно, Алексей. Это ведь были его бриллианты.

Закрыв глаза, я вижу Рэйчел в черных джинсах и сером пуловере. До сих пор ее внешность казалась неопределенной, словно была размыта страданием, однако она привлекательная женщина, весьма неглупая и очень печальная. Я понимаю, почему Алексей выбрал ее.

На плотно сжатых коленях Рэйчел лежит кожаный рюкзачок. По полу, как конфетти, разбросаны обрывки полиэтилена и крошки пенопласта.

– Помните, что это не окончательная сделка, – говорю я. – Это переговоры.

Она кивает.

– Они хотят, чтобы вы слепо следовали их указаниям, но мы не можем позволить им диктовать условия, – продолжаю я. – Вы должны настаивать на получении доказательств того, что Микки жива. Требуйте доказательств. Скажите, что хотите увидеть ее и поговорить с ней.

– Но они скажут, что у нас есть волосы и купальник.

– А вы скажете, что это ничего не доказывает. Вы просто хотите быть уверенной.

– А что если они захотят, чтобы я оставила где-нибудь выкуп?

– Не делайте этого. Требуйте прямого обмена: Микки на бриллианты.

– А если они не согласятся?

– Тогда сделка не состоится.

Ее голос заметно дрожит, словно вот-вот оборвется:

– А что если они не привезут Микки? Если сначала захотят забрать бриллианты?

– Вы откажетесь.

– Они ее убьют.

– Нет! Они скажут, что она сидит одна, голодная, что у нее на исходе вода или кислород. Они попытаются вас запугать...

– Но что если... – Рэйчел запинается, – что если они ее обидят?

Я почти вижу, как кристаллизуются ее мысли.

– Они ведь ее убьют, правда? Они никогда ее не отпустят, потому что она может их опознать.

Я сжимаю ее руки и заставляю посмотреть мне в глаза.

– Перестаньте. Соберитесь. В настоящий момент Микки – их главная ценность.

– А потом?

– Именно поэтому мы и должны ставить свои условия, а вы должны знать, как вести себя в сложившихся обстоятельствах. – Я встаю у нее за спиной. – Итак, давайте продумаем, что вы им скажете.

Я вытаскиваю мобильный и набираю номер. Телефон перед ней начинает звонить. Я указываю на него.

Она неохотно раскрывает аппарат.

– Алло?

– *Выкинь этот чертов микрофон!*

Она смотрит на меня и, запинаясь, произносит:

– О чем вы?

– *Ты, сука! Выкинь чертов микрофон, или я убью Микки. Прямо сейчас!*

– У меня... у меня нет никакого микрофона.

– *Не ври! Выброси его из окна.*

– Нет.

– *Она мертва. У тебя был шанс.*

– Я сделаю все, что вы скажете. Все. Пожалуйста. Уже выкидываю...

Рэйчел дрожит. Я беру телефон у нее из рук и сбрасываю звонок.

– Итак, он не знал, что у вас есть датчик. Он блефовал. И вы должны были его в этом уличить.

Рэйчел кивает и тяжело вздыхает.

Мы репетируем еще раз. Я хочу, чтобы она была вежливой и уверенной в себе, но не спорила. Не соглашалась, но и не нарывалась. Тянула время.

– Скажите им, что вы напуганы. Вы в этом деле новичок. Вы нервничаете. Они хотят контролировать вас, так покажите им, как вы уязвимы.

Мы репетируем два часа, прорабатывая разные варианты. Если смотреть на ситуацию реально, то я могу придумать только несколько планов. Снова и снова я повторяю один вопрос:

– О чем вы попросите?

– Увидеть Микки.

– Когда вы передадите выкуп?

– Когда Микки будет у меня.

– Именно. Когда будете держать ее за руку.

Я смотрю ей в глаза, надеясь увидеть ту же решимость, которую я видел на первой пресс-конференции после исчезновения Микки, когда Рэйчел сумела не потерять самообладания и не разрыдаться. Ту же решимость я видел на крыльце здания суда после вынесения приговора, когда она зачитывала по бумажке свое заявление.

– Вам не обязательно идти до конца, – напоминаю я ей.

Она не мигает и даже не дышит. Ее пальцы перебирают складки рюкзака.

Где-то далеко, на границе моего сознания, звонит телефон. Джо перегибается через стол и сбрасывает звонок. Он смотрит на меня в ожидании, а его левая рука дергается каким-то немыслимым образом.

– Вы что-то вспомнили.

Я чувствую, как постепенно успокаивается мое сердце.

– Недостаточно.

Его рука перестала трястись. На лице – непроницаемое выражение, если не считать блеска в глазах. Жизнь для него – великая тайна, непрестанно решаемая загадка. Большинство людей не в

состоянии отрешиться от повседневной суеты и задуматься. Джо не может заставить себя *не* думать.

У Али весь вечер был отключен телефон. Наконец она мне звонит.

– Где ты была?

– Работала. Уже еду домой.

– Не ко мне.

– А для чего тогда я работала?

Через двадцать минут она появляется в дверях. Она выглядит иначе, чем обычно. Говорят, что всегда можно определить, что женщина занималась сексом. Наверное, раньше я просто не пытался этого сделать.

У Али есть для меня новости. Полицейский компьютер подтвердил, что Джерри Брандт сидел в одной камере с Тони Мерфи четыре года назад. За два месяца до исчезновения Микки Джерри выпустили.

– А как вам еще такое совпадение? – спрашивает она. – Тони Мерфи проявился три месяца назад – ему как раз могло хватить времени, чтобы поучаствовать в этой истории.

– Как там «новичок» Дэйв? – между делом интересуюсь я, получая ответ, сопровождаемый легкой улыбкой:

– Бодр и весел.

Несмотря на усталость, она садится и просматривает свои записи. Три года назад Джерри Брандт полностью исчез из поля зрения полиции. Не было ни налоговых квитанций, ни социальных выплат, ни дорожных штрафов, ни полицейских донесений, ни просроченных библиотечных книг... И вдруг три месяца назад он объявился и попытался получить пособие по безработице.

– Так скажите мне, умная молодая леди, где проживает сейчас Джерри Брандт?

– Между прочим, я это знаю, – говорит она, поднимая руку с зажатым между пальцами листком бумаги – адресом в южном Лондоне.

Бермондси^[86] – один из тех районов, которые дважды подвергались насилию: сперва со стороны люфтваффе, потом, в

семидесятые, со стороны архитекторов, которые возвели здесь высотки в духе сталинского ампира и бетонные муниципальные здания. Теперь архитектурный ансамбль здешних мест напоминает ряд зубов, в котором здоровые чередуются с пломбированными.

Мы подъезжаем к большому белому дому, утопающему в зелени. Я вижу небольшой балкон, увитый плющом, с богато украшенными консолями, над ним – крутую крышу, черную и мокрую, как грифельная доска.

Смотрю на часы. Едва семь утра.

– Проснись и пойдешь, принцесса!

Дверь приоткрывается, из-за нее высовывается лохматая девица лет девятнадцати. На ней свитер и джинсовые шорты. Из-под пояса выглядывает татуировка.

Она смотрит на значок Али и скидывает цепочку. Мы идем за девицей через прихожую к гостиной. Али смотрит на меня укоризненно, заметив, как я слежу за покачивающимися бедрами хозяйки.

Еще две девицы спят на полу, обнявшись. На диване, закутавшись в покрывало, лежит кто-то неопределенного пола. В комнате пахнет гашишем и невыветривающимся никотином.

– Тяжелая выдалась ночь?

– Не для меня, я не пью, – отрезает она.

– Мы ищем Джерри Брандта.

– Он наверху.

Усевшись на стул, она пристраивает босую ногу на столе и начинает ковырять ссадину на коленке.

– Тогда, может, вы сходите к нему и скажете, что мы хотели бы с ним поговорить? – предлагает Али.

Девица обдумывает услышанное, спускает ногу со стола и поднимается по лестнице. Из-за ее походки лестница кажется очень крутой. В столовой пол усыпан приглашениями в пабы на концерты, в углу под брусками и штангой стоит скамья. Через дверь в кухню я вижу вчерашнее карри, сунутое в мусорную корзину.

Девица возвращается.

– Гусеница сказал, что придет через минуту.

Она идет в туалет и, не озаботившись тем, чтобы закрыть за собой дверь, садится на унитаз и справляет малую нужду. Потом чистит

зубы, глядя на меня в зеркало. Наверху тоже шумит бачок, затем слышен звук открывающегося окна. Через несколько секунд чье-то тело пролетает мимо кухонного окна и приземляется во дворе.

Я успеваю разглядеть лицо прыгавшего и увидеть на нем страх. Человек действительно напуган.

К тому времени, когда я добегаю до задней двери, Джерри уже успел перелезть через забор и мчится по задней улочке. Он без обуви, одет в хлопковую майку и вылинявшие спортивные штаны.

Перебравшись через забор, я тяжело приземляюсь на плитку. Он впереди меня в тридцати ярдах, бежит к воротам. Надеюсь, Али выскочила через парадную дверь и сумеет перехватить его.

Мерзавец не мешкая перемахивает через ворота. Я же проламываю их, не сумев вовремя остановиться. Он поворачивает налево, перепрыгивает через канаву, пересекает дорогу и, перелетев над изгородью, оказывается на соседней улице.

Если бы мне было двадцать и у меня не болела бы нога, я все равно не смог бы его догнать. Я отстаю, задыхаюсь, перед глазами пляшут точки.

С моей стороны улицы газовщики роют траншею. Рядом с ямой – куча красноватой почвы, так что приземление должно быть мягким. Прыжок дается мне легко, но я забыл про дорожное движение. Меня обманывает тихая работа электромотора. Молоковоз только что отъехал от парковки и движется со скоростью всего несколько миль в час, но я, не сумев остановиться после приземления, врезаюсь в крыло машины, и мне кажется, что из меня вышибли дух.

Перекувырнувшись раз шесть по асфальту, я наталкиваюсь на водосточный желоб и чувствую, что повредил бедро. Люди вокруг, ничего не понимая, просто стоят и смеются надо мной.

Джерри уже в конце улицы. Он оглядывается, и в этот момент Али въезжает ему плечом в живот, хватая руками за пояс и опрокидывает на землю. Она прыгает коленями ему на грудь, и я почти слышу, как воздух выходит у него из легких.

Сев на него верхом, она заламывает ему руки за спину, чтобы надеть наручники. Но когда она пытается снять их с пояса, Джерри резко откидывает голову и бьет ее затылком в подбородок. Али откидывается назад, но продолжает сжимать его коленями, не давая подняться.

Я с трудом встаю и хромаю к ним. Нога онемела и почти не слушается.

Джерри удалось встать на четвереньки. Али сцепила ноги у него на животе и едет на нем, как ребенок, играющий с отцом «в лошадку». Она хватается его руками за шею, стремясь нащупать дыхательное горло. Джерри отрывает руки от земли и пытается встать. Вот он выпрямился. В нем шесть футов роста и двести фунтов веса.

Я понимаю, что сейчас будет. Слышу собственный крик, велящий Али отпустить его, но она лишь крепче прижимается к Джерри. Рядом с ними двор огибает кирпичная стена высотой в фут, с острыми краями.

Брандт поднимает Али, ухватив ее за ноги. Потом смотрит прямо на меня. Из его груди вырывается странное, звериное рычание. Потом он падает назад, на стену, так что спина Али, оказавшейся внизу, принимает на себя всю силу удара. Она сгибается – и ломается.

Я ничего не слышу. Только свой голос, зовущий Али по имени. Рабочие-газовщики застыли в своих комбинезонах, покрытых красноватой пылью, – словно окаменели. Я смотрю на одного из них и ору, пока его взгляд не перемещается с Али на меня.

– Вызовите «скорую»! Немедленно!

Боль в ноге забыта. Тело Али безжизненно свешивается со стены. Она так и не пошевелилась. Лучи света преломляются, отражаясь от хромированных машин на парковке и от слез в ее глазах.

Я опускаюсь рядом с ней на колени: она смотрит прямо вверх, я вижу свое отражение в уголках ее глаз.

– Я не чувствую ног, – шепчет она.

– Оставайся на месте. Скоро придет помощь.

– Думаю, что здорово вляпалась.

– Это был прекрасный захват. Где ты этому научилась?

– Четыре брата.

– Чему только учат нынешних девочек!

Она прерывисто дышит. Бог знает, что у нее сломано. Я хотел бы сложить в ее теле все, как было. Если бы я мог!

– В обычных обстоятельствах я не побеспокоила бы вас, сэр, но не уберете ли вы мне волосы с глаз?

Я отвожу ей челку со лба.

– Может, мне завтра взять отгул? – говорит она. – Сесть на «Евростар» и поехать в Париж за покупками.

– Может, я съезжу с тобой.

– Ненавижу ходить по магазинам и ненавижу Париж.

– Знаю, но иногда надо сменить обстановку.

– А как же Микки?

– Мы к тому времени ее найдем.

У меня нет одеяла, чтобы укрыть ее, нет воды, чтобы дать ей попить. Она больше не плачет. Ее глаза серьезные, как глаза смертельно раненного оленя. Я слышу сирену «скорой помощи».

Джерри Брандт давно сбежал. После себя он оставил помятую цветочную клумбу и обрывок футболки, зажатый в пальцах Али.

Я ненавижу больницы. В них полно ужасных болезней, названия которых оканчиваются на «-ия» и «-ома».

Я знаю, о чем говорю. Моя первая жена умерла в больнице от рака. Иногда я думаю, что, возможно, больница приносила ей еще больше страданий, чем сама болезнь.

Она умирала два года, но казалось, что дольше. Лора считала каждый новый день подарком, однако я не мог относиться к этому так же. Для меня это было медленной пыткой: бесконечные визиты к врачу, обследования, лекарства, плохие новости и бодрые улыбки, скрывающие правду.

Клэр и Майклу было всего лишь тринадцать, но они довольно хорошо это перенесли. А вот я сошел с колеи. Исчез и провел полтора года, перегоняя в Боснию и Герцеговину грузовики с медикаментами. Мне надо было остаться дома, рядом с детьми, а не присылать им открытки. Вероятно, поэтому они так меня и не простили.

Меня не пускают к Али. Врачи и сестры проходят мимо меня, как будто я – пластмассовый стул в комнате ожидания. Дежурная медсестра Аманда – полная деловитая особа. Когда она говорит, слова выпрыгивают у нее изо рта, как десантники.

– Придется подождать хирурга. Он скоро придет. В автоматах можете купить кофе и печенье. К сожалению, деньги не размениваю.

– Но мы ждем уже шесть часов.

– Осталось совсем недолго, – отвечает она, пересчитывая бинты в ящичке.

Родственники Али прислушиваются к нашему разговору. Ее отец подался вперед, опершись лбом на руки. Тихий, почтенный человек, он похож на подбитый корабль, который медленно погружается в пучину.

Ее мама держит в руках бумажный стаканчик с водой, куда периодически опускает пальцы и проводит себе по векам. Три брата Али тоже здесь и бросают на меня холодные взгляды.

От моей рубашки исходит запах пота. Тот самый запах, который наполняет самолет, когда бизнесмены снимают пиджаки. Я отхожу от

медсестры и бреду к своему стулу. Проходя мимо отца Али, останавливаюсь и дожидаюсь, когда он поднимет на меня глаза.

– Мне очень жаль, что так случилось.

Из вежливости он пожимает мне руку.

– Вы были с ней, инспектор?

– Да.

Он кивает и смотрит куда-то мимо меня.

– Почему женщина должна ловить выродков и преступников? Это мужская работа.

– Она очень хороший полицейский.

Он не отвечает.

– Когда моя дочь была поменьше, она была замечательной спортсменкой. Спринтером. Однажды я спросил ее, зачем она так быстро бежит. Она сказала, что хочет догнать будущее – посмотреть, какой станет, когда вырастет. – Он улыбается.

– Вы можете ею гордиться, – говорю я. Непонятно, кивает он или качает головой.

Я иду в туалет и ополаскиваю лицо холодной водой. Снимаю рубашку и мою под мышками, чувствуя, как вода течет мне за пояс. Потом закрываю дверь кабинки, опускаю крышку унитаза и сажусь.

Это моя вина. Я должен был с самого начала подняться наверх и встретить Джерри Брандта. Я должен был поймать его, пока он не перепрыгнул через забор. Я до сих пор вижу выражение его лица, когда он взял Али за ноги и упал назад, разбив ее тело о стену. Он знал, что делает. Теперь я обязан его найти. Я его поймаю. И возможно, мне повезет и он окажет сопротивление при аресте.

В следующее мгновение я вздрагиваю и просыпаюсь. Я заснул в туалетной кабинке, прислонившись головой к стене. Шея одеревенела, и я с трудом поворачиваю ее.

Какой сегодня день? Понедельник? Нет, вторник, утро. Наверное, утро, хотя еще темно. Я даже не смотрю на часы.

Когда я выхожу в приемную, мое сознание начинает проясняться, хотя облегчения это не приносит. Выгляжу я отвратительно: волосы прилипли ко лбу, кожа на носу пересохла и шелушится.

Врач говорит с родственниками Али. Внезапно ослабев от страха, я пересекаю пространство, лавируя между рядами пластмассовых

стульев. По сравнению с узкими яркими полосами света тени в углах кажутся еще темнее.

Я мгновение колеблюсь, не уверенный, что стоит вмешиваться, но мое беспокойство слишком велико. Когда я подхожу к собравшимся, никто не обращает на меня внимания. Врач говорит:

– У нее трещины и смещения двух позвонков вследствие очень сильного удара. Пока не сойдет отек, мы не можем сказать ничего конкретного о характере паралича и установить, пройдет ли он. У меня есть другой пациент, жокей, с такой же травмой. Он замечательно поправляется и скоро сможет ходить.

Я покрываюсь холодным потом, перед глазами во всех направлениях разбегаются пустые коридоры.

– Она находится под действием обезболивающих, но вы можете ее навестить, – говорит врач, почесывая небритый подбородок. – Постарайтесь ее не расстраивать.

Тут у него пищит пейджер, отдаваясь эхом в моих ушах. Он виновато смотрит на родителей Али и удаляется по коридору, стуча каблуками.

Я жду своей очереди у палаты Али. Когда ее родители уходят, я не решаюсь поднять глаза. Ее мать все время плачет, а братья мысленно ищут виновных. Мне негде спрятаться.

Когда я открываю дверь и делаю несколько шагов в темноте, на меня накатывает тошнота. Али лежит на спине, глядя в потолок. Ее шея и голова зафиксированы в жестком каркасе, чтобы она не могла повернуться.

Я не подхожу к ней слишком близко, желая избавить ее от своего неприятного запаха и безобразного внешнего вида. Но уже поздно. Она видит меня в зеркале над головой и говорит:

– Доброе утро.

– Доброе утро.

Я окидываю взглядом комнату и беру стул. Сквозь занавески проникают золотые лучи солнца, ложась вокруг ее кровати.

– Как ты себя чувствуешь? – спрашиваю я.

– В настоящее время летаю вместе с Люси и ее бриллиантами^[87]. Ничего не чувствую. – Она издает полувздых-полустон и вымучивает улыбку. Следы высохших слез заметны у нее на висках. – Говорят, что

мне нужна операция на позвоночнике. Они прибавят мне несколько дюймов. Я всегда мечтала быть ростом шесть футов.

Она хочет, чтобы я засмеялся, но у меня выходит только жалкая улыбка. Али молчит и закрывает глаза. Я тихо встаю, чтобы уйти, но она удерживает меня за руку.

– Что вам сказали врачи?

– Они ничего не смогут сказать в ближайшие несколько дней.

Она с трудом выдавливает слова:

– Я смогу ходить?

– Они полагают, что да.

Она сильно зажмуривается, и в уголках ее глаз собираются слезы.

– У тебя все будет хорошо, – как можно убедительнее говорю я. – Скоро вернешься на работу – да еще шести футов ростом.

Али хочет, чтобы я остался, и я смотрю, как она спит, пока меня не выгоняет медсестра. Почти полдень. На моем телефоне десяток неприятых звонков, большинство от Кэмпбелла Смита.

Я звоню в оперативную группу и пытаюсь узнать последние новости о Джерри Брандте, которого все еще не нашли. Никто не хочет со мной разговаривать. Наконец мне попадается офицер, который меня жалеет. Под половицами в спальне Брандта нашли триста таблеток экстази, а в трубе туалета были обнаружены следы «скорости»^[88]. Поэтому он убежал?

Около двух я приезжаю в участок на Харроу-роуд и прохожу по забитому людьми коридору, где два автомобилиста в рубашках, заляпанных кровью, орут об аварии.

Кэмпбелл закрывает за мной дверь. Он очень похож на будущего главного констебля: руки сложены за спиной, лицо жесткое, как картонка от рубашки.

– Боже милостивый, Руиз! Два треснувших позвонка, сломанные ребра и разрыв селезенки. Она могла оказаться в инвалидной коляске. А где был ты? Тебя переехал молоковоз...

Я слышу, как народ в коридоре смеется. Шутки пока не начались, но это только потому, что Али еще очень плохо.

Кэмпбелл открывает ящик стола и извлекает листок с напечатанным текстом.

– Я тебя предупреждал. Я велел тебе не лезть в это дело.

Он протягивает мне прошение об отставке. Мое. Я должен немедленно отойти от дел по состоянию здоровья.

– Подпиши это.

– Что вы делаете, чтобы найти Джерри Брандта?

– Это не твоя забота. Подпиши заявление.

– Я хочу помочь его найти. Я подпишу его, если ты разрешишь мне помочь.

Кэмпбелл закатывается от возмущения, пыхтя и надуваясь, как волк из детского спектакля. Я не вижу его глаз. Они спрятались под насупленными бровями, достающими аж до ушей.

Я рассказываю ему о требовании выкупа и ДНК-тестах, сообщаю все, что мне удалось вспомнить о передаче бриллиантов. Я знаю, это звучит неубедительно, но я подбираюсь все ближе к истине. Мне надо идти по следу. Джерри Брандт имеет к этому какое-то отношение.

– Какое?

– Пока не знаю.

Кэмпбелл недоверчиво трясет головой.

– Послушал бы ты себя. Просто одержимый.

– Ты меня не слушаешь. Кто-то похитил Микки. Я думаю, что Говард ее не убивал. Она еще жива.

– Нет, это ты послушай меня. Все это полная чушь. Микки Карлайл погибла три года назад. Ответь-ка мне на один вопрос: если ее кто-то похитил, то зачем ждать три года, чтобы потребовать выкуп? В этом нет никакого смысла, потому что это неправда. – Он снова подталкивает ко мне прошение об отставке. – Тебе надо было уйти, когда представилась такая возможность. Ты разведен. Бросал пить. Ты почти не видишь своих детей. Живешь один. Посмотри на себя! Боже, ты просто развалина! Раньше я советовал молодым следователям брать с тебя пример, а теперь я тебя стыжусь. Ты слишком подзадержался, Винсент...

– Нет, даже не проси.

– Ты уже на той стороне.

– На какой стороне? Не вижу никакой стороны.

– Подпиши прошение.

Я отворачиваюсь и закрываю глаза, пытаюсь отделаться от чувства горечи. Чем больше я об этом думаю, тем больше злюсь. Я чувствую,

как гнев наполняет меня, подобно пару в двигателе, приводящему в движение поршни.

Кэмпбелл убирает ручку обратно в ящик.

– Ты не оставил мне выбора. Я с сожалением сообщаю вам, что ваш договор с Лондонской полицией расторгнут. Было решено, что вы доставляете слишком много хлопот. Вам не позволят давать показания в статусе сотрудника полиции.

– Какие показания, о чем ты?

Кэмпбелл достает из ящика еще один листок. Это повестка в суд.

– Сегодня в десять утра адвокаты Говарда Уэйвелла прислали запрос о вызове вас для дачи показаний на слушание дела об его освобождении завтра в полдень. Они знают о требовании выкупа и о ДНК-тестах. Они собираются заявить, что, если старший офицер полиции одобрил передачу выкупа за Микаэлу Карлайл, мы должны поверить, что она еще жива.

– Откуда они узнали?

– Это я тебя должен спросить. Они требуют освобождения. Говард Уэйвелл может завтра выйти из тюрьмы.

Внезапно я понимаю. Мое увольнение должно смягчить потенциальный ущерб. На суде я предстану не офицером полиции, а изгоем.

В комнате воцаряется полная тишина. Кэмпбелл что-то говорит, но я его не слышу. В настоящий момент я либо опережаю на десять секунд реальный ход времени, либо на десять секунд отстаю от него. Где-то звонит телефон, к которому никто не собирается подходить.

Покачиваясь на старых пружинах переднего сиденья фургончика, я смотрю в лобовое стекло на сгущающуюся темноту. На щитке взад-вперед, словно танцуя, раскачивается фигурка Элвиса.

За рулем – Синоптик Пит, в шерстяной шапке с усами, как у моржа. Его челюсть постоянно движется, пережевывая здоровый комок жвачки, который он перед этим извлек, как мне показалось, откуда-то из уха.

За моей спиной в фургончике сидят четыре его партнера, называющие себя «исследователями города». Первый – это Барри, кокни, у него только два передних зуба и совсем нет волос. Он спорит с Энгусом, бывшим шахтером, о том, у кого из тяжеловесов-чемпионов самая слабая челюсть. Напротив них сидит Фил, который пытается присоединиться к их разговору, но из-за того, что он заикается, его слишком легко перебить. Самый тихий член команды – Крот – сидит на полу и проверяет веревки и лампы.

– Это последний рубеж, – обращается ко мне Пит. – Сорок тысяч миль труб, некоторым из них сотни лет – торжество инженерного искусства, сравнимое с Суэцким каналом, только о трубах никто не задумывается. Люди просто извергают из себя свою отраву и смывают ее...

– Но зачем их изучать?

Он разочарованно смотрит на меня.

– А разве Хиллари^[89] спрашивали, зачем он взбирался на Эверест?

– Еще как.

– Ладно, ладно. Так вот, эти трубы – все равно что Эверест. Это последний рубеж. Сами увидите. Это другой мир. Спустишь вниз на сотню футов – и вокруг так тихо, что слышно, как у тебя поры открываются и закрываются. И темнота – совершенно неестественная. Это не то, что здесь, наверху, когда, если подождешь, глаза привыкнут и смогут различать очертания. А там, внизу – чернее черного.

К нам подается Барри:

– Это словно затерянный город. Там есть реки, желоба, фундаменты, гроты, могилы, крипты, катакомбы, укрытия, о которых правительство не хочет распространяться. Это другой мир. Один слой покрывает другой, как горные породы. Когда умирает великая цивилизация: египетская, хеттская, римская – единственное, что сохраняется, – канализация и уборные. Через миллион лет археологи будут копать в нашем окаменевшем дерьме, поверьте мне.

– И там столько всего лежит, – добавляет Энгус – Чего только мы не находим: драгоценности, вставные челюсти, очки, фонарики, золотые цепочки, слуховые аппараты, губные гармошки, ботинки...

– Однажды я видел взрослого п-п-поросенка, – вмешивается Фил. – Здоровый такой к-к-кабанчик.

– Счастливый, как свинья, лежащая в дерьме, а? – хихикает Энгус. Барри присоединяется к нему, но Синоптик Пит хочет вернуться к более возвышенному тону.

– Вы знаете, кто такие черпальщики?

– Нет.

– В восемнадцатом веке канализацию перекапывали, просеивая дерьмо, словно песок при поисках золота. Только подумайте! А еще были рабочие, которые чинили и чистили трубы. Они и сейчас есть. Иногда по ночам слышно, как они работают.

– А почему они работают по ночам?

– Тогда меньше дерьма плывет по трубам.

Лучше бы мне не спрашивать! Жена Рэя Мерфи упоминала, что он работал черпальщиком. Пит рассказывает мне, как бригады из шести человек во главе с бригадиром прочищают засоры, отводя грязь через шланг.

– Знаю, это кажется совершенно устаревшим, но у них есть и некоторые высокотехнологичные штучки. Например, такие лодочки – на воздушной подушке, на них установлены камеры, которые снимают коллекторы изнутри, проверяя, нет ли проблем. Их надо остерегаться. Не хотелось бы там застрять.

Фургончик резко останавливается, шурша по гравию на заброшенной парковке. Открывается задняя дверь, Крот выбирается первым и протягивает мне комбинезон и резиновые сапоги, достигающие почти до пояса. Затем дело доходит до страховки и резиновых перчаток. Тем временем Синоптик Пит раскрывает пластиковый

портфель и достает складной алюминиевый штатив с флюгером наверху.

– Это переносная метеорологическая станция, – объясняет он. – Она определяет скорость ветра, температуру, относительную влажность воздуха, давление, солнечную радиацию и осадки. Данные передаются на компьютер. – Он открывает лэптоп и нажимает на клавишу. – Вот сейчас видна картина на четыре часа.

Крот дает мне в придачу к костюму каску и респиратор на случай необходимости. В последний раз скребет у себя под мышкой и вворачивается в сапоги.

– Есть открытые раны? Заклейте их водостойким пластырем, – говорит Барри, протягивая мне коробку. – От крысиной мочи можно подхватить болезнь Вейля^[90]. Попадает через царапину и проникает в мозг. – Он проверяет мою страховку. – Сейчас я расскажу вам, что там может случиться: пожар, взрыв, удушье, отравление, инфекция и крысы, которые могут обглодать вас до костей. Никто не знает, что мы там, поэтому нельзя быть уверенным, что трубы вентилируются. Там могут оказаться метан, аммиак, сульфид водорода, углекислый газ, а также газы, названия которых я не знаю. Не прикасайтесь перчатками к глазам и ко рту. Держитесь поближе к Кроту. Никто не ориентируется под землей так, как он. – Барри прикрепляет к моему ремню газовый счетчик.

Синоптик Пит поднимает пальцы вверх, и Крот отодвигает в сторону крышку люка. Потом освещает фонариком маленькую круглую шахту, уходящую вниз. Энгус и Фил спускаются первыми, цепляясь за железные кольца. Я проскальзываю между Барри и Кротом.

Оказавшись внизу, я вынужден согнуться, поскольку труба меньше пяти футов высотой. В воздухе пахнет экскрементами и гнилой сыростью. По сторонам выгибаются кирпичные стены, исчезая внизу под мелким потоком. Наши искривленные тени падают на кирпич.

– Не забудь поставить крышку на место, – говорит Энгус, мочась на стену.

Крот смотрит на меня, блестя белками глаз. Он ничего не говорит, но я знаю, что он дает мне последний шанс вернуться.

Синоптик Пит закрывает крышку, запирая нас снаружи.

Внезапно я ощущаю беспокойство.

– А как он даст нам знать, если пойдет дождь? – спрашиваю я.

– Старым добрым способом, – отвечает Барри. – Поднимет крышку дюймов на шесть и отпустит ее. Мы услышим звук за мили.

Энгус хлопает меня по плечу:

– Ну, что скажете?

– Не так уж сильно здесь воняет.

Он смеется:

– Приходите сюда в субботу утром. По пятницам люди едят карри.

Крот уже направился вдоль потока. Барри идет за мной, сгорбившись больше всех, потому что его квадратная фигура со всех сторон стянута страховкой. Вокруг моих коленей бурлит вода, влажный кирпич кажется серебряным в свете фонарей.

– Мы называем их дерьмоктитами, – говорит Барри, указывая на некие подобия сталактитов, задевающие наши каски.

Несмотря на холод, я уже начал потеть. Еще сотня ярдов, и меня охватывает дрожь, которую я не в силах унять. Каждый звук здесь усиливается, и из-за этого я нервничаю. Пытаюсь как-то объяснить себе, каким образом то, что я делаю, может быть связано с Микки, но это удается мне все с большим трудом.

Одновременно я представляю себе Али: как она в больнице смотрит на свое искалеченное тело и думает о том, сможет ли ходить. *Я* все это затеял. *Я* позволил ей помогать мне, хотя она рисковала больше, чем я. Теперь я бреду через грязь и дерьмо, и это кажется заслуженным. Если посмотреть на то, в каком состоянии находятся моя жизнь, моя карьера и мои отношения с другими людьми, то сам собой напрашивается вывод, что здесь мне и место.

– Место, которое вы показывали нам на карте. Мы прямо под ним, – говорит Барри, и фонарик у него на лбу на мгновение ослепляет меня.

Я разглядываю большое отверстие над головой и боковой тоннель. Труба, прорвавшаяся в ночь передачи выкупа, послала галлоны воды в канализацию и на улицы – этого было вполне достаточно, чтобы унести выкуп, возможно, даже достаточно, чтобы унести меня.

– Если бы что-то сюда смыло, то куда бы это вынесло?

– Система действует за счет течения, все уносит вниз, – говорит Энгус.

Крот кивает в знак согласия.

– Его б-б-бы унесло, – заикается Фил.

Барри начинает объяснять:

– Эти маленькие местные канализационные трубы впадают в центральные, которые потом разделяются на пять очистных труб, идущих с запада на восток и сверху вниз. Труба на верхнем уровне начинается в Хэмпстед-хилл и пересекает Хайгейт-роуд возле Кентиш-тауна^[91]. Дальше на юг идут две трубы среднего яруса. Одна начинается возле Килберна, идет под Эджвер-роуд к Юстон-роуд мимо Кингс-кросс^[92]. Вторая идет из Кентиш-тауна под Бэйсуотером и вдоль Оксфорд-стрит. Затем есть две трубы нижнего уровня: одна пролегает под Кенсингтоном, Пиккадилли и Сити, а вторая прямо под набережной Темзы, вдоль северного берега.

– И куда они все ведут?

– К очистной станции в Бектоне^[93].

– И система промывается дождем?

Он качает головой:

– Центральные канализационные коллекторы проложены вдоль рек, откуда и берется вода.

Единственная известная мне река, впадающая в устье Темзы с севера, – это река Ли, но она далеко к востоку отсюда.

– Да их тут до черта, – отрезает Энгус. – Нельзя уничтожить реку. Ее можно прикрыть и спрятать в трубы, но она все равно будет течь, как всегда.

– А где они?

– Ну, у нас тут есть Уестбурн, Уолбрук, Тайберн, Стэмфорд-брук, Каунтерс-крик, Флит...

Все названия хорошо знакомы. Их носят десятки улиц, парков и кварталов, но я никогда не соотносил их с замурованными реками. По спине у меня бегут мурашки. Постоянно слышишь рассказы о секретных подземных городах: о тоннелях, которые связывали премьер-министра с кабинетом военного времени^[94], о проходах, по которым любовницы спешили на свидания к королям, но я никогда не думал о мире воды, невидимых тайных реках, что текут под улицами столицы. Неудивительно, что стены здесь сочатся водой.

Крот хочет, чтобы мы двигались дальше. Тоннель идет прямо, периодически прорезаемый вертикальными шахтами, создающими

миниатюрные водопады. Мы пробираемся в середине потока, и наши сапоги вязнут в иле и омываются холодной сероватой водой. Проходы постепенно становятся шире и выше, и наши тени больше не корчатся по стенам.

Связанные вместе, мы спускаемся по шахте и медленно проходим более широкую трубу. Иногда поскользываемся на бетонных склонах, разбрызгивая вонючую воду, или поднимаемся ближе к поверхности, где блеклые лучики света пробиваются сквозь железные решетки.

Я пытаюсь представить, как запечатанные в полиэтилен бриллианты проплывают по этим тоннелям, низвергаются водопадами, проносятся мимо крипт...

Еще час мы идем, скользим и ползем, пока не оказываемся наконец в кирпичной пещере вполне викторианского вида, свод которой поддерживают стропила и арки. Помещение около тридцати футов высотой, хотя в темноте трудно сказать точно. У моих ног словно кипит бело-зеленая вода, кружась перед тем, как обрушиться вниз и унести с собой пенящиеся кучи отходов.

Повсюду заржавленные железные решетки, с потолка свешиваются цепи.

Посреди помещения устроен большой бетонный бассейн со стальными воротами, плотно прижатыми к дну с помощью системы противовесов.

Энгус садится на край колодца, вытаскивает из кармана сэндвич и снимает с него пленку.

– Вот там – очистительная труба нижнего уровня, – указывает он, держа сэндвич в руке. – Начинается в Чизуике и идет на восток под набережной Темзы к водонапорной башне Эбби-миллс на востоке Лондона. Отсюда все уносится на очистную станцию.

– А зачем этот колодец?

– На случай ливня. Если в Лондоне пойдет сильный дождь, то воде отсюда некуда будет деться, кроме как обратно в трубы. Тысячи миль местных труб соединяются с водопроводными. Сперва порыв ветра, а потом – уууух!

– Уууух, – откликается Крот.

Энгус стряхивает крошки с груди.

– Система может вместить ограниченное количество воды. Никто не хочет, чтобы политики в Вестминстере оказались по колено в

дерьме. И я говорю буквально. Поэтому, когда вода достигает определенного уровня, она просто переливается через шлюз и выходит через эти ворота. – Он указывает на железные створки, каждая из которых весит не меньше трех тонн.

– И куда она уходит?

– Прямо в Темзу со скоростью хороших десяти узлов.

Внезапно мне в голову приходит новая мысль, разливаясь вокруг меня, как запах миндаля. Рабочий Водного управления сказал, что трубу «разорвало», из-за чего немедленно начался потоп. Это преградило бы путь любому, кто следовал за выкупом, но могло послужить и другой цели – перенести свертки в колодец.

– Мне нужно попасть в эти ворота.

– Нельзя, – говорит Крот. – Они открываются только во время наводнений.

– Но вы можете провести меня к ним с другой стороны. Вы знаете, где выход?

Крот чешет под мышкой и качает головой из стороны в сторону. Все мое тело начинает зудеть от нетерпения.

Синоптик Пит вытаскивает шланг и присоединяет его к крану. Струя воды заставляет меня отступить на шаг назад. Я поворачиваюсь и поворачиваюсь, пока меня обрабатывают из шланга.

Фургон стоит почти совсем рядом с открытым люком в Райнлей-гарденс на территории Королевского госпиталя Челси. Большие здания госпиталя, окрашенные лучами восходящего солнца, едва видны из-за деревьев. Я слышу, как неподалеку, в казармах Челси, репетирует полковой оркестр.

Обычно парк закрыт до десяти утра, и я не понимаю, как Синоптику Питу удалось миновать ворота. Потом замечаю на борту фургона железную табличку с надписью «Вестминстер».

– У меня их полно, – говорит он довольно робко. – Пойдемте, я покажу вам то, о чем вы спрашивали.

Скинув комбинезоны и сапоги, мы упаковываем их в полиэтиленовые пакеты и грузим в фургон. Крот уже переделался в свою камуфляжную форму и щурится на солнце, словно ожидая от него непоправимого вреда. Остальные пьют чай из термоса и обсуждают ночное путешествие.

Плюхнувшись на сиденье, я пригибаюсь, пока Синоптик Пит петляет по узким дорожкам и машет тройке местных пенсионеров, совершающих утреннюю прогулку. Выехав через центральные ворота, мы огибаем внешние стены парка и доезжаем до Темзы.

Мы останавливаемся у Эмбанкмент-гарденс, и я перехожу дорогу к Риверсайд-уок, смотрящей на реку. Запах спокойной в этот час Темзы кажется духами по сравнению с ароматом тех мест, где я только что был.

Пит подходит ко мне и смотрит через низкий кирпичный парапет. Потом, забравшись на него и уцепившись за фонарный столб, он склоняется над водой.

– Вот оно.

Я смотрю в направлении, в котором указывает его рука, и вижу нишу в каменной набережной. Круглая металлическая дверь закрывает

вход в трубу, которая проходит под землей. Из-под двери тонкой струйкой стекает вода, образуя грязную лужицу.

– Это труба Райнлей для отвода дождевой воды. Дверь открывается, когда систему затапливает, а затем снова закрывается, чтобы речная вода не попадала в трубы.

Он поворачивается и указывает куда-то мимо больницы:

– Вы двигались сюда с севера. Шли по течению реки Уэстбурн.

– Откуда она течет?

– Начинается в Западном Хэмпстеде, возле Килберна в нее впадает пять ручьев. Проходит через Майда-уэйл и Паддингтон, затем втекает в Гайд-парк и заполняет Серпантин^[95]. Возле Уильям-стрит снова уходит под землю, течет под Кэдоган-лейн и Кингс-роуд, мимо Слоан-сквер и, наконец, под казармами Челси.

– Я не заметил какого-либо мощного потока.

– Большая часть воды используется канализацией. Дверь не откроется, пока в системе не начнется потоп.

Я представляю себя старым слепым конем, упавшим в пересохший колодец. Фермер решил, что бедолагу не стоит спасать. Желая убить сразу двух зайцев, он стал засыпать колодец землей, чтобы заодно зарыть и коня, но конь стряхнул землю и подмял ее под себя. Новая порция земли – но конь прибил и ее, медленно поднимаясь по этим ступенькам из тьмы.

Меня пытались закопать, но я всякий раз сбрасывал с себя землю. Теперь я близок к тому, чтобы выбраться, и, обещаю вам, я хорошенько лягну того, кто стоит у колодца с лопатой.

Думаю, теперь я знаю, что случилось той ночью. Мы соорудили нашу бесценную лодку, упаковав бриллианты в полиэтилен и пенопласт, чтобы ее смыло в канализацию и унесло потоком из прорвавшейся трубы. Кто-то ждал выкупа – кто-то, знавший устройство системы, например, Рэй Мерфи.

Только теперь я начинаю понимать, до какой степени был зол с того момента, как очнулся в больнице с огнестрельным ранением, преследуемый снами о Микки. Это дело значит гораздо больше, чем сумма его составляющих. Умные, дерзкие, хитрые люди манипулировали чувствами отчаявшейся матери и воспользовались моим собственным слепым желанием. Где была Микки все это время? Я знаю, что она жива. Я не могу этого объяснить или найти хоть какие-

то доказательства, но в такие утра, как это, я чувствую, что она еще пребывает в нашем мире.

Синоптик Пит складывает вещи в фургон, а Крот вытаскивает батарейки из газовых счетчиков. Барри и Энгус уже исчезли в направлении метро. Уже почти семь утра.

– Я могу вас подвезти, инспектор?

Я на мгновение задумываюсь. Сегодня в полдень мне надо быть в суде. Я также хочу навестить Али в больнице. Но в то же время, раз уж я зашел так далеко, не хочется прекращать поиски. Факты, а не воспоминания раскрывают преступления. Мне надо продолжать.

– Майда-уэйл.

– Прекрасно. Запрыгивайте.

Кажется, что даже движение становится менее плотным, по мере того как мы подъезжаем к Долфин-мэншн. У меня до сих пор болит плечо после путешествия по трубам, а в носу еще стоит канализационная вонь.

Синоптик Пит высаживает меня на углу возле бакалеи, и последние семьдесят ярдов я прохожу пешком. В кармане моих брюк лежат две последние капсулы с морфином. Я периодически опускаю туда руку и поглаживаю их гладкие бока.

Фасад Долфин-мэншн залит солнцем. Временами останавливаясь, я изучаю все углубления в поисках отверстий и металлических решеток. Замечаю уклон дороги и место, где трубы уходят под землю.

В некоторых домах квартиры находятся ниже уровня земли. В таких случаях предусмотрены отводы для дождевой воды, чтобы избежать затопления.

Я нажимаю на кнопку, дверь автоматически открывается, и я вижу главную лестницу Долфин-мэншн. Обойдя шахту лифта, нахожу дверь, ведущую в подвал. Темноту рассеивает тусклая голая лампочка. Ступеньки узкие и крутые, на стенах появились серые пятна плесени там, где сырость разъела штукатурку.

Спустившись по лестнице, я пытаюсь вспомнить, как выглядело это место три года назад. Подобно остальным помещениям, его перевернули вверх дном. Утопленный в нишу стены, стоит большой, ненужный теперь котел. Он диаметром футов пятнадцать, со счетчиками, клапанами и трубками разного диаметра. На квадратной медной табличке надпись «Фергюс и Тэйт». На полу валяются

вскрытые мешки со штукатуркой, банки с краской, обрезки ковров и викторианская газовая лампа, завернутая в резиновый коврик.

Перекладывая весь этот хлам с места на место, я начинаю осматривать пол.

Услышав какой-то шум, я оборачиваюсь и замечаю, что на верхней ступеньке сидит маленький мальчик с пластмассовым роботом на коленях. Его брюки цвета хаки заляпаны краской, темные глаза подозрительно смотрят на меня.

– Вы чужой? – спрашивает он.

– Да, думаю, чужой.

– Мама говорит, что с чужими нельзя разговаривать.

– Очень хороший совет.

– Она говорит, что меня могут похитить. Одну девочку похитили отсюда – прямо со ступенек. Я раньше знал, как ее звали, но теперь забыл. Она умерла. Как вы думаете, умирать больно? Мой друг Сэм сломал руку, когда упал с дерева, так он говорит, что это очень больно.

– Я не знаю.

– А что вы ищете?

– Этого я тоже пока не знаю.

– Вы никогда не найдете мое укрытие. Она здесь тоже раньше пряталась.

– Кто?

– Девочка, которую похитили.

– Микаэла Карлайл.

– Вы знаете ее имя? А вы хотите посмотреть на него? Только пообещайте, что никому не расскажете.

– Обещаю.

– Перекреститесь и поклянитесь.

Я крещусь и клянусь.

Засунув робота за пояс, мальчик съезжает на попе по ступенькам и идет мимо меня к котлу. Исчезает за ним, протиснувшись в узкую щель там, где изогнутый бок котла не доходит до стены.

– Ты там в порядке?

– Да, – отвечает он, снова появляясь. В руках у него книга. – Это моя норка. Хотите войти?

– Не думаю, что я пролезу. А что это у тебя?

– Книга. Раньше она была ее, а теперь моя.

– Можно посмотреть?

Он неохотно протягивает ее мне. Обложка помята и пожевана на уголках, но я вижу картинку: утка с утятами. На внутренней стороне обложки – большая наклейка с загнутыми краями. На ней написано: «Микаэла Карлайл, 4,5».

Книжка об утятах, их было ровно пять, пошли они однажды на холмик погулять. «Кря-кря», кричит им утка, зовет своих детей, но лишь четыре сына отвечают ей. Утята по одному исчезают, но в конце возвращаются все до одного.

Вернув книгу мальчику, я опускаюсь на колени и, прижавшись щекой к полу, заглядываю в щель между котлом и кирпичной стеной.

– Там темно.

– У меня есть фонарик.

– Это шум воды?

– Папа говорит, что под домом течет река.

– Где?

Он показывает пальцем себе под ноги. По спине пробегает неожиданный холодок, словно от морозного ветра.

Оттаскивая в сторону мешки со штукатуркой и цементом, я натываюсь на сложенный вдвое ковер. Подняв его, обнаруживаю металлическую решетку, утопленную в пол. Прижимаю к ней лицо и стараюсь заглянуть вниз. Мой взгляд скользит по кирпичу, по стенам, плачущим черными слезами. Я слышу, как внизу, словно в гигантской цистерне, журчит вода.

Мальчик говорит мне что-то, но я его не слушаю. Мы должны были обнаружить этот люк три года назад. Но мы не искали тоннелей, а суматоха расследования заглушила шум воды.

– Как тебя зовут?

– Тимоти.

– Тимоти, можно взять твой фонарик?

– Конечно.

Фонарик маломощный, но освещает еще футов шесть шахты. Дна не видно.

Вцепившись в решетку, я пытаюсь поднять ее, но от времени она вросла в пол. Необходимо использовать что-то в качестве рычага. Я нахожу старую тупую стамеску со сломанной ручкой и, всунув между металлом и камнем, раскачиваю ее, пытаюсь засунуть поглубже. Потом

наваливаюсь на нее всем телом. Крышка подается чуть-чуть, но мне этого хватает, чтобы просунуть под нее пальцы. Боже, какая она тяжелая!

Тимоти помогает мне поставить крышку на попа, мы отпускаем ее, и она с грохотом падает на другую сторону. Мальчик наклоняется и смотрит в черную яму.

– Ух ты! А вы туда ползете?

Я свечу фонариком в дыру. Вместо того, чтобы освещать темноту, свет словно отражается от нее. По стене шахты уходят вниз металлические U-образные ручки.

– Я полицейский, – говорю я мальчику, доставая из кармана кошелек и протягивая ему визитку. – У тебя есть часы, Тимоти?

– Нет.

– Ладно, а ты знаешь, что такое час?

– Да.

– Если через час я сюда не вернусь, отдай карточку маме и пусть она позвонит по этому номеру. – Я записываю на карточке телефон профессора. – Скажи этому человеку, куда я пошел. Понял?

Он кивает.

Засунув фонарик за пояс, я спускаюсь в дыру. Несколько футов вниз – и моя одежда промокает, а шум воды усиливается. Мальчик все еще около люка. Я вижу его голову на фоне квадрата света.

– Иди наверх, Тимоти. И больше сюда не спускайся.

Еще пятнадцать футов, и я останавливаюсь, держась одной рукой за лестницу, а другой светя себе под ноги. Дна по-прежнему не видно, но воздух стал заметно холоднее.

Спустившись еще на несколько футов, я наконец чувствую, что моя нога упирается во что-то плоское и твердое. Фонарь освещает реку, текущую по тоннелю. Сбоку, в десяти дюймах над водой, по стене в обоих направлениях, насколько хватает света фонаря, тянется карниз. Это не канализация. Высокие своды подпирают стропила, а стены отполированы течением.

Я иду на ощупь, коротенькими приставными шагами и каждую секунду жду, что карниз обвалится и я рухну в поток. Мне виден только маленький участок тоннеля впереди, где светятся мелкие желтые огоньки – глаза крыс, разбегающихся при моем приближении.

Мох на стене напоминает гладкую черную шерсть. Прижав к кирпичам ухо, я улавливаю легкую вибрацию. Где-то у меня над головой по дороге движется транспорт. Из-за этого звука тоннель кажется живым, словно древнее хищное животное. Оно дышит. Переваривает меня.

Под землей время и пространство растягиваются. Мне кажется, что я здесь уже несколько часов, хотя прошел, наверное, только сотню ярдов. Я не знаю, что хочу найти. Никакие улики не могли сохраниться столь долго. Тоннель не раз вымывался сезонными ливнями и грозами.

Пытаюсь представить, как кто-то спускает сюда Микки. Если она была без сознания, то ее можно было опустить вниз и пронести по карнизу. Если же находилась в сознании, то напугалась и с ней трудно было управиться. Еще одна мысль приходит мне в голову. Где найти лучший способ избавиться от улик? Река унесла бы тело, а крысы не оставили бы от него и следа.

Я вздрагиваю и отгоняю эту мысль.

В похищении должны были участвовать не меньше двух человек, проводших потрясающую подготовительную работу. И кто-то должен был вернуть на место решетку и прикрыть ее мешками со стройматериалами.

Одежда липнет к телу, зубы стучат. В отличие от экспедиции с Кротом, к этому путешествию я не был готов. Это была глупая идея. Нужно вернуться назад.

Впереди карниз внезапно обрывается, потом продолжается снова. Четыре фута обвалились в воду. Даже со здоровой ногой я вряд ли мог бы рассчитывать на удачный прыжок.

Опустившись на колени, я пытаюсь на ощупь определить, можно ли двигаться дальше. Рука проваливается в пустоту – впереди в стене отверстие два фута высотой и примерно такой же ширины. Очевидно, это канал, отводящий воду из реки, один из источников, которые питают канализацию.

Прижимаясь спиной к стене, я медленно сползаю с карниза в реку и, оказавшись по грудь в ледяной воде, поворачиваюсь к боковому отверстию. Взяв фонарик в зубы, я втаскиваю тело в эту дыру и ползу вперед. Мне в лицо смотрит темнота.

К коленям и локтям прилипает грязь. Черт занес меня сюда! Я кажусь самому себе слепым червяком, которые прорывают ход под

землей. Проклятия и стоны принадлежат мне, но, отдаваясь от стен, звучат откуда-то спереди, и чудится, что там кто-то есть... и он выжидает.

Через пятнадцать футов канал начинает уходить вниз более круто. Мои руки скользят, и я падаю лицом в воду. К счастью, фонарик после этого купания продолжает работать.

Все более крутой спуск и стремительное течение не позволяют мне остановиться. Если тоннель сузится, я окажусь в ловушке. Спина трется о потолок, кажется, он стал ниже, и вода прибывает. Или же у меня начинается паранойя.

Руки снова теряют опору, и я падаю вперед, барахтаясь в грязи, извиваюсь и пытаюсь остановиться, но не могу. Ногам не за что зацепиться. Меня подбрасывает на каком-то возвышении, а потом я чувствую, что куда-то падаю. Приземлившись в липкую грязь, по запаху безошибочно определяю, что это канализация. Меня тошнит.

Глаза залепила густая грязь. Я соскребаю ее, пытаюсь хотя что-нибудь разглядеть, но тьма вокруг непроницаема. Фонарик потерян, и искать его бесполезно – он все равно испорчен.

Я сажусь и проверяю, не сломал ли себе чего во время падения. Руки дрожат от холода, пальцев я вообще не чувствую. Из отверстия над головой течет вода. Пора отсюда выбираться.

Сосредоточившись, я пытаюсь прикинуть, где нахожусь относительно Долфин-мэншн. Часов мне не видно, и поэтому я не знаю, как долго пробыл под землей. Карниз был узким, и я двигался медленно. Возможно, я прошел всего несколько сотен ярдов. Я чувствовал вибрацию от движения транспорта, вероятно проходя под дорогой. Однако, сколько я ни прислушиваюсь теперь, до меня не доносится ни звука. И вдруг я ощущаю кожей щеки что-то вроде легкого ветерка.

Встав слишком резко, я ударяюсь головой о потолок. Больше так не делай! Согнувшись, я шарю руками по кирпичной стене, нащупывая путь, как слепой, периодически останавливаясь и ожидая нового дуновения. Но рассудок издевается надо мной. То мне кажется, что ветерок окончательно стих, то наоборот – что он дует с другой стороны.

Я чувствую, как постепенно мною овладевает отчаяние. Быть может, мне стоит повернуть назад. В темноте я могу угодить в какую-

нибудь дыру, из которой мне в жизни не выбраться.

И вдруг впереди мерцает свет. Это похоже на сказку, но в центре тоннеля светится призрачная голограмма. Я вхожу в нее и поднимаю голову. Через квадратную решетку на верху шахты виднеется небо. Края решетки не совсем ровные, так как она засыпана землей. Я вижу футбольные бутсы, щитки и грязные коленки. За игрой наблюдает группа школьников и учителей. Кто-то кричит: «Поднажми!», кто-то орет: «Офсайд!»

Поблизости от люка одинокий школьник читает книгу.

– Помогите!

Он начинает растерянно озираться.

– Я внизу!

Он смотрит через решетку.

– Помогите мне выбраться.

Он падает на колени и приближает лицо к решетке.

– Эй! Что вы там делаете?

– Я полицейский.

Я знаю, что это не ответ на его вопрос, но этих слов оказывается достаточно. Мальчик идет за учителем. Я слышу голос:

– Сэр, там кто-то в люке. Думаю, он застрял.

Над решеткой склоняется другое лицо, на этот раз старше и ответственнее.

– Что вы там делаете?

– Пытаюсь выбраться.

Новые лица склоняются над люком. О матче все, кажется, забыли. Большинство игроков толпятся у решетки, чтобы посмотреть на «того парня, который застрял в трубе».

Из машины приносят лом. От краев люка отгребают почву.

Наконец решетка поднята, вниз тянутся сильные руки. Я оказываюсь посреди английской осени, щурясь на свету и стирая с лица следы своего пребывания в канализации.

Из намокшего кармана я добываю последние капсулы морфина. Словно по волшебству, боль уходит, а на меня накатывают чувства. Обычно мне не нравится это состояние. Эти сентиментальность, слезливость, размягченность только и годятся что для поцелуев после секса и встречи одноклубников по регби, но – знаете что? – я обожаю этих ребят. Только посмотрите: на них клубные шарфы, и они гоняют

мяч по полю. Такие милые. Даже разрешают мне принять душ в раздевалке, а кто-то дает мне рубашку, спортивные штаны и кроссовки. Теперь я похож на пенсионера, собравшегося совершить пробежку.

Вызван профессор, который находит меня в раздевалке. Он сразу же подходит ко мне как к пациенту, берет обеими руками мое лицо и оттягивает мне веки.

– Сколько вы приняли?

– Последние две.

– Боже мой!

– Нет, все прекрасно, в самом деле. Послушайте. Я был внизу... в реке. Как же мы это упустили три года назад!

– О чем вы говорите?

– Я знаю, как ее забрали из Долфин-мэншн. Она спустилась вниз через нору – как Алиса в Страну чудес.

Я знаю, что порю бессмыслицу, но Джо терпеливо слушает. Наконец я рассказываю ему все, но он почему-то не воодушевляется, а злится. Он называет меня глупым, упертым, неосмотрительным и импульсивным, но перед каждым утверждением сообщает мне о «своем глубоком уважении». Меня еще никогда не ругали так вежливо.

Я смотрю на часы. Почти одиннадцать. В полдень я должен быть в суде.

– Мы успеем.

– Только сначала мне нужно кое-куда заехать.

– Переодеться.

– Нет, рассказать одному мальчику, что случилось с его фонариком.

Королевский суд на Стрэнд состоит из тысячи комнат и трех миль коридоров, большинство которых заставлено темными деревянными шкафами, поглощающими свет и прибавляющими зданию мрачности. Архитектура – викторианская готика, ведь основная функция судов – вышибать дурь из людей, с которыми они имеют дело.

Однако для Эдди Баррета это здание – очередная сценическая площадка. Он мчится по коридорам, распахивая двери и расталкивая группы перешептывающихся юристов. Для человека с такими короткими ногами и бульдожьей походкой он движется удивительно быстро.

Баррет в юриспруденции выполняет ту же функцию, что и гиены в африканских саваннах: он задирает живых и питается падалью. Он берется за дела не ради денег, а ради славы и использует каждую лазейку в законе, каждую двусмысленность, неустанно повторяя при этом, что британская судебная система – «самая совершенная и справедливая в мире».

Для Эдди закон представляется гибким инструментом. Его можно согнуть, скрутить, расплющить или растянуть, пока он не станет тем, чем можно с удобством пользоваться. Эдди даже может заставить его исчезнуть, изящно вильнув боком.

За Барретом на расстоянии десяти шагов идет Чарльз Рэйнол, королевский советник, получивший прозвище Грач из-за черных волос и длинного носа. Однажды во время перекрестного допроса он довел до слез бывшего члена кабинета расспросами о его пристрастии к женскому нижнему белью.

Эдди замечает меня и кидается мне навстречу.

– Боже, кого мы видим: инспектор Руууиииз! Я столько о вас слышал! Слышал, что ваша жена спит с кем-то другим: раз, два – и в дамки. Я здорово разозлился бы, если бы моя приятельница спала со своим боссом. В богатстве и бедности, в болезни и здравии – разве не это они обещают? И ничего не говорят о том, что дадут любому в интересах фирмы.

Мои зубы стискиваются, глаза застилает красный туман.

Эдди отступает на шаг.

– Да, а вот и знаменитый нрав, о котором я слышал. Желая приятно провести время в суде!

Я знаю, что он нарочно меня заводит. Таков стиль Эдди – он забирается людям под кожу, выискивая самое слабое место.

В зале столпились зрители, три ряда занимают журналисты, включая четырех газетных рисовальщиков. На мебели и оборудовании установлены микрофоны, поэтому повсюду змеятся провода, прикрепленные к полу изолентой.

Я ищу глазами Рэйчел, надеясь, что она может оказаться здесь, но вижу только Алексея, который смотрит на меня так, словно ждет, что я рассыплюсь в пыль от его взгляда. Слева от него сидит уже знакомый мне русский, справа – энергичный молодой негр с ясными глазами.

Грач поправляет свой парик и смотрит на оппонента, королевского советника Фиону Хэнли – приятную женщину, напоминающую мне мою вторую жену Джесси своей спокойно-отстраненной манерой и глазами цвета меда. Мисс Хэнли занята тем, что складывает на столе папки и бумаги, словно возводя вокруг себя небольшую крепость. Она поворачивается и неуверенно улыбается мне, как будто мы уже где-то встречались (раз десять, не больше).

– Всем встать.

Появляется лорд Коннелли, главный судья; он медлит, обводя взглядом зал, словно ждет, что сейчас раскроются райские врата. Наконец садится. Все садятся.

Следом заходит Говард, взбирается по ступенькам на площадку. Он поджал губы и посерел, волосы безвольно падают на лоб, он рассеянно хмурится, словно потерял ориентир. Эдди что-то шепчет ему, и они смеются. Мне везде мерещатся заговоры.

Кэмпбелл думает, что события последних недель – результат деятельности Говарда. Требование выкупа, локон волос Микки, ее купальник – это все части тщательно продуманного плана, призванного поставить под сомнение виновность Говарда и вытащить его на свободу.

Я не разделяю этой точки зрения, потому что она не объясняет того, о чем Джо постоянно спрашивает меня: зачем нужно было ждать три года?

Лорд Коннелли поправляет под спиной подушечку и прочищает горло. С мгновение он изучает потолок зала заседаний, потом начинает:

– Я изучил прошение защиты касательно первого судебного разбирательства, связанного с делом мистера Уэйвелла. И хотя я склонен согласиться с некоторыми замечаниями относительно выводов судьи, в целом я не нахожу, что они повлияли на мнение присяжных. Однако я желаю выслушать ваши устные заявления. Вы готовы начать, мистер Рэйноу?

Грач поднимается и подтягивает рукава мантии.

– Да, ваша честь, я попытаюсь представить вам новые улики.

– Эти улики касаются оснований для апелляции или же самого первоначального разбирательства?

– Первоначального разбирательства.

Мисс Хэнли возражает:

– Ваша честь, мой ученый друг, кажется, собирается провести повторный процесс еще до того, как получил разрешение на апелляцию. Нам дали список свидетелей, включающий две дюжины имен. Надеюсь, он не собирается вызывать их всех?

Лорд Коннелли смотрит на список. Грач проясняет ситуацию:

– Может случиться так, что мы вызовем только одного свидетеля, ваша честь. Это во многом будет зависеть от того, что он нам скажет.

– Надеюсь, вы не собираетесь играть с нами, мистер Рэйноу?

– Нет, ваша честь, я уверяю вас, что это не тот случай. Я хочу вызвать инспектора, который расследовал исчезновение Микаэлы Карлайл.

Лорд Коннелли подчеркивает мое имя в списке.

– Мисс Хэнли, основная цель закона об апелляции состоит в том, чтобы защищать интересы правосудия. Он позволяет представлять новые доказательства как со стороны обвинения, так и со стороны защиты. Однако предупреждаю, мистер Рэйноу, что не позволю вам провести повторный процесс.

Мисс Хэнли немедленно выступает с просьбой провести закрытое слушание.

– Ваша честь, здесь могут быть подняты вопросы, которые касаются судьбы не одного только мистера Уэйвелла. Под угрозой

может оказаться серьезное уголовное расследование, если некоторые факты станут достоянием общественности.

Какое расследование? Кэмпбеллу ведь нужно лишь дискредитировать меня.

– Это расследование касается мистера Уэйвелла? – спрашивает лорд Коннелли.

– Возможно, косвенно. Я знакома только с общей темой расследования, но не с подробностями. Детали не обнародовались.

Грач протестует, больше в силу привычки:

– Ваша честь, справедливость должна вершиться публично.

Лорд Коннелли вступает за интересы короны, и зрителей просят очистить помещение. Только после этого начинается настоящая дискуссия, полная выражений вроде «со всем уважением» и «мой ученый друг» (юридический сленг, обозначающий: «ты, полный идиот»). Хотя опять же, откуда я знаю? Может, Грач и мисс Хэнли лучшие друзья. Может, сняв парики, они спят друг с другом.

Называют мое имя. Я застегиваю пиджак по пути к трибуне и расстегиваю его, усевшись.

Грач смотрит в свои записи, будто удивляется, что я вообще явился, затем медленно встает и опускает голову, словно пытаюсь разглядеть меня макушкой. Первые вопросы несложны: имя, статус, годы службы в полиции.

Мисс Хэнли вскакивает.

– Мой ученый друг, видимо, испытывает большое доверие к показаниям этого свидетеля. Однако он забыл упомянуть, что несколько дней назад инспектор Руиз был отстранен от своих обязанностей главы отдела тяжких преступлений, а вчера днем по результатам внутреннего дисциплинарного разбирательства уволен. Он более не является действующим сотрудником Лондонской полиции, и на него заведено уголовное дело...

Лорд Коннелли знаком велит ей сесть.

– У вас будет возможность задать свидетелю вопросы.

Грач смотрит в свой блокнот, а затем делает ход, которого я от него не ожидал. Он возвращается к первому расследованию, заставляя меня вновь перечислить улики против Говарда. Я говорю о фотографиях, пятнах крови, исчезнувшем ковре и пляжном полотенце

Микки. Отмечаю, что в одном случае присутствовали мотив, возможность и извращенная сексуальность.

– В какой момент Говард Уэйвелл стал подозреваемым в том расследовании?

– Все, кто проживал в Долфин-мэншн, немедленно попали под подозрение.

– Да, но в какой момент вы сосредоточили свое внимание на мистере Уэйвелле?

– Он привлек внимание своим подозрительным поведением в день исчезновения Микаэлы. А также не смог представить алиби.

– Он представил ложное алиби или у него не было алиби?

– У него не было алиби.

– А что именно в его поведении выглядело подозрительным?

– Он фотографировал группы поиска и людей, собравшихся около Долфин-мэншн.

– А еще кто-нибудь фотографировал?

– Там было несколько фоторепортеров.

Грач сухо улыбается:

– Значит, появление там с фотокамерой не означало автоматического попадания в списки подозреваемых?

– Пропала маленькая девочка. Все соседи помогали ее искать. А мистер Уэйвелл больше старался запечатлеть события для потомков.

Грач ждет. Он дает людям понять, что ожидал лучшего ответа.

– До того, как вы встретились с Говардом Уэйвеллом в Долфин-мэншн, вы с ним когда-нибудь встречались?

– Мы учились в одном пансионате в шестидесятые. Он поступил туда на несколько лет позже меня.

– Вы хорошо знали друг друга?

– Нет.

– Как старшему следователю, не пришла ли вам в голову мысль отказаться от расследования из-за личных связей в прошлом?

– Нет.

– Вы знали семью мистера Уэйвелла?

– Возможно, видел кого-то из его родственников.

– Так, значит, вы не помните, что встречались с его сестрой?

Я молчу, роясь в своих воспоминаниях. Грач улыбается:

– Возможно, вы встречались слишком со многими девушками, чтобы всех упомнить.

Собравшиеся хихикают. Говард не отстает от остальных.

Грач ждет, когда затихнет смех, и продолжает:

– Четыре недели назад вы передали в частную лабораторию в центре Лондона конверт с шестью волосками и попросили провести ДНК-тест.

– Да.

– Это обычная практика: прибегать для проведения ДНК-теста к услугам частной лаборатории?

– Нет.

– Думаю, что не ошибусь, если скажу, что для нужд полицейского расследования ДНК-тесты проводят в отделе криминалистики?

– Это было частное, а не полицейское расследование.

Он поднимает брови.

– Неофициальное? И как вы расплатились?

– Наличными.

– Почему?

– Я не понимаю, какое отношение...

– Вы расплатились наличными, потому что не хотели, чтобы сохранилась запись об этой сделке, не так ли? Вы не оставили в лаборатории ни адреса, ни телефона.

Он не дает мне возможности ответить, что, возможно, и к лучшему. О чем бы я стал говорить? Пот течет у меня по груди, скапливаясь в районе пупка.

– О чем именно вы попросили лаборантов из «Генетех»?

– Я хотел, чтобы они извлекли ДНК из волос и сравнили образец с ДНК Микаэлы Карлайл.

– Девочки, которая предположительно мертва?

– Кто-то прислал Рэйчел Карлайл письмо с требованием выкупа, утверждая, что ее дочь жива.

– И вы поверили этому письму?

– Я согласился провести тест волос.

Грач становится более настойчивым:

– Но вы еще не объяснили, почему попросили частную лабораторию провести этот тест.

– Я сделал это ради миссис Карлайл. Я не верил, что волосы принадлежат ее дочери.

– Вы хотели сохранить это в тайне?

– Нет. Меня просто беспокоило, что мой официальный запрос может быть неправильно истолкован. Я не хотел, чтобы думали, будто я ставлю под сомнение результаты полицейского расследования.

– Вы хотели лишить мистера Уэйвелла его неотъемлемого права на справедливость?

– Я просто хотел проверить новые факты.

Грач возвращается к столу и берет второй листок бумаги, сжимая его в пальцах, словно пытаясь добиться от него повышенного внимания.

Почему он не спрашивает меня о результатах ДНК-теста? Наверное, они ему неизвестны. Если ДНК этих волос не совпала с ДНК Микки, то требование выкупа скорее всего было фальшивкой, что ослабляет позицию Говарда.

Грач начинает новую атаку:

– Впоследствии миссис Карлайл получила второй сверток. Что в нем находилось?

– Детский купальный костюм.

– Вы можете рассказать нам об этом костюме?

– Это оранжево-розовое бикини, похожее на то, которое было на Микаэле Карлайл в день ее исчезновения.

– Похожее или то же самое?

– Экспертиза не смогла дать определенного ответа.

Грач ходит кругами. У него внешность птицы, но душа крокодила.

– Сколько убийств вы расследовали, инспектор?

Я пожимаю плечами:

– Более двадцати.

– А сколько случаев пропажи детей?

– Слишком много.

– Слишком много, чтобы запомнить?

– Нет, сэр. – Мои глаза встречаются с его. – Я помню их все до единого.

Резкость моего заявления немного осаждает его. Он возвращается к столу и снова сверяется с блокнотом.

– На старшем следователе в деле такого уровня лежит большое бремя. Пропала маленькая девочка. Родители напуганы. Люди хотят получить ответ.

– Это было тщательное расследование. Мы не шли по пути наименьшего сопротивления.

– Да, конечно. – Он начинает читать по бумаге: – Восемь тысяч допросов, двенадцать сотен показаний, более миллиона человеко-часов... и большая часть потрачена на моего клиента.

– Мы отработали все основные версии.

Грач явно к чему-то клонит.

– А были другие подозреваемые, которых вы оставили без внимания?

– Ничего серьезного.

– А как же Джерри Брандт?

Я чувствую, что теряю уверенность.

– Какое-то время он вызывал наш интерес.

– А почему вы отказались от этой версии?

– Мы провели исчерпывающее расследование...

– А может, вы просто не смогли его найти?

– Джерри Брандт был известным наркоторговцем и грабителем. У него имелись связи в преступном мире, которые, как я полагаю, и позволили ему скрыться.

– Это тот самый человек, который оказался на фотографии перед Долфин-мэншн в день исчезновения Микки?

– Совершенно верно, сэр.

Теперь он отворачивается от меня и обращается к более широкой аудитории:

– Человек, который ранее был привлечен по делу о сексуальном домогательстве в отношении несовершеннолетней?

– Своей девушки.

– Потенциальный насильник, которого видели возле Долфин-мэншн, но которого вы не сочли достаточно серьезным подозреваемым, чтобы потрудиться его найти. Вместо этого вы сосредоточили расследование на моем клиенте, добропорядочном христианине, у которого никогда не было неприятностей с законом. А когда вы получили улики, свидетельствующие о том, что Микаэла Карлайл может быть жива, вы решили их скрыть.

– Я поставил в известность свое начальство.

– Но не его адвокатов.

– При всем уважении, сэр, в мои обязанности не входит помощь адвокатам.

– Вы совершенно правы, мистер Руиз. В ваши обязанности входит поиск истины. А в данном деле вы предпочли эту истину скрыть. Вы не обратили внимания на важные улики или, что еще хуже, утаили их, так же как пренебрегли Джерри Брандтом в качестве подозреваемого.

– Это не так, сэр.

Грач раскачивается на каблуках.

– Инспектор, требование о выкупе было фальшивкой?

– Не знаю.

– Вы можете поставить свою карьеру... – Он поправляется: – Свою репутацию и, что еще важнее, свободу моего клиента на то, что Микаэла Карлайл была убита три года назад?

Пауза затягивается. Что я могу сказать, кроме правды?

– Нет.

Даже Грач ошеломлен. Он молчит и собирается с мыслями.

– Значит, вы верите, что она может быть жива?

– Пока не найдено тело, шанс всегда остается.

– А после получения требования о выкупе стала ли эта возможность более вероятной?

– Да.

– Больше вопросов нет.

Я не смотрю на Кэмпбелла, Эдди Баррета, Говарда Уэйвелла. Я смотрю прямо перед собой и выхожу из зала суда. В левом внутреннем кармане пиджака, соревнуясь с сердцем, начинает вибрировать телефон.

В мобильном звучит голос Джо:

– Я только что услышал новости по радио. Они нашли в реке тело.

– Где?

– Где-то недалеко от Собачьего острова^[96].

Вот как это выглядит: тусклый день, среда, сильный ветер, вода бьется об опоры пирса Тринити. Драга тяжело осела в воде, костлявые руки ее кранов подняты вверх, черные трубы тянутся по всей палубе. Из-за прожекторов коричневая вода кажется молочно-белой. Два

водных полицейских «Зодиака», обтянутые прорезиненным брезентом, с деревянными днищами, борются с приливом, таща за собой пластиковые понтоны.

Профессор останавливает машину в переулочке, упирающемся в набережную там, где река Ли впадает в Темзу. В этом месте ширина реки составляет двести ярдов, и на дальнем берегу на фоне кашеобразного неба вырисовывается Купол Тысячелетия^[97].

На середине наклонных металлических мостков, ведущих к пирсу, стоит группа следователей. От нее отделяется «новичок» Дэйв. У него дрожат руки, словно он никак не может выбрать, что ему сделать: плюнуть мне в лицо или съездить по нему кулаком.

– Проваливай! Убирайся к черту! – кричит он, брызгая слюной. Естественно, он ненавидит меня из-за того, что случилось с Али.

Я смотрю через его плечо на полицейских водолазов, готовящих свое оборудование.

– Кого они нашли?

Он толкает меня в грудь. Никто здесь не хочет меня видеть. Я аутсайдер, изгнанник, хуже того – предатель. Дэйв облизывает губы. Я хочу выразить ему свое сожаление, но комок в горле не дает мне говорить. Остальные следователи собрались вокруг нас, как зрители мальчишеской драки. Джо пытается вмешаться:

– Али это не понравилось бы. Просто скажите нам, кого вы нашли.

– Да пошел ты!

Я пытаюсь убрать Дэйва с дороги, но он хватается за руку и с силой толкает на кирпичный забор. От удара по почке я складываюсь пополам. Дэйв стоит надо мной с диким, потерянным видом, по подбородку стекает кровь из прокушенной губы.

То, что происходит дальше, безусловно, нельзя назвать изящным. Я хватаю его за промежность и крепко сжимаю пальцы. Дэйв стонет высоким голосом и падает на колени. Я не отпускаю его.

Он поднимает кулаки, словно желая вбить меня в землю, но я только сильнее сжимаю его хозяйство. Он корчится от боли, не в силах даже поднять головы. Я дышу ему прямо в ухо:

– Не обращай со мной плохо, Дэйв. Ты же один из хороших парней.

Отпустив его, я сажусь, прислонившись к стене, и смотрю на темную гладкую воду. Дэйв подсаживается ко мне, с трудом переводя дыхание. Я смотрю на остальных следователей и прошу оставить нас вдвоем.

– Кого они нашли?

– Мы не знаем, – говорит Дэйв, морщась. – Драгой тело разрезало пополам.

– Разреши мне взглянуть.

– Если только вы не сможете опознать бедолагу по нижней части туловища, от вас здесь никому нет пользы, особенно мне.

– Как он погиб?

Он слишком долго обдумывает ответ.

– Есть следы огнестрельного ранения. – Дэйв тут же отворачивается и смотрит мимо меня. К пристани подъехала машина coronera. Открывается задняя дверь. Оттуда появляются носилки.

– Я не хотел, чтобы Али пострадала, ты же знаешь.

Он смотрит на свои руки.

– Извините, что ударил вас, сэр.

– Ничего, проехали.

– Кэмпбелл с ума сойдет, если узнает, что вы здесь.

– Так и не говори ему. Я не буду путаться под ногами.

Когда последние лучи солнца падают на Кэнэри-уорф, четыре водолаза идут по «Зодиакам» спиной вперед. Гладкие, как морские котики, они исчезают под водой почти без всякого всплеска.

Дежурный офицер невысок, его грудная клетка напоминает бочонок; из-за дождевика он кажется вырезанным из эбонита. Опустив баллон с воздухом в лодку, он вытирает руку и только потом подает ее мне.

– Сержант Крис Керквуд.

– Руиз.

– Да, я знаю, кто вы.

– Вам не разрешено со мной разговаривать?

– Да нет, – качает он головой, – у меня другие неприятности.

Видимость только на три фута, а скорость течения – четыре узла. Кто-то приковал этого парня к бочке с цементом. Нам потребуется автоген. – Он ставит еще один баллон в лодку.

– Как долго он пробыл в воде?

– Все тела рано или поздно всплывают. В это время года обычно проходит дней пять, но этого парня придавили ко дну. Как правило, труп остается в Темзе в целости и сохранности. Здесь нет никакой живности, чтобы его обглодать. Я полагаю, что парень пробыл под водой недели три.

Я ищу капсулу с морфином, забыв, что ни одной уже не осталось. Представляю себе то, о чем он говорит: тело, покачивающееся под водой, белое и восковое, перемещаемое приливами и отливами. Ближайший «Зодиак» раскачивается, когда мимо проходит водное такси. Я замечаю пузыри на воде, потом в этом месте появляется лицо в маске, ныряльщик машет рукой в перчатке.

Вода колеблется и дрожит. В руках второго водолаза появляется веревка, ее привязывают к лебедке. Внезапно мне кажется, что ледяная рука сжала мое сердце, воздух превратился в воду и течение увлекает меня вниз.

Сержант Керквуд не дает мне упасть и, поддерживая, отводит от края пристани. Находится ящик, меня усаживают на него. Джо рядом со мной, кричит, чтобы принесли воды. Я пытаюсь отвернуться, но он держит мое лицо.

Мое зрение проясняется, я вижу один из «Зодиаков». Водолазы вытащили что-то из воды. Мотор заводится, и «Зодиаки» двигаются к пристани. В протянутые руки падает канат, который закрепляют на причале. «Зодиак» подтягивают поближе.

На деревянной палубе лежит вздувшееся, бледное тело, покрытое водорослями и мусором. В нем с трудом можно признать человеческие останки, но я опознаю его: я знаю его имя, я узнаю его боксерские руки. А потом я вспоминаю...

Это похоже на здание, где внезапно открылись все окна и двери. Папки сдувает со столов, включается свет, жужжат ксероксы, и звонят телефоны. Замерший офис неожиданно ожил, и человек, сгорбившийся за столом, поднимает голову и кричит: «Эврика!»

Отдельные кадры и фрагменты воспоминаний встали по порядку, соединенные монтажером. Я прокручиваю в памяти этот фильм, я знаю его от начала до конца.

Звонит телефон. Рэйчел берет трубку. На пленке заранее записан один вопрос. Одно предложение: «Моя пицца готова?» – И все, связь прерывается. Рэйчел смотрит на меня, не веря своим ушам.

– Не беспокойтесь, они перезвонят.

Мы сидим у меня на кухне. Рэйчел в черных джинсах и сером пуловере сидит с недоверчивым видом беженца или иммигранта, не более часа тому назад пересекшего границу.

В следующие три часа она не шевелится, кажется, даже не дышит. Ее руки застыли в борьбе: пальцы переплелись и побледнели. Я пытаюсь ее успокоить. Хочу, чтобы она расслабилась и поберегла силы.

Алексей не вступает в разговор, молча сидит и озирается по сторонам, как зверь. Время от времени он выходит в гостиную и звонит по мобильному телефону, потом возвращается, глядя на Рэйчел со странной смесью желанья и отвращения. Бриллианты давно упакованы. Их привезли в бархатных футлярах: девятьсот шестьдесят пять камней, не меньше карата каждый, все отличного качества.

Алексей собирается нас прикрывать – следовать по сигналу передатчика и маячка на машине Рэйчел.

– Никто не узнает, что за нами следят, – уверяю я ее. – Алексей обещал держаться подальше, пока не получит сигнал. А я буду с вами. Расслабьтесь.

– Как я могу расслабиться?

– Я знаю, это трудно, но ночь может оказаться длинной.

На улице стоит ее «рено эстейт», только что вернувшийся из мастерской. Переднее пассажирское сиденье было удалено, а дверцы

укреплены. Телефон громкой связи позволит мне слышать разговор.

– Что бы ни случилось, старайтесь не выходить из машины. Не позволяйте вас увести, пока у вас остается выбор. Не смотрите на меня. Не разговаривайте со мной. Они могут следить. Если я задам вопрос и ответ утвердительный, стукните пальцем по рулю. Если ответ отрицательный, стукните два раза. Понимаете?

Рэйчел кивает.

И опять я задаю ей самый важный вопрос:

– О чем вы попросите?

– Увидеть Микки.

– Когда вы передадите выкуп?

– Когда Микки окажется у меня.

– Именно. Они хотят, чтобы вы слепо следовали их указаниям, но вы должны настаивать на получении доказательств того, что Микки жива. Требуйте доказательств. Скажите, что хотите увидеть ее и поговорить с ней.

– Но они скажут, что у нас есть волосы и купальник.

– А вы скажете, что это ничего не доказывает. Вы просто хотите быть уверенной.

– А что если они захотят, чтобы я оставила где-нибудь выкуп?

– Не делайте этого. Требуйте прямого обмена: Микки на бриллианты.

– А если они не согласятся?

– Тогда сделка не состоится.

В 11.37 телефон снова звонит. Говорит мужчина, но его голос изменен при помощи цифровой техники: гласные растянуты, акцент сглажен. Он велит Рэйчел ехать на Хангер-лейн, к повороту на шоссе А40. Рэйчел держит трубку обеими руками и больше кивает, чем отвечает. Закончив разговор, не медля ни секунды берет коробку из-под пиццы и направляется к двери.

Алексей идет следом. Я вижу, как выражение его лица становится озабоченным, и не могу понять, хочет ли он пожелать удачи Рэйчел или занять ее место. А может, он просто беспокоится за свои бриллианты? Выйдя на улицу, Алексей открывает дверцу машины, и я вижу за рулем его русского телохранителя.

Устроившись на полу в машине Рэйчел, втиснув плечи под приборную доску, а ноги вытянув к заднему сиденью, я вижу ее лицо только сбоку. Она смотрит прямо перед собой, сжимая руль, как будто снова сдает экзамен на права.

– Не волнуйтесь. Можно включить музыку.

Она стучит по рулю один раз. Я открываю виниловый ящичек с дисками.

– Мне легко угодить – все, что угодно, кроме Нила Даймонда и Барри Манилоу^[98]. У меня есть теория, что девяносто процентов смертей в домах престарелых вызваны Нилом Даймондом и Барри Манилоу.

Она улыбается.

К верхнему карману моей куртки прикреплена рация, в кобуре под мышкой – семнадцатимиллиметровый автоматический «Глок». Наушник в ухе настроен на ту же частоту, что и рация в машине Алексея.

А еще у меня с собой темное одеяло, чтобы укрываться на светофорах во время приближения машин.

– Помните, что на меня смотреть нельзя. Если вам придется парковаться, не останавливайтесь под фонарями. Выберите место потемнее.

Она стучит по рулю один раз.

Телефон снова звонит. Психологическое давление усиливается: я слышу, как в трубке на заднем плане плачет девочка. Мужчина, чей сильно искаженный голос нам уже знаком, прикрикивает на нее, чтобы замолчала. Рэйчел вздрагивает.

– Вы позвонили в полицию, миссис Карлайл?

– Нет.

– Не лгите мне! Никогда мне не лгите. К вам на работу пять дней назад приходил следователь.

– Да, но я его не приглашала. Я попросила его уйти.

– А что еще вы ему сказали?

– Ничего.

– Не держите меня за дурака.

– Я говорю правду. Клянусь. У меня есть выкуп. – Голос Рэйчел дрожит, но звучит уверенно.

Если бы это была полицейская операция, мы отследили бы звонок до передающей антенны. Хотя, скорее всего, звонящий передвигается и не будет подолгу оставаться на связи.

– Мне просто нужно быть уверенной. Я хочу увидеть Микки, – говорит Рэйчел. – Я должна знать, что с ней все в порядке, иначе я, наверное, не смогу это выдержать...

– *Молчать!* Не пытайтесь торговаться, миссис Карлайл.

– Я не собираюсь делать глупостей. Мне просто нужно знать, что она...

– Жива? А вы что, не слышите ее?

– Да, но... откуда мне знать...

– Что ж, давайте подумаем. Я мог бы выколоть один ее карий глаз и прислать его вам по почте. Или полоснуть ножом по ее белой миленькой шейке и прислать вам ее голову в коробке. Вы могли бы поставить ее на каминную полку, чтобы не забывать, *какой дурой когда-то были!*

На меня накатывает страх, усиливающийся оттого, что я прекрасно понимаю, какое впечатление эти слова произвели на Рэйчел. Я вижу, как вздымается ее грудь.

– Миссис Карлайл?

– Я слушаю.

– Мы все выяснили?

– Да. Только не трогайте ее.

– Слушайте очень внимательно. У вас есть лишь один шанс. Не будете выполнять моих указаний – я повешу трубку. Будете спорить – я повешу трубку. Перепутаете что-нибудь – и вы меня больше не услышите. Вы знаете, что это значит?

– Да.

– Что ж, давайте сделаем это еще разок.

Почему он сказал «еще разок»? Он это уже делал?

Все в его тоне и темпе речи свидетельствует о том, что он не новичок. Теперь меня охватывает настоящий страх. Страх и отчаяние. Микки сегодня не вернется домой. Она никогда не вернется домой. И эти люди не остановятся перед убийством Рэйчел. О чем я только думал? Это слишком опасная игра.

– Где вы сейчас находитесь?

– Я... мм... подъезжаю к повороту. Он впереди меня.

– Сделайте три круга по кольцу, а потом возвращайтесь тем же путем, каким приехали.

– Куда?

– На развязку Принс-Альберт-роуд около Риджентс-парка.

Круговые транспортные развязки хорошо просматриваются, что порой осложняет работу полиции. Рэйчел заставляют двигаться по ним, чтобы проверить, нет ли за ней слежки. Надеюсь, Алексей поймет это и будет держаться на расстоянии.

И вот мы едем назад в Западный Лондон. С моего места мне видны только верхние этажи зданий и лампы фонарей. Впереди над башней Почтамта по небу движется красная точка – вертолет или, возможно, самолет.

Звонивший все еще на связи. Я делаю Рэйчел знак заговорить. Она стучит по рулю один раз.

– С Микки все в порядке? – с трудом произносит она.

– Пока да.

– Можно с ней поговорить?

– Нет.

– Почему вы так долго ждали?

Он не отвечает. Затем прерывает длинную паузу вопросом:

– Где вы сейчас?

– Проезжаю мечеть.

– Поворачивайте направо, на Принс-Альберт-роуд. Поезжайте по ней вокруг Риджентс-парка.

В голосе звучит что-то смутно знакомое. Даже несмотря на искажения звука, я, кажется, узнаю произношение жителя южного Лондона или восточных предместий. Капельки пота блестят над верхней губой Рэйчел. Она машинально проводит языком, слизывая их, не сводя глаз с дороги.

– Сверните на Чок-Фарм-роуд. Двигайтесь на север.

В окно мне видны легкие облака на ночном небе, освещенные бледным серпиком месяца. Наверное, мы едем вверх по Хэйверсток-хилл к Хэмпстед-хит^[99]. Голос в трубке начинает перечислять перекрестки:

– Орнан-роуд... Уэддерберн-роуд... Линдхерст... – И затем резко: – Теперь налево. Быстро!

Мои колени упираются в рычаг передач. Повернув налево, мы проезжаем примерно пятьдесят ярдов, после чего он орет:

– *Стон!* Выходите из машины! Не забудьте пиццу.

– Но куда? – умоляюще спрашивает Рэйчел.

– Идите по улице и найдите незапертую машину. Ключ в зажигании. Не берите с собой телефон. Там есть другой.

– Нет. Я не могу...

– *Делайте, как велено, или девочка умрет!*

Разговор прекращается. Рэйчел словно застыла на месте, обеими руками вцепившись в руль.

– С вами все в порядке? – осторожно интересуюсь я.

Она стучит по рулю.

– Вы кого-нибудь видите?

Все так же отстраненно Рэйчел стучит по рулю два раза.

– А сзади?

Снова два удара.

Я приподнимаюсь, борясь с судорогой в ногах. Мы стоим на зеленой улице, между двух больших перекрестков. Кроны деревьев бросают густую тень на припаркованные машины.

Рэйчел берется за ручку дверцы.

– Погодите!

– Я должна идти. Вы его слышали.

Он прекрасно знал весь маршрут, все расстояния. Либо он находится неподалеку, либо все было просчитано заранее. Могу ли я рискнуть и пойти с ней?

– Хорошо, возьмите выкуп и идите по улице. Когда найдете машину, откройте багажник.

Она достает коробку из-под пиццы с заднего сиденья и открывает дверь. Свет в салоне выключен. При помощи ручного перископа я слежу, как Рэйчел удаляется от меня, и одновременно осматриваю улицу на предмет какого-либо подозрительного движения. Нажимаю кнопку рации.

– Оскар Сьерра, это Руиз. Рэйчел идет пешком. Смена транспорта. Будьте внимательны.

Рэйчел двигается от машины к машине, дергая дверцу, оказываясь все дальше и дальше от меня. Наконец я вижу, как в одной из машин

загорается свет. Рэйчел садится в салон и берет новый мобильный телефон. Дверца закрывается, загораются фары. Сейчас или никогда.

Я выскакиваю из машины и бегу. Мои ноги настолько затекли и одеревенели, что непонятно, каким образом я еще могу передвигаться. Мостовая неровная, поскольку изуродована корнями деревьев, к тому же дефекты дороги трудно разглядеть в густой тени древесных крон.

Впереди от тротуара отъезжает «форд вектра». В последний момент, заметив меня в зеркале заднего вида, Рэйчел тормозит. Я открываю багажник и, тяжело перевалившись внутрь, тяну крышку вниз, пока она не опускается, придавив мне пальцы.

Мы снова двигаемся. Я свернулся калачиком, прижавшись щекой к нейлоновому коврику, и жду, когда мое сердце станет колотиться чуть спокойнее. Звук мотора, шуршание шин по асфальту – и больше мне ничего не слышно.

Нащупав на груди выпавший наушник, я вставляю его обратно и слышу, как Алексей что-то орет по-русски. Они не знают, за какой машиной ехать. С улицы выезжают две машины: «БМВ» поворачивает на юг по Фицджон-авеню, «форд вектра» – на север.

Они пытаются связаться со мной. Мне в грудь врезалась рация. Слегка приподнявшись, я достаю ее, но, нажав кнопку, не слышу никакого ответа. Наверное, я разбил ее, когда залезал в багажник.

Алексей не будет знать, за какой машиной ехать, пока обе не удалятся на достаточное расстояние и передатчик не укажет, в какой находится выкуп. Но тогда есть риск окончательно нас потерять.

Я ничем не могу помочь Алексею, поэтому сосредоточиваюсь и мысленно рисую карту северного Лондона, пытаюсь рассчитать, где мы поворачиваем и в каком направлении едем. Минуты и мили проплывают мимо.

Когда машина подскакивает на ухабах, крышка багажника грозит открыться. Я поднимаю голову и смотрю в узкий просвет. Все, что я вижу, – светло-серый асфальт и горящие фары автомобилей.

Благодаря наушникам я в курсе дел Алексея и русского. Они перестали преследовать «БМВ» и теперь направляются к Килберну, полагаясь исключительно на сигнал передатчика в бриллиантах.

Перевернувшись на спину, я продолжаю удерживать дверцу багажника одной рукой, а второй провожу по стенке, пока не нащупываю лампочку и вывинчиваю ее из гнезда.

Несколько раз машина останавливается, а потом едет в обратном направлении. Либо Рэйчел заблудилась, либо они заставляют ее резко менять маршрут. Теперь мы двигаемся быстрее. Улицы совсем опустели.

Машина подскакивает на ухабе и неожиданно останавливается. Уже началось? Я вытаскиваю из кобуры пистолет и прижимаю его к груди.

– Эй, леди, помедленней. А то я подумаю, что вы угнали эту машину. – Мужской голос звучит насмешливо. Наверное, охранник, которому совсем нечего делать. – Вы заблудились?

– Нет, я ищу... ищу дом своей подруги.

– Я посоветовал бы вам не болтаться здесь, леди. Поезжайте-ка назад, как приехали.

– Вы не понимаете. Я должна ехать дальше.

Я почти слышу, как он обдумывает ее слова, словно ему нужен звонок другу, чтобы принять решение.

– Может, я недостаточно ясно выразился, – тянет он.

– Но мне надо...

– Держите руки на виду, – говорит он и обходит автомобиль, пиная шины.

– Пожалуйста, дайте мне проехать.

– А отчего такая спешка? У вас неприятности?

Поднялся ветер и гонит по дороге ржавые железки, откуда-то доносится лай собаки. Человек подходит к багажнику и, заметив, что крышка не закрыта, берется за нее обеими руками.

Когда он поднимает дверцу, я вытягиваю руку и упираю ствол пистолета в его промежность. У него отвисает челюсть, что способствует более глубокому дыханию.

– Вы срываете полицейскую операцию, – шиплю я. – Отойдите от машины и дайте леди проехать.

Он несколько раз мигает и кивает, а потом медленно опускает крышку. Когда машина отъезжает, я вижу, что он поднимает руку, как будто отдает честь.

Мы снова двигаемся быстро и, кажется, кружим по промышленной зоне. Рэйчел что-то ищет. Она съезжает с асфальта на землю и резко тормозит, убивая мотор.

В этой внезапной тишине я слышу ее голос. О чем говорит ее собеседник, я могу только догадываться.

– Я не вижу транспортный знак, – говорит она. – Нет, не вижу. – В ее голосе поднимается отчаяние. – Просто пустое место... Погодите. Теперь вижу!

Дверца открывается, и машина слегка покачивается. Я не хочу, чтобы она уходила. Она должна оставаться рядом со мной. Нет времени взвешивать возможности. Надеюсь, Алексей и русский догнали нас и заняли позицию.

Открыв багажник, я переваливаюсь через бортик, тяжело падаю и, тут же откатившись в тень, замираю, вжавшись лицом в грязный гравий.

Подняв голову через несколько секунд, я вижу Рэйчел в свете фар. Впереди прямо посреди пустыря стоит старый промышленный холодильник. Стальная дверь покосилась, она помята и поцарапана, но еще отражает свет. На холодильнике укреплен оранжевый дорожный знак.

Рэйчел идет к нему, спотыкаясь о битый кирпич и куски резины. Ее джинсы цепляются за моток проволоки, торчащий из земли. Она не глядя трясет ногой, освобождаясь, и подходит к холодильнику, который высотой почти с нее. Я вижу, как она протягивает руку, берется за ручку и открывает дверь. Из холодильника выпадает детское тело. Маленькое, почти игрушечное. Рэйчел инстинктивно вытягивает руки, ее рот открывается в безмолвном крике.

Я вскакиваю на ноги и бегу к ней. Это самые длинные сорок ярдов в моей жизни – мой горизонтальный Эверест, и я преодолеваю его, нелепо размахивая руками. Вероятно, о подобных моментах говорят: душа ушла в пятки. Рэйчел стоит на коленях и обнимает тельце. Она совсем ослабела. Просто выжата, как лимон. У нее в руках кукла размером с ребенка, с бежевым телом и конечностями, с лысой узловатой головой, распухшей и изношенной.

– Послушайте, Рэйчел! Это не Микки. Это просто кукла. Взгляните! Посмотрите!

На лице Рэйчел странное, почти спокойное выражение. Только веки движутся в каком-то собственном ритме. Я медленно высвобождаю куклу из ее рук и, обняв Рэйчел, прижимаю ее голову к своей груди.

На шее куклы такой же синей шерстяной ниткой, из каких сделаны волосы, привязана записка. Буквы выведены чем-то темно-красным. Я молюсь, чтобы это была краска.

Четыре слова – большими буквами:

ЭТО МОГЛА БЫТЬ ОНА!

Укрывая Рэйчел своей курткой, я медленно веду ее к машине и усаживаю в салон. За все это время она не издала ни звука. Она не реагирует на мой голос. Просто смотрит перед собой куда-то вдаль, а может, в будущее, за сотню ярдов или за сотню лет отсюда.

Взяв с переднего сиденья мобильный, я слышу только тишину. И кричу про себя от разочарования.

– Они перезвонят, – говорю я себе. – Садись. Подождем.

Устроившись на сиденье рядом с Рэйчел, я нащупываю ее пульс, поплотнее подтыкаю вокруг нее куртку. Ей нужен врач. Пора все отменять.

– Что случилось? – спрашивает она, обретя некоторую связь с реальностью.

– Повесили трубку.

– Но они перезвонят?

Я не знаю, что ей ответить.

– Я вызываю «скорую».

– Нет.

Поразительно! Несмотря на глубочайший шок, в ее мозгу еще сохранилась одна чистая, неповрежденная клеточка. Словно матка в улье... И теперь она продолжает контролировать ситуацию.

– Если у них Микки, они перезвонят, – говорит Рэйчел. Это утверждение сделано таким ясным и твердым тоном, что я не могу ничего сделать, кроме как послушаться ее.

– Хорошо. Подождем.

Она кивает и вытирает нос рукавом. Фары еще бросают бледный свет на тропинку среди травы и зарослей. Я могу различить очертания деревьев, которые напоминают фиолетовые шрамы на теле неба.

У нас не получилось. Но что еще можно было сделать? Я смотрю на Рэйчел. Ее губы посинели и дрожат. Руки безвольно свисают вдоль тела, и кажется, что последние жизненные силы покинули его.

Тишину нарушает лишь отдаленный шум транспорта... И вдруг в этой тишине звучит звонок!

Рэйчел даже не шевельнулась. Ее сознание где-то далеко, в более безопасном месте. Я смотрю на горящий квадрат экрана и отвечаю на звонок.

– Миссис Карлайл?

– Она недоступна.

В паузу можно вписать целый роман.

– Где она? – Голос еще изменен.

– Миссис Карлайл не в состоянии разговаривать. Вам придется говорить со мной.

– Вы полицейский?

– Неважно, кто я. Теперь мы сможем закончить операцию.

Прямой обмен – бриллианты на девочку.

Еще одна долгая пауза.

– У меня есть выкуп. Он прямо здесь. Либо вы соглашаетесь на сделку, либо идете своей дорогой.

– И девочка умрет.

– Замечательно. Я думаю, что она уже мертва. Докажите, что я ошибаюсь.

Экран гаснет. Мой собеседник повесил трубку.

Дверца в моей памяти внезапно плотно захлопывается. Остаются пустота и отчаяние, тьма и завывание ветра. Я вновь не сумел добраться до конца. Джо склонился надо мной. Мы смотрим друг на друга.

– Я помню.

– Лежите спокойно.

– Но я помню.

– Уже едет «скорая». Спокойно. Я думаю, вы на несколько секунд потеряли сознание.

Вокруг нас полицейские ныряльщики стаскивают с «Зодиаков» цистерны с кислородом и кидают их на палубу. Грохот отдается у меня в позвоночнике. На воде появились навигационные огни, и башни Кэнэри-уорф кажутся вертикальными городами.

Джо, как всегда, оказался прав. Я должен был продолжать собирать детали и идти по следу, тогда со временем что-нибудь непременно освежило бы мою память и капель превратилась бы в шумный поток.

Я делаю глоток воды из пластиковой бутылки и пытаюсь сесть. Джо подставляет мне плечо. Где-то над головой слышно, как самолет заходит на посадку в Хитроу.

Работник «скорой» склоняется надо мной.

– Чувствуете боль в груди?

– Нет.

– Одышку?

– Нет.

У этого парня очень густые усы, а изо рта пахнет пиццей. Я откуда-то его знаю. Он расстегивает пуговицы на моей рубашке.

– Сейчас проверю пульс, – говорит он.

Я быстрым движением хватаю его за запястье. Его глаза расширяются, на лице появляется странное выражение. Он медленно переводит взгляд на мою ногу потом на реку.

– Я вас помню, – говорю я ему.

– Это невозможно. Вы были без сознания.

Я еще держу его за запястье и сжимаю все крепче.

– Вы спасли мне жизнь.

– Я не думал, что вы выкарабкаетесь.

– Только приложите эти штуковины мне к груди, и я вырву вам сердце.

Он кивает и нервно смеется.

Я беру кислородную маску за ремень, а он измеряет мне давление. Грохот и стук воспоминаний на мгновение прекратились. Но это все равно что на время задержать дыхание. Я знаю, что они вернутся.

В свете прожекторов я вижу, как на камни, словно нефтяной разлив, набегают зыбь. «Новичок» Дэйв опоясал место преступления лентой. Нырляльщики ворвутся завтра утром и продолжат поиск. Сколько еще секретов таится в тине?

– Давайте поедem домой, – говорит Джо.

Я не отвечаю ему, но почти непроизвольно качаю головой. Я слишком близок к тому, чтобы вспомнить. Надо продолжать путь. Это не может подождать денек-другой.

Джо звонит Джулиане и говорит, что вернется поздно. Ее голос по мобильному звучит как-то металлически. Она говорит из кухни. Ей надо кормить детей. А нам надо найти ребенка.

По пути от Темзы я рассказываю Джо о том, что вспомнил: описываю телефонные звонки, тряпичную куклу и холодную обреченность последнего разговора. У всего есть смысл, своя функция, свое место в узоре: бриллианты, маячки, коробка из-под пиццы...

Мы останавливаемся на том же заброшенном участке, напротив того же промышленного холодильника. Свет фонарей отражается от его серебристой дверцы. Тряпичная кукла пропала, но дорожный указатель, как шляпа ведьмы, торчит среди растений.

Я выхожу из машины и неуверенно иду к холодильнику. Джо, словно охранник королевской особы, держится на расстоянии четырех шагов позади меня. На нем полотняная куртка, немного помятая, как будто он собрался на сафари.

– Где была Рэйчел?

– Осталась в машине. Она совершенно обессилела.

– Что случилось потом?

Я ломаю мозги, пытаюсь вытолкнуть воспоминания откуда-то из глубины.

– Видимо, он перезвонил. Человек, который бросил трубку, – он позвонил снова.

– Что сказал?

– Не знаю. Не помню. Погодите!

Я осматриваю свою одежду.

– Он хотел, чтобы я разулся, но я этого не сделал. Я решил, что он меня не видит, – по крайней мере в тот момент. Он велел мне идти мимо холодильника.

Продолжая говорить, я двигаюсь в сторону проволочной ограды, за которой – линия Бейкерлоо.

– По телефону мне был слышен плач девочки.

– Вы уверены?

– Да, где-то вдалеке.

Свет фонарей тускнеет по мере того, как мы отходим от машины Джо. Мои глаза привыкли к темноте, но сознание подшучивает надо мной. Мне постоянно мерещатся фигуры, спрятавшиеся в тени, крадущиеся в овраге за деревьями.

На фиолетовом небе нет звезд. Что мне больше всего нравилось в деревне, так это звезды и тишина морозного зимнего утра, укутывающего землю, как свежестыранная простыня.

Впереди будет забор из металлической сетки. Я повернул налево и шел вдоль него до пешеходного моста. Звонивший инструктировал меня по телефону.

– Вы узнали его голос?

– Нет.

Уже виден забор, несущий в своих серебряных рамках черные бриллианты темноты. Мы поворачиваем и идем вдоль него к аркообразному пешеходному мосту над рельсами. Гудит генератор, в свете прожекторов работает ремонтная бригада.

Посредине моста я перегибаюсь через перила и смотрю на серебряные ленточки путей, убегающие на север.

– Я не помню, что случилось потом.

– Вы сбросили выкуп с моста?

– Нет.

Здесь снова зазвонил телефон. Я шел слишком медленно. Они вели меня. Наверное, в телефоне был передатчик. Кто-то сидел перед экраном компьютера и устанавливал мое точное местонахождение.

Мы оба смотрим на пути, словно ищем там ответа. Ветер доносит запах горящего угля и каких-то химикатов. Я больше не слышу внутреннего голоса.

– Подождите, – говорит Джо.

– Нет. Я не могу дольше ждать. Я должен вспомнить.

Он берет мобильный телефон и набирает номер. Мой карман вибрирует. Я открываю его, и Джо поворачивается ко мне спиной.

– Почему остановился? Иди дальше! Я же сказал куда.

Воспоминание бесшумно поднимается на поверхность. Джо снова сделал это – помог мне вернуться в прошлое.

– А Микки будет там? – ору я в телефон.

– Заткнись и иди.

Куда? Это недалеко. Парковка на той стороне станции. Шевелись!

Теперь я бегом спускаюсь по ступенькам. Джо трудно за мной угнаться. Я почти не вижу, куда иду, но дорогу я знаю. Она вьется вдоль полотна. По обе стороны от рельсов установлены сигнальные мостики, несущие над собой электрические провода.

Ветер поднялся, грохочет оградами и бросает мне под ноги мусор. Вдоль дорожки тускло светят фонари, поэтому видимость здесь лучше. Внезапно я оказываюсь перед пустынной стоянкой, в центре которой одинокий фонарь рисует желтый купол на асфальте. Я помню, что под фонарем стоял дорожный знак, к которому я подбежал, держа коробку под мышкой. Выбор места показался мне странным. Оно слишком открытое.

Меня догоняет Джо, и мы стоим под фонарем, рассматривая люк, закрытый сверху решеткой.

– Он хотел, чтобы я опустил свертки через решетку.

– И что вы сделали?

– Сказал ему, что хочу увидеть Микки. Он угрожал, что снова повесит трубку. У него был очень спокойный голос. Он сказал, что она недалеко.

– Где?

Я поворачиваю голову. В тридцати ярдах от нас темнеет контур сточной трубы.

– Он сказал, что она ждет меня... вон там.

Мы подходим к краю и заглядываем внутрь. Крутые бетонные стены покрыты граффити.

– Я ее не видел. Было слишком темно. Я позвал ее: «Микки! Ты меня слышишь?» И заорал в трубку: «*Я ее не вижу. Где она?*» «Она в трубе», – сказал он. «*Где?*» Я все кричал: «Микки! Ты там?»

Теперь Джо придерживает меня. Он боится, что я упаду через край. И в то же время хочет, чтобы я двигался дальше.

– Покажите, – говорит он.

По стене трубы спускается лестница. Ступеньки очень холодные – стынут пальцы. Джо двигается за мной. Я не мог одновременно спускаться, держать «Глок» и нести коробку с выкупом. Поэтому оставил пистолет в кобуре, а коробку пристроил под мышкой.

– *Микки! Ты меня слышишь?*

Мои ноги касаются дна. На ближайшей стене я едва различаю более глубокую тень – вход в следующую трубу.

Наверное, она в той трубе. Это единственное место, где можно спрятаться.

– Микаэла?

Раздалось невнятное гудение, будто отдаленные раскаты грома. Я почувствовал, как труба вибрирует у меня под ногами, потянулся за пистолетом, но не взял его.

– Микаэла?

Мои волосы взметнул ветер, и я услышал приближавшийся звук, подобный грохоту поезда, мчащегося по тоннелю, или стуку сотен копыт по сходям. Я оглядывался по сторонам в поисках Микки, а звук усиливался. Он шел на меня, надвигался из темноты... волна.

Дверца снова открылась, и мир превращается в шум и хаос. Силы притяжения больше нет. Я лечу, переворачиваясь снова и снова, у меня в ушах ревет океан.

Полностью потеряв ориентацию в пространстве, я не знаю, где дно, где поверхность. Течение бросает меня из стороны в сторону, несет вперед или вниз по трубе или тоннелю. Я обломал ногти, пытаюсь вцепиться в скользкие стены.

Вместе с потоком воды я обрушиваюсь в очередную вертикальную шахту. Пытаюсь вдохнуть, глотаю вместе с воздухом тину, грязь и экскременты. Я в затопленной канализации, полной клубящихся газов и разлагающихся отходов. Тут мне и предстоит умереть.

У меня над головой мелькает свет. Железная решетка. Вытянув руку, я цепляюсь пальцами за металлические прутья. Течение пытается снести меня, вода заливает лицо, наполняя рот привкусом гнили.

Удерживая рот и нос над водой, я пытаюсь поднять крышку люка. Не поддается. Меня разворачивает параллельно течению.

Сквозь решетку мне видны огни. Движущиеся тени. Пешеходы. Транспорт. Я пытаюсь что-то крикнуть. Они меня не слышат. Кто-то сходит с тротуара и гасит в желобе окурок. Красные искры взвиваются у меня перед глазами.

– Помогите! Помогите!

Что-то ползет у меня по плечу. Крыса, цепляясь коготками за рубашку, вытягивает из воды свое промокшее тельце. Я чувствую запах мокрой шерсти, вижу острые зубы в квадрате света и содрогаюсь всем телом. Крысы повсюду: ползут, цепляясь за трещины в стенах.

Палец за пальцем слабеют и поддаются. Я больше не могу держаться. Течение слишком сильно. Думаю о Люке. У него были огромные легкие – настоящие мешки с кислородом. Он мог задерживать дыхание гораздо дольше, чем я, хотя это и не спасло его в ледяной воде.

Он был упрямым чертенком. Когда-то я, бывало, ловил и мучил его.

– Сдаешься? – спрашивал я.

У него на глазах выступали слезы.

– Никогда.

– Ты просто должен сдаться, и я тебя больше не трону.

– Нет.

Восхищенный, я предлагал ему перемирие, но он отказывался.

– Хорошо, хорошо, ты победил, – говорил я. Меня воротило от этой игры и от стыда за то, что я причинил ему боль.

Поддается последний палец. Я плыву на спине по течению, глубоко и судорожно дыша, потом падаю куда-то во тьму, барахтаюсь в водопаде и оказываюсь в трубе побольше.

Я не знаю, куда делся выкуп. Уплыл, как и мои ботинки. А что с Микки: она тонет сейчас впереди меня или позади? Когда я вначале заглянул в трубу, мне послышался тихий плач. Может, это был ветер или крысы.

Значит, вот как все закончится. Я утону в грязной вонючей воде, то есть умру так же, как жил: в мутном бульоне воров, лжецов, убийц и жертв. Я крысолов, охотник в канализациях, гробокопатель; я делаю грязную работу. Бедность, невежество и неравенство порождают преступников, а я ловлю и упрятываю их подальше, чтобы приличное общество не боялось их и не страдало от их запаха.

Я ударяюсь плечом обо что-то твердое, и течение переворачивает меня. Задыхаясь, я болтаюсь из стороны в сторону, пытаюсь хоть за что-то зацепиться, а меня тащит по какому-то каналу или желобу.

Ослепленный, оглушенный, я падаю в большой бассейн. Огромный водоворот кружит меня, затягивая ко дну. Мне нужен воздух. Но вода побеждает.

Теперь конец близок. Я внутри трубы, такой узкой, что кажется, я вот-вот застряну. Никаких воздушных карманов. У меня такое чувство, словно мою грудь обмотали проводом и теперь затягивают его, сжимая легкие.

Мне нужен воздух. Углекислый газ скапливается в крови. Он отравляет меня. Инстинкт не дышать в воде борется с агонией удушья. Рот открывается. Первый инстинктивный глоток заполняет мое горло водой. Я захлебываюсь кашлем, но не могу закрыть воде путь в легкие. Я так же беспомощен, как в тот день, когда родился на свет.

Меня больше не тащит по узкой трубе. Другое, более медленное течение подхватило меня, переворачивая снова и снова, как листок на ветру, унося куда-то, должно быть, в иной мир.

Я умираю, но не могу с этим смириться. Надо мной или подо мной – этого уже не понять – бледнеет рассеянный серый свет. Я чувствую, что двигаюсь к нему, пробиваюсь сквозь толщу воды, поочередно выбрасывая вперед то одну, то другую руку, словно стараюсь подтянуть свет поближе, как будто это лампа на другом конце стола. Последние движения даются с невероятным трудом.

Вырвавшись на свободу, я изрыгаю воду и слизь, освобождая место для первого вдоха. Меня ослепляет яркий свет. Что-то твердое хватается за пояс сзади, меня поднимают вверх, и я оказываюсь на деревянной палубе. Легкие трепещут в грудной клетке, словно внутри меня работают заводные игрушки. Сильные руки нажимают мне на живот. Кто-то наклоняется и вытирает мне подбородок и шею. Это Кирстен Фицрой!

Она гладит меня по голове, откидывая со лба мокрые волосы.

– Боже, да вы безумец! – бормочет она, снова вытирая мне лицо.

Мое нутро еще сведено судорогой, и я не могу говорить.

Мотор лодки тархтит вхолостую. Я чувствую запах бензина и вижу тусклый свет в кабине. Жадно, порывисто вдыхая воздух, поворачиваю голову и обнаруживаю Рэя Мерфи: одетый в черное, он опустился рядом со мной на колени.

– Пусть бы утонул, – говорит он.

– Никто не должен пострадать, – отвечает Кирстен.

Он спорит, но Кирстен отказывается слушать.

– Где Микки? – шепчу я.

– Тш-ш, расслабьтесь, – говорит она.

– С ней все в порядке?

– Ничего не говори ему, черт тебя дери, – угрожающе произносит Мерфи.

Маленькое красное пятнышко дергается у него на лбу, словно танцует под неслышную нам мелодию.

Спустя долю секунды Мерфи издает странный звук, словно лопнувший шарик, и половина его головы исчезает в красном тумане и крошках кости. Глаз, щека и часть челюсти внезапно оказываются стерты с его лица.

Звук выстрела доходит позже: клац.

Кирстен кричит. Ее глаза расширились от ужаса, как у ребенка. Кровь забрызгала ее щеку.

Тело Мерфи лежит на мне, его голова у меня на груди. Я сбрасываю его, отбрыкиваясь ногами, скользя на мокрой, залитой кровью палубе.

Кирстен так и не пошевелилась, словно окаменев от шока. Я поворачиваюсь и ползу к ней.

Пуля попадает мне в бедро, оставляя на входе малюсенькую дырочку, не больше ногтя на мизинце, но на выходе выворачивает кусок мяса из моей ноги, оставляя рану размером со спичечный коробок. Несмотря на боль, я впечатлен тем, что вижу. Это зрелище сродни взрыву дома или столкновению машин.

Еще одна пуля свистит около моего уха и попадает в палубу у самого колена. Тот, кто стреляет, находится над нами. Я качусь вбок,

скользя в крови, пока не оказываюсь возле Кирстен и не опрокидываю ее на палубу, под прикрытие деревянных перил.

Очередная пуля откалывает кусок полированного дерева над нашими головами, и щепка попадает Кирстен в шею. Она снова кричит.

Сняв ремень, я обхватываю им правую ногу. Держа один конец зубами, я затягиваю жгут потуже, пытаюсь остановить поток крови, и завязываю липкими пальцами ремень.

Рядом со мной вздрагивает тело Рэя Мерфи: пуля пробивает его бедро и уходит в палубу. Возле его ноги лежит большой рыбачий сачок на длинном шесте. В сетке запутались несколько свертков. Выкуп.

Кто-то в рубке отчаянно пытается переключить передачу, но швартовый канат еще закреплен на корме. Я тянусь под мышку и вытаскиваю «Глок» из кобуры. Смотрю на Кирстен. Она потрясена происходящим, но слушает меня.

– Нельзя оставаться здесь! Надо добраться до мостика. Быстрее! Сейчас же!

Кирстен кивает.

Я толкаю ее вперед, наблюдая, как она ползет по окровавленной палубе. Потом, перевернувшись лицом вверх, я направляю «Глок» в ночное небо. Когда я нажимаю на курок, ничего не происходит.

Кирстен вдруг неестественно изгибается, схватившись за бок. Через долю секунды я слышу выстрел. Кровь течет у нее между пальцами, но Кирстен продолжает двигаться.

Разделение целей отвлекло стреляющего, но мне надо что-то сделать с освещением. Хромированный фонарь укреплен на мачте посреди палубы.

Вооружившись «Глоком» как молотком и используя тело Рэя Мерфи в качестве щита, я ползу по палубе, пока не оказываюсь под фонарем. Поднимаюсь и бью по стеклу. Лампочка мигает и гаснет.

Кто-то бежит мимо меня, но, споткнувшись о мои ноги, падает на палубу. Это Джерри Брандт. Вскочив, он снова кидается к бриллиантам. Ударом в промежность я отбрасываю его в противоположную сторону. Он охает и с ненавистью смотрит на меня. И это несмотря на то, что пуля пробивает палубу в том месте, где он только что стоял. Я спас этому гаденышу жизнь – и вот благодарность.

Красная точка появляется у него на груди. Даже без освещения снайпер нас видит. Значит, у него есть инфракрасный прицел.

Джерри смотрит себе на грудь, потом на меня. Сейчас он умрет.

Он падает и катится по палубе все дальше и дальше, мимо сачка и свертков с бриллиантами, срываясь с кормы, но всплеск заглушён мотором, взывшим на максимальных оборотах. Мне кажется, что Джерри упал прямо на крутящийся винт.

Кирстен в рубке продолжает судорожно переключать передачи. Швартовый до сих пор закреплен, и лодка качается и ныряет, но не двигается с места. Два мотора увлекают нас не вперед, а куда-то вниз. Я качусь по палубе и, дотянувшись до швартова, сбрасываю последнее кольцо с планки, почувствовав, как оно обжигает мне пальцы. Лодка дергается вперед, но, вместо того чтобы уходить к середине реки, мы поворачиваем и плывем к берегу, натываясь на камни.

Что, черт возьми, происходит?

Наскочив на какое-то подводное препятствие, лодка начинает крутиться на месте. У штурвала никого нет. Куда делась Кирстен?

Судно продолжает вращаться. Снайпер ждет, когда ему представится возможность выстрелить в меня снова.

Я ползком передвигаюсь к рубке и, ухватившись пальцами за край иллюминатора, подтягиваюсь, пока мои глаза не оказываются на уровне стекла. Внутри никого нет.

В ту же секунду в поле моего зрения врывается фонтан крови. И за мгновение до того, как рухнуть на палубу, я замечаю, что мой палец исчез, а вместе с ним и обручальное кольцо. Это аккуратная, чистая ампутация, проведенная высокоточной пулей.

Снайпер находится где-то высоко, на мосту или в здании. Теперь он целится в моторы или бак с горючим. Течение поворачивает судно, и мы двигаемся вместе с приливом. Скоро мы станем недостижимы для пули невидимого стрелка.

Я сосу рану на том месте, где был палец. Удивительно мало крови. Где Микки? Она была в трубе? Осталась ли там? Я не могу ее бросить.

До меня доносится новый звук – другой мотор работает где-то невдалеке. Прислонившись к стене, снова приподнимаюсь и смотрю в разбитый иллюминатор. Без освещения можно различить только силуэт лодки. На носу стоит человек с ружьем.

Я могу остаться здесь или попытаться счастья в реке. Решение приходит в долю секунды.

И тут я вижу Кирстен, выбирающуюся из-под брезента на носу. Мне не видно ее лица, можно рассмотреть только очертания фигуры: женщина пытается встать и падает. Снова пытается, но вновь заваливается на бок. Потом я слышу всплеск, мужские крики и шлепанье пухляка по воде.

Лодка приближается. Конечно, с изувеченной ногой мои шансы невелики, но... Оттолкнувшись от стены, я делаю два неровных шага и падаю через перила. Холод пронизывает меня. Не знаю почему. Я еще не успел высохнуть с прошлого купания.

Из всех сил работая руками и здоровой ногой, я плыву в темноту, где мне предстоит либо утонуть, либо истечь кровью. Я предоставляю право выбора реке.

Джо держит меня, закинув мои руки себе на плечи. Я уже привык к выражению его лица. Его голос звучит устало:

- Пойдемте, давайте выбираться отсюда.
- Я вспомнил.
- Да, вспомнили.
- Но как же Микки?
- Ее здесь нет. Мы ее найдем.

Я выбираюсь из люка, и мы хромаем по парковке. Пара подростков, мальчик и девочка, остановили машину подальше от фонаря. Интересно, что они думают о парочке мужчин среднего возраста, идущих в обнимку? Пьяные или любовники? Впрочем, мне наплевать.

Я вспомнил. Я так этого ждал, так надеялся, что это случится. Боялся этого. Что если я кого-нибудь убил? Что если Микки была со мной, а я потерял ее в реке? Мне снились кошмары, потому что я не знал правды.

Когда мы подъезжаем к Примроуз-хилл, уже почти десять. Огонь бросает уютные отблески на занавески, горящий в камине уголь согревает гостиную.

- Вы сегодня останетесь здесь, – говорит Джо, открывая дверь.

Я хочу отказаться, но слишком устал, чтобы спорить. Я не могу поехать домой или к родителям Али. Я словно инфекционное заболевание: заражаю всех, кто меня окружает. Но надолго у профессора я не задержусь. Только на эту ночь.

Меня преследуют недавние видения: я под водой и не могу дышать. Я чувствую гнилостный запах канализации и вижу, как у моих ног кипит бело-зеленая вода. Джо обеспокоенно смотрит на меня. Он думает, что у меня плохо с сердцем.

- Надо отвезти вас в больницу. Пусть проведут обследование.
- Нет. Мне надо поговорить. – Я должен рассказать ему, что вспомнил, а то вдруг снова забуду.

Джо наливает мне выпить, жестом приглашает присесть и внезапно замирает. На долю секунды он кажется статуей: полустоит-

полусидит. И так же внезапно он снова начинает двигаться – сигнал из мозга с опозданием дошел до тела.

Он виновато улыбается.

На каминной полке стоят фотографии его семьи. У малышки круглое лицо и прядка светлых волос. Она больше похожа на Джо, чем на Джулиану.

– А где ваша прекрасная жена?

– Свернулась в постели. Она ярко выраженный жаворонок.

Джо наклоняется вперед, положив руки на колени, словно приглашая к разговору. Я рассказываю ему, как меня смыло в канализацию и что случилось на лодке. Я помню, как Кирстен Фицрой вытирала мне рвоту с губ, помню тяжесть мертвого тела Мерфи, рухнувшего мне на грудь. Его кровь стекала у меня по шее и скапливалась в углублении под адамовым яблоком. Я помню свист пуль, помню, как Кирстен покатила по палубе, держась за бок.

Одни воспоминания пробуждают другие – уплывающие образы, которые я ловлю, пока они не успели растаять. Джерри Брандт, падающий с кормы, силуэт с ружьем, исчезновение пальца... Теперь все эти вещи обрели плоть, и больше нет ничего реального, кроме событий той ночи. Даже пытаюсь объяснить это Джо, я все еще чувствую пережитые ужасы и запоздалое сожаление. Если бы только я мог поступить по-другому... Если бы я мог вернуться.

Рэй Мерфи трудился в Водном управлении Темзы. Он знал расположение канализационной системы, потому что работал там черпальщиком и служил в комитете по предотвращению наводнений. Он знал, какую водопроводную трубу взорвать, чтобы вызвать потоп. Взрыв списали бы на метан или утечку газа и не стали бы проводить скурпулезного расследования.

Радиопередатчики и спутниковые системы слежения под землей бесполезны, да никто и не пустился бы в такое путешествие.

Рэй Мерфи должен был знать и о подземной реке под Долфин-мэншн. Они с Кирстен обеспечили друг другу алиби на утро, когда исчезла Микки. Но в какой момент в операцию включился Джерри Брандт? Возможно, для их плана нужен был третий.

– Но вы не можете быть уверены, что они похитили Микки, – говорит Джо. – Прямых улик нет. – Неожиданное, спазматическое движение его руки бросается мне в глаза. – Это все равно может быть

фальшивкой. Кирстен имела доступ к квартире Рэйчел. Она могла достать пряди волос Микки и сосчитать деньги в ее копилке. Если они похитили ее три года назад, то зачем ждать так долго, чтобы потребовать выкуп?

– Возможно, их целью был не выкуп – во всяком случае сначала. Сэр Дуглас Карлайл сказал, что пошел бы на многое, чтобы обеспечить безопасность внучки. Мы знаем, что он нанял Кирстен, чтобы та следила за Рэйчел. Он собирал улики для битвы в суде, но адвокаты сказали ему, что выиграть не удастся. Тогда он решил взять правосудие в свои руки.

– А полотенце Микки? Как оно попало на кладбище?

Моя мысль висит в пустой, отчаянной паузе. Может, они подставили Говарда. Испачкали кровью Микки полотенце и подбросили его на кладбище. А полиция и присяжные довершили дело.

– Но у вас нет доказательств того, что Микки жива.

– Знаю.

Наклоняясь к огню, Джо спрашивает у пламени, а не у меня:

– Но зачем посылать требование о выкупе сейчас?

– Из жадности.

По крайней мере, этот мотив я могу понять. Джо может возиться со своими садистами и психопатами, а мне дайте какой-нибудь старомодный заурядный мотив, в который я в состоянии поверить.

– Кто стрелял? Кто желал их смерти?

– Тот, кто хотел заставить их замолчать или наказать их, – выдыхаю я, подаваясь вперед в кресле. – Это мог быть сэр Дуглас. Если он организовал похищение Микки, то, возможно, его шантажировали.

– А кто еще? Я знаю, вы не думаете, что это сэр Дуглас.

– Алексей.

– Вы сказали, что в ту ночь он ехал за вами с Рэйчел.

– Он ехал за своими бриллиантами.

Джо ждет моих объяснений. Я знаю, что он уже все понял, просто хочет, чтобы я изложил свои аргументы.

– Алексей ни за что не стал бы спокойно стоять и смотреть, как кто-то уходит с его двумя миллионами. Похитили они Микки или нет,

жива она или нет, кто-то должен был заплатить. Посмотрите, что он сделал с собственным братом.

– Ваше убийство входило в его план?

– Нет. Никто не предполагал, что я окажусь на лодке. Никто не ждал, что за выкупом отправятся в канализацию.

– А как же нападение в больнице?

Это напоминание вызывает нечто вроде спазма у меня в горле.

– Не знаю. Я об этом пока не думал. Может, он боялся, что мне известны какие-то опасные для него факты, а может, думал, что в ту ночь я что-то видел...

Я пока не могу объяснить, как бриллианты оказались в моем бельевом шкафу. Я знаю, что они были в коробке из-под пиццы, и я видел свертки на борту «Шармэйн». Большинство фактов сходится, но полная картина событий все же не ясна.

Мне надо убедить полицию снова открыть дело. Это больше не касается Говарда Уэйвелла. Да, он должен сидеть в тюрьме, но не за это преступление. Алексей – вот настоящее чудовище.

Я вздрагиваю, просыпаясь, и мне хочется плакать от усталости. День только начался, но я не могу сказать, когда закончился предыдущий. Всю ночь я тонул в канализации и наблюдал за пляской красных точек по стене.

На кухне Джулиана приветствует меня ободряющей улыбкой:

– Как вы себя чувствуете?

Пять секунд моей жизни уходят на осмысление этого вопроса, и я решаю промолчать. Вместо ответа с благодарностью беру у нее из рук чашку кофе.

– Где девочки?

– Джо отвозит Чарли в школу. А Эмму взял прокатиться.

Ее светло-голубые глаза смотрят на меня спокойно, но все же почти укоризненно – так смотрит человек, нашедший разгадку счастья: семью. В алой юбке и светлом джемпере она выглядит прекрасно, впрочем, как всегда. Я представляю, как она босиком идет по пляжу в какой-нибудь жаркой стране, поддерживая ребенка на стройном бедре. Профессору очень повезло.

Открывается входная дверь, и появляется Джо с Эммой на руках, помахивая утренней почтой. Джулиана берет малышку, целует ее в

носик, приглаживает кудряшки.

Джо разворачивает на столе газету.

– Здесь небольшая статья – пара абзацев о том, что в Темзе нашли тело.

– Еще слишком рано. Они только сегодня проведут вскрытие.

– Что вы собираетесь делать?

– Я должен убедить их продолжить расследование дела о стрельбе на лодке. Поедете со мной? Надо, чтобы меня кто-нибудь поддержал.

– Не думаю, что они меня послушают.

– Нам придется попробовать.

По пути в Нью-Скотленд-Ярд у меня начинают трястись руки. Возможно, Джо догадывается, что я испытываю: головная боль, судороги, постоянное бурчание в кишечнике. Но если он и узнает симптомы ломки, то, во всяком случае, не говорит ни слова.

Прибыв на место, мы вынуждены ждать, как любые рядовые граждане. Мой запрос о встрече с комиссаром передается через Департамент полицейских расследований, через различные бюрократические инстанции только для того, чтобы быть отвергнутым. Я прошу встречи с помощником комиссара. Запрос снова уходит наверх и проходит по тому же кругу, словно это никому не нужная мелочь. Наконец меня направляют к Кэмпбеллу Смиту.

Мы пересекаем город и проводим еще час в приемной полицейского участка Харроу-роуд. Джо убивает время, изучая фотографии на стенде «Разыскиваются», словно находится в Национальной портретной галерее. Дежурные, секретари и служащие нас игнорируют. А ведь месяц назад я был начальником в этом заведении. Я отдал ему свою жизнь.

Кэмпбелл все-таки соглашается нас принять. Джо хромает рядом со мной по блестящему полу, наши шаги гулко звучат, рождая эхо в замкнутом пространстве коридора, в дальнем конце которого расположился отдел происшествий, где за компьютерами сидят операторы в штатском. Щелканье клавиш похоже на стук капель дождя по пластмассе. Некоторые операторы разговаривают с сотрудниками, находящимися на месте происшествия, проверяя имена, адреса, автомобильные номера.

В отделе тяжких преступлений теперь новый начальник – инспектор Джон Мелдран. Заметив меня, он кричит:

– Эй, у нас тут раньше работал парень – вылитый ты. По-моему, он дал дуба.

– Но его еще не закопали! – ору я в ответ. – Поздравляю с повышением.

Я пытаюсь придать своему голосу искренность, но у меня плохо получается. Все, что я чувствую, – это прилив какой-то детской злости и зависти. Мелдран сидит в моем кабинете. Его куртка висит на спинке моего стула.

Кэмпбелл опять заставляет нас ждать, на этот раз под дверью своего кабинета. Джо не понимает этой политики. А это и не политика – это месть.

Наконец нас вызывают. Я пропускаю профессора вперед. Кэмпбелл жмет ему руку и улыбается официальной улыбкой. Потом мгновение изучает меня и указывает на стул. Мелдран отодвигает свой стул на несколько дюймов, как бы выводя себя за пределы нашего кружка. Он должен только наблюдать и запоминать.

Мне следовало бы сейчас обращаться к оперативной группе. Меня должны были слушать следователи: мужчины в серых костюмах с галстуками, подаренными на День отца, и женщины с благоразумными прическами и минимальным макияжем. Вместо этого мне приходится излагать свое дело главному суперинтенданту, который думает, что я предал своих коллег и избавил убийцу от наказания.

Рисуя на доске, я объясняю, что случилось на реке. Сверху пишу четыре имени: Рэй Мерфи, Кирстен Фицрой, Джерри Брандт и Алексей Кузнец. Рэй Мерфи мертв. Кирстен и Джерри пропали.

Вытаскиваю коричневый конверт и показываю письма с требованием выкупа и результаты анализов ДНК, а потом рассказываю о передаче выкупа и путешествии по канализации.

– Я знаю, это кажется невероятным, но я был там. Я прошел по следу до конца. Рэй Мерфи был комендантом Долфин-мэншн, когда Микки пропала. Я видел, как его застрелили на «Шармэйн». Экспертиза крови и пуль это подтвердит.

– Кто его убил?

– Снайпер.

Мелдран придвигается ближе.

– Тот самый снайпер, который пытался убить тебя?

– Я просто попался под руку.

Кэмпбелл до сих пор не проронил ни слова, но я знаю, что он с трудом сохраняет самообладание.

– Кирстен Фицрой жила в Долфин-мэншн, когда Микки пропала. Она была лучшей подругой Рэйчел Карлайл. Я видел, как ее ранили на «Шармэйн». Она была ранена в живот и упала за борт. Не знаю, выжила она или нет.

– Ее квартира была ограблена, – говорит Мелдран.

– Не ограблена. Это был обыск. Я думаю, Алексей Кузнец ищет Кирстен. Он хочет наказать людей, потребовавших выкуп. Я думаю, это те же люди, что похитили его дочь три года назад.

Кэмпбелл тихо огрызается:

– Говард Уэйвелл убил Микки Карлайл.

– Даже если вы в это верите, следует признать, что кто-то другой должен был послать требование о выкупе. Они предъявили волосы Микки и ее купальник.

– Но это не доказывает, что она жива.

– Нет. Но Рэй Мерфи мертв, а Кирстен в опасности. Алексей Кузнец никогда никому не позволил бы украсть у него два миллиона. Он устроил расправу на лодке. А теперь он ищет Кирстен и Джерри Брандта – чтобы закончить работу.

Я решил не упоминать о сэре Дугласе Карлайле. Кэмпбелл и так на пределе. Мой единственный шанс заставить его возобновить расследование – оставить его в убеждении, что требование выкупа – фальшивка. Я пока не могу доказать обратного.

– А какое отношение имеет к этому Джерри Брандт?

– Он был на «Шармэйн». Я видел, как он упал за борт.

Я жду. Не знаю, достаточно ли этих фактов для Кэмпбелла.

Но он уже напялил на себя маску хозяина положения.

– Итак, могу я высказаться прямо? Ты поведал нам о похищении, убийстве из мести и требовании выкупа. А я еще добавлю до кучи: пренебрежение служебными обязанностями, причинение ущерба здоровью напарницы, сокрытие информации и неподчинение приказам...

Меня охватывает тревога. Он не понимает. Он ничего не видит, кроме скандала вокруг Говарда Уэйвелла.

– Мы должны найти Кирстен раньше, чем это сделает Алексей. Если она выжила, то ей потребуется медицинская помощь. Надо

обыскать местные больницы и попросить врачей просмотреть записи. Надо проверить ее банковский счет, счета за телефон, выяснить, не покупала ли она билеты. Нам надо знать о ее последних передвижениях, возможных знакомствах и местах, где она могла укрыться.

Кэмпбелл смотрит на меня испепеляющим взглядом.

– Ты слишком часто говоришь «нам». По-видимому, ты не понимаешь, что больше не являешься сотрудником полиции.

От злости у меня темнеет в глазах. Джо пытается смягчить ситуацию:

– Мне кажется, джентльмены, что все мы ищем истину. Инспектор Мелдран расследует стрельбу на реке. Инспектор Руиз – свидетель. Он предлагает дать показания. Он не будет вмешиваться в расследование.

Мелдран кивает. Он удовлетворен. Кэмпбелл тычет в меня пальцем:

– Я хочу, чтобы ты кое-что знал, Руиз. Мне и так известна истина.

– Не сомневаюсь в этом, – говорю я.

Кэмпбелл торжествующе улыбается.

– Ты прав относительно Алексея Кузнеця. Он не тот человек, который позволит украсть у себя два миллиона. Он утверждает, что бриллианты украл ты, и подал соответствующее официальное заявление. Мы добиваемся ордера на твой арест. На твоём месте я бы поискал адвоката.

Я почти бегу, задыхаясь от ярости. Джо старается не отставать, следуя за мной по коридору и проталкиваясь в стеклянные двери.

На тротуаре, словно холодный ветер, меня настигает голос:

– Это вы его застрелили?

Тони Мерфи задает вопрос всем своим телом.

– Вы когда-нибудь видели такое тело... по кусочкам? Мне пришлось пойти в морг на опознание. Он распух и побелел, как растопленная свечка. Полицейские говорят, что его застрелили. У них есть свидетель. Это вы?

– Да.

Он кусает губы.

– И вы его застрелили?

– Нет.

– А вы знаете, кто это сделал?

– Я не знаю, кто нажимал на курок, но видел, как твой отец упал.

Я не мог ему помочь.

Он судорожно глотает.

– Теперь я должен заботиться о маме и Стиви. Паб – вот все, что у нас осталось.

– Сожалею.

Он хотел бы что-то сделать, но может лишь стоять на месте. Он пленник собственного несчастья.

– Иди домой, Тони. Я все улажу.

Джо ждет, когда я что-нибудь скажу. Его темно-карие глаза смотрят на меня со смутной грустью и уверенностью, что он не может мне помочь. Я же продолжаю думать о том, какие меры следовало принять. Кэмпбелл обязан был собрать оперативную группу. Два десятка следователей уже должны были бы искать Кирстен и Джерри Брандта. Необходимо было установить наблюдение за Алексеем и обыскать его лодку.

Я хочу, чтобы всего один час – *этот* час – я точно знал, что мне делать. Хочу, чтобы каждое мое решение было верным.

Мы едем по Юстон-роуд мимо Риджентс-парка.

– Так что же вы собираетесь делать? – спрашивает Джо.

– Найти их.

– Вы не справитесь с этим в одиночку.

– У меня нет выбора.

По лицу Джо понятно, что у него родился план.

– А что если мы найдем добровольцев? Мы могли бы позвонить друзьям и родственникам. Сколько вам нужно человек?

– Не знаю. Надо связаться с больницами, клиниками и частными хирургами. Кто-то должен был лечить Кирстен.

– Можно воспользоваться моим офисом, – говорит Джо. – Он не слишком велик, но там есть приемная, картотека и кухня. Шесть телефонных линий и факс. Можно подключить дополнительные телефоны. Я попрошу мою секретаршу Филиппу начать обзванивать людей.

Мы останавливаемся около его офиса.

– Куда направляетесь сейчас?

После недолгих колебаний я принимаю решение:

– Так или иначе, я собираюсь повидать Рэйчел Карлайл.

Сегодня тенниса не будет. Корт покрыт лужами, крупные капли висят на сетке, как стеклянные бусины. Вот и осень – дожди становятся все холоднее.

Остановившись напротив дома Карлайлов, я наблюдаю за подъездом и слушаю радио. Говорят о Рэе Мерфи, но о Кирстен Фицрой не упоминают. Кэмпбелл этого не допустит.

После примерно часового ожидания я вижу, как темный «мерседес» выплывает из ворот и поворачивает налево. Сэр Дуглас и Тотти уезжают.

Я выжидаю несколько минут и подхожу к дому. Мокрые кучи листьев собраны вдоль дорожки и заперты в пределах изгороди. Фонтан тоже забит листьями, и вода бьет в сторону, затопляя тропинки.

Миновав парадный вход, я огибаю здание и поднимаюсь по каменным ступенькам справа от дома. Стучу четыре раза, и наконец дверь открывается. За ней стоит Томас.

– Мне надо поговорить с Рэйчел.

– Мисс Рэйчел нет дома, сэр.

Он лжет.

– Вам не обязательно ее оберегать. Я не хочу создавать никаких проблем. Если она не захочет со мной разговаривать, я уйду.

Он смотрит мимо меня в сад.

– Не думаю, что сэр Дуглас это одобрит.

– Просто спросите у нее.

Он обдумывает предложение и соглашается, оставив меня дожидаться на ступеньках. Где-то тлеет огонь, окрашивая воздух в цвет грязноватой воды.

Томас снова появляется.

– Мисс Карлайл примет вас в кухне.

Он ведет меня по коридорам, увешанным картинами с изображениями охотничьих собак, лошадей и фазанов. Рамы такие темные, что сливаются со стенами, и животные кажутся объемными, залитыми желе. Вдоль лестницы висят английские пейзажи: поля и реки.

Сначала я даже не понимаю, что Рэйчел уже на кухне. Она похожа на фотографию – неподвижная, высокая, с темными волосами.

– Ваш отец сказал, что мне нельзя с вами встречаться, – говорю я.

– Меня он не спрашивал.

На ней джинсы и рубашка из жатого шелка. Ее грубоватые черты смягчает стрижка, которая теперь короче, чем я помню: волосы едва

доходят до плеч.

– Я слышала, вы не помните того, что случилось той ночью.

– Да, какое-то время не помнил.

Она покусывает нижнюю губу и прикидывает, можно ли мне доверять.

– Но вы не забыли меня.

– Нет. Я не знал, что с вами случилось. Обнаружил это только несколько дней назад.

В ее глазах появляется нетерпение:

– Вы видели Микки? Она там была?

– Нет, к сожалению.

Она поджигает губы и отворачивается.

– Потерять память, все забыть – наверное, это здорово. Все ужасные события в твоей жизни, чувство вины, раскаяние – все уходит, утекает. Иногда я хотела бы... – Она не заканчивает фразы. Наклоняется над раковиной, набирает стакан воды из-под крана и выливает ее в горшок с африканскими фиалками, стоящий на подоконнике. – Вы меня никогда не спрашивали, почему я вышла за Алексея.

– Это не мое дело.

– Я познакомилась со своим бывшим мужем на благотворительном обеде в пользу сирот из Боснии. Он выписал очень крупный чек. В те дни он часто выписывал чеки на значительные суммы. Когда я водила его на лекции или фильмы об уничтожении лесов, жестоком обращении с животными или нищете, он всегда вытаскивал чековую книжку.

– Он покупал ваше внимание.

– Я думала, что он разделяет мои убеждения.

– Вашим родителям он не нравился.

– Они были в ужасе. Алексей был человеком не нашего круга: кто угодно, только не русский эмигрант с преступником-отцом.

– Вы его любили?

Она обдумывает вопрос.

– Да. Думаю, да.

– И что случилось?

Она пожимает плечами:

– Мы поженились. Первые три года жили в Голландии. Микки родилась в Амстердаме: Алексей организовывал там свое дело. – Рэйчел начинает говорить тише, предавшись воспоминаниям. – Что бы там ни говорил мой отец, я не глупа. Я видела, что происходит вокруг нас. В основном, конечно, слухи да косые взгляды в ресторанах. Когда я расспрашивала Алексея, он говорил, что ему просто завидуют. Но я знала, что он занимается чем-то незаконным, и все продолжала интересоваться его делами, пока, наконец, он не рассердился и не сказал мне, что жена не должна задавать мужу вопросов. Она должна слушаться. А потом однажды ко мне домой пришла жена голландского цветочника. Не знаю, откуда она узнала адрес. Она показала мне фотографию своего мужа. Его лицо, изуродованное кислотой, было похоже на пятно растопленного воска. «Скажите, зачем женщине оставаться с таким человеком?» – спросила она меня. Я покачала головой. Тогда она сама ответила: «Потому что это лучше, чем жить с человеком, который способен на такое». И с тех пор я начала собирать сведения. Подслушивала разговоры, читала электронную почту и сохраняла копии писем. Я много узнала...

– Достаточно, чтобы вас убить.

– Достаточно, чтобы себя обезопасить, – поправляет она. – Я узнала, как Алексей ведет свои дела. Это очень простой и жестокий способ. Сначала он предлагает купить магазин. Если не удастся договориться о цене, он его сжигает. Если люди восстанавливают магазин, он сжигает их дома. А если они и тогда не соглашаются, он сжигает дома их родственников и школы их детей.

– Что делал Алексей, когда вы от него ушли?

– Сначала умолял меня вернуться. Потом попытался подкупить меня, делая разные широкие жесты. И наконец, решил меня запугать.

– Вы не вернулись к семье?

Она убирает волосы за уши и качает головой:

– Я убегаю от родственников всю свою жизнь.

Мы сидим в тишине. Теплый воздух, поднимающийся от железной печки, слегка колеблет ее челку.

– Когда вы в последний раз видели Кирстен Фицрой?

– Около двух месяцев назад; она сказала, что собирается за границу.

– А не сказала куда?

– В США или Южную Америку; у нее были какие-то брошюры. Возможно, это была Аргентина. Она обещала присылать мне открытки, но я ничего не получала. А что случилось? У нее какие-то неприятности?

– Вы познакомились в Долфин-мэншн?

– Да.

– А Кирстен встречалась с вашим отцом?

– Нет, не думаю.

– Вы уверены?

– Пожалуйста, скажите мне, что она натворила?

– Он оплачивал ее проживание в Долфин-мэншн. А потом помог ей купить квартиру в Ноттинг-хилл.

Рэйчел никак не реагирует на эти слова. Я не могу определить, удивило ее мое сообщение или же она сама подозревала о чем-то подобном.

– Кирстен за вами следила. Сэр Дуглас хотел получить опеку над Микки. Его адвокаты уже готовили заявление. Они собирались доказать, что вы не в состоянии заботиться о ребенке, потому что пьете. Но заявление было отозвано, когда вы вступили в Общество анонимных алкоголиков.

– Я не могу в это поверить, – шепчет она.

Но есть еще факты. Я не знаю, стоит ли ей обо всем рассказывать.

– В ту ночь, когда мы передавали выкуп, я попал вместе с бриллиантами в канализацию. Меня унесло в Темзу. Кирстен спасла мне жизнь.

– А что она там делала?

– Вместе с Рэем Мерфи дожидалась бриллиантов. Они организовали все это дело: требование выкупа, пряди волос, купальник. Кирстен многое знала о вас с Микки. Она даже сосчитала деньги в ее копилке. Она точно знала, на какие кнопки следует нажать.

Рэйчел трясет головой:

– Но купальник... он же принадлежал Микки.

– Вот именно с нее-то его и сняли.

Внезапно до нее доходит смысл того, что я говорю. Мне кажется, я чувствую, как тревога распространяется по ее телу.

В это время где-то в доме открывается дверь, и атмосфера резко меняется. Через главный холл мчится сэр Дуглас, крича Томасу, чтобы

тот вызывал полицию. Видимо, дворецкий позвонил ему сразу после моего прихода.

Через мгновение Дуглас Карлайл появляется в дверях кухни с ружьем в руках. Его лицо горит ярким гневом праведника.

– Оставайтесь на месте! Не двигайтесь. Вы арестованы.

– Успокойтесь.

– Вы вторглись в мою частную собственность.

– Опустите ружье, папа, – просит Рэйчел.

Он тычет стволом в мою сторону.

– Держись от него подальше.

– Пожалуйста, опустите ружье.

Рэйчел смотрит на отца, как на сумасшедшего и делает шаг в его сторону. Это на мгновение отвлекает сэра Дугласа, и он не видит, как я преодолеваю разделяющее нас расстояние. Схватив ружье за ствол, я тяну пожилого джентльмена на себя, выворачиваю ему руки и укладываю на пол ударом под ребро. Потом виновато смотрю на Рэйчел. Я не хотел его бить.

Сэр Дуглас судорожно и глубоко дышит. Пытается заговорить, но это ему не сразу удается. Наконец он требует, чтобы я ушел. Я и так уже ухожу. За мной по пятам следует Рэйчел, умоляя, чтобы я объяснил ей все до конца.

– Зачем они это сделали? Зачем похитили Микки?

Я поворачиваюсь и грустно смотрю на нее:

– Не знаю. Спросите у своего отца.

Я не хочу вселять в нее ложные надежды. Я даже не уверен, что в моих словах есть смысл. В последнее время я слишком часто ошибался.

Покинув дом, я спускаюсь по ступенькам и иду по дорожке. Рэйчел смотрит мне вслед, стоя на крыльце.

– А как же Микки? – кричит она.

– Я не думаю, что Говард ее убил.

В первый момент она не понимает. Мне даже кажется, что она уже потеряла надежду, смирилась с потерей. Но тут она кидается ко мне. Я дал ей возможность выбрать между ненавистью, прощением и верой. Она хочет верить.

– Куда мы едем? – спрашивает Рэйчел.

– Увидите. Это недалеко.

Мы останавливаемся у коттеджа в Хэмпстеде. Ворота увиты декоративным плющом, аккуратно подстриженные розовые кусты тянутся вдоль дорожки. Быстро пробежав по ней под мелким дождем, мы прячемся под навес над крыльцом и ждем, когда откроют дверь.

Эсмеральда Бёрд, внушительная женщина, упакованная в юбку и кардиган, оставляет нас в гостиной и отправляется звать мужа. Мы пристраиваемся на краю дивана и оглядываем комнату, заполненную вязаными декоративными наволочками, кружевными салфеточками и фотографиями упитанных внуков. Вот так выглядели гостиные, пока люди не стали закупать в Скандинавии склады, набитые лакированной сосной.

Я познакомился с четой Бёрд три года назад, в ходе первого расследования. Они пенсионеры, из тех людей, что сокращают гласные, обращаясь к полицейским, и голос которых изменяется, когда они говорят по телефону.

Миссис Бёрд возвращается. Она изменила прическу, по-другому уложив волосы. И еще сменила кардиган и вставила в уши жемчужные сережки.

– Я сейчас заварю чай.

– Спасибо, не стоит беспокоиться.

Она как будто не слышит.

– И у меня есть пирог.

В поле зрения появляется Брайан Бёрд, медлительный монстр с совершенно лысой головой и сморщенным лицом, напоминающим мятый целлофан. Он подается вперед, опираясь на костыль, и тратит, кажется, целый час на то, чтобы усесться в кресло.

В полном молчании чай заваривается, разливается, помешивается и сластится. Передаются куски фруктового пирога.

– Вы помните, когда я приходил к вам в последний раз?

– Да. Это было связано с пропавшей девочкой – той, которую мы видели на платформе.

Рэйчел переводит взгляд с миссис Бёрд на меня и снова растерянно смотрит на пожилую даму.

– Именно. Вы тогда решили, что видели Микаэлу Карлайл. Это ее мама, Рэйчел.

Пара грустно улыбается ей.

– Я хочу, чтобы вы рассказали миссис Карлайл, что видели тем вечером.

– Да, конечно, – говорит миссис Бёрд. – Но я думаю, что, скорее всего, мы ошиблись. Тот ужасный человек отправился в тюрьму. Не могу вспомнить его имя. – Она смотрит на мужа, который отвечает ей пустым взглядом.

Рэйчел обретает голос:

– Расскажите мне, что вы видели.

– На платформе, да... погодите-ка. Это было... вечером в среду. Мы ходили на «Отверженных»^[100] в театр «Куинс». Я сотню раз ходила на «Отверженных». Брайан некоторые спектакли пропустил, потому что ему делали операцию на сердце. Так ведь, Брайан?

Брайан кивает.

– Почему вы думаете, что это была Микки? – спрашиваю я.

– Тогда ее фотография была во всех газетах. Мы как раз спускались по эскалатору. А она слонялась внизу.

– Слонялась?

– Да. Она выглядела немного потерянной.

– Что на ней было надето?

– Дайте-ка подумать. Уже так много времени прошло, дорогие мои. Что я вам тогда сказала?

– Брюки и куртка, – подсказываю я.

– Ах да, хотя Брайан решил, что на ней были спортивные штаны, – знаете, те, что застегиваются внизу на молнию. И на ней точно был капюшон.

– И он был поднят?

– Да.

– Значит, вы не видели ее волос: они были длинными или короткими?

– Только челку.

– И какого она была цвета?

– Темно-русая.

– Как близко вы к ней подошли?

– Брайан не мог быстро идти из-за больных ног. Я его опередила. Мы были футах в десяти. Сначала я ее не узнала. Я только заметила, что она выглядит потерянной, но не успела сложить два и два. Я ей сказала: «Тебе помочь, милая? Ты потерялась?», но она убежала.

– Куда?

– По платформе. – Она указывает куда-то мимо плеча Рэйчел и кивает. Потом подается вперед с чашкой в одной руке, нащупывает другой блюдце и соединяет их.

– Кажется, я тогда говорил с вами об очках, вы помните?

Она машинально прикасается к переносице:

– Да.

– На вас их не было.

– Нет. Хотя обычно я их не забываю.

– У девочки были проколоты уши?

– Не помню. Она убежала слишком быстро.

– Но вы сказали, что у нее была щербинка в зубах и веснушки. И что-то было в руках. Это могло быть пляжное полотенце?

– О боже, не знаю. Я стояла недостаточно близко. На платформе были другие люди. Наверняка они ее видели.

– Мы их искали. Но никто не пришел.

– О господи! – почти стонет Рэйчел, и ее чашка стучит о блюдце – так сильно у бедняжки трясутся руки.

– У вас есть внуки, миссис Бёрд?

– О да, конечно. Шестеро.

– Сколько им лет?

– От восьми до восемнадцати.

– А девочка, которую вы видели на платформе, – ей было на вид столько же лет, сколько сейчас вашему младшему внуку?

– Да.

– Она была напуганной?

– Потерянной. Она была потерянной.

Рэйчел смотрит с почти безумной сосредоточенностью.

– К сожалению, больше я ничего не помню. Слишком много времени прошло. – Миссис Бёрд смотрит на свои руки. – Кажется, это действительно она, но когда полиция арестовала того человека... ну...

я подумала, что мы ошиблись. Когда стареешь, глаза часто подводят. Я вам очень сочувствую. Еще чашку чаю?

Вернувшись в машину, Рэйчел засыпает меня вопросами, на большинство которых я не в состоянии ответить. За несколько недель, последовавших за исчезновением Микки, поступило множество заявлений о том, что ее видели. В отсутствие других свидетелей и с учетом того, что на миссис Бёрд не было очков, я не мог положиться на ее слова.

– Но на станции должны были стоять камеры, – говорит Рэйчел.

– Пленки бесполезны. Мы даже не могли определить, ребенок ли это.

Рэйчел упирается:

– Я хочу взглянуть на запись.

– Хорошо. Мы едем как раз туда.

Штаб-квартира лондонского метрополитена находится на Бродвее, в квартале от Нью-Скотленд-Ярда. Начальник участка транспортной полиции главный суперинтендант Пол Маги – мой старый друг. Я знаю его тридцать лет. Когда-то по ночам ему не спалось из-за ИРА. Теперь из-за других террористов.

У него худое, гладко выбритое лицо. Он выглядит очень молодо, несмотря на седые волосы, которые становятся все белее с каждым разом, когда я его вижу. Скоро он сойдет за блондина.

– Паршиво выглядишь, Винс.

– Мне все это говорят.

– Я слышал, ты разводишься. Что случилось?

– Я забыл насыпать ей сахар в чай.

Он смеется. Со своей будущей женой Пол вместе ходил в начальную школу. Ширли – настоящая хранительница семейного очага и думает, что я дурно влияю на ее мужа, но все равно попросила меня быть крестным их старшего сына.

Мы сидим в кабинете, из окон которого Пол каждое утро наблюдает, как новый караул из казарм Веллингтона марширует по Бердкейдж-уок к Бэкингемскому дворцу. Рэйчел держится незаметно, ожидая, когда я ее представлю. Ее имя ничего не говорит Полу. Я сообщаю, что нам нужно просмотреть запись с камер слежения трехлетней давности.

- Мы не храним их так долго.
- Эту ты сохранил. Я тебя попросил.

Тут он вспоминает и снова смотрит на Рэйчел. Не говоря больше ни слова, он выходит из кабинета и ведет нас по коридору, набирая у дверей секретные коды, увлекая нас вглубь здания.

И вот мы сидим в маленькой комнатке и ждем, когда перемотается пленка. Рэйчел смотрит в одну точку и, кажется, почти не дышит. Зернистые черно-белые образы появляются на экране. Внизу у эскалатора на станции «Лестер-сквер» маячит маленькая фигурка. Если допустить, что это девочка, то на ней синий тренировочный костюм, а в руках она сжимает какой-то предмет. Это может быть пляжное полотенце. Это может быть все, что угодно.

На станции было двенадцать камер над платформами и эскалаторами. Но они были установлены под такими углами, что лица на пленке рассмотреть невозможно. Никакая любовь к компьютерам не заставит человека специально смотреть в объектив.

Пол Маги оставил нас одних. Я перематываю пленку и снова запускаю ее. Наклонившись поближе к экрану, мы видим, как девочка спускается по эскалатору, и почти вслух просим ее поднять голову. Внизу она останавливается, словно не понимает, куда ей теперь идти. В кадре появляется миссис Бёрд, через несколько минут – мистер Бёрд, который переставляет костыли, ковыляя за женой. Видно, как миссис Бёрд говорит что-то девочке, которая поворачивается и убегает, исчезая под аркой платформы южного направления.

В правом нижнем углу экрана указаны дата и время: 25 июля, 22:14. Среда, вечер.

Еще одна камера на платформе тоже зафиксировала девочку, но с гораздо большего расстояния. Кажется девочка одна. Полная темноволосая женщина в форме медсестры проходит мимо нее.

- Что вы думаете? – спрашиваю я Рэйчел.

Она не отвечает. Я поворачиваюсь к ней и вижу в ее глазах слезы. Она моргает, и капли падают вниз.

- Вы уверены?

Она кивает, все еще не говоря ни слова.

- Но ей может быть и семь лет, и семнадцать. Вы даже ее лица не видите.

– Это она. Я знаю свою дочь. Знаю, как она ходит, как держит голову.

В девяти случаях из десяти я счел бы это всего лишь отчаянным желанием матери верить, что ее дочь жива. Потому-то я и не показал эту пленку Рэйчел три года назад. Был риск направить следствие по ложному пути, занять десятки полицейских бесплодными поисками и отвлечь внимание общественности от главной проблемы.

Теперь же я верю Рэйчел. Я знаю, что в мире нет такого судьи или присяжного, который не усомнился бы в том, что именно Микки запечатлена на пленке, но это не важно. Человек, который знает ее лучше всех, уверен, что это она. В среду двадцать пятого июля – через два дня после своего исчезновения – Микки была жива.

Единственный человек в приемной Джо – мужчина средних лет, в дешевом костюме, при каждом движении собирающемся в складки у него на плечах. Мужчина ковыряет спичкой в зубах, наблюдая, как я сажусь.

– Секретарша пошла за кофе, – говорит он. – А у профессора пациент.

Я киваю и понимаю, что за мной внимательно следят. Наконец он спрашивает:

– Мы знакомы?

– Не думаю. А вы полицейский?

– Да. Сержант Роджер Кейси. Меня зовут Проньрой. – Он перебирается поближе и протягивает руку, не упуская из виду Рэйчел.

– Где работаете, Роджер?

– Работал в Холборне^[101].

Он садится еще ближе, охваченный чувством товарищества. Я мог бы знать его в лицо, но за последние десять лет многие люди его возраста оставили службу.

– Знаете анекдот? – спрашивает он. – Сколько полицейских нужно, чтобы сбросить человека с лестницы?

– Не знаю. Сколько?

– Ни одного. Он упадет сам.

Роджер смеется, а я отвечаю ему вымученной улыбкой. Он поднимает бровь и затихает.

Возвращается секретарша профессора, держа в руках стаканчик с кофе и коричневый бумажный пакет, заляпанный тестом. Она похожа на старшеклассницу и пристально смотрит на нас сквозь очки в тонкой оправе, как будто ей должны были сообщить о нашем посещении.

– Я инспектор Руиз. Скажите, пожалуйста, профессору, что мы здесь.

Она вздыхает:

– Вставайте в очередь.

В этот момент открывается внутренняя дверь, выходит молодая женщина с покрасневшими глазами. За ней идет Джо.

– Значит, увидимся на следующей неделе, Кристина. И помните, нет ничего плохого в том, чтобы носить кальсоны. Они не делают вас менее женственной.

Она кивает, не поднимая глаз. Все остальные в комнате тоже смотрят в пол, за исключением Роджера, который начинает хихикать. Бедняжка пулей вылетает в коридор.

Профессор гневно смотрит на Роджера, но его взгляд смягчается, когда он видит нас с Рэйчел.

– Заходите оба.

– Сержант пришел сюда первым, – замечаю я.

Джо обреченно вздыхает и качает головой.

– О господи! А ведь вы были таким молодцом, Роджер. – Он поворачивается к секретарше. – Для справки, Филиппа, инспектор Руиз – *настоящий* инспектор. Не все приходящие сюда и утверждающие, что они работают в полиции, сочиняют.

Щеки Филиппы розовеют, и теперь уже Рэйчел начинает хихикать. Я чувствую, что краснею.

– Простите Роджера, – говорит Джо, когда мы заходим в его кабинет. – Он выдает себя за полицейского и вымогает у проституток бесплатный секс.

– У него получается?

– По всей видимости.

– Так он мошенник!

Джо смущенно смотрит на меня:

– Но он входит в нашу команду.

Многообещающее начало!

Джо все утро звонил разным людям и просил их о помощи. На данный момент у нас тринадцать добровольцев, если считать двух моих бывших партнеров по регби и одного хорька по кличке Дикко, у которого прекрасный нюх на неприятности. К сожалению, он не чувствует настоящих запахов и из-за этого пренебрегает требованиями гигиены.

В течение следующего часа собирается вся «команда». Джо удалось привлечь своего зятя Эрика и младшую сестру Ребекку, которая работает в ООН. Джулиана приедет после того, как заберет Чарли из школы. Есть и несколько пациентов, включая Маргарет, которая сжимает свое неизменное спасательное плавающее средство в форме

торпеды, и еще одну женщину, Джин, которая постоянно протирает телефонные трубки влажными салфетками.

Маргарет подходит ко мне.

– Я слышала, вы чуть не утонули. Не стоит доверять этим мостам. – Она с уверенностью похлопывает по своей оранжевой торпеде.

Когда подтягиваются опоздавшие, я собираю их всех в приемной. Это самое причудливое собрание следователей, которым я когда-либо командовал.

Приколов на стенд две фотографии, я откашливаюсь и представляюсь – не полицейским инспектором, а рядовым гражданином.

– Люди, изображенные на этих фотографиях, пропали. Их зовут Кирстен Фицрой и Джерри Брандт. Мы надеемся их найти.

– Что они сделали? – спрашивает Маргарет.

– Я полагаю, что они похитили маленькую девочку.

По комнате разносится шепоток.

– Нам нужно обнаружить, что их связывает: когда они познакомились, где встречались, что у них общего, но самое важное сейчас – установить их местонахождение. Каждый из вас получит задание. Мы не просим вас делать ничего незаконного, но это расследование и информация о нем должна храниться в тайне.

– А почему просто не обратиться в полицию? – спрашивает Эрик, усевшийся на краешек стола.

– Полиция ищет недостаточно старательно.

– Но ведь вы сами полицейский.

– Больше нет.

Я продолжаю свой рассказ и сообщаю, что в последний раз Кирстен видели на борту «Шармэйн»: она упала за борт.

– Она была ранена в живот. Возможно, не выжила в реке, но мы пока будем исходить из того, что она жива. Джерри Брандт – известный наркоторговец, сутенер и грабитель. Никто не должен к нему приближаться.

Я смотрю на Дикко. Кожа вокруг его рта собирается складками, но он не издает ни звука. Прямо обращаясь к нему, говорю:

– Я хочу, чтобы ты побеседовал с людьми, которые его знают: поставщики, перевозчики, друзья... Раньше он болтался в пабе на Пентонвилл-роуд. Проверь, не помнит ли его кто.

Несколько секунд он скрипит зубами, потом говорит:

– Мне могут понадобиться деньжата.

– Если узнаю, что ты пьешь, сделаю дыру у тебя в башке.

Брови женщин удивленно взлетают вверх.

– Может, мне пойти с ним? – предлагает Роджер.

– Отлично. Помните, что я сказал. Ни при каких обстоятельствах не приближаться к Джерри.

Роджер шутливо отдает мне честь.

– Филиппа, Маргарет и Джин, я хочу, чтобы вы обзвонили больницы, клиники и приемные хирургов. Сочините какую-нибудь историю. Скажите, что вы разыскиваете пропавшую подругу. Рэйчел и профессор свяжутся с родственниками Кирстен и ее бывшими нанимателями. Она выросла на Западе.

– А что будете делать вы?

– У Джерри Брандта была подружка, тощая девица с кровоточащими деснами и осветленными прядями. Я надеюсь, что она знает, где он прячется.

Хеллс-Хаф-майл – улица за вокзалом Кингс-кросс, где транспорт еле ползет, а проститутки собираются вокруг самодельных обогревателей, ища тепло. Некоторым из них едва исполнилось шестнадцать, но этого никогда не скажешь. Даже если не считать шрамов и синяков, год работы на улице добавляет их лицам лет пять.

Теперь немногие проститутки работают на улице, потому что полиция загнала их в дома. В наши дни они числятся в эскорт-агентствах или массажных салонах или же переезжают с места на место вслед за политическими конференциями, торговыми выставками и фестивалями. Стань проституткой, и увидишь мир!

Двери в парадных открыты, лестницы ведут на верхние этажи к квартирам, украшенным табличками вроде «Фигуристая молодая модель». У большинства есть прислуга, женщина постарше, которая берет с посетителей деньги и небольшие чаевые.

Помимо этого, проститутки рекламируют свои услуги, разбрасывая карточки в телефонных будках, или уповают на святого

покровителя проституток – лондонского таксиста.

Я медленно прохожу по улице, пытаюсь узнать кого-нибудь из девиц. Девушка со стрижкой паж и в топе-лифчике подходит ко мне.

– Хочешь что-нибудь спросить?

– Да. О чем была сегодняшняя «Улица Сезам»^[102]?

Она краснеет.

– Отвали!

– Я ищу одну девушку. Ее зовут Тереза. Ростом около пяти футов шести дюймов. Блондинка. Родом из Хэррогейта^[103]. На плече татуировка в виде бабочки.

– А что есть у нее, чего нет у меня?

– Дурочка. Прекрати молоть ерунду. Ты ее видела?

– Не-а.

– Хорошо, предлагаю сделку. У меня есть пятьдесят фунтов. Пройдешь по улице, постучишь в двери и спросишь, не знает ли кто из девушек эту Терезу. Если принесешь мне правильный ответ, получишь деньги.

– Ты коп?

– Нет. – Я решаю для разнообразия сказать правду.

– Зачем она тебе?

– В лотерею выиграла. Тебе-то какое дело?

– Сделаю за сотню.

– Получишь пятьдесят. Это самые легкие деньги в твоей жизни.

– Не сопи. Некоторые парни кончают, просто посмотрев на меня.

– Конечно.

Я смотрю, как девица удаляется. Она еще даже не научилась ходить, как женщина. Или это профессиональная походка?

Фонари оживают, загораясь фиолетовым светом. Я занимаю столик в кофейне на углу – оживленном заведении, торгующем кофе на вынос и домашним супом. Столики обслуживают чешские девушки с ужасным акцентом и в обтягивающих топах. Я гожусь им в деды, но меня это не особенно смущает. Одна из них приносит мне кофе и непропеченную булочку.

Везде полно сутенеров и девушек, подсчитывающих прибыль – плату за грех. Некоторые из них с подозрением смотрят на меня, сидя прямо, как члены муниципалитета.

В реальной жизни сутенеры выглядят совсем не так, как в кино. Это не мачо, одетые в элегантные кожаные пальто и увешанные золотыми украшениями. Большинство из них – наркодилеры и парни этих проституток, готовые подставить и собственный зад, если найдется желающий заплатить за это.

Малютка со стрижкой паж возвращается. Смотрит на суп, дымящийся в котле. Я заказываю ей тарелку. Темнокожая девушка постарше нервно поглядывает в окно. На ней микроскопическая юбка и высокие сапоги. Волосы заплетены в косички, уходящие назад со лба и обнажающие полосы кожи на голове.

– Она говорит, что знает Терезу.

– Как ее зовут?

– Бриттани.

– Почему она не заходит?

– Боится, что за ней следит ее сутенер. Он не любит, когда она отлынивает от работы. Где мои деньги?

Она протягивает руку, чтобы выхватить их у меня. Я прижимаю ее руку к столу, переворачиваю и поднимаю рукав. У нее бледная чистая кожа.

– Не употребляю, – фырчит она.

– Молодец. Иди-ка домой.

– Домой? Видели бы вы, где я живу.

Бриттани разговаривает со мной на улице. У нее словно какой-то зуд – она ни секунды не может постоять на месте. Ее челюсть непрерывно двигается, пережевывая жвачку, и говорит девица со всхлипываниями:

– Что натворила Тереза?

– Ничего, я просто хочу с ней поговорить.

Бриттани оглядывает улицу, пытаясь решить, стоит ли мне верить. Наконец, она сдается перед собственным безразличием и двадцатифунтовой купюрой.

– Она живет в высотке возле Финсбери-парка. У нее теперь ребенок.

– Она еще работает?

– Только постоянные клиенты.

Спустя пятнадцать минут я поднимаюсь на четырнадцатый этаж по лестнице, поскольку лифт не работает. На площадках смешиваются

запахи разных кухонь, шумы телевизоров и домашних споров.

Видимо, Тереза кого-то ждет, потому что широко распахивает дверь. На ней только заячьи уши.

– Черт! Кто вы такой?

– Серый волк.

Она смотрит мимо меня на площадку, потом снова на меня. Наконец, до нее доходит.

– О нет!

Тереза отступает от двери и накидывает на плечи халат, а я прохожу за ней в квартиру. По полу гостиной раскиданы детские игрушки, тихо бормочет телевизор. Дверь спальни закрыта.

– Ты меня помнишь?

– Да. – Она отбрасывает волосы за плечи и зажигает сигарету.

– Я ищу Джерри Брандта.

– Вы его искали три года назад.

– Я очень терпелив.

Она бросает взгляд на настенные часы в форме ананаса.

– Слушайте, ко мне должны прийти. Это мой лучший клиент.

Если он вас здесь застанет, то больше не вернется.

– Он женат?

– Как и все лучшие клиенты.

Я отталкиваю детский манеж и сажусь на диван-кровать.

– Так что насчет Джерри.

– Я его не видела.

– Может, он прячется в спальне.

– Пожалуйста, не будите ребенка.

Она весьма милостива, если не считать искривленного носа и синяков под глазами.

– Джерри сбежал от меня три года назад. Я думала, что он умер, как вдруг он снова объявился этим летом, весь из себя загорелый, и давай заливать о том, что у него бар в Таиланде.

– Бар?

– Да. У него были паспорт и права на другое имя. Я решила, что он их стянул.

– А ты помнишь имя?

– Питер Брэнниган.

– Почему он вернулся?

– Без понятия. Сказал, что скоро получит большие деньги.

– Когда ты его видела в последний раз?

– Три дня назад – вечером в понедельник. – Потушив сигарету, она тут же закуривает следующую. – Он ворвался ко мне, весь в поту, орал. И был страшно напуган. Я никогда не видела, чтобы кто-то был так напуган. Его словно сам дьявол преследовал.

Видимо, это было после того, как он покалечил Али. Я помню ужас на его лице, когда он сбежал. Он думал, наверное, что я пришел его убить.

Тереза вытирает помаду с уголка губ.

– Ему нужны были деньги. Сказал, что должен убраться из страны. Говорю вам, он свихнулся. Я разрешила ему остаться, но, как только он уснул, взяла нож и положила вот сюда. – Она показывает на грудь, ее ноздри раздуваются. – Утром я велела ему убираться. Если он вернется, я его убью.

– И это было утром во вторник?

– Да.

– А ты знаешь, куда он пошел?

– Нет. И знать не хочу. Он сумасшедший.

Она комкает в руке пачку сигарет. Взгляд ее блестящих глаз перебегает по игрушкам в комнате, потом останавливается на мне.

– Мне здесь хорошо. И мне не нужен ни Гусеница, ни Питер Брэнниган, ни как он там еще себя называет.

Три часа назад пробило полночь. Настольная лампа в кабинете Джо отбрасывает круг света, резкого посередине и более мягкого по краям. Мои глаза так слезятся, что я могу смотреть только в тень.

В девять я заказал пиццу, в одиннадцать принесли кофе. Все добровольцы разошлись по домам, кроме Джо и Рэйчел, которые еще всю работу. Большая доска объявлений в приемной сплошь покрыта записками с номерами телефонов и сообщениями. Рядом, под подоконником, стоят один на другом пять ящиков с картотекой, образуя своеобразную подставку для остатков пиццы и бутылок с водой.

Рэйчел еще говорит по телефону:

– Здравствуйте, это больница Святой Екатерины? Извините, что так поздно. Я ищу подругу, она пропала. Ее зовут Кирстен Фицрой. Ей

тридцать пять лет, у нее русые волосы, зеленые глаза, на шее родимое пятно. – Рэйчел ждет. – Да? Она не у вас, но, может, она обращалась за помощью на прошлой неделе? У вас же есть регистратура. Вы можете посмотреть свои записи? Да, я понимаю, что уже поздно, но это очень важно. – Она не хочет сдаваться. – На самом деле она мне не подруга, а сестра. Родители ужасно волнуются. Мы боимся, что она могла что-то с собой сделать... – Она ждет снова. – Никаких записей? Хорошо. Спасибо. Извините, что побеспокоила.

Мы здорово поработали. Роджер с Дикко совершили волшебное путешествие по низам Лондона, посещая пабы, нелегальные игорные дома и стрип-клубы в поисках Джерри. Тем временем Маргарет выказала себя прекрасным специалистом по работе с авиалиниями, паромными и железнодорожными службами. Пока у нас нет оснований полагать, что Кирстен покинула страну на регулярном транспорте.

В центральных больницах и двадцати четырех клиниках Лондона нет записей о женщине с огнестрельным ранением, обратившейся в первую неделю после передачи выкупа. Мы начали обзванивать частных врачей и хосписы.

Теперь мы знаем о Кирстен больше, чем шесть часов назад. Она родилась в Эксетере^[104] в 1972 году в семье почтальона и учительницы. Два ее брата до сих пор живут в Девоне. В 1984 году она получила стипендию на обучение в школе для девочек «Шерборн» в Дорсете^[105]. Прекрасно проявила себя, занимаясь историей и искусствами. Одна из ее скульптур была выставлена на летней экспозиции в Королевской академии в Лондоне. В последний год обучения она покинула школу при туманных обстоятельствах вместе с двумя другими ученицами. Ходили слухи о наркотиках, но никаких официальных заявлений не поступало.

Через год Кирстен получила аттестат и поступила в университет Бристоля, на отделение истории искусств. После нескольких неудачных попыток получила диплом с отличием в 1995-м. В том же году в «Татлере» появилась фотография: она была запечатлена на матче по поло в Виндзоре вместе с сыном министра Саудовской Аравии. Потом она исчезла и снова появилась только восемь лет назад в качестве менеджера агентства по найму.

– Я поговорила с парой людей из Сотби^[106], – говорит Рэйчел. – Кирстен была хорошо известна среди аукционеров и служащих. Она

всегда приходила на аукционы в черном и постоянно говорила по мобильному телефону.

– Она торговалась за кого-то другого?

– Четыре месяца назад она приобрела акварель Тернера^[107] за сто семьдесят тысяч фунтов.

– Кто был настоящим покупателем?

– В Сотби не говорят. Но мне прислали фотографию по факсу. Я видела эту картину: она висит в кабинете моего отца.

Глаза Рэйчел, неестественно расширенные, перебегают с Джо на меня и обратно. Ее мысли движутся с утрашающей скоростью – от них содрогается все ее тело.

– Я до сих пор не верю, что она могла это сделать. Она любила Микки.

– И что вы предпримете?

– Спрошу отца.

– Он скажет вам правду?

– Надо же когда-то начинать.

Рука Джо трясется, когда он тянется за бутылкой с водой.

– Нас кто-то здорово опережает. С друзьями и родственниками Кирстен выходили на связь. Некоторым угрожали. Один из ее братьев был избит до полусмерти, после того как захлопнул дверь перед носом человека, утверждавшего, что он пришел забрать долг.

– Вы думаете, ее родные знают, где она?

– Думаю, нет.

Рэйчел кивает:

– Она не поставила бы их под удар.

Зачем Алексею так утруждаться? Ему нужно было просто выждать, и Кирстен объявилась бы сама. Такие всегда объявляются: взгляните хотя бы на Джерри Брандта. Дело не только в бриллиантах. Тут нечто личное. Если верить слухам, Алексей приказал убить собственного брата потому, что тот опозорил честь семьи. Что он сделал бы с тем, кто похитил его дочь?

Джо сидит напротив меня и что-то пишет. Он напоминает мне моего первого учителя, который точно знал, сколько у нас в шкафу лежит карандашей, кисточек и учебников, но приходил в школу с остатками пены для бритья на шее или в носках разного цвета.

Мне позвонила Джулиана. Она взяла с меня слово, что я не позволю профессору садиться за руль. От усталости его координация ухудшается. Она также поговорила с Джо и велела ему присматривать за мной.

Рэйчел начинает собирать чашки и относить их в кухню. Почти ничего не надо мыть. Джин целый день все методично стерилизовала.

Джо вытаскивает из кармана смятый листок бумаги и разглаживает его на коленях.

– Я тут подумал...

– Ну-ну?

– Я хочу оставить пока вопрос о похищении и сосредоточиться на выкупе. Если проанализировать письма, то в них не заметно никаких признаков психологической неустойчивости или одержимости. Они запросили большую сумму, но эта сумма была вполне по средствам человеку вроде Алексея или даже сэра Дугласа. И достаточна, чтобы оправдать риск. Мы знаем, что в этом участвовали по крайней мере три человека. Видимо, все спланировала Кирстен. Рэй Мерфи занимался технической стороной дела. Интеллект Кирстен выше среднего. Все указывает на ее способность тщательно планировать события. Вероятно, она проводила эксперименты, определяя, какого размера должны быть свертки. Она имеет представление о методах слежки и криминалистических тестах...

Профессор оседлал своего конька. Я уже видел, как он это проделывает: заползает в сознание другого человека и начинает знать и чувствовать то, что знает и чувствует этот другой.

– План передачи выкупа был умен, но слишком сложен. Когда люди берутся за такое изощренное мероприятие, они продумывают только ограниченное количество вариантов развития событий. Если оказывается слишком много неизвестных, они теряются. Поэтому люди строят планы до какого-то определенного момента или же разбивают их на этапы. Иногда они забывают продумать отступление, поскольку не учитывают возможность неудачи. Тот, кто составил этот план, продумал все, но и все усложнил. Слишком многое должно было пройти гладко, чтобы план удался. Упаковка выкупа должна была быть безупречной, наблюдение за курьером, попадание выкупа в водосточную трубу, взрыв водопровода, наводнение... Если бы что-то пошло не так, вся операция провалилась бы.

– Может, они сперва устроили репетицию. Человек, говоривший по телефону с Рэйчел, сказал: «Давайте сделаем это снова».

Джо сомневается.

– За такое дело берутся лишь однажды. При второй попытке план упростился бы.

Он начинает ходить по комнате, активно жестикулируя.

– Давайте на мгновение предположим, что они ее действительно похитили. Они пронесли ее под землей, что вероятно, учитывая способ, которым они добыли выкуп. Но им нужно было ее где-то держать. В каком-то месте, которое Рэй Мерфи выбрал бы с наибольшей вероятностью.

– Только не в канализации – это слишком опасно.

– Но, выпустив девочку наверх, они шли на риск, что ее узнают. Повсюду были ее фотографии.

– Думаете, они держали ее под землей?

– Это стоит проверить.

Я могу кое-кого спросить – Синоптика Пита. Смотрю на часы. Через несколько часов я ему позвоню.

– А что там с Джерри Брандтом? – спрашивает Джо.

– У него были паспорт и права на имя Питера Брэннигана. Чтобы достать фальшивые документы и исчезнуть – даже в такой стране, как Таиланд, – нужно много денег. Нужны связи.

– Думаете, наркотики?

– Возможно. Согласно международному туристическому справочнику, в Пхукете^[108] есть бар под названием «У Брэннигана».

– Подумать только! А который сейчас час в Таиланде?

– Как раз пора их разбудить.

Рэйчел заснула на диване в приемной. Я осторожно трясую ее, чтобы она пришла в себя.

– Пойдемте, я отвезу вас домой.

– А как же Микки?

– Вам надо выспаться. Мы найдем ее утром.

Джо все еще на связи с Пхукетом, разговаривает с официанткой, которая не знает английского. Он пытается получить описание Питера Брэннигана, чтобы удостовериться, что он и Джерри Брандт – одно и то же лицо.

На улицах пусто, если не считать уборочных машин, вооруженных крутящимися щетками и баками с водой. Я открываю дверь, и Рэйчел садится в машину.

Она взяла с собой пальто и теперь укладывает его на коленях, как одеяло. Я знаю, что у нее есть вопросы. Она хочет определенности. Возможно, мы оба просто обманываем друг друга.

Когда мы едем к Майда-уэйл, салон освещают фары встречных машин. Рэйчел откидывает голову на спинку и смотрит на меня.

– У вас есть дети, инспектор?

– Я больше не полицейский. Называйте меня Винсент.

Она ждет ответа.

– Близнецы. Уже взрослые.

– Вы их часто видите?

– Нет.

– Почему?

– Это долгая история.

– Насколько долгая? Они же ваши дети.

Я попался. Что бы я ни сказал, она не поймет. Она отчаянно хочет найти своего ребенка, а я со своими даже не разговариваю. Где справедливость?

Она заправляет волосы за уши.

– Знаете, иногда я думаю, что из-за меня Микки стала бояться мира.

– Почему вы так говорите?

– Я все время просила ее быть осторожной.

– Так поступают все родители.

– Да, но это были не просто предупреждения вроде того, что нельзя гладить бродячих собак и разговаривать с чужими людьми. Я запугала ее тем, что случается, если что-то очень любишь, а у тебя это забирают. Она не всегда боялась выходить на улицу. Это началось, когда ей было четыре года.

– Что произошло?

Глухим голосом, в котором звенит боль, она описывает мне субботнее утро в парке, куда Микки часто ходила кормить уток. Однажды там была настоящая старомодная ярмарка: с паровой каруселью, сахарной ватой и леденцами на палочке. Микки самостоятельно каталась на пестро раскрашенной лошадке, гордая

тем, что мама больше не сидит позади нее. Когда карусель остановилась, она оказалась на дальнем конце. Рэйчел была увлечена разговором со знакомой своей матери и не заметила, что поездка окончилась.

Микки сошла с карусели. Вместо того, чтобы обогнуть ее, она пошла сквозь лес ног, уверенная в том, что где-то недалеко должны быть руки ее матери.

Она пришла к пруду, где под сенью плакучей ивы собрались утки, и, перегнувшись через перила ограждения, увидела, как два мальчика лет одиннадцати кидали в них камнями. Утки сгруппировались вместе. Микки удивилась, почему они не улетают. Потом она заметила утят, прикрытых оперенными грудками и хвостами.

Один утенок – темный комочек на темном фоне воды – отделился от остальных. Он принял на себя всю силу очередного удара и исчез под водой. Через несколько секунд он всплыл, безжизненно покачиваясь на зеленоватой тинистой воде.

У Микки случилась истерика. Слезы текли у нее по щекам и собирались в уголках рта. Услышав ее рыдания, мальчики побросали камни и убежали, не желая, чтобы их наказали за то, что она плачет.

Крики со стороны пруда вызвали странную реакцию. Некоторые люди чуть не натыкались друг на друга, изо всех сил стараясь изобразить, что ничего не замечают. Другие стояли и ждали, когда в ситуацию вмешается кто-нибудь еще.

Ближе всех оказался человек, кормивший голубей. Заросший, с желтыми зубами, он встал со скамейки, стряхнув голубей с коленей, словно крошки. Подошел к Микки, подтянул штаны и опустился на колени.

– С вами что-то стряслось, маленькая мисс?

– Пусть перестанут, – рыдала она, закрыв уши руками.

Он, казалось, не слышал ее.

– Вы хотите покормить птиц?

– Утки, – всхлипывала девочка.

– Вы хотите покормить уток?

Микки снова зашлась рыданиями, и человек удивленно поднял брови. Он никогда не понимал детей. Взяв ее за руку, он отправился на поиски смотрителя и матери девочки.

К нему уже приближался полицейский. Он растолкал толпу и выступил на место происшествия.

– Отпустите девочку! – потребовал он.

– Я ищу ее мать, – объяснил человек с голубями. Слюна застыла в его клочковатой бороде.

– Отпустите девочку и отойдите от нее.

Тут подбежала Рэйчел. Она схватила Микки, крепко прижала к себе, и они долго старались обнять друг друга как можно крепче. Тем временем человек с голубями раскинул руки на спинке скамейки, а полицейский охлопывал его одежду и обыскивал карманы, высыпая птичий корм на траву.

Больше Микки не просила покормить уток. Она не гуляла в том парке и перестала выходить за пределы Долфин-мэншн. Через год она впервые оказалась у психолога.

Детская книжка, которую Тимоти нашел в подвале в норе Микки, рассказывала о пяти утятах, которые выходят в большой мир и снова возвращаются домой. Но Микки по опыту знала, что не все утята возвращаются.

Синоптик Пит отирает с усов молочную пену и показывает бумажным стаканчиком на реку:

– Канализация – не место для маленькой девочки.

Его фургончик припаркован в тени Патни-бридж, где на поверхности, как гигантские водяные жуки, торчат восьминогие опоры. Крот спит на заднем сиденье фургона, свернувшись по-собачьи и приоткрыв один глаз.

– Где они могли ее прятать?

Пит медленно выдыхает, так, что у него дрожат губы.

– Куча мест. Зброшенные станции метро, служебные тоннели, бомбоубежища, акведуки, люки... А почему вы думаете, что он прячется где-то там?

– Он боится. Его разыскивают.

Пит бормочет:

– Чтобы жить под землей, надо быть уникальным человеком.

– А он уникальный.

– Нет, вы не понимаете. Возьмем Крота. Если бы он спрятался под землей, вы его и за сто лет не нашли бы. Видите ли, ему нравится темнота, как некоторым людям нравится холод. Понимаете, о чем я?

– Нет, этот парень не такой.

– Тогда как он там ориентируется?

– По памяти. Ему показали, где можно спрятаться и как туда попасть. Бывший черпальщик по имени Рэй Мерфи.

– Сахариновый Рэй! Боксер!

– Вы его знаете?

– Да, знаю. Рэй никогда не был хорошим боксером. Делал больше нырков, чем Юрген Клинсмани^[109]. Я не припомню, чтобы он работал в канализации.

– Это было давно. А потом он служил в комитете по предотвращению наводнений.

Медленная улыбка растекается по лицу Пита, как варенье по тосту.

– Старая штаб-квартира комитета находится под землей – под трамвайными путями Кингсуэй.

– Но в центре Лондона трамваи не ходят уже пятьдесят лет.

– Точно. Тоннель был заброшен. Если хотите знать мое мнение, глупо было устраивать там центр по предотвращению наводнений. Это место первым оказалось бы под водой, если бы Темза вышла из берегов. Просто идиотизм!

Линия Кингсуэй – одно из тех странных, почти тайных мест, которые иногда встречаешь в городах. Десятки тысяч людей проходят и проезжают мимо него каждый день, даже не представляя, что оно существует. Все, что видно, – забор и посыпанный гравием подъезд, исчезающий под землей. Эта линия идет под улицей Кингсуэй – одной из самых оживленных улиц в Западном Лондоне – к Олдвичу^[110], где поворачивает направо и заканчивается под мостом Ватерлоо.

Синоптик Пит останавливает фургон на подъезде, игнорируя красные полосы и знаки, запрещающие парковку. Он протягивает мне каску и достает знак строительных работ.

– Если кто-нибудь спросит, мы работаем на муниципалитет.

Остатки трамвайных рельсов засыпаны камнем, большие ворота охраняют вход в тоннель.

– Мы можем попасть внутрь?

– Это незаконно, – говорит Пит, вытаскивая самые большие клещи, которые мне приходилось видеть. Крот стонет и закрывается с головой одеялом.

Пытаясь остудить пыл Пита, я сообщаю ему, что Джерри Брандт опасен. Из-за него Али попала в больницу, и я не хочу, чтобы пострадал кто-то еще. Как только мы пойдем, что он там, я позвоню в полицию.

– Мы можем запустить в дырку Крота. – Пит пихает одеяло на заднем сиденье. Появляется голова Крота. – Поднимайся.

Мы идем к люку и, наверное, выглядим со стороны троицей инженеров, собирающихся что-то осмотреть. Замок на воротах кажется вполне надежным, но кусачки справляются с ним так легко, будто он из дерева. Мы проскальзываем внутрь.

Видны только двадцать футов тоннеля, но кажется, что он расширяется, прежде чем погрузиться в абсолютную темноту. В глаза бросается множество табличек у стен: названия улиц, дорожные знаки,

заграждения для транспорта и пешеходов. Видимо, муниципалитет использует это место как склад.

– Мы подождем здесь, – шепчет Пит. – Какой смысл бродить в темноте. – Он передает Кроту что-то напоминающее сигнальную лампу. – На всякий случай.

Крот прижимается ухом к стене тоннеля и секунд пятнадцать прислушивается. Потом тихо перебегает вперед и прислушивается опять. Через несколько мгновений он исчезает из виду. Я слышу только биение собственного сердца и гул транспорта в сорока футах над нашими головами.

Через пятнадцать минут Крот возвращается.

– Там кто-то есть. В ста ярдах впереди стоят два домика на колесах. Он в первом. У него горит масляная лампа.

– Что он делает?

– Спит.

Я знаю, что должен об этом заявить. Я могу позвонить прямо «новичку» Дэйву, тогда, надеюсь, мне удастся миновать Мелдрана и Кэмпбелла. Дэйв ненавидит Джерри Брандта так же, как я. У нас здесь личный интерес.

Но какая-то моя часть жаждет другого. Я не могу избавиться от воспоминания о взгляде Джерри, когда он поднял на спину Али, а потом упал назад и сломал ей позвоночник. Вот в таком-то месте я и мечтал его повстречать: темном и безлюдном.

Полицейские явятся производить арест вооруженными до зубов. В таких ситуациях людей ранят и убивают. Я не подозреваю никого в заговоре, я просто знаю, как это бывает – люди вляпываются. Я не могу потерять Джерри Брандта. Он жестокий и неуправляемый тип, который продает несчастье, запечатанное в фольгу, но он нужен мне ради Али и ради Микки. Он знает, что с ней случилось.

– Ну, как поступите? – шепчет Пит.

– Позвоню в полицию. Но я хочу сам поговорить с этим парнем. Не хотелось бы, чтобы он сбежал или чтобы его застрелили.

Свет от входа создает нимб вокруг головы Крота. Он склоняет голову набок и смотрит на меня с пониманием и вместе с тем выжидательно.

– Он сделал что-то плохое, этот парень?

– Сделал.

– Вы хотите, чтобы я вас туда провел?

– Да.

Пит обдумывает положение секунд пять и кивает. Возникает ощущение, что он занимается подобными делами каждый день. Вернувшись в фургон, я звоню «новичку» Дэйву. Смотрю на часы и понимаю, что Али сейчас делают операцию. Я не знаю подробностей, но ей собираются что-то вставить в позвоночник и вправить несколько ребер.

Синоптик Пит взял из фургона амуницию: еще несколько сигнальных ламп и свое «тайное оружие». Он показывает мне два шарика для пинг-понга.

– Я сам их делаю. Черный порох, магниевая стружка, магниевая фольга и капелька воска.

– Как они работают?

– Бу-ум! – Он усмехается. – Ничего особенного, кроме шума и ярости^[111]. Послушали бы вы, что они устраивают в канализации.

План достаточно прост. Крот убедится, что других выходов нет. Оказавшись на месте, взорвет шарики и подаст сигнал лампой.

– Мы запугаем этого сукина сына до смерти, – возбужденно говорит он.

Пит смотрит на меня.

– Вот темные очки – не снимайте их. И не смотрите на свет. У вас будет несколько секунд, чтобы схватить его, пока он оглушен и ослеплен.

Мы с Синоптиком Питом даем Кроту десять минут. Сами идем к противоположному концу тоннеля, нащупывая дорогу по стенам и время от времени наступая в маслянистые лужи и груды листьев.

Тоннель медленно меняет конфигурацию. Потолок уходит вниз под тем местом, где в землю врезается дорожное полотно. Домики стоят прямо передо мной. Я вижу бледно-желтый свет фонаря, струящийся из щели в занавешенном или закрытом окне.

Скрючившись, я жду Крота. Он может быть рядом со мной, и я все равно этого не узнаю. У меня пересохло во рту. Уже два дня я глотаю кодеин, мечтаю о морфине и убеждаю себя, что нога у меня не болит, что это просто мое воображение.

То, что происходит потом, никогда не попадет в учебники. Шум взрыва так внезапен и оглушитель, что мне кажется, будто в меня

выпалили из пушки. Тьма становится светом, бриллиантовые искры чертят дуги над головой и опускаются неподалеку.

Мои глаза жалит ослепительный свет. Я ничего не вижу, все белым-бело. Отворачиваясь, я преодолеваю последние десять футов до двери первого домика. Взрывается вторая бомба, и из дверей выпадает фигура, болтая ногами в воздухе, словно пытаясь на лету придать себе правильное направление. Ослепленный светом, мужчина врезается прямо в стену и почти теряет сознание.

Схватив упавшего сзади, я сцепляю руки на его животе. Он подается влево, размахивая руками, и мы оба падаем в лужу. Я не ослабляю хватку. Потом, заведя ему руки за спину, пытаюсь надеть наручники. Он бьет меня головой в подбородок.

Джерри борется вслепую, поэтому у меня есть некоторое преимущество. Я заламываю ему руки так, что он ревет. А когда Джерри выгибается, снова пытаюсь достать головой до моего подбородка, я хватаю его за горло, не давая дышать. Не отпуская рук, наваливаюсь на него и вдавливаю лицом в землю. Он не может дышать и из последних сил судорожно дергает ногами.

Я мог бы убить его прямо сейчас, это так просто. Я мог бы держать его до тех пор, пока он не задохнется, или сломать ему шею. И что, если он умрет? Это не потеря для человечества. После него не останется нереализованных достижений или неполученных наград. Единственным следом, оставленным Джерри Брандтом в истории, будет кровавое пятно.

Я ослабляю хватку и отпускаю его голову. Она с глухим стуком ударяется о землю. Брандт, как рыба, вытащенная на берег, хватается ртом воздух.

Заломив ему за спину вторую руку, я застегиваю наручники и откатываюсь в сторону. Поднявшись на ноги, секунду смотрю на него. Темные волосы торчат в разные стороны, к щеке прилип кусок стекла. Тонкая струйка крови течет у него из уха. Потом вспышки в тоннеле начинают гаснуть.

Вдали слышны полицейские сирены.

– Пойдемте, давайте вытащим его отсюда.

– У нас будут неприятности? – спрашивает Крот, появляясь следом за Синоптиком Питом.

– У вас все будет в порядке. Идите в фургон и предоставьте мне вести переговоры.

Мы приблизились к выходу из тоннеля. Ворота распахиваются, гулко звякнув. К фургонам подъезжают два бронированных автомобиля. Полицейские вооружены карабинами. Из полицейской машины без мигалки выходит «новичок» Дэйв, а за ним Кэмпбелл, который шагает так, словно ему под пиджак запихнули шары для боулинга.

– Арестуйте его! – орет он, указывая на меня.

Джерри Брандт поднимает голову:

– Я не хотел этого делать. Я ее отпустил.

– Где она?

Он качает головой.

– Я ее отпустил.

– Что ты сделал с Микки?

– Вы должны передать мистеру Кузнецу, что я ее отпустил.

Красная точка появляется у него на щеке, как раз над тем местом, откуда идет кровь, секунду дрожит на глазу, отчего он моргает, потом перемещается на лоб. Я понимаю, что это значит, но ничего не успеваю сделать. Джерри отбрасывает в сторону, и он оседает на землю.

Пуля, выпущенная откуда-то сверху, прошла через щеку, шею и вышла у основания позвоночника. Я не могу его удержать. В нем шесть футов роста и больше двухсот фунтов веса. Он тянет меня вниз. Я отпускаю его, откатываюсь, удерживая голову за камнями, и прижимаюсь к стене.

Площадка пуста. Люди разбежались, как тараканы. Только Джерри Брандта уже ничто не беспокоит: он лежит, голова его наполовину прикрыта курткой, которая быстро пропитывается кровью.

Выстрелов больше нет. Одного было достаточно.

Эксперты говорят, что наш мир закончит свое существование через пять миллиардов лет, когда Солнце раздуется и поглотит ближние планеты, а остальные сожжет дотла. Но я всегда представлял себе конец света, как двойное Второе Пришествие, когда Иисус и Чарльтон Хестон вступят в поединок за право сказать последнее слово^[112]. Сомневаюсь, что буду при этом присутствовать.

Вот о чем я размышляю, сидя на заднем сиденье полицейской машины и глядя, как фотографируют тело Джерри Брандта. Команды вооруженных полицейских обходят дверь за дверью, обыскивают магазины, крыши и квартиры. Они ничего не найдут. Снайпер давно исчез.

Кэмпбелл тоже смылся, спасаясь от меня. Я шел за ним до самой машины и орал: «Кому ты сказал? Кто знал?»

Когда я позвонил в участок и вызвал подкрепление, кто-то сделал частный звонок, введя в курс дела Алексея.

Откуда еще снайпер узнал, где найти Брандта? Это единственно возможное объяснение.

Десяток полицейских, блестя начищенными сапогами, ходят по площадке, вглядываясь в гравий и размокшие листья. Группа муниципальных рабочих наблюдает за процедурой, как будто потом их заставят писать о ней контрольную работу.

Все это пахнет подставой. Виновных уничтожают, а невинные попадают под горячую руку. Говард один из них. Я до сих пор не понял, каково его место в плане, но представляю себе, как он лежит сейчас на тюремной койке и обдумывает, чем будет заниматься в свой первый день на свободе.

Детоубийцы плохо спят в тюрьме. Они прислушиваются, словно хотят уловить, как их имя передается из камеры в камеру, сначала шепотом, потом все громче и громче, пока наконец шум не звучит как симфония, от которой все трепещет у них внутри, подобно крыльям бабочки.

Эксперты в белых комбинезонах установили переносные прожекторы, которые отбрасывают на стены причудливые тени. Нуан

работает, чересчур громко выкрикивая в диктофон: «Наблюдаю тело хорошо развитого упитанного белого мужчины. На левой стороне лба и на переносице видны следы ударов. Возможно, это следствие падения после выстрела, или же повреждения были получены ранее...»

«Новичок» Дэйв приносит мне кофе со вкусом мокрого картона, напоминающим мне о слежках в предрасветные часы.

Нунан переворачивает тело и осматривает карманы и белье. В его руке поблескивает маленькая упаковка – что-то завернутое в фольгу.

Дэйв строит гримасу:

– Я рад, что он сдох.

Думаю, его можно понять, если вспомнить, что случилось с Али. Он не догадывается, зачем Джерри был мне нужен живым. Дэйв ослабляет галстук и расстегивает пуговицу на рубашке.

– Говорят, ты пытаешься опротестовать приговор, вынесенный Говарду Уэйвеллу.

– Нет.

– И еще говорят, что ты украл бриллианты у Алексея Кузнеця. Говорят, ты здорово вляпался.

– А ты что думаешь?

– Али так не считает...

Мимо, горя красными и желтыми огнями, проезжает двухэтажный автобус. Из наполненного ярким светом аквариума выглядывают тоскливые лица, прижавшиеся к стеклу. Сейчас Лондон совсем не привлекателен. Памятники архитектуры скрыты во мгле, так же как и магия названий, словно взятых из «Монополии»^[113].

Я под арестом. На этом настоял Кэмпбелл. Но, по крайней мере, Дэйв не надел на меня наручники – значит, годы моей службы прошли не зря. Я мог бы даже пообщаться с полицейскими, которые присматривают за мной, если бы среди них была Али, если бы она не оказалась по моей вине на больничной койке.

Когда эксперты заканчивают изучать место преступления, меня отвозят в полицейский участок на Харроу-роуд и проводят через заднюю дверь в комнату для задержанных. Я знаю процедуру. Пряди моих волос запечатывают в пакеты. Образцы слюны и кожи переходят на ватные тампоны. Пальцы мажут чернилами. Потом меня отводят в комнату для допросов, а не в камеру.

Наклонившись вперед, опершись локтями на колени, я изучаю гвозди в столе. Меня заставляют ждать. Это тоже часть процедуры. Тишина иногда действует сильнее, чем сами вопросы.

Когда наконец прибывает Кибел, он приносит с собой внушительную стопку папок и, усевшись, начинает листать бумаги. Большая их часть не имеет ко мне никакого отношения, но он хочет, чтобы я поверил, будто против меня набралась целая гора улик. Сегодня каждый развлекается, как может.

Кибел любит изображать из себя невозмутимого человека, но это все ерунда. Возможно, сказывается моя цыганская кровь, но я способен целый день просидеть напротив другого человека и не сказать ни слова. Цыгане похожи на сицилийцев. Мы можем с кем-нибудь пить, расплываясь в улыбке, и при этом целить собеседнику в живот из пистолета или готовиться вонзить нож.

Наконец Кибел включает диктофон, сообщая дату и время допроса и имена присутствующих.

Поправляя свои тщательно уложенные волосы, он задает вопрос куда-то в сторону:

– Я слышал, к тебе вернулась память.

– Может, отложим допрос? Разве у тебя не назначен визит в салон красоты?

Он перестает охорашиваться и смотрит на меня.

– Двадцать четвертого сентября примерно в шестнадцать часов тебе передали портфель, в котором находилось девятьсот шестьдесят пять бриллиантов, каждый размером свыше одного карата и безупречного качества. Это так?

– Да.

– И когда ты в последний раз видел эти бриллианты?

Я чувствую, как у меня внутри разливается холод. Воображение рисует картину, в которой свертки вываливаются из спортивной сумки и рассыпаются возле моего бельевого шкафа. В голове раскатывается сухой гром – начинается мигрень.

– Не знаю.

– Ты их кому-нибудь отдал?

– Нет.

– Кому предназначались эти бриллианты?

– Ты знаешь ответ.

– Пожалуйста, ответь на вопрос для протокола.

– Это был выкуп.

Он тупо смотрит на меня, не моргнув глазом. Я делаю то, что ему надо, – закапываю себя еще глубже. Ну и пусть. Глубоко вдохнув, я начинаю рассказ. Мне терять больше нечего, а так я, по крайней мере, оставляю след. Если со мной что-нибудь случится, останется эта запись.

– Кто-то потребовал выкуп за Микки Карлайл. Они прислали ее волосы, купальник, похожий на тот, что был на ней, и информацию, которую мог знать только человек, близкий к семье.

– Выкуп за девочку, которая умерла три года назад?

– Я не верю, что она мертва.

Он делает заметку. Это игра. Я ему подыгрываю. И следующие полтора часа рассказываю все подробности. События сотни часов фильтруются и выкладываются перед ним, как камушки для переправы через реку. Но все равно это больше похоже на исповедь, чем на допрос.

Кибел смотрит на меня так, словно собирается предложить мне купить подержанную машину или страховку.

– Ты признаешь, что был на лодке, когда погиб Рэй Мерфи?

– Да.

– И утверждаешь, что бриллианты в свертках находились на борту?

– Да.

– В них был маяк?

– Да.

– Когда ты прыгнул за борт, ты взял бриллианты?

– Нет.

– Где они теперь?

– С чего ты взял, что я знаю?

– То есть они могут быть у тебя дома под матрасом?

– Могут.

Он изучает мое лицо, пытаясь понять, не лгу ли я. Я лгу, просто он этого не видит.

– Давай-ка я тебе помогу, – говорит он. – В следующий раз, как решишь украсть выкуп, не забудь вытащить маяк. Иначе кто-нибудь отследит сигнал и поймет, что ты сделал.

– Как там Алексей? Сколько он платит тебе за то, чтобы ты нашел его бриллианты?

Кибел поджигает губы и выпускает воздух через нос, словно я его разочаровал.

– Скажи-ка мне вот что, – говорю я. – Снайпер всадил мне пулю в ногу, я едва не истек кровью. Восемь дней пролежал в коме. Ты думаешь, что бриллианты взял я. *Как? Когда?*

На его лице появляется торжествующее выражение.

– Я расскажу тебе как: они никогда не покидали твой дом. Ты помог провернуть всю эту историю – письма о выкупе, ДНК-тесты... Ты всех одурачил. А теперь люди, которые знали правду, начинают погибать, когда ты находишься в непосредственной близости от них. Сначала Рэй Мерфи, потом Джерри Брандт...

Не может быть, чтобы Кибел в это верил. Это безумие. Я всегда знал, что он фанатик, но, оказывается, он по-настоящему чокнутый.

– Меня ранили.

– Может, потому, что ты пытался перейти им дорогу.

Теперь я на него кричу:

– Это ты позвонил Алексею! Ты сказал ему, где найти Джерри Брандта! Все эти годы ты доставал честных копов, а теперь стала видна твоя истинная природа: ты прогнул до основания.

В наступившей тишине я слышу, как шуршит моя одежда. Кибел все знает. Знает.

Профессор забирает меня сразу после пяти.

– Как вы себя чувствуете?

– Пока не калека.

– Хорошо.

Я вслушиваюсь в стук своих каблучков по асфальту, наслаждаясь свободой. Кибел не нашел достаточных доказательств, чтобы задержать меня, а в стране нет такого судьи, который не выпустил бы меня под залог при моем послужном списке.

В офисе Джо все еще толпится наша добровольная оперативная группа: разговаривают по телефонам, стучат по клавишам компьютеров. Проверяют списки избирателей и роются в телефонных справочниках. Кто-то прикрепил у окна фотографию Микки – чтобы все помнили, зачем мы здесь.

Меня приветствуют знакомые люди: Роджер, Маргарет, Джин, Эрик, Ребекка, а также новые лица – два брата Али.

– Как давно они здесь?

– С обеда, – говорит Джо.

Наверное, им позвонила Али. Значит, операция закончилась. Интересно, слышала ли она о Джерри Брандте?

Рэйчел смотрит на меня из угла комнаты. Она глядит на меня с надеждой, нервно поправляя воротник.

– Вы с ним говорили? То есть... он что-нибудь сказал?

– Он сказал, что отпустил Микки.

Ее дыхание прерывается.

– Что с ней случилось?

– Не знаю. Он не успел сказать. – Я поворачиваюсь к остальным и обращаюсь ко всем: – Теперь особенно важно найти Кирстен Фицрой. Может быть, она осталась единственной, кто знает, что случилось с Микки.

Сдвинув стулья в круг, мы проводим «совещание».

Маргарет и Джин удалось разыскать нескольких бывших сотрудниц Кирстен. Это женщины от двадцати двух до тридцати четырех, многие с иностранными именами. Они нервничали, когда говорили: никто обычно не афиширует, что занимался такого рода работой. Ни одна из них не видела Кирстен с того времени, как агентство закрылось.

Тем временем Роджер посетил ее бывший офис. Управляющий показал ему две коробки документов, оставшихся после того, как агентство прекратило свое существование. Среди бумаг есть чеки из клиник. Женщин проверяли на наличие венерических болезней.

В одной из папок находятся зашифрованные сведения о кредитных карточках и чьи-то многочисленные инициалы. Вероятно, Кирстен вела дневник, где использовала эти коды. Я провожу пальцем по странице, надеясь найти инициалы сэра Дугласа. Нет.

– На данный момент мы обзвонили четыреста клиник и операционных, – говорит Рэйчел. – Никто не заявил о жертве огнестрельного ранения, но двадцать пятого сентября обокрали аптеку в Саутуорке. Украли бинты и анальгетики.

– Перезвоните аптекарю. Спросите, не нашли ли полицейские отпечатки пальцев.

Маргарет передает мне кофе. Не успеваю я сделать глоток, как Джин выхватывает чашку у меня из рук и бежит ее мыть. Кто-то достает бутерброды и напитки. Я чувствую прилив сил, и на душе удивительно светло.

Джо выходит на лестницу и присаживается рядом со мной.

– Вы не сказали о бриллиантах. Что вы с ними сделали?

– Положил в надежное место.

Я вспоминаю, как бархатные футляры зашивались в животе шерстяного мамонта в старой комнате Али. Наверное, стоит сказать Джо. Если со мной что-то случится, никто не узнает, где они. Но, с другой стороны, я не хочу подвергать его опасности.

– Вы знаете, что слоны с поднятыми хоботами символизируют удачу?

– Нет.

– Это мне Али сказала. У нее пунтик на слонах. Не знаю, принесли ли они ей удачу.

У меня пересохло во рту. Я просовываю руки в рукава куртки.

– Вы ведь собираетесь встретиться с Алексеем? – спрашивает Джо.

Я готов поклясться, что он умеет читать мысли.

Мое молчание само по себе ответ.

– Вы знаете, что это безумие, – говорит он.

– Безумие – то, что устроил Алексей, и я должен это прекратить.

Знаю, это кажется глупым и старомодным, но я одержим идеей, что есть нечто достойное и благородное в том, чтобы взглянуть в лицо своему врагу и встретиться с ним взглядом, а потом вонзить ему в сердце ятаган.

– Вам нельзя идти одному.

– Иначе он со мной не станет говорить. Я назначу встречу. Когда люди назначают встречу, их не убивают.

Джо обдумывает мои слова.

– Я поеду с вами.

– Нет, но за предложение спасибо.

Не знаю, почему люди постоянно предлагают мне помощь, в то время как должны бежать от меня без оглядки. Али говорит, что я внушаю доверие, но мне кажется, я просто пользуюсь добротой других, даже не надеясь им когда-либо отплатить. Я не безупречный

человек. Я циник и пессимист, и иногда мне кажется, что меня заперли в этой жизни благодаря нелепой случайности рождения. Но бывают минуты, когда добрый поступок или нежное прикосновение другого человека заставляют меня поверить, что я могу измениться, исправиться, очиститься. Вот Джо, например, всегда оказывает на меня такое влияние. Нищий не имеет права так много брать в долг.

Мой звонок Алексею перебрасывают с линии на линию, и наконец из трубки доносится его голос. Я различаю шум воды. Река.

– Я хочу поговорить. Без адвокатов, полиции и третьих лиц.

Кажется, я слышу, как он думает.

– И где собираетесь встретиться?

– На нейтральной территории.

– Нет. Если хотите меня увидеть, приходите ко мне сами. Гавань Челси. Вы меня найдете.

Черное такси высаживает меня у входа в гавань незадолго до десяти. Я смотрю на часы и отсчитываю последние минуты. Нет смысла торопиться на собственные похороны.

Свет прожекторов отражается от белых яхт и катеров, рассыпаясь по воде разноцветными пятнами. По сравнению с открытым пространством реки внутренние доки выглядят темными и ветхими, на сваях, торчащих из грязи, болтаются ржавые буйки.

Лодка Алексея, залитая легким светом, пришвартована к пирсу при помощи двух канатов. Это изящная двухпалубная яхта с плавными линиями корпуса. На верхней палубе установлены радиоантенна и тарелка спутниковой системы слежения.

Я пять лет промотался на лодках и знаю, что они высасывают уйму денег. Говорят, что чем лучше у человека чувство равновесия, тем больше вероятность, что он заболит морской болезнью. Я могу поручиться за свой вестибулярный аппарат, но час в дурную погоду на пароме через Канал ^[114] все же кажется мне годом.

На сходнях с бронзовыми перилами лежит толстый резиновый коврик. Когда я ступаю на палубу, судно едва заметно покачивается. Через открытую дверь видна кают-компания с большим столом красного дерева и восемью сидячими местами. Справа находится бар, напротив плоского телевизора укреплено несколько кресел.

Спускаясь по ступенькам, я пригибаю голову, что делать совсем не обязательно. Алексей Кузнец сидит, склонившись за письменным столом и читает что-то на экране лэптопа. Он поднимает руку, выставив вперед ладонь и удерживая меня этим жестом на месте. Дочитав, поворачивает руку, подзывая меня движением пальцев.

Подняв глаза, Алексей смотрит сквозь меня, словно я забыл что-то принести. Выкуп. Ему нужны бриллианты.

– Красивая лодка.

– Это моторная яхта.

– Дорогая игрушка.

– Напротив, это мой офис. Я построил ее по американским чертежам на Черном море возле Одессы. Видите ли, я беру все лучшее от разных культур: американский дизайн, немецких инженеров, итальянских плотников, бразильский тик и славянских рабочих. Люди часто критикуют Восточную Европу за то, что там якобы не умеют жить при капитализме. Но правда заключается в том, что именно там исповедуют чистейшую форму капитализма. Если бы я захотел построить такую лодку в Англии, мне бы пришлось тратить на премиальные, компенсации рабочим, национальную страховку, оплату дизайна и взятки, чтобы договориться с профсоюзом. То же самое происходит, когда строишь дом. Тебя могут остановить на любой стадии. А в России, Латвии или Грузии это не имеет значения – были бы наличные. Вот это я называю *истинным* капитализмом.

– Так вы поэтому продаете имущество? Собираетесь домой?

Он презрительно смеется.

– Инспектор, вы зря считаете меня патриотом. Я нанимаю русских на работу, спонсирую их школы и больницы, покупаю их политиков, но не ждите, что я стану с ними жить.

Он подходит к бару. Я лихорадочно оглядываю каюту, напряженно ожидая, когда же захлопнется ловушка.

– Так почему же вы продаете имущество?

– Захотелось пастбищ позеленее. Новых возможностей. Может, куплю футбольный клуб. Это теперь, кажется, в моде. Или просто подамся на зиму в теплые края.

– Никогда не понимал людей, любящих жаркие страны.

Он смотрит в темноту за окном.

– У каждого человека свое представление о рае, инспектор, но любить Лондон нелегко.

Он протягивает мне стакан скотча и придвигает ведро со льдом.

– Вы хороший моряк?

– Нет, в общем-то.

– Жаль. А мое слабое место – полеты. Вы помните тот эпизод из «Сумеречной зоны», когда Уильям Шатнер смотрит в иллюминатор на высоте двадцать тысяч футов и видит, как греmlin отрывает крыло самолета? Потом его повторили в фильме, но там он не столь хорош. [115] Так вот, нечто подобное чувствую и я, когда вхожу в самолет. Я единственный человек, знающий, что он рухнет.

– Значит, вы не летаете?

Он поднимает ладони вверх, показывая, что это очевидно.

– У меня есть моторная яхта.

Глоток скотча приятно обжигает горло, но послевкусие не так хорошо, как бывало прежде. Морфин убил мои вкусовые ощущения.

Алексей – деловой человек, привыкший заключать сделки. Он знает, как составить баланс, как уменьшить риск и увеличить доход.

– Возможно, у меня есть что продать вам, – заявляю я.

Он снова поднимает руку, но на этот раз подносит палец к губам. Появляется русский: кажется, что его заперли в плохо сидящем костюме.

– Я уверен, вы поймете, – извиняется Алексей и, пока его телохранитель проводит металлоискателем по моей одежде, отдает по радиации указания. Начинают работать моторы, лед стучит о стенки моего стакана.

Алексей знаком приглашает следовать за ним по проходу к кубрику, где узкая лестница выходит на нижнюю палубу. Мы подходим к тяжелой двери, которая ведет в машинное отделение. Меня оглушает шум.

Блок цилиндров двигателя – высотой в шесть футов, с трубами, клапанами, счетчиками, пружинами и лакированной сталью. На металлических мостках, идущих по обеим сторонам помещения, укреплены два стула. Алексей усаживается, словно пришел на концерт, и ждет, когда я последую его примеру. Все еще сжимая в руке стакан, он смотрит на меня с холодным любопытством.

Повышая голос, чтобы перекрыть моторы, я спрашиваю его, как он нашел Джерри Брандта. Он улыбается. Это та же дерзкая, всезнающая улыбка, которую я видел у него на лице перед «Уормвуд-Скрабз».

– Я надеюсь, вы не обвиняете меня ни в каких правонарушениях, инспектор?

– Значит, вы знаете, о ком идет речь?

– Нет. О ком?

Для него это игра: мелкий раздражитель по сравнению с более важными делами. Если я не перейду к делу, я просто ему наскучу.

– Кирстен Фицрой еще жива?

Он не отвечает.

– Я здесь не для того, чтобы обвинять вас, Алексей. Я хочу обсудить одну гипотетическую сделку.

– Гипотетическую? – Теперь он уже открыто смеется, и я чувствую, как испаряется моя решимость.

– Я готов обменять ваши бриллианты на жизнь Кирстен Фицрой. Оставьте ее в покое и получите бриллианты назад.

Алексей проводит пальцами по волосам, оставляя дорожку в своей идеальной укладке.

– Мои бриллианты у вас?

– Гипотетически.

– Тогда гипотетически вы обязаны вернуть их мне. Почему я должен торговаться из-за своей собственности?

– Потому что пока *все* только гипотетически, но я могу превратить это в реальность. Я знаю, что вы подбросили бриллианты ко мне в дом, чтобы подставить меня. Кибел должен был получить ордер на обыск, но я нашел их первым. Вы думаете, что я что-то видел той ночью. Думаете, что я могу вам как-то навредить. Я вам клянусь в обратном. Никто не должен пострадать.

– Правда? – саркастически спрашивает он. – Не советую вам идти в торговлю.

– Это реальное предложение.

– Гипотетическое. – Алексей смотрит на меня, облизывая губы. – Позвольте мне говорить прямо. Мою дочь похищают, и вам не удастся ее найти. Ее убивают, но тело вы тоже не находите. Потом из меня пытаются выкачать два миллиона фунтов, и вы не можете поймать

этих людей. Вы крадете мои бриллианты и обвиняете меня в том, что я вам их подбросил. И в довершение всего этого вы хотите, чтобы я все простил и забыл. Такие люди, как вы, – это мерзость. Вы нажились на горе моей бывшей жены. Вы воспользовались моей добротой и желанием исправить ситуацию. Не я начал всю эту историю...

– Но у вас есть возможность ее закончить.

– Вы принимаете меня за человека, который жаждет мира и гармонии. Вы ошибаетесь. Я жажду мести.

Он встает. Переговоры окончены.

Я чувствую, как на меня накатывает ярость.

– Ради бога, Алексей, я ведь пытаюсь найти Микки. Она ваша семья. Разве вы не хотите знать, что произошло?

– Я знаю, что произошло, инспектор. Она мертва. Она умерла три года назад. И позвольте мне сказать вам кое-что о семьях: им придают слишком большое значение. Они – наша слабость. Они нас бросают, разочаровывают, или же их у нас отнимают. Семьи – это обуза.

– Поэтому вы избавились от Александра?

Он не отвечает и открывает тяжелую дверь. Теперь, когда мы вышли на свежий воздух, я снова слышу свои мысли. Алексей все еще продолжает говорить:

– Вы просите доверять вам. Вы предлагаете сделку. У вас ведь нет никаких версий, правда? Вы как те три мудрые обезьяны^[116], только в одном лице. А теперь позвольте мне предложить вам сделку – гипотетическую, естественно. Вы возвращаете мои бриллианты и бросаете это дело. Пусть другие сами о себе позаботятся. Рыночные отношения, капитализм, спрос и предложение – вот это я понимаю. Что посеешь, то и пожнешь.

– Так Джерри Брандт пожал свое? – Я быстро хватаю его за руку. Он даже не морщится. – Оставьте Кирстен в покое.

Его глаза потемнели и сузились, за ними притаилось что-то ядовитое. Он думает, что я полный тупица, не способный придумать более утонченного способа вести допрос, чем пустить в ход кулак и палку. Так я себя веду.

– Вы знаете, кто такой Слонопотам? – спрашиваю я.

– Друг Винни-Пуха.

– Нет, это вы с Пятачком путаете. А Слонопотамы и бяки – это порождения его фантазии, которые снятся ему в кошмарах. Он боится,

что они украдут его мед. Их никто не видит, кроме Пуха. Вот кого вы мне напоминаете.

– Слонопотама?

– Нет. Медвежонка Пуха. Вы думаете, что мир населяют люди, которые хотят вас обокрасть.

Небо посерело, вечерний воздух тягуч и влажен. Боль пульсирует у меня в голове в собственном ритме, отличном от ритма работы мотора. Алексей подводит меня к сходням. Русский идет за ним, слишком широко размахивая левой рукой из-за кобуры, что висит у него под мышкой.

– Вы никогда не думали о том, чтобы заняться нормальным бизнесом? – спрашиваю я.

Алексей обдумывает мое предложение.

– Может, нам обоим пора сменить род занятий.

И тут я понимаю, что он прав: мы с ним не такие уж разные. Мы оба разрушили свою личную жизнь и потеряли своих детей. И еще мы оба слишком стары, чтобы заниматься другим делом. Две трети жизни я провел, ловя преступников, в основном мелких воришек и затюканных жизнью созданий. Алексей – вот тот объект, к которому я стремился. Он – моя цель. Он причина, по которой я выбрал свою профессию.

Когда я ступаю на сходни, русский оказывается в двух шагах позади. Веребочные поручни натянуты вдоль медных опор. Он приближается, и я чувствую, как теплый металл пистолета касается моего затылка, ероша короткие волосы.

Алексей объясняет:

– Мой сотрудник поедет с вами и заберет бриллианты.

В ту же секунду я бросаюсь в сторону и, схватившись за перила и повиснув над водой, накреняю сходни. Русский пролетает мимо меня.

Закинув здоровую ногу на палубу, я поднимаюсь. Алексей смотрит, как русский барахтается, пытаюсь удержаться на плаву.

– По-моему, он не умеет плавать, – замечаю я.

– Некоторые люди не способны учиться, – равнодушно бросает Алексей.

Я снимаю с мачты спасательный круг и кидаю в воду. Русский прижимает его к груди.

– Последний вопрос: откуда вы знали, где выкуп попадет в реку?
Вас кто-то должен был предупредить.

Алексей складывает губы в гримасе, но его взгляд пуст.

– У вас есть время до завтрашнего утра, чтобы вернуть мои бриллианты.

Али спит в переплетении трубок, несущих в ее тело необходимую жидкость, дающих ей возможность жить. Через определенные промежутки на смену предыдущему приходит новый пакет обезболивающего. Время измеряется этими промежутками.

– Вам нельзя оставаться, – говорит медицинская сестра. – Приходите утром, когда она проснется.

Коридоры больницы почти пусты. Я иду в комнату для посетителей, сажусь на стул и закрываю глаза. Как жаль, что мне не удалось объяснить все Алексею, но его ослепила собственная ненависть. Он не верит, что Микки жива. Он думает, что люди воспользовались его слабостью – его семьей.

Я вспоминаю Люка и думаю о том, что, возможно, Алексей прав. Даж до сих пор не может пережить потерю своей семьи. Я переживаю за Клэр и Майкла и ломаю голову над тем, в чем именно ошибся, строя наши отношения. Если бы нам было все безразлично, было бы легче.

У меня болят все мышцы, словно организм борется сам с собой. В голове толпятся призрачные образы, мне мерещатся тела, сброшенные в реку или смытые в канализацию. Потом наступает очередь Кирстен.

В окна ломится темнота. Я смотрю вниз, на улицу, и чувствую тоску по деревне. Ритм городской жизни устанавливается пневматическими дрелями, светофорами и расписаниями движения поездов. Я почти не замечаю смены времен года.

Рядом со мной на стекле появляется еще одно отражение.

– Так и думал, что найду вас здесь, – говорит Джо, усаживаясь рядом и закидывая ноги на низкий столик. – Как прошла встреча с Алексеем?

– Он не стал меня слушать.

Джо кивает.

– Вам надо поспать.

– Вам тоже.

– Отосплюсь после смерти.

– Так говорил мой отчим. Теперь у него предостаточно времени для сна.

Джо приглашает меня сесть на диван напротив.

– Я думал.

– И?...

– Полагаю, я догадался, почему это расследование для вас так важно. Когда вы сказали мне, что случилось с Люком, вы рассказали не всю историю.

Я чувствую, как в горле у меня что-то застревает. Даже если бы я захотел, я бы не смог говорить.

– Вы сказали, что он ехал на санках один. Ваш отчим уехал в город, а мама красила простыни. Вы сказали, что не помните, что делали сами, но это неправда. Вы были с Люком...

Я снова вижу тот день. Толстый слой снега укрыл землю. С вершины холма была видна вся ферма, вплоть до телеграфа на реке и флюгеров на аэродроме.

– Вы за ним присматривали...

От него пахло печеньем. Он сидел у меня между коленей, завернутый в мою старую куртку. Он был таким маленьким, что мой подбородок лежал у него на макушке. На нем была старая шапка с мохнатыми ушами, отчего он напоминал щенка Лабрадора.

Джо объясняет:

– Когда мы были в пабе, перед тем как найти машину Рэйчел, я стал описывать ваш сон. Я сказал, что вы представляете себе, как спасаете Люка, как находитесь там, на реке, едете на санках по холму, упираетесь ботинками в снег, чтобы остановиться до того, как подъедете к пруду. Тогда-то я и должен был понять. Это был не сон – это была правда.

На кочке санки подбросило вверх, и Люк зашелся от смеха: «Быстрее, Янко! Быстрее!» Он цеплялся за мои колени, упирался мне в грудь. К концу склон стал менее крутым, впереди замаячил забор: сетка, натянутая между кольями. Мы ехали быстрее, чем обычно, из-за большего веса. Я спустил ноги, чтобы остановиться, но мы врезались в забор слишком сильно. Только что он был у меня в руках – и вот я обнимаю воздух.

Под Люком подломился лед. Он сверкнул бриллиантами и рассыпался на треугольники и острые осколки. Я бросился за братом, кричал, наклонялся все ниже и ниже. Если бы только я мог схватить его за волосы, если бы дотянулся до воротника, с ним было бы все в

порядке. Я мог его спасти. Но было слишком холодно, и пруд оказался слишком глубоким.

Прибежал отчим. Он зажег прожектор от тракторного мотора и перекинул через пруд мостки. Он стучал по льду топором, опускал руки в воду, нащупывая дно. Я наблюдал за ним из окна спальни, молясь, чтобы Люк каким-то чудом спасся. Никто ничего не сказал. Это было излишне. Вина лежала на мне. Я его убил.

– Вам было двенадцать. Произошел несчастный случай.

– Я его потерял.

Вытирая мокрые щеки, я трясую головой и проклиная Джо. Что другие люди знают о вине? Джо встает и протягивает мне руку:

– Пойдемте отсюда.

В его глазах я не выгляжу хуже, чем раньше, но наши отношения уже никогда не будут прежними. Жаль, что он не оставил эту тему в покое.

Мы ничего не говорим по пути в офис. В дверях нас встречает Рэйчел. Она проработала всю ночь.

– Возможно, я кое-что нашла, – говорит она, пока мы поднимаемся по лестнице. – Я вспомнила, как во время суда над Говардом Кирстен мне кое-что рассказала. Мы говорили о свидетельских показаниях, и она сказала, что однажды ее вызывали как свидетельницу во время суда над ее подругой.

– Какое обвинение было предъявлено?

– Не знаю. Имени она тоже не назвала.

Я поднимаю трубку. Мне никто ничего не должен, но, быть может, «новичок» Дэйв окажет мне услугу ради Али.

– Извини, что разбудил.

Я слышу, как он стонет.

– Мне нужна твоя помощь. Я хочу проверить полицейские и судебные записи о Кирстен Фицрой.

– Это уже сделали.

– Да, но она интересовала нас в качестве обвиняемой. А ведь она могла быть и свидетельницей.

Дэйв не отвечает. Я знаю, что он прикидывается, не повесить ли трубку. У него нет ни одной причины помогать мне и есть с десяток, чтобы отказать.

– А это не может подождать до утра?

– Нет.

Еще одна долгая пауза.

– Встретимся у «Отто» в шесть.

Кафе «Отто» находится между букмекерской конторой и прачечной на западном конце Элджин-авеню. Клиентура субботним утром состоит в основном из таксистов и водителей доставки, заправляющихся кофе и углеводами на предстоящий день.

Я жду у окна. «Новичок» Дэйв появляется вовремя, перепрыгивая по дороге через лужи и кучи собачьего дерьма. В неглаженной рубашке и с нерасчесанными волосами он выглядит под стать мне.

Заказав кофе, он вынимает из кармана клочок бумаги, но не дает мне его.

– Во-первых, ответь мне на несколько вопросов. У Джерри Брандта были паспорт и права на имя Питера Брэннигана. Последние три года он владел баром в Таиланде. Парень бедный, откуда у него такие деньги?

– Наркотики.

– Я тоже так подумал, но в Интерполе и службе по борьбе с наркоторговлей на него ничего нет.

– Он вернулся в страну около двух месяцев назад. По словам его дяди, искал спонсоров.

– Это объясняет, почему они потребовали выкуп. Паб Рэя Мерфи тоже переживал не лучшие времена.

– Что ж, из-за этого их убили. Специалисты по баллистике сравнили пулю из тела Брандта с той, что нашли в теле Рэя Мерфи. Один ствол.

Дэйв смотрит на часы:

– Я должен ехать в больницу. Хочу быть там, когда Али проснется.

Он отдает мне листок бумаги.

– Шесть лет назад Кирстен Фицрой давала показания в Королевском суде Саутуорк. Свидетельствовала в пользу Хизер Уайльд, которую обвиняли в содержании борделя и получении нетрудовых доходов.

Я помню тот случай. Хизер держала свинг-клуб в доме в Брикстоне. У нее был свой сайт, «Уайльд таймс», но она утверждала,

что никто никому не платил денег, следовательно, это была не проституция.

Где именно в Брикстоне? На Дамбартон-роуд.

Моя память снова восторжествовала. Это проклятие.

Посредине стены из беленого кирпича располагается единственная дверь, на которой нет ни ящика, ни номера. Трехэтажный фасад украшает дюжина двустворчатых окон, серых от грязи.

Я не знаю, здесь ли Кирстен. Дом выглядит пустым. Мне надо все проверить самому, слишком рискованно звонить в полицию после того, что случилось с Джерри Брандтом.

Дождь оставил дорожки воды на капотах машин, припаркованных по обеим сторонам улицы. Проходя по тротуару, я миную прикованные к забору велосипеды и переполненные мусорные ящики, тщетно ожидающие, что их вывезут.

Стучу и жду. Соскальзывает засов, щелкает замок, и дверь приоткрывается на какую-то пару дюймов, так что я с трудом могу разглядеть хмурое лицо женщины далеко не первой молодости. Сквозь узкую щель она осматривает меня с головы до ног.

– Миссис Уайльд?

– Вы знаете, который сейчас час?

– Я ищу Кирстен Фицрой.

– Никогда о такой не слышала.

Через ее плечо я вижу узкую прихожую и тускло освещенную гостиную. Когда женщина пытается закрыть дверь, я неожиданно двигаюсь вперед. Отшатнувшись, миссис Уайльд роняет телефон.

– Я не хочу никаких неприятностей. Просто выслушайте меня. – Я помогаю ей поправить столик и собираю телефонные книжки.

От Хизер Уайльд пахнет застарелым табаком и духами. Ее губы скрыты под толстым слоем яркой помады. Грудь, втиснутые в атласный халат, напоминают дыни. Даж всегда говорила, что можно определить, что дыня спелая, если она чуть беловатая. Видите, как работает моя память?

В гостиной почти вся мебель затянута чехлами, кроме плетеного кресла у камина и складного столика с вычурной лампой. На столике также располагаются открытая книга, коробка с сигаретами, пепельница, полная окурков, и зажигалка в виде Венеры Милосской.

– Как давно вы общались с Кирстен?

– Я же сказала, что никогда о ней не слышала.

– Передайте ей, что у меня ее бриллианты.

– Какие бриллианты?

Я легко разжег ее любопытство.

– Те, из-за которых она чуть не умерла.

Миссис Уайльд не предложила мне присесть, но я все равно сажусь, стянув чехол с кресла, и продолжаю рассматривать хозяйку. Ее кожа везде, кроме шеи и тыльной стороны рук, суха и почти прозрачна. Взяв сигарету, Хизер разглядывает меня сквозь пламя зажигалки.

– У Кирстен большие неприятности, – объясняю я. – Я пытаюсь ей помочь. Мне известно, что она ваша подруга. Я думал, что она могла прийти к вам, когда ей понадобилось место, где можно отсидеться.

Дым кольцами поднимается с ее губ.

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

Я оглядываю комнату: темные бархатные обои и барочная мебель. Если и есть место более удручающее, чем бордель, так это бывший бордель. Он словно впитывает в себя всю ненависть и разочарование, пока не становится таким же усталым и изношенным, как и половые органы его работниц.

– Как-то давно Кирстен сказала мне, что никогда не перешла бы дорогу Алексею Кузнецу, а если перешла бы, то села бы на первый авиарейс в Патагонию. Она пропустила свой рейс.

Имя Алексея заметно поколебало спокойствие Хизер Уайльд.

– Разве Кирстен вам не рассказывала? Она пыталась его обокрасть. Вы должны понимать, в какой она сейчас опасности. – Я выдерживаю паузу. – В какой опасности вы обе.

– Я ничего не сделала.

– Я уверен, что Алексей это поймет. Он разумный человек. Я видел его только вчера. Предложил ему сделку: бриллианты стоимостью два миллиона в обмен на жизнь Кирстен. Он отказался. Он считает себя человеком чести. Деньги не имеют для него значения, как, впрочем, и оправдания. Но если вы не видели Кирстен, то все в порядке. Я так ему и передам.

С ее сигареты падает пепел – прямо на халат.

– Я могла бы поспрашивать. Вы говорили о деньгах.

– Я говорил о бриллиантах.

– Я могла бы помочь найти ее.
– И я назвал бы вас гуманисткой.

Она кривит верхнюю губу.

– А вы что, не видите лимузина у подъезда?

Ее веки кажутся притянутыми ко лбу с помощью проволочек. Я слышал, что это называется кройдоновым лифтингом: волосы поднимают так высоко, что подтягивается все лицо.

Вытащив кошелек, я достаю три двадчатки. Она пересчитывает их взглядом.

– В Тоттенхэме^[117] есть клиника. Ее взяли туда. Там дорого. Но тихо.

Я кладу в стопку еще две двадчатки. Она хватает деньги, и они исчезают у нее под халатом, как по волшебству. Потом она наклоняет голову, словно прислушиваясь к шуму дождя.

– А ведь я вас знаю. Вы цыган. – Мое удивление ей льстит. – Говорили, что у вашей матери есть дар.

– Откуда вы ее знаете?

– А вы не узнаете свое племя? – Она грубо кудахчет, давая понять, что и сама цыганка. – Однажды ваша мать предсказывала мне судьбу. Она сказала, что я всегда буду красавицей и смогу получить любого мужчину, какого захочу.

Почему-то мне кажется, что мама имела в виду не количество.

У Даж и правда был дар: дар спокойно вникать в ситуацию и предсказывать очевидное. Она брала у людей деньги и заводила в них пружинку вечной надежды. А потом, вытолкав их за дверь, бежала в местный бар и покупала себе водки.

Наверху что-то падает. Миссис Уайльд испуганно смотрит на потолок.

– Это одна из моих старых девочек. Она иногда у меня остается.

Но ее бледно-голубые глаза выдают ее, и она вытягивает руку, чтобы удержать меня на месте.

– Я сейчас дам вам адрес клиники. Там могут знать, где она сейчас.

Я отталкиваю ее руку и поднимаюсь по лестнице, заглядывая через перила вверх. На первой площадке три двери, две открыты, одна закрыта. Я тихо стучу и поворачиваю ручку. Заперто.

– Не трогайте меня! Оставьте меня в покое!

Это детский голос – тот самый, который я слышал по телефону в ночь передачи выкупа. Я отступаю на шаг назад, упираюсь спиной в стену, и в проеме двери остается только моя протянутая рука.

Первая пуля проходит в шести дюймах справа от ручки на уровне живота. Я тяжело опускаюсь на пол, ударяюсь ногами о противоположную стену и испускаю низкий стон.

Миссис Уайльд кричит снизу:

– Это моя дверь? Если это моя дверь, черт возьми, вы за это заплатите.

Вторая пуля пронзает дерево в футе от пола. Снова раздается голос миссис Уайльд:

– Да, это она! Теперь я открываю вам счет, черт возьми!

Я сижу тихо и прислушиваюсь к собственному дыханию.

– Эй вы, там, – раздается голос, чуть громче шепота. – Вы мертвы?

– Нет.

– Ранены?

– Нет.

Женщина за дверью чертыхается.

– Это я, Винсент Руиз. Я пришел вам помочь.

Долгое молчание.

– Пожалуйста, впустите меня. Я пришел один.

– Не приближайтесь. Прошу вас, уходите. – Теперь я узнаю голос Кирстен, просто он охрип от мокроты и страха.

– Не могу.

Снова долгое молчание.

– Как ваша нога?

– На полдюйма короче.

Миссис Уайльд кричит снизу:

– Я позвоню в полицию, если за мою дверь не заплатят!

Глубоко вздохнув, я говорю Кирстен:

– Можете оставить оружие, если пристрелите свою хозяйку.

Она смеется, но сразу заходится резким кашлем.

– Я вхожу.

– Тогда мне придется вас застрелить.

– Не придется.

Я поднимаюсь и подхожу к двери.

– Может, откроете?

Долгое ожидание – потом два металлических щелчка. Я поворачиваю ручку и толкаю дверь.

Тяжелые шторы опущены, и комната в полутьме. Высокие потолки, на двух стенах зеркала. Центр комнаты занимает большая железная кровать, и на ней среди покрывал устроилась Кирстен, согнув колени и положив на них револьвер. Она подстриглась и перекрасилась в блондинку. Теперь волосы, завившиеся от пота, спадают ей на лоб мелкими кудряшками.

– Я думала, что вы умерли, – говорит она.

– То же могу сказать о вас.

Она кладет подбородок на ствол и потерянно смотрит в угол. Дешевая люстра у нее над головой ловит лучики света, проникающие из-за штор, а зеркала отражают происходящее – каждое под своим углом.

Я присаживаюсь на подоконник, прижимая спиной шторы, и слушаю, как капли дождя стучат по стеклу.

Кирстен слегка шевелится и морщится от боли. На полу вокруг кровати валяются коробочки с обезболивающими средствами и обрывки фольги.

– Могу я осмотреть рану?

Не ответив, она поднимает рубашку, так что мне видна пожелтевшая повязка, заскорузлая от крови и пота.

– Вам нужно в больницу.

Она опускает рубашку, но не отвечает.

– Вас многие ищут.

– И вы всех обскакали.

– Можно вызвать «скорую»?

– Нет.

– Хорошо, тогда просто поговорим. Расскажите мне, что случилось.

Кирстен пожимает плечами и опускает револьвер, положив руки между бедер.

– Я увидела для себя удачную возможность.

– Поиграть с огнем.

– Начать новую жизнь. – Она недоговаривает. Облизывает губы, собирается с мыслями и начинает заново: – Сначала это была просто

шутка, знаете, такая игра «что если», которой развлекаются от нечего делать. Рэй обеспечивал техническую сторону дела. Он раньше работал в канализации. А я следила за мелкими деталями. Поначалу я даже думала, что Рэйчел могла бы нам подыграть. Мы все удачно провернули бы, и она наконец получила бы то, чего заслуживала, от отца или бывшего мужа. Они были перед ней в большом долгу.

– Но она не стала подыгрывать?

– Я не спрашивала. Я знала ответ.

Я оглядываю комнату. На обоях рисунок в виде пчелиных сот, и в каждой восьмиугольной ячейке – очертание женской фигуры в новой сексуальной позе.

– Что случилось с Микки?

Кажется, Кирстен меня не слышит. Она рассказывает историю в своем темпе.

– Все было бы прекрасно, если бы не Джерри Брандт. Микки вернулась бы домой. Рэй был бы жив. Джерри не должен был ее отпускать... одну. Он должен был отвести ее домой.

– Я не понимаю. О чем вы говорите?

На ее лице появляется слабая улыбка, но губы не раздвигаются.

– Бедный инспектор. Вы так до сих пор и не поняли, да?

Истина растет во мне, как опухоль, клетки которой удваиваются, заполняя пустоты в моей памяти. Джерри сказал, что отпустил ее. Это были его последние слова.

– Мы держали ее всего несколько дней, – говорит Кирстен, грызя ноготь. – А потом он заплатил выкуп.

– Выкуп?

– Первый.

– То есть как это «первый»?

– Мы не собирались причинять ей вред. Получив выкуп, мы сразу велели Джерри отвести ее домой. Он должен был оставить девочку в конце улицы, но запаниковал и бросил ее у станции метро. Чертов придурок! Он всегда был слабым звеном. С первого дня все только портил. Должен был присматривать за Микки, но не смог устоять перед тем, чтобы вернуться на Рэндольф-авеню и полюбоваться на телевизионщиков и полицейских. Мы никогда не взяли бы его, да только нам нужен был кто-то, кто присматривал бы за Микки и кого она не смогла бы опознать. Говорю же, мы собирались ее отпустить.

Она сказала Джерри, что знает дорогу домой. Сказала, что сделает пересадку на «Пиккадилли-серкус» и сядет на линию Бейкерлоо.

Эта информация, подобно тепловатой тошноте, переполняет мой желудок. Рассудок пожирает детали. Мистер и миссис Бёрд видели Микки на станции «Лестер-сквер». Это за одну остановку до «Пиккадилли-серкус».

– Но раз вы ее отпустили, что случилось?

Ее отчаяние достигло предела.

– Говард!

Я не понимаю.

– Случился Говард, – повторяет она. – Микки пришла домой, но наткнулась на Говарда.

Боже мой, нет! Только не это! Это был вечер среды. Рэйчел не было дома. Она выступала в десятичасовых новостях и обращалась за помощью. Я помню, как видел ее по телевизору в участке. Там показали кадры с пресс-конференции, состоявшейся днем.

– Говорю вам, мы не собирались ее обижать. Мы ее отпустили. А потом вы нашли полотенце в крови и арестовали Говарда. Я хотела умереть.

Картинка возникает сама собой. Я вижу маленькую, перепуганную девочку, которая боится выходить на улицу, но которой пришлось одной идти по городу. Она почти справилась. Остались только ступеньки – даже не все восемьдесят пять. Говард нашел ее на лестнице.

Мои ноги слабеют, и я с трудом встаю. Словно все внутренности стали жидкими и хотят вылиться на пол, пузырясь и блестя. Боже мой, что я наделал! Я не мог ошибаться больше. Али, Рэйчел, Микки – я всех их подвел.

– Вы не представляете, сколько раз мне хотелось все изменить, – говорит Кирстен. – Я сама привела бы Микки домой. Я подвела бы ее к самой двери. Поверьте мне!

– Вы же были подругой Рэйчел! Как вы могли так с ней поступить?

На какой-то момент ее печаль сменяется злостью, но это отнимает слишком много сил. Она шепчет:

– Я не хотела причинять им боль... ни Микки, ни Рэйчел.

– Тогда почему?

– Мы крали у самого главного вора, мы брали деньги у Алексея Кузнеця, настоящего чудовища. Он же убил собственного брата, боже мой!

– Вы хотели сразиться с самым большим задирой на детской площадке.

– Мы живем в феодальный век, инспектор. Мы воюем за нефть и предлагаем программы реконструкции в обмен на политические выгоды. У нас больше охранников на парковках, чем полицейских...

– Ради бога, избавьте меня от речей.

– Мы никому не хотели причинять зла.

– Рэйчел пострадала бы в любом случае.

Она поднимает на меня мокрые глаза, в которых кажется, видна соль.

– Я не хотела... мы отпустили Микки. Я никогда бы... – Она роняет руку с револьвером на одеяло, потом опускает голову и, качая ею, бормочет: – Мне жаль... Мне так жаль...

Эта жалость к себе раздражает меня. Я вытягиваю из нее остаток истории. Кирстен не смотрит на меня, описывая подвал и подземную реку. Рэй Мерфи пригнал туда под землей лодку и нарисовал для Джерри Брандта карту. Тому надо было пройти только несколько сотен футов, а потом передать Микки через сточный люк.

– Рэй знал место, где ее можно было спрятать. Я там никогда не была. В мою задачу входило послать письмо с требованием выкупа.

– И кому вы его послали?

– Алексею.

– А как же купальник?

– Джерри его придержал.

– Во что она была одета, когда вы ее отпустили?

– Точно не знаю.

– А у нее было полотенце?

– Джерри сказал, что оно было для нее почти талисманом. Она не выпускала его из рук.

Я напряженно раздумываю. Из всех возможных сценариев я упустил Говарда, будучи убежден в его невиновности. Я взвесил все улики и возможности и решил, что его осудили несправедливо. Кэмпбелл кричал, что я закрываю глаза на очевидное. А я думал, что это он не видит ничего, кроме собственных предрассудков.

– Но почему, скажите ради бога, вы попытались получить выкуп второй раз? Как вы могли снова заставить Рэйчел пройти через все это? Вы убедили ее, что Микки еще жива.

Ее лицо морщится, словно я задел ее больное место.

– Я не хотела. Вы не понимаете.

– Так объясните мне.

– Когда вы арестовали Говарда за убийство Микки, Джерри потерял голову. Он все твердил, что помог ее убить. Он сказал, что не может снова вернуться в тюрьму – только не за убийство ребенка. Он знал, как в тюрьме поступают с убийцами детей. Я сразу же поняла, что у нас проблема. Нам надо было или заставить Джерри замолчать, или помочь ему исчезнуть.

– И вы отправили его за границу.

– Мы дали ему вдвое больше, чем он заслуживал: четыреста штук. Мы думали, что он испарится, но он спустил все деньги на игровых автоматах или наркоте.

– Он купил бар в Таиланде.

– Какая разница.

– И вот он вернулся.

– Я впервые узнала о выкупе уже после того, как Рэйчел получила открытку. Джерри сам додумался до этого. Тело Микки не нашли. У него оставались ее купальник и прядка волос. Я была вне себя от злости. Его жадность и глупость угрожали всем нам. Рэй сказал, что остановит Джерри, пока он всех нас не выдал.

– Но вы могли отойти от дела. И никто не узнал бы.

– Я хотела его убить – честное слово.

– И отчего же вы передумали?

– Никто из нас не ожидал, что Алексей согласится – после того, как уже выплатил один выкуп, – но он согласился сразу же. Я тогда чуть не пожалела его. Наверное, ему очень хотелось верить, что Микки жива.

– У него не было выбора. Отцы должны верить.

– Нет, ему нужна была месть. Ему было наплевать, сколько она стоит. Ему было наплевать на Микки и на Рэйчел. Он хотел, чтобы мы умерли, – и это его истинный мотив.

Возможно, она права. Алексей всегда предпочитал вершить собственный вариант правосудия.

Возле тюрьмы «Уормвуд-Скрабз», а потом еще раз в участке он сказал: «Я не плачу дважды». Так вот что он имел в виду. Он уже заплатил выкуп за Микки и не расстался бы со вторым.

– Почему вы воспользовались той же схемой?

– У нас не было времени придумать новую. Видимо, Алексей обо всем догадался. Я же сказала, мы не предполагали, что он согласится. Нам пришлось готовить все в спешке. Я не хотела в это ввязываться, но Рэю требовались деньги, и он сказал, что во второй раз все пройдет легче.

– Вы знали, что я был в машине с Рэйчел?

– Нет, пока мы не заставили ее пересесть в другую машину. Но вот чего мы точно не ожидали, так это того, что кто-то окажется настолько глуп, чтобы последовать за выкупом в канализацию.

– Во время процедуры я слышал детский голос. Это ведь были вы?

– Да.

В комнате стемнело, и Кирстен превращается в тень. Пространство между нами стало шире и холоднее.

– Когда началась стрельба, я поначалу решила, что это полиция. Но они все стреляли.

– Вы видели снайпера?

– Нет.

– Вы вообще кого-нибудь видели?

Она мотает головой.

Выговорившись, она чувствует себя лучше, несмотря на то, что устала. Она не помнит, сколько времени провела в воде. Течение пронесло ее мимо Вестминстера. Она выбралась на ступеньки Банковской пристани возле театра «Глобус». Влезла в аптеку и украла бинты и лекарства. Остаток ночи провела в магазине, закрытом на ремонт, где спала под малярными простынями.

Она не могла сбежать или пойти в больницу. Алексей нашел бы ее. Как только он узнал, кто похитил Микки, его уже ничто не могло остановить.

– И с тех пор вы прячетесь?

– Жду смерти. – Ее голос звучит так тихо, словно она в соседней комнате.

Сладковатый запах пота и гниения сгустился в воздухе. Либо все, что рассказала мне Кирстен, правда, либо это тщательно продуманная ложь.

– Пожалуйста, отойдите от окна, – говорит она.

– Почему?

– Мне все время мерещатся красные точки. Они въелись мне в глаза.

Я понимаю, о чем она говорит. Поставив стул у кровати, я наливаю ей стакан воды. Ее палец больше не лежит на курке.

– Что вы собирались сделать с выкупом?

– У меня были планы. – Она описывает новую жизнь в Америке, рисуя возможность, против которой трудно устоять: уйти и ни разу не оглянуться, – смакует романтику жизни с чистого листа.

Меня иногда тоже посещают такие мысли: как здорово было бы стать другим человеком и начать жизнь заново, – но потом я понимаю, что не испытываю никакого желания видеть мир, что мне вполне хватает неприятностей со старыми друзьями и я не хочу заводить новых. От чего мне убежать? Я был бы похож на собаку, гонящуюся за собственным хвостом.

– Мы сглупили. Мы должны были уйти и благодарить небеса за то, что никто не узнал правды о Микки. А теперь поздно.

– Я могу вас защитить.

– Никто не сможет этого сделать.

– Я могу договориться в прокуратуре. Если вы дадите показания против Алексея, вас поместят...

– Какие показания? – обрывает она меня. – Я не видела, чтобы он кого-то убил. Я никого не могу ни описать, ни опознать. Ну и что, что он заплатил выкуп дважды, – это не противозаконно.

Она права. Самое большее, в чем виноват Алексей, – это сокрытие от полиции информации о первом выкупе.

Но должен же быть какой-то выход. Человек самовольно казнит людей, и никто не может ему помешать.

Впервые за долгое время я не представляю, что делать. Знаю, что должен позвонить в полицию. Но я также должен обеспечить безопасность Кирстен. Существуют программы защиты свидетелей против ИРА и организованной преступности, но что мы в состоянии

предложить этой женщине? Она не может сдать Алексея. Она не может доказать его причастность к убийствам или другим преступлениям.

– А что если нам организовать встречу?

– Что?

– Свяжитесь с Алексеем, договоритесь о встрече.

Она закрывает руками уши, не желая слушать. Ее кожа похожа на металл: она блестит в свете лампы.

Она права. Алексей ни за что не согласился бы.

– Вы меня не спасете. На вашем месте я позвонила бы ему прямо сейчас и сказала, где я. Вы могли бы получить помилование.

– Я позвоню в «скорую».

– Нет.

– Вам нельзя здесь оставаться. Сколько пройдет времени, прежде чем хозяйка вас сдаст?

– Мы старые друзья.

– Я так и подумал! Во сколько вам обошлось такое длительное пребывание?

Она показывает мне руки. Ее украшения исчезли.

Мы сидим молча, и через какое-то время я слышу, что ее дыхание стало мерным. Она уснула. Подойдя к ней, я аккуратно забираю револьвер у нее с коленей и накрываю ее одеялом. Потом выхожу на площадку и звоню «новичку» Дэйву. У меня трясутся руки.

– Я нашел Кирстен Фицрой. Мне нужны «скорая» и полицейское сопровождение. Не говори Мелдрану и Кэмпбеллу.

– Хорошо.

Когда я возвращаюсь в комнату, Кирстен открывает глаза.

– Они едут?

– Да.

– Кавалерия или катафалк?

– «Скорая помощь».

Стиснув от боли зубы, она скидывает ноги с кровати и садится, отвернувшись от меня. Черная рубашка, мокрая от пота, так прилипла к ее телу, что оно кажется облитым нефтью.

– Может, сегодня вы и защитите меня, но это только один день, – говорит она, с трудом встает и шаркает в сторону ванной. Чувствуя, что я сейчас за ней пойду, останавливает меня. – Мне надо на горшок.

Мне положено подождать на площадке, что я и делаю, радуясь тому, что сбежал от нездорового запаха и лицемерия. Какая гора лжи и предательства – просто уму непостижимо. Микки умерла! Я потерпел неудачу. Я хочу заползти назад в канализацию, где мне и место.

В дверь внизу стучат. Миссис Уайльд открывает. Я перегибаюсь через перила, ожидая увидеть «новичка» Дэйва. Но это курьер. Мне не слышно, что он говорит.

Миссис Уайльд отворачивается от двери с букетом цветов в руках. В тот же момент я слышу глухой удар металла по кости. Она падает вперед, придавив цветы своим телом. Курьер в кожаном костюме и блестящем черном шлеме перешагивает через нее.

Я надавливаю кнопку повторного набора на мобильном телефоне. Номер Дэйва занят. Наверное, он звонит в больницу.

Я представляю себе, как убийца крадется, водя пистолетом по широкой дуге. Он профессионал. Бывший военный.

Кирстен спускает воду и выходит из ванной. Я знаком велю ей лечь, и она со стоном падает на колени. В моих глазах она видит что-то, чего не было раньше.

– Не бросайте меня, – неслышно выговаривает она.

Я прижимаю палец к губам и показываю наверх.

Курьер услышал, как опорожнили бачок и как набирается вода. Он уже у лестницы. Я отворачиваюсь от Кирстен и поднимаюсь на один пролет. Снова нажимаю кнопку. Занято.

Ступеньки прогибаются одна за другой. Этот звук отдается в моем теле. Кирстен выстрелила дважды.

Если предположить, что револьвер был заряжен полностью, у меня осталось четыре патрона.

Я должен чувствовать страх, но, возможно, я еще не осознал до конца серьезность положения. Я почему-то думаю о прошедших шести неделях, когда Алексей играл со мной. Я не чувствую ни злости, ни горечи. Это похоже на сказку «Три медведя», где девочку выгоняют из дома за то, что она съела кашу и сломала стул. Но только в моей, обновленной версии она возвращается с ружьем и теперь уж постарается выстрелить не слишком высоко и не слишком низко, а точно в цель.

«Новичок» Дэйв берет трубку.

– Код один. Полицейский в беде. Помогите.

Курьер уже на лестнице, держится поближе к стене, чтобы обезопасить себя от выстрела сверху. Когда он повернет на площадке, я смогу прицелиться. Я жду в темноте, пытаюсь уменьшиться в размерах. По спине течет целая река.

Еще один шаг. Я вижу его тень. У него автоматический пистолет, который двигается из стороны в сторону. Мой палец осторожно надавливает на курок, отводя назад тягу и сжимая спусковую пружину в рукоятке. Барабан вращается, пуля перемещается в выбрасыватель и оказывается на одном уровне со стволом.

Он показался – собирается зайти в спальню. За пластиком шлема мне не видно его лица.

– Полиция! Бросьте оружие!

Он падает и перекатывается к стене, стреляя вверх вслепую. Пули проделывают дырки в обоях рядом с моей головой и крошат перила. Щелка царапает мне шею.

Когда я выстрелю, он увидит вспышку и будет знать, где я прячусь. Я изо всех сил нажимаю на курок.

Пуля попадает ему в плечо и проходит через грудь. Он ударяется головой о стену. На меня смотрит темный пластик шлема. Мы стреляем одновременно, и курьера отбрасывает назад.

У меня во рту вкус крови, потому что я прикусил язык, а легкие страшно болят. Куда делся весь кислород? На улице слышен визг тормозов. «Новичок» Дэйв врывается в дом с такой скоростью, что едва не спотыкается о миссис Уайльд.

Опустившись на колени, я роняю револьвер и смотрю себе на грудь. Дэйв бежит по лестнице, выкрикивая мое имя. Расстегнув пуговицы, я ощупываю грудь. Аккуратная ямка, все еще теплая от пули, расположилась прямо посередине жилета.

Черт меня побери! Али спасла мне жизнь.

Через перила я вижу тело курьера, скорчившееся у подножия лестницы. Сорок три года в полиции, тридцать пять из них в должности следователя, и мне удалось никого не убить. Теперь перейден еще один нежелательный рубеж.

Четыре часа назад был выписан ордер на арест Алексея, но это ни к чему не привело. Его судно покинуло гавань Челси в полночь пятницы, всего через час после нашей встречи. Шкипер сказал, что направляется в док Моуди на южном берегу Хэмбла^[118], но к полудню субботы яхта там так и не показалась.

Береговая охрана и спасательные службы были поставлены в известность, и всем судам в пределах пятисот морских миль было предписано сообщать любую информацию о яхте. Описание судна также рассылается в гавани Франции, Бельгии, Голландии, Дании, Португалии и Испании.

Я не ожидал, что Алексей сбежит. Я до сих пор представляю себе, как он является в полицейский участок в сопровождении команды адвокатов, самодовольный и готовый к схватке. Он знает, что против него нет ничего, кроме косвенных улик. Никто не может подтвердить, что он был на месте преступления. Если Кирстен умрет, я даже не сумею доказать, что он заплатил первый выкуп.

Конечно, в мои обязанности не входит ничего доказывать, как мне твердит Кэмпбелл, мечась по больнице в своем пальто из серого твида. Каждый раз, когда наши взгляды пересекаются, он отводит глаза. Он был прав, а я совершил огромную ошибку. Несмотря на всю идиотскую суматоху последних недель, факты остались незыблемыми: Микки умерла три года назад, и убил ее Говард Уэйвелл.

Рентген показал только ушибы ребер, а порез на шее не требует наложения швов, так что я в порядке. Кирстен находится наверху под охраной. Ее имени не знают даже врачи, которые отправили ее в палату интенсивной терапии.

Утром в понедельник Эдди Баррет и Грач потребуют, чтобы Говарда Уэйвелла освободили. Они заявят, что Микки была похищена с целью получения выкупа и убита похитителями. Кадры с камер слежения на «Лестер-сквер» могут изображать кого угодно. Полотенце, найденное на кладбище Ист-Финчли, было специально подброшено, чтобы обвинить Говарда в убийстве, которого он не совершал.

Эту версию гораздо легче доказать, чем правду. Все дело против Говарда изначально основывалось на косвенных уликах. Нам приходилось выкладывать доказательства перед присяжными по листочку, чтобы продемонстрировать существующую между ними связь. Теперь это больше похоже на карточный домик.

Дело Говарда будет пересмотрено, и у нас есть единственная надежда оставить его за решеткой – заставить присяжных поверить Кирстен. Но адвокаты толпой ринутся чернить ее облик: сознавшаяся похитительница, вымогательница и управляющая эскорт-агентством.

Я ошибался насчет Говарда, ошибался насчет Микки, ошибался почти во всем. Убийца ребенка выйдет на свободу. И я несу за это ответственность.

Когда полицейский убивает человека, начинаются неприятности. Еще больше неприятностей возникает, когда человека убивает бывший полицейский. Комиссия по жалобам проведет расследование. Меня ждут анализы на наркотики и психиатрическое обследование. Я знаю о морфине недостаточно, чтобы сказать, остались ли его следы у меня в крови. Если результаты окажутся положительными, я здорово вляпаюсь.

Человека, которого я убил, не опознали. Он приехал на угнанном мотоцикле, у него не было документов. Пломбы на зубах были поставлены где-то в Восточной Европе, а автоматический пистолет украден из полицейского участка в Белфасте четыре года назад. Его единственной приметой оказался серебряный крестик на шее, украшенный самоцветом – фиолетовым чароитом, редким видом силиката, добываемым только в Восточной Сибири. Возможно, Интерполу повезет больше.

Часы посещения закончились, но медсестра меня пропускает. Хотя Али все еще распластана на спине и смотрит в зеркало над головой, я получаю более теплую улыбку, чем заслуживаю. Она поворачивает голову совсем немножко, превозмогая боль в шее.

– Я принес тебе шоколада, – говорю я.

– Вы хотите, чтобы я растолстела.

– Ты не была толстой с тех пор, как сидела на руках у матери.

Ей больно смеяться.

– Как дела? – спрашиваю я.

- Ничего. Сегодня у меня затекли ноги.
- Хороший знак. Когда пойдём на танцы?
- Вы ведь не любите танцевать.
- С тобой я станцую.

Это звучит слишком сентиментально, и я жалею, что сказал такое. Но Али, кажется, оценила мои чувства.

Она объясняет мне, что еще три месяца должна будет носить жесткий корсет, а потом еще три месяца – эластичную повязку до самых подмышек.

- Если мне повезет, я уже тогда смогу ходить.

Я ненавижу выражение «если мне повезет». Это не уверенное утверждение, а слова упования, которые произносят, скрестив пальцы. Разве Али до сих пор везло?

Вытащив из бумажного пакета бутылку виски, я покачиваю ею перед глазами Али. Девушка улыбается. Потом, словно кролики из шляпы, из пакета показываются два стаканчика.

Я наливаю ей немного виски и развожу его водой из-под крана.

- Я не могу держать стакан, – виновато говорит она.

Снова опустив руку в пакет, я извлекаю соломинку для коктейля невероятной формы, со спиральями и кольцами. Ставлю стакан на грудь Али и подношу соломинку к ее губам. Она делает глоток и слегка задыхается. Я впервые вижу, как она пьет.

Наши глаза встречаются в зеркале.

– Сегодня ко мне приходил юрист из конторы, – говорит она. – Мне предлагают компенсацию и полную пенсию по инвалидности, если я захочу уволиться.

- И что ты им сказала?
- Что хочу остаться.
- Они волнуются, что ты подашь на них в суд.
- С чего вдруг? В этом никто не виноват.

Мы смотрим друг на друга, и я чувствую благодарность и стыд одновременно.

- Ты слышала о Джерри Брандте?
- Да.

Я замечаю в ней легкую перемену: она еле заметно съеживается от одного упоминания этого имени. Во мне тоже что-то сдвигается, и я

вдруг физически ощущаю, сколько боли она уже перенесла и сколько операций и терапии ей еще предстоит в ближайшие месяцы.

Прядь волос, блестяще-темная, выбилась из пучка на голове. Она отводит глаза и придает лицу бравое выражение.

– А вы нашли Кирстен. За это надо выпить.

Она делает глоток и замечает, что я к ней не присоединился.

– В чем дело?

– Извини. Это было глупое, дурацкое расследование. Я просто хотел... А теперь ты здесь, и люди погибли, а Рэйчел снова страдает. А завтра Говард получит право на пересмотр дела. И все из-за меня. То, что я сделал, непростительно.

Она не отвечает. На улице небо подернулось розовым, начинают мигать фонари. Ссутулив плечи, я смотрю на стакан. Али протягивает руку и кладет ее мне на плечо, унимая мою дрожь.

– Это так больно, – со стоном выговариваю я. – Зачем посылать девочку на эту землю и давать ей семь лет жизни, если собираешься допустить, чтобы ее похитили, изнасиловали, замучили, запугали и что там еще?

– На этот вопрос нет ответа.

– Я не верю в Бога. Я не верю в вечную жизнь на небесах и в реинкарнацию. Может, ты спросишь своего Бога от моего имени? Спроси его – зачем?

Али грустно смотрит на меня:

– Его задача не в этом.

– Тогда спроси его, в чем же состоит его грандиозный план. Пока он сосредоточен на величественных замыслах, кто позаботится о Микки? Один ребенок – это так мелко и незначительно по сравнению с несколькими миллиардами жизней, но он для начала мог бы спасти людей по одному.

Я осушаю стакан и чувствую, как алкоголь обжигает мне горло. Я уже пьян, но пьян недостаточно.

Черное такси довозит меня до дома. Я нащупываю ключи, захожу внутрь, иду наверх, наклоняюсь над унитазом, и меня рвет. Потом я поливаю лицо холодной водой, и она стекает по моей шее и груди.

Из зеркала на меня смотрит бледный, озлобленный незнакомец. В его зрачках я вижу Микки с окровавленным полотенцем, Даж за

колючей проволокой и Люка подо льдом.

Кажется, у меня не осталось других воспоминаний. Пропавшие дети, обиженные дети, мертвые дети заполняют мои мысли. Младенцы, утонувшие в ванне, карапузы, впавшие в кому, дети, отправленные в газовые камеры, похищенные с игровых площадок, задушенные подушками. Как я могу винить в чем-то Бога, когда сам не уберег одну-единственную девочку?

Напротив Королевского суда рабочий разгружает грузовик с манекенами. Мужские и женские тела застыли в пластиковой оргии, разметав волосы париков или блестя идеальными лысынами. Водитель носит по два манекена зараз, перекинув их через плечо и поддерживая за ягодицы, чтобы не упали. Я вижу, как он усмехается, когда таксисты начинают сигналить, а офисные служащие выглядывают из окон.

Я стою и люблюсь. Иногда так славно улыбнуться. Но это состояние непродолжительно.

Рэйчел Карлайл поднимает на меня глаза, когда я подхожу к ней в коридоре. Ее взгляд не совсем сфокусирован, а улыбка рассеянная, словно она меня не сразу узнает. Свет, проникающий сквозь высокие окна, преломляется в стеклах, рассеиваясь прежде, чем достигает глубин мраморного зала.

Я отвожу Рэйчел в сторону. Отыскав пустой кабинет, я пересказываю ей историю, услышанную от Кирстен, стараясь ничего не упустить. Когда я дохожу до того места, где Микки пришлось идти по Лондону одной, поздно вечером, Рэйчел зажмуривается, стараясь отогнать от себя эту картину.

– Где сейчас Кирстен?

– У нее началось заражение крови. Следующие сорок восемь часов станут решающими.

На лице Рэйчел написано сочувствие. Ее способность прощать для меня загадка. Я даже представляю себе, как она будет молиться за Кирстен и поставит за нее свечку. На самом деле Рэйчел имеет право ненавидеть и ее, и меня. Я вселил в нее надежду, и взгляните-ка на нас сейчас.

Она же винит только себя:

– Если бы я не попросила Алексея заплатить выкуп, ничего бы не произошло.

– Нет. Он наказывал их за то, что случилось с Микки, а не за то, что сделали вы.

Ее голос срывается:

– Я просто хотела ее вернуть.

– Знаю.

Я смотрю на часы. Мы должны уже быть в зале. Рэйчел немного медлит, собираясь с силами, прежде чем выйти из комнаты. Коридоры и рекреации несколько опустели. На лестнице стоит Грач. Эдди Баррет помещается на три ступеньки выше, так что их лица находятся на одном уровне. Грач выглядит воодушевленным, а Эдди рычит, жестикулирует и только что не давится воздухом.

Рэйчел берет меня за руку, чтобы удержаться на ногах.

– Если Алексей получил тогда требование о выкупе, почему он ничего не сказал?

– Думаю, он не хотел, чтобы вмешивалась полиция.

– Да, но потом, когда Микки не вернулась домой, он мог бы сообщить об этом.

Я не знаю ответа. Подозреваю, что он не хотел афишировать свою ошибку. Он также довольно самоуверен и, скорее всего, надеялся найти Микки раньше полиции. Наверное, он знал, как близко она подошла к дому – меньше чем на восемьдесят пять ступенек. Наверное, это рвало ему душу.

Лорд Коннелли заставляет себя ждать. Он входит в зал заседаний в десять минут одиннадцатого, и все встают. Потом он аккуратно кладет свой деревянный молоточек по правую руку, по левую ставит стакан воды.

Появляется Говард. Он сжимает Библию с красными закладками. У него синяки под глазами, но вид весьма решительный. Эдди Баррет пожимает ему руку, и Говард отвечает усталой улыбкой.

Советник Фиона Хэнли уже на ногах.

– Ваша честь, возможно, мне придется придать разбирательству неожиданное направление. В связи с информацией, полученной в выходные, корона более не противится просьбе защиты и просит пересмотреть это дело в наиболее удобные для суда сроки.

Поднимается шум. В воздухе нарастает напряжение, глаза обращаются к Говарду. Не думаю, что он понимает, что происходит. Даже Эдди Баррет выглядит потрясенным.

– В мой кабинет, – говорит лорд Коннелли. Он покидает сцену, как крестоносец в черном шлеме.

Мы вчетвером ждем в приемной. Эдди Баррет и Грач перешептываются в углу. Грач улыбается: выражение, которое на его

лице кажется неестественным. Тем временем Фиона Хэнли избегает моего взгляда и кутается в свою мантию.

Помощница лорда Коннелли, грудастая негритянка, приберегает свою ослепительную улыбку для его чести. Она работает на него пятнадцать лет, и о них ходят всевозможные слухи.

– Он примет вас прямо сейчас, – говорит она, указывая на дверь.

Эдди отступает назад и пропускает мисс Хэнли, слегка склоняя голову и показывая свою лысину, похожую на тонзуру.

Перед столом судьи стоят только три стула. Я прислоняюсь спиной к книжным полкам, идущим вдоль стен. Лорд Коннелли снимает парик. Его собственные волосы, почти такие же белые, аккуратно подстрижены над ушами. В его голосе звучат нотки учителя частной школы.

– Я потратил четыре дня на то, чтобы составить заключение, а теперь вы выкидываете такое! – Его взгляд останавливается на Фионе.

– Прошу прощения, ваша честь, но я узнала об этом только вчера поздно вечером.

– И чья же это блестящая идея?

– Поступила новая информация...

– Которая бросает тень сомнения на виновность мистера Уэйвелла?

Она колеблется:

– Которая привносит некоторые трудности.

– Надеюсь, что в ваших словах нет никакого подтекста.

Эдди Баррет вне себя от восторга. Судья осаживает его взглядом:

– А вы держите свои мысли при себе, мистер Баррет. Мне достаточно вас в зале заседаний, и здесь я подобного не потерплю.

Улыбка исчезает с лица Эдди. Поднявшись, лорд Коннелли обходит стул и берется за спинку. Его взгляд останавливается на мне.

– Я понимаю, что больше не могу обращаться к вам как к полицейскому, инспектор Руиз, но, возможно, вы проясните для меня ситуацию.

– У полиции появился новый свидетель.

– Свидетель или подозреваемый?

– И то и другое.

– Давая показания несколько дней назад, вы высказали мнение, что Микаэла Карлайл, возможно, жива. Вы все еще придерживаетесь

этого мнения?

– Нет, ваша честь.

В его глазах мелькает грусть.

– И этот новый свидетель заставил вас усомниться в том, что произошло?

– Она призналась в том, что похитила Микаэлу Карлайл и послала требование о выкупе. Она согласна подтвердить под присягой, что Микки отпустили на свободу, не нанеся ей никакого ущерба.

– А что потом?

– Мы полагаем, что Микки дошла до Долфин-мэншн.

Теперь судья понял, куда я клоню. Он стискивает зубы, словно пытается их раскрошить.

– Это невероятно!

Эдди вмешивается:

– Мы подаем прошение о выпуске под залог, ваша честь.

– А вы не открывайте рта.

Я повышаю голос, стараясь их перекричать:

– Говард Уэйвелл убил ребенка! Он должен оставаться в тюрьме!

– Чепуха, – бормочет Эдди. – Он, конечно, странный и не особенно симпатичный, но когда я в последний раз так выглядел, это не было преступлением. Мы оба можем быть за это благодарны.

– Вы оба можете помолчать, – говорит лорд Коннелли, размышляя, на ком бы сорвать злость. – Следующий, кто издаст хотя бы звук, будет привлечен к ответственности за неуважение к суду.

Он обращается ко мне:

– Инспектор Руиз, я надеюсь, вы объясните семье этой несчастной девочки, что происходит.

– Да, ваша честь.

Он поворачивается к остальным.

– Я собираюсь удовлетворить прошение об апелляции. Я также позабочусь о том, чтобы у защиты была возможность ознакомиться с новыми уликами. Я за честную игру. Вы можете просить о выпуске под залог, мистер Рэйнор, но напоминаю вам, что ваш клиент был осужден за убийство и презумпция виновности должна сохраняться...

– Ваша честь, мой клиент серьезно болен и нуждается в медицинской помощи, которую не может получить в тюрьме. Соображения гуманности перевешивают...

Лорд Коннелли грозит ему пальцем:

– Сейчас не время и не место. Делайте свои заявления в суде.

Дальнейшее слушание проходит в тумане юридических споров и плохого настроения. Прощение об апелляции удовлетворено, и лорд Коннелли назначает пересмотр дела, но отказывается отпустить Говарда из тюрьмы. Вместо этого он приказывает перевести его в больницу и приставить к нему вооруженную охрану.

За пределами зала заседаний царит настоящий ад. Репортеры орут в телефонные трубки и пытаются пробиться к Рэйчел, выкрикивая вопросы и ответы, словно желая, чтобы она с ними согласилась.

Она обхватывает меня сзади за пояс, прижимаясь грудью к моей спине. Это похоже на свалку в регби, когда пытаешься пересечь линию. Эдди Баррет, от которого мы не ждали спасения, берет портфель и размахивает им из стороны в сторону, как косой, очищая дорогу.

– Наверное, надо подумать о другом выходе, – орет он, показывая на дверь с табличкой «Служебный вход».

Эдди поднаторел в отступлениях из залов заседаний через подвалы и черные ходы. Он ведет нас по коридорам, мимо офисов и камер, все дальше внутрь здания. Наконец мы выходим на мощный двор, где стоят переполненные мусорные контейнеры, а над головой натянута проволочная сетка, чтобы не залетали голуби.

Ворота автоматически открываются, в них въезжает машина «скорой помощи». Говард ждет на каменном крыльце, закрыв голову руками и разглядывая носы своих стоптанных ботинок. Полицейские и тюремные охранники стоят по обе стороны от него.

Эдди зажигает сигарету, прикрыв ее руками и наклонив голову. Дым проплывает мимо его глаз и рассеивается, когда он выдыхает. Он предлагает сигарету и мне, и я внезапно чувствую к нему расположение, словно мы два солдата, пропавшие на поле боя.

– Вы знаете, что это он сделал.

– Он так не думает.

– А как вы сами думаете?

Эдди хихикает:

– Если вам нужны исповеди, обратитесь к Опре^[119].

Рэйчел стоит рядом и смотрит на Говарда. Санитары открывают заднюю дверь машины и вытаскивают носилки.

– Можно с ним поговорить? – спрашивает она.

Эдди это кажется хорошей идеей.

– Я просто хочу спросить о его здоровье.

Эдди смотрит на меня. Я пожимаю плечами.

Рэйчел пересекает двор. Полицейские отступают, и она склоняется над носилками. Я не слышу, о чем они говорят, вижу только, как она кладет руку ему на плечо.

Эдди поднимает лицо к квадрату неба над нашими головами.

– Чего вы добиваетесь, инспектор?

– Я пытаюсь найти истину.

Он склоняет голову, демонстрируя свое почтение и одновременно несогласие.

– Мой опыт подсказывает мне, что каждая истина есть ложь. – Черты его лица смягчились, и оно кажется неожиданно нежным. – Вы сказали, что похитители отпустили Микки. Когда это было?

– Вечером в среду.

Он кивает.

Я помню ту ночь. Я видел, как у Рэйчел брали интервью в десятичасовых новостях. Поэтому ее не было дома, когда Микки позвонила в домофон. Я работал в офисе, читал показания. Мысленно я расставляю каждого участника на то место, где он должен был находиться. Я поднимаю крышу Долфин-мэншн и помещаю туда людей или убираю их, как будто играю с кукольным домом. Миссис Суинглер, Кирстен, Рэй Мерфи... Микки я ставлю на крыльцо. Она звонит, но никого нет дома.

Одной детали не хватает. Я отворачиваюсь от Эдди и иду через двор к Говарду. Санитары уже поднимают носилки в машину.

– Что ты делал в среду вечером, Говард?

Он тупо смотрит на меня.

– Накануне того дня, когда отправился в тюрьму. Что ты делал?

Он прокашливается:

– Практиковался в хоре. За семь лет я ни разу не пропустил занятия.

Нужна пауза, чтобы информация усвоилась. Достаточно одного сердечного удара, даже меньше – интервала между сердечными

ударами. Я был дураком. Я слишком много времени потратил, сосредоточившись на том, чтобы найти Кирстен, и упустил из виду другие варианты.

Спустя несколько секунд я уже бегу по улице, пытаюсь поймать такси. Одновременно ору в трубку что-то бессвязное. У меня нет всех фактов. Но у меня их достаточно. Я знаю, что произошло.

Следы краски для волос на полотенце Микки постоянно волновали меня. Джерри Брандт не красил ей волосы, а зачем Говард стал бы утруждать себя подобным?

«Я не плачу дважды», – сказал Алексей. Теперь я понимаю, что это значит. Он не устраивал похищения Микки, но, как и Кирстен с Рэем, воспользовался шансом. Он хотел вернуть дочь, единственное свое совершенное создание. Поэтому он тайно выплатил выкуп. Ни полиции, ни огласки. И когда Микки дошла до дома, именно Алексей нашел ее. Потому что он ее ждал.

А потом он осуществил свой план, который основывался на том, чтобы убедить весь мир, что Микки мертва. Сначала он думал, что сможет свалить вину на похитителей. Он взял бы у Микки кровь или вызвал бы у нее рвоту, подкинул бы улики и заставил бы всех поверить, что она умерла в руках людей, которые ее украли. К сожалению, он не знал, кто они. А затем подвернулась счастливая возможность: готовый подозреваемый с извращенной сексуальностью и без алиби. Говард Уэйвелл. Таковую прекрасную возможность нельзя было упустить.

А что с Микки? Он ее спрятал: вывез из страны, вероятнее всего, на борту яхты. Он изменил ее внешность и имя.

Я не знаю, на что рассчитывал Алексей в будущем. Возможно, собирался однажды, когда пройдет достаточно времени, привезти ее в Британию под другим именем или же, наоборот, присоединиться к ней за границей.

План был бы безупречным, если бы не Джерри Брандт, неудачник, наркоман и азартный игрок, решивший, что может вечно есть яблоки с одной яблони. Просадив свою долю от первого выкупа, он вернулся в Англию с намерением проверить все во второй раз. Тело Микки не было обнаружено, у него оставались ее локоны и ее купальник. Кирстен тотчас же узнала, что Джерри вернулся. Она поговорила с Рэем Мерфи. Жадность и глупость Брандта угрожали им обоим.

Но, хотя они и не подозревали об этом, деятельность Джерри грозила также сорвать и великий план Алексея. Все верили, что Микки мертва. Требование выкупа поставило это под сомнение. Кроме этого, требование нового выкупа заставило Алексея задуматься, не знают ли эти люди о том, что сделал *он*?

Чтобы сохранить свой секрет, ему нужно было заставить их замолчать. Нужно было заплатить выкуп, выследить их и организовать их убийство. Я предоставлял ему прекрасное алиби: он ведь ехал за мной.

Эти мысли приходят мне в голову слишком быстро, чтобы установить хронологию, но, как Сара, подруга Микки, в то первое утро в Долфин-мэншн, я «знаю то, что я знаю».

На мой звонок откликается «новичок» Дэйв.

– Вы нашли Алексея?

– Его яхта причалила в Остенде в Бельгии в одиннадцать утра в субботу.

– Кто находится на борту?

– Сведений пока нет.

Я слышу собственное прерывистое дыхание.

– Выслушай меня! Я знаю, что сделал кучу ошибок, но на этот раз я прав. Вы должны найти Алексея. Нельзя допустить, чтобы он исчез.

Я перевожу дух. Дэйв еще слушает. Единственное, что у нас осталось общего, это Али. Может, этого хватит.

– Проверь все списки пассажиров на паромах и лодках, а также на поездах, отбывающих с «Ватерлоо». Можно забыть о самолетах. Алексей не летает. Тебе потребуются ордера на обыск его дома, офиса, машин, лавок, лодочных сараев... И тебе понадобятся записи его телефонных разговоров и детали банковских операций за последние три года.

Дэйв начинает терять терпение. Он не имеет права сделать и половины того, о чем я прошу, а Кэмпбелл с Мелдраном не станут меня слушать.

Откинувшись на спинку, я смотрю в окно, хотя ничего там не вижу, поскольку мысленно перелистываю страницы, заполненные заметками, диаграммами и цифрами, снова пересматриваю факты в поисках ключа к шараде.

Когда я учился на следователя, надо мной взял шефство парень по имени Дональд Кинселла. Он до этого провел несколько лет, работая под прикрытием, носил длинные, собранные в хвост волосы, и у него были пышные усы, которые в семидесятые считались отличительной чертой полицейских, пока «Вилладж Пипл» не сделали это брендом иного рода^[120].

«Не надо усложнять», – таков был его девиз. «Не верь в заговоры. Прислушивайся к ним, отработывай версии, а потом складывай в тот же ящик, куда кладешь факты, почерпнутые из передовиц „Социалист уоркер“ и „Дейли телеграф“».

Дональд верил в то, что правда всегда находится посередине. Он был прагматиком. Когда Диана, принцесса Уэльская, погибла в Париже, он мне позвонил. К тому времени он уже вышел в отставку.

– Через год появится десяток книг, – сказал он. – Люди станут обвинять ЦРУ, МИ-5, мафию, Осаму бен Ладена, другого террориста, который откормится к тому времени. Будут тайные свидетели, недостающие улики, таинственные машины, украденные донесения, следы шин, отравления и беременности... Только вот что я скажу: ни в одной из этих книг, я гарантирую, не будет самого вероятного ответа. Люди хотят верить в заговоры. Они проглатывают их и говорят: «Пожалуйста, еще». Они противятся мысли о том, что кто-то близкий или знаменитый умер простой, ординарной, скучной, бытовой смертью.

Дональд хотел сказать, что жизнь сложна, а смерть – нет. Сложны люди, а не их преступления. Прокуроры и психологи интересуются мотивами. А я интересуюсь фактами: как, где и когда, а не почему. Мой любимый вопрос – «кто», сам преступник, лицо которого постепенно проступает в пустой рамке.

Эдди Баррет ошибается. Не всякая истина есть ложь. Я не настолько наивен, чтобы верить в обратное, но я могу придерживаться фактов. Я могу написать о фактах в отчете. Факты более надежны, чем воспоминания.

Таксист смотрит на меня в зеркало. Я разговариваю сам с собой.

– Это второй признак сумасшествия, – объясняю я.

– А какой первый?

– Когда убиваешь много людей и поедает их гениталии.

Он смеется и украдкой бросает на меня еще один взгляд.

Три часа назад я узнал, что Микки Карлайл еще жива. Сорок восемь часов назад яхта Алексея причалила в Остенде. У него есть гандикап, но он путешествует только по земле. Не исключено, что он уже на месте. Где именно?

Возможно, в Голландии. Они с Рэйчел жили там, и Микки родилась в Амстердаме. Но более вероятно Восточная Европа. У него там связи, а может, и семья.

Я окидываю взглядом офис профессора и вижу десяток людей, разговаривающих по телефону и смотрящих в мониторы. Они все снова откликнулись на призыв, бросили работу или взяли отгулы. Все это похоже на оперативную группу, полную энергии и напряженного ожидания.

Роджер разговаривает со смотрителем гавани в Остенде. На борту моторного судна было шесть взрослых, включая Алексея, но никаких признаков ребенка. Теперь яхта стоит на причале в Королевском яхт-клубе, самой большой гавани в Остенде, в центре города. У нас есть список членов экипажа. Маргарет и Джин обзванивают местные гостиницы. Остальные связываются с компаниями по аренде машин, бюро путешествий и железнодорожными и паромными билетными кассами. К сожалению, варианты кажутся бесконечными. Алексей мог уже затеряться в Европе.

Без ордера или постановления суда мы не сможем добраться до его банковских счетов, почтовых ящиков и телефонных записей. Нет способа проследить его заграничные переводы, хотя я сомневаюсь, что этот путь выведет нас к Микки. Алексей слишком умен для этого. Его состояние наверняка распределено по миру в офшорных раях вроде Каймановых и Бермудских островов или Гибралтара. Эксперты могут двадцать лет разбираться в отчетах и прочих бумагах.

Смотрю на часы. С каждой минутой он оказывается все дальше.

Хватаю пальто и киваю Джо:

- Пойдемте отсюда.
- Куда?
- Надо взглянуть на его дом.

Вопреки расхожему мнению, у самого богатого в цветочном бизнесе человека нет страсти к цветам и даже нет оранжереи. Участок, окружающий дом Алексея, выглядит довольно провинциально и неухоженно, он зарос кедрами и фруктовыми деревьями.

Электронные ворота открыты, и мы въезжаем на подъездную дорожку. Под шинами скрипит гравий. Дом, видимо, заперт. Башенки, крытые темным шифером, четко вырисовываются на фоне неба, словно отвернувшись от города и предпочтя смотреть на Хэмпстед-хит.

Выйдя из машины, я пытаюсь охватить здание взглядом, бегло осматривая этаж за этажом.

– Итак, мы ведь не нарушаем закон? – спрашивает Джо.

– Пока нет.

– Я серьезно.

– Я тоже.

Обходя дом, я поражаюсь местной системе безопасности. Зарешеченные окна, прожекторы, сенсорные сигнализации, опоясывающие стены. Большая перестроенная конюшня служит гаражом для десятка машин, накрытых полотняными чехлами.

Позади дома я замечаю дымок, поднимающийся от печи для мусора. Садовник крепкого телосложения, с усами, нависающими над верхней губой как ободок обруча, поднимает глаза, когда мы подходим. На нем твидовое пальто, брюки заправлены в резиновые сапоги.

– Добрый день.

Он снимает кепку.

– И вам добрый день.

– Вы здесь работаете?

– Да, сэр.

– А где все?

– Ушли. Дом продается. Я просто поддерживаю сад в порядке.

Я замечаю коробки с листьями и косилку.

– Как вас зовут?

– Гарольд.

– А вы встречались с хозяином, мистером Кузнецом?

– О да, сэр. Я чистил его машину. Он очень внимательно следил за тем, каким воском и полировкой я пользовался, чтобы не было

абразивов. Он знает разницу между воском и полировкой – ее знают не многие.

– Он был хорошим хозяином?

– Получше многих, на мой взгляд.

– Но многие его боялись.

– Да, но я не понимаю почему. Вы ведь слышали рассказы, так? Что, мол, он убил брата, тела замуровывал в подвалах и другие страшные вещи проделывал. Но я говорю то, что вижу. Он всегда был ко мне добр.

– А вы не видели здесь маленькой девочки?

Гарольд чешет подбородок:

– Не скажу, что помню, чтобы здесь были дети. Хотя дом хорош для ребятенка – только посмотрите на эти площадки. Моим внучатам здесь бы понравилось.

Джо отходит в сторону, осматривая края крыши, как будто хочет найти там голубиные гнезда. Его сносит в сторону, и он едва не спотыкается о разбрызгиватель.

– А что такое с вашим приятелем: у него паралич?

– Болезнь Паркинсона.

Гарольд кивает:

– У моего дяди было то же.

Он подбрасывает еще листьев в печь.

– Если хотите купить этот дом, то вы разминулись с агентом. Она была здесь недавно, показывала все полиции. Я подумал, вы тоже коп.

– Был им. Как вы думаете, можно заглянуть внутрь?

– Мне не позволено.

– Но у вас есть ключ?

– Да, то есть я знаю, где она его прячет.

Я вытаскиваю из кармана коробку с тянучками, открываю крышку и предлагаю ему.

– Послушайте, Гарольд, у меня мало времени. Мы пытаемся найти одну маленькую девочку. Она пропала очень давно. Мне очень нужно заглянуть внутрь. Никто не узнает.

– Маленькая девочка, говорите?

– Да.

Он обдумывает мои слова, посасывая тянучку. Приняв решение, кладет грабли и идет по небольшому холмику к дому. Холмик

заканчивается заболоченной площадкой для крокета напротив веранды. Джо догоняет нас, стараясь не промочить ноги.

Боковая дверь ведет в маленький холл с каменным полом и чулан для пальто, сапог и зонтиков. Недалеко должна быть прачечная. Я чувствую запах порошка и чистящей пены.

Гарольд отпирает еще одну дверь, и мы оказываемся в большой кухне, сияющей стальным оборудованием. Арка открывает вид на веранду, где за столом могут поместиться двенадцать человек.

Джо снова отстал от нас. На этот раз он заглядывает под стулья и стол, ощупывая края поверхностей.

– Вы заметили, что в этом доме что-то не так?

– Что?

– Нет телефонных проводов. Дом даже не подключен.

– Может, они под землей?

– Да, я так и подумал, но в стенах нет розеток.

Я поворачиваюсь к Гарольду:

– Здесь есть телефоны?

Он улыбается:

– А он умен, ваш приятель. Мистер Кузнец не жаловал обычные телефоны. Думаю, он просто им не доверял. У нас всех были такие. – Он вытаскивает из куртки мобильный.

– У всех?

– Ага. У повара, водителя, уборщиц, даже у меня. Думаю, свой мне теперь придется вернуть.

– А как долго он у вас?

– Недолго. Мистер Кузнец постоянно заставлял нас меняться номерами. Я никогда не пользовался очередным номером больше месяца.

У Алексея была настоящая мания, что его телефон прослушают. Он арендовал, наверное, сотни номеров и распределял их между своими рабочими в доме и офисе, постоянно меняя их, передавая кому-то и свой номер, так что становилось почти невозможным отследить его звонки или выследить его по номеру мобильного. Проверять систему, при которой по любому номеру мог звонить любой человек, – все равно что играть в лотерею.

Мой ум цепляется за эту мысль, словно по какой-то причине я знаю, что это важно. Говорят, что у слонов долгая память. Они помнят

водоемы, которые не навещали двадцать лет. Моя память немного похожа на их. Иногда она упускает кое-какие мелочи, вроде дней рождений, юбилеев и текстов песен, но дайте мне восемьдесят свидетельских показаний, и я запомню каждую деталь.

И вот что я вспомнил теперь. Когда мы стояли около «Уормвуд-Скрабз», Алексей рассказал мне о том, что у него украли телефон. Это была новейшая модель. Он любит технические новинки.

Внезапно повернувшись, я выхожу на улицу, предоставив Джо возможность попытаться меня догнать. Он идет за мной по дорожке, силясь услышать, что я говорю в трубку.

На звонок отвечает Дэйв, но я не даю ему возможности открыть рот.

– У Алексея несколько месяцев назад украли телефон. Он сказал, что заявил в полицию. Значит, номер был записан.

Я молчу. Дэйв послушно трудится. Я слышу, как он стучит по клавиатуре. А еще мне слышно, как бурлят у меня внутри все жидкие субстанции.

Перейдя дорожку, я ступаю на другую, посыпанную мраморной крошкой, и двигаюсь по ней, огибая розарий. На дальнем конце его, рядом с навесом, стоит известняковая колонна, поддерживающая солнечные часы. У основания маленькая табличка. Надпись гласит: «Семья – это навеки».

Дэйв возвращается.

– Он заявил о пропаже телефона двадцать восьмого августа.

– Хорошо, слушай внимательно. Тебе надо поднять звонки с этого номера. Найди международные разговоры от четырнадцатого августа. Это важно.

– Почему?

У Дэйва нет детей. Он не понимает.

– Потому что отец никогда не забывает о дне рождения ребенка.

Березы и вязы стоят по краям дороги, словно нарисованные углем, а облака – белые вздохи на фоне голубого неба. Черный «мицубиси галлант» грохочет и подпрыгивает на неровном асфальте, переезжая куски темного льда в тени.

Наш водитель борется с рулем, явно не обращая внимания на глубокие овраги по обеим сторонам дороги. Два одинаковых «галланта», забрызганные грязью, следуют за нами.

Болотистая равнина вокруг покрыта хрупким слоем льда, ползущим к центру луж и прудов. Вышка нефтеперерабатывающего завода с оранжевым пламенем наверху отражается от маслянистой поверхности.

Справа от трассы, отделенная от нее канавой, проходит железная дорога. За ней громоздятся пятна деревянных построек, больше похожих на поленицы, чем на жилища. С мокрых желобов свисают сосульки, рядом со стенами вздымаются грязные сугробы. Единственный признак жизни – струйки дыма из труб и тощие собаки, роющиеся в помойках.

Внезапно полотно обрывается, и мы въезжаем в одноцветный лес, на дорожку, которая змеится между деревьев. В грязи видны следы колес, тянущиеся в одну сторону. По этой дороге никто не возвращался, а другого пути к дому Алексея нет. Значит, его машина где-то впереди.

Рэйчел не произнесла ни слова с тех пор, как мы прилетели в Москву. Она сидит рядом со мной на заднем сиденье, обхватив себя за талию, словно защищаясь от выбоин.

Наш водитель больше похож на военного, чем на полицейского. Щетина над верхней губой и на щеках такая острая, что кажется, будто ее вырезали скальпелем. Рядом с ним сидит майор Дмитрий Меньшиков, старший следователь из московской милиции. Он встретил нас в Шереметьево и с тех пор поясняет нам все происходящее, словно мы приехали на экскурсию.

За последние двадцать четыре часа мы проследили путь Алексея Кузнецова через всю Восточную Европу. Доехав до Остенде, он провел

там ночь и в воскресенье сел на поезд, шедший из Брюсселя в Берлин. Потом ночным поездом отправился в Варшаву и пересек польскую границу ранним утром в понедельник.

Там мы его почти потеряли. Если бы Алексей поехал поездом, то самый близкий путь до Москвы лежал бы через Брест и Минск, но, по словам пограничников, проверивших поезд при въезде на территорию Беларуси, никого похожего на Алексея там не было. Он мог купить в Варшаве машину, но российские власти затрудняют ввоз в страну иномарок, заставляя владельца ожидать разрешения до двух дней. Алексей не мог ждать. У него оставалась возможность пересечь на поезд или автобус, следовавший через Литву и Латвию.

«Новичок» Дэйв связался со мной быстро. Он нашел записи разговоров с украденного мобильного телефона. В тот месяц Алексей совершил немало международных звонков, но 14 августа, в день рождения Микки, он звонил только на дачу, расположенную к юго-западу от Москвы, и говорил больше часа.

Дмитрий оборачивается.

– А вы не представляете себе, кто живет в этом доме? – Он говорит по-английски с американским акцентом.

– Ничего конкретного.

– Значит, вы даже не уверены, что девочка в России?

– Нет.

– Итак, это всего лишь теория. – Он сочувственно кивает Рэйчел.

Снова переведя взгляд на дорогу, он придерживает шляпу, когда мы наезжаем на очередной ухаб. Между деревьев сгустились плотные тени.

– И вы узнаете девочку, если это ваша дочь?

Рэйчел кивает.

– Через три года! Дети забывают. Может, она здесь счастлива. Может, лучше оставить ее в покое.

Лес ненадолго отступает, открывая пространство, утыканное недостроенными домами, ржавеющими машинами и проводами, торчащими из ям. Вороны взлетают с земли, кружа в воздухе, как куски пепла.

Вскоре деревья снова заслоняют дорогу, и машина то сходит с колеи, то вновь возвращается на нее. Мы переезжаем узкий мост через грязный ручей и приближаемся к открытым воротам. Слева виднеется

озеро, темная вода разделена самодельным дугообразным пирсом. К опоре прикреплены заиндевевшие трубы автономного водопровода.

Снег, выпавший ночью, покрыл землю корочкой, такой тонкой, что под ней я вижу темную воду, густую как кровь. Меня охватывает дрожь, я представляю лицо Люка, прижимающееся ко льду с той стороны.

В конце подъездной дорожки, посыпанной щебенкой, показывается дом, окруженный ясенями. Большинство окон закрыто, садовый столик и стулья стоят ножками вверх на мощеной площадке в розарии.

Подъезд ведет к большой четырехугольной площадке. Серебристый «мерседес», заляпанный грязью, припаркован возле входа в конюшню. Водительская дверца открыта, Алексей сидит на земле, прислонившись к колесу. Идет мелкий дождь, собираясь каплями на плечах его пальто и волосах. Его лицо совсем белое, если не считать аккуратной темной дырочки во лбу. Он выглядит удивленным, как будто просто поскользнулся на льду и собирается с мыслями, прежде чем встать.

Черные «галланты» останавливаются на дальнем конце двора. Окна открываются, над капотами, или как их там называют русские, нависают стволы.

Из дверей дома выходит мужчина, держа в руках ружье. Он моложе Алексея, но у него такой же узкий нос и высокий лоб. Его плотные штаны заправлены в ботинки, на поясе висит нож.

Я выхожу из машины и иду к нему. Он поднимает ружье и кладет его на плечо, точно солдат в карауле.

– Привет, Александр.

Он кивает, но не отвечает. Смотрит на Алексея, и в глазах его мелькает сожаление.

– Все думают, что вы умерли.

– Старый Александр действительно умер. Его вы здесь не найдете.

У него совсем нет английского акцента. В отличие от Алексея, Александр никогда не пытался спрятать ни русского акцента, ни русских корней.

Рэйчел выходит из машины. Она не сводит с Алексея глаз. Она как будто ждет, что сейчас он сотрет со лба кровь и встанет,

отдохнувший и полный сил.

Дождь превращается в мокрый снег.

– Скажите мне, что произошло.

Он смотрит на ботинки.

– Все зашло слишком далеко. Он не должен был приезжать. Он забрал ее из одного дома, а теперь снова хотел забрать. Он уже достаточно неприятностей причинил окружающим.

В дверях за его спиной появляется женщина. К ней прижалась девочка.

– Это моя жена Елена, – говорит Александр.

Женщина обнимает девочку за плечи, загоразживая от нее тело Алексея.

– Мы о ней хорошо заботились. Она никогда ни в чем не нуждалась. – Елена пытается подобрать слова. – Она была нам как дочь...

Руки Рэйчел прижимаются к губам, словно она хочет удержать собственное дыхание. Потом она бросается вперед, мимо меня, к стоящей на крыльце девочке.

На Микки надеты брюки для верховой езды и куртка. Ее волосы заплетены в косичку и лежат на плече. Такая же косичка у Елены.

Подбежав ближе, Рэйчел падает на колени. Замерзшая щебенка почти не поддается под ее весом. Микки что-то говорит Елене по-русски.

– Теперь по-английски, – говорит Александр. – Ты едешь домой.

– Но мой дом здесь.

Он нежно улыбается ей.

– Больше нет. Ты англичанка.

– Нет. – Она сердито качает головой и начинает плакать.

– Послушай. – Александр приставляет ружье к стене дома и садится на корточки рядом с ней. – Не плачь. Я учил тебя быть сильной. Помнишь, как прошлой зимой мы ходили на рыбалку? Как тогда было холодно? А ты ни разу не пожаловалась.

Она обнимает его и всхлипывает у него на груди. Рэйчел следит за ними с тревогой и ожиданием. Она глубоко вздыхает.

– Я скучала по тебе, Микки.

Микки поднимает голову и размазывает ладонью слезы по лицу.

– Я так долго тебя ждала. Я жила на том же месте и надеялась, что ты сможешь меня найти. В твоей комнате сохранились все твои игрушки.

– Я теперь умею ездить верхом, – объявляет Микки.

– Правда?

– И кататься на коньках. И я больше не боюсь выходить на улицу.

– Вижу. Ты стала такой высокой. Уверена, теперь ты сможешь дотянуться до верхнего шкафчика в кухне у окна.

– Где ты прячешь сладости.

– Ты помнишь. – У Рэйчел сияют глаза. Она подает дочери руку ладонью вверх. Микки напряженно смотрит на нее и протягивает свою. Рэйчел прижимает ее к себе и вдыхает запах ее волос.

– Со мной все в порядке, – говорит Микки. – Не надо плакать.

– Я знаю.

Рэйчел смотрит на меня, потом на Александра, который стучит себя по груди, пытаюсь прочистить горло. Молодые русские милиционеры собрались вокруг тела Алексея, ощупывая его рубашку и мягкое кашемировое пальто.

А тем временем начинает тихо падать снег, кружась в воронках и заносах, превращая серый размытый пейзаж в четкий черно-белый набросок.

Другая страна. Другая мать и другой ребенок.

Даже сидит в коляске, я примостился рядом с ней, и мы предаемся долгому молчанию, которое другие люди сочли бы неловким. Она накинула белую шаль, придерживая ее на груди руками, и неподвижно смотрит в окно, как древняя злобная хищная птица.

У нас за спиной собрались члены класса флористики. Обладатели седых и фиолетовых вследствие окраски волос, склонившись над столами, бормочут, воркуют и пищат, разбирая зелень и цветы всевозможных оттенков.

Я показываю Даже первую страницу газеты. На фотографии Микки и Рэйчел обнимаются перед камерами по прибытии в Хитроу. На заднем плане виден и я, толкающий багажную тележку. На верхнем чемодане устроилась расписанная вручную русская тряпичная кукла.

Дже тоже попал в кадр. Рядом с ним стоит Али, опершись о его плечо. Она держит плакат с надписью: «Добро пожаловать домой,

Микки!»

– Даж, ты помнишь пропавшую девочку – ту, которую я искал много лет назад? Так вот, я ее нашел. Я привез ее домой.

Какое-то время Даж смотрит на меня с гордостью, переплетя свои длинные пальцы с моими. Потом я понимаю: до нее не доходит, что я сказал. В ее сознании идет другой диалог.

– Проследи, чтобы Люк не выходил из дому без шарфа.

– Хорошо.

– А когда он катается на велосипеде, пускай заправляет штаны в носки, чтобы не запачкать смазкой.

Я киваю. Она отпускает мою руку и смахивает с коленей несуществующие крошки.

Теперь я буду часто навещать ее: не только по выходным, но и по вечерам. Обычно она забывает, что я здесь. Она старается помнить, но это превышает ее слабеющих возможностей.

Виллавуд-лодж – дорогое место, а мои сбережения почти закончились. Иногда, всего лишь на мгновение, я подумываю о том, что, возможно, следовало сохранить пригоршню бриллиантов или отдать их Али в качестве компенсации за пережитое. Конечно, она их не взяла бы, и я понимаю почему. На них кровь.

Гарольд, садовник в доме Алексея в Хэмпстеде, случайно наткнулся на клад в саду и с благодарностью принял вознаграждение. Его даже сфотографировали для газеты: он прислонился к солнечным часам и показывает на место, где нашел четыре бархатных футляра.

Даж поворачивает голову и прислушивается. В музыкальной комнате кто-то играет на пианино. За окном группа занимающихся физкультурой проходит по саду: отряд раскачивающихся рук и виляющих задов.

Тренер поднимает колени и поглядывает через плечо, чтобы проверить, нет ли отстающих.

– Я вижу всех пропавших детей, – шепчет Даж. – Ты должен их найти.

– Я не могу.

– Ты просто не пробовал.

Теперь она смотрит на меня – и я понимаю, что она меня узнает. Я хочу продлить это мгновение, потому что знаю: оно будет недолгим. Подует какой-то ветер, и ее мысли разлетятся, как семена одуванчика.

Я не верю в судьбу, рок и карму. Я не думаю, что все в мире случается по какой-то причине, и не верю, что каждому отмерена своя доля удачи. Закон и порядок во Вселенной потрясают воображение: восходы и закаты, смена времен года, ход планет. Если не будет таких безусловных вещей, небеса упадут на наши головы. В обществе тоже есть законы. И моя работа всегда заключалась в том, чтобы их охранять. Я знаю, это не бог весть какая жизненная философия, но до сих пор мне ее хватало.

Поцеловав Даж в лоб, я беру пальто и иду по гладким коридорам к выходу из Виллавуд-лодж. В фойе стоит общественный телефон, который принимает кредитки. В мою память врезались номера Клэр и Майкла. Некоторые вещи никогда не забываешь.

Трубка холодит мне шею, пока я нажимаю кнопки и слушаю гудки. В моей жизни было слишком много пропавших детей. Вероятно, я не смогу вернуть их всех, но я должен попытаться.

---

notes

Примечания

1

В прошлый раз я сказал... – Имеется в виду благодарственная преамбула к предыдущему роману автора («Подозреваемый», 2004, рус. пер. 2006), предваряющему события данной книги.

«В джазе только девушки» – так в отечественном прокате называлась знаменитая музыкальная комедия Билли Уайлдера «Некоторые любят погорячее» (1959) с участием упомянутых звезд американского кино Мэрилин Монро (наст. имя Норма Джин Бейкер Мортенсон, 1926–1962), Джека Леммона (наст. имя Джон Улер, 1925–2001) и Тони Кертиса (наст. имя Бернанд Шварц, р. 1925).

...челка в стиле Хью Гранта... – Хью Грант (полн. имя Хью Джон Мунго Грант, р. 1960) – популярный англо-американский актер театра и кино, звезда мелодрам и романтических комедий; наиболее известные киноработы – «Горькая луна» (1992) Романа Полански, «Четыре свадьбы и одни похороны» (1994) Майка Ньюэлла, «Разум и чувства» (1995) Энга Ли, «Ноттинг-хилл» (1999) Роджера Митчелла, «Голубоглазый Микки» (1999) Келли Мейкина, «Дневник Бриджит Джонс» (2001) Шэрон Магуайр, «Дневник Бриджит Джонс 2: Грани разумного» (2004) Бибэн Кидрон. Упомянутая челка, придающая персонажам Гранта элегантно-небрежный, а порой несколько неуверенный и взъерошенный вид, – характерная черта имиджа актера и предмет особой заботы его стилистов.

4

Интерн – студент-медик или молодой врач, работающий в больнице под наблюдением более опытных докторов, стажер.

...на концерте «Ярдбёрдс» в «Шепердс-Буш-Эмпайр» в шестьдесят первом... – Двойной анахронизм: известная английская ритм-энд-блюзовая группа «Ярдбёрдс» была создана лишь в 1963 г.; в лондонском зале «Шепердс-Буш-Эмпайр» в упомянутое время размещалась телестудия Би-би-си, а площадкой для проведения массовых концертов он стал лишь в 1990-е гг.

6

Главный суперинтендант – начальник полицейского участка.

Брэмсхилл – город в графстве Хэмпшир, на юге Великобритании.

Фулхэм – район в Западном Лондоне.

Брикстон – район в южном Лондоне.

Когда в Темзе затонул катер «Маркиза»... – В ночь на 20 августа 1989 г. прогулочный катер «Маркиза», нанятый частным лицом для празднования дня рождения, затонул в результате столкновения с грузовым судном под Саутуоркским мостом на Темзе; из 132 пассажиров катера 51 человек погиб.

«*Скотный двор*» (1943, опубл. 1945) – сатирико-политическая сказка английского писателя Джорджа Оруэлла (наст. имя Эрик Артур Блэр, 1903–1950).

«Участок» – популярный английский телесериал о буднях полицейского участка, выходящий на канале Ай-ти-ви с 1984 г. по настоящее время.

...белая лента Алисы... – Постоянная деталь классических иллюстраций Джона Тенниела (1820–1914) к первым изданиям сказок Льюиса Кэрролла (наст. имя Чарльз Лютвидж Доджсон, 1832–1898) «Алиса в Стране чудес» (1862–1865, опубл. 1865) и «Алиса в Зазеркалье» (1869–1870, опубл. 1871).

Уоррингтон – город в графстве Чешир на северо-западе Великобритании.

...«*взболтать, но не смешивать*». – Знаменитый рецепт алкогольного коктейля («мартини» с водкой «Smirnoff») от Джеймса Бонда, впервые озвученный исполнявшим его роль Шоном Коннери в фильме Теренса Янга «Доктор Но» (1962) и ставший впоследствии одной из крылатых бондовских фраз.

Мы познакомились несколько лет назад в ходе расследования убийства. Я тогда долго подозревал О'Лафлина, но оказалось, что виновен был один из его пациентов. – Отсылка к сюжету «Подозреваемого».

Он читает романы Филлис Дороти Джеймс и любит вообразить себя Адамом Далглишом, хотя и не пишет стихи и вообще не слишком чувствителен. – Адам Далглиш – герой цикла детективных романов английской писательницы Филлис Дороти Джеймс (р. 1920), суперинтендант Скотленд-Ярда и известный поэт, романтичный и эмоциональный по складу характера; впервые появился в дебютном романе Джеймс «Закройте ей лицо» (1962).

Колесо Миллениума – так зачастую именуется колесо обозрения «Око Лондона», установленное в центре британской столицы на южном берегу Темзы в конце минувшего тысячелетия (отсюда его неофициальное название). Торжественное открытие аттракциона состоялось 31 декабря 1999 г., а постоянно действующим он стал с марта 2000 г. Достигающее в высоту 143 м, «Око Лондона» является на данный момент самым большим колесом обозрения в мире; оно совершает полный оборот за полчаса, вращаясь со скоростью 1,6 км/ч, что позволяет пассажирам на ходу садиться и покидать укрепленные на внешней стороне конструкции кабинки.

Уоппинг – портовый район в Восточном Лондоне, на северном берегу Темзы.

Синдром Туретта делал его движения молниеносно быстрыми. – Синдром генерализованных нервных тиков, названный в честь исследовавшего его французского невропатолога Жюль де ля Туретта (1857–1904), – неврологическое заболевание, характеризующееся непроизвольными двигательными и голосовыми тиками, которые развиваются в детском возрасте и в дальнейшем становятся хроническими; другая характерная симптоматика – затруднение концентрации внимания, импульсивность, неконтролируемое выкрикивание ругательств, затрудняющие социальное функционирование больного и требующие терапевтического вмешательства.

Пимлико – район в центральной части Лондона, на северном берегу Темзы, некогда славившийся своим увеселительным садом.

Рэйвенскорт-парк – лондонский общественный парк площадью 32 акра, расположенный на территории районов Фулхэм и Хаммерсмит в Западном Лондоне.

Эшер – городок в графстве Суррей на юго-востоке Великобритании.

Ноттинг-хилл – район в Западном Лондоне.

Ньюпорт – город в 30 милях к югу от Провиденса, административного центра штата Род-Айленд на северо-востоке США.

«*Чартерхаус*» – одна из девяти старейших мужских привилегированных средних школ Великобритании; основана в 1611 г. в Лондоне, в 1872 г. переведена в г. Годалминг, графство Суррей.

Моркам – залив в графстве Ланкашир, возле северо-западного побережья Великобритании, славящийся высокими приливами. Во время отливов воды залива отступают на 11 км, обнажая песчаное дно, обманчивая твердость которого то и дело становится причиной гибели людей, забредших в эти края.

Арсайд, Кентс-Бэнк – деревни в графстве Камбрия, возле устья р. Кент.

...рисовать черточки, как в игре в «виселицу». – Подразумевается известная логическая парная игра, суть которой состоит в побуквенном угадывании слова, загаданного ведущим. Всякий раз, когда отгадчик называет букву, которой нет в слове, ведущий рисует на листке бумаги элемент сначала виселицы, а затем и тела висельника. Задача игрока – отгадать слово раньше, чем его «повесят», то есть до того, как рисунок будет закончен; при этом он может допустить не более семи ошибок – согласно правилам, именно из такого числа элементов состоит роковой рисунок.

...в ожидании Годо. – Название знаменитой абсурдистской пьесы (1952) англо-французского писателя ирландского происхождения Сэмюэля Беккета (1906–1989) использовано здесь в качестве синонима длительного бесплодного ожидания.

...на левой руке была татуировка «Z», а на вещах вышит черный треугольник. – Отличительные знаки цыган в нацистской Германии.

Равенсбрюк – нацистский концлагерь для заключенных-женщин, построенный в одноименной прусской деревне возле мекленбургского климатического курорта Фюрстенберг в ноябре 1938-го – апреле 1939 г.; освобожден союзными войсками в конце апреля 1945 г. За годы существования лагеря в нем погибло ок. 50 тысяч человек.

Литтл-Мильтон – живописная деревня на юге графства Оксфордшир, в 10 милях к юго-востоку от Оксфорда.

«Добрые сердца и короны» (1949) – черно-белая комедия английского режиссера Роберта Хеймера по роману Роя Хорнимана «Израэль Рэнк» (1907), в которой знаменитый англо-американский актер Алек Гиннес (1914–2000) сыграл восьмерых представителей аристократического рода Д'Эскойнов, погибающих один за другим от руки главного героя – Луиса Маццини, ожесточенного бедного родственника, не принятого ими в семейный круг.

...пятнадцать минут славы... – Отсылка к известнейшему афоризму американского художника, режиссера и писателя, основоположника и одного из лидеров поп-арта Энди Уорхола (1928-1987), выражающему важнейший культурно-эстетический императив этого направления: «Каждый имеет право на свои пятнадцать минут славы».

Кенсингтон, Эрлс-Корт – районы в Западном Лондоне.

...при помощи языка завязывала бы во рту узелки на черенках от вишни. – Распространенное выражение, означающее умение девушки целоваться и, шире, сексуальную опытность; вошло в культурный обиход после появления на телеэкранах сериала Дэвида Линча «Твин Пикс» (1990–1991), в котором Одри Хорн, героиня актрисы Шерилин Фенн, изумляла упомянутым трюком посетителей казино «Одноглазый Джек».

«Уормвуд-Скрабз» – построенная в 1874–1890 гг. в Западном Лондоне мужская тюрьма для совершивших преступление впервые.

Вестуэй – двусторонняя надземная автодорога протяженностью 2,5 мили в Западном Лондоне, между Паддингтоном и Северным Кенсингтоном; построена в 1964–1970 гг.

Озерный край – живописная местность на северо-западе Англии, на территории графств Камберленд и Уэстморленд.

Телекамеры стояли вдоль дорожек, как металлические триффиды, поджидая возможности вцепиться в любого, покинувшего здание. – Триффиды – плотоядные движущиеся растения-мутанты, охотящиеся на ослепших в результате космического катаклизма людей в культовом постапокалиптическом романе британского писателя-фантаста Джона Уиндема (1903–1969) «День триффидов» (1951). В 1962 г. роман был экранизирован, а в 2001 г. британский фантаст Саймон Кларк (р. 1958) выпустил в свет продолжение книги Уиндема – роман «Ночь триффидов».

...восьмая чума египетская. – Отсылка к ветхозаветному рассказу о Десяти казнях египетских (Исх., 7-12).

...конфет, пирожных и сластей всевозможных... – Слова из английской народной детской песенки «Из чего только сделаны мальчики?» («О мальчиках и девочках»); широко известен русский перевод С.Я.Маршака.

Примроуз-хилл – холмистая местность в северной части Риджентс-парка на севере Лондона.

Джулия Эндрюс (наст. имя Джулия Элизабет Уэллс, р. 1935) – американская актриса театра, кино, телевидения, звезда мюзиклов; «Звуки музыки» (1965) – знаменитый мюзикл с ее участием, поставленный режиссером Робертом Уайзом.

«Убить пересмешника» (1959, опубл. 1960) – единственный роман американской писательницы Харпер Ли (р. 1926), в 1961 г. удостоенной за эту книгу Пулитцеровской премии; Страшила Рэдли, Глазастик и Джим – персонажи романа.

Был один хороший комик, который называл себя Носмо Кинг. Я годами смотрел его выступления, прежде чем до меня дошло, откуда взялось его имя. – Упомянутый комик – реально существовавший английский комический актер Х. Верной Уотсон (1886–1949), снискавший сценическую популярность под своим настоящим именем еще до Первой мировой войны, но впоследствии, в 1920-е гг., начавший выступать под псевдонимом Носмо Кинг, который возник случайно: согласно театральной легенде, актер увидел, как надпись «Не курить» (NO SMOKING) на двойной двери за кулисами театра оригинально преобразилась в NOSMO KING после того, как одна из дверных створок оказалась открытой. Утверждение Руиза, что он «годами смотрел выступления» Носмо Кинга, – явный анахронизм: в год смерти актера главный герой «Пропавшей» едва достиг трехлетнего возраста.

«Сильвер Джубили» («Серебряный юбилей») – железнодорожный экспресс, курсирующий по маршруту Лондон-Ньюкасл; свое название получил в 1935 г. в честь 25-летия правления английского короля Георга V (1865–1936, годы правления – 1910–1936).

Собор Святого Павла – старинный кафедральный собор в центре Лондона, главный собор Англиканской церкви. Неоднократно страдавшее от пожаров (в частности, в 1561-м и 1666 гг.), здание собора подверглось в 1675–1711 гг. радикальной реконструкции, осуществленной по проекту известного английского архитектора Кристофера Рена.

Кэмден – административный округ в северной части Лондона.

Хопалонг Кэссиди – ковбой, персонаж 28 романов-вестернов Кларенса Эдварда Мэлфорда (1883–1956), изданных в 1906–1941 гг. В 1935–1948 гг. на студиях «Парамаунт пикчерз» и «Юнайтед артисте» было снято 66 кинолент об этом герое, лишь немногие из которых основывались на сюжетах Мэлфорда; по мотивам фильмов, имевших огромный успех, в свою очередь, были созданы телесериал (1949–1952) и серия комиксов, превратившие заглавный персонаж в популярного героя американской массовой культуры. Во всех 66 кинофильмах роль Хопалонга Кэссиди исполнил актер Уильям Бойд (1895–1972), чье имя в конце концов стало синонимичным имени героя: в новых приключениях знаменитого ковбоя, описанных недавно Сьюзи Коффман («Идя на свет твоих звезд», 2005), принимает участие жена Бойда Грэйс.

Пит Деревянная Нога – постоянный отрицательный персонаж мультипликационных фильмов кинокомпании Уолта Диснея, заклятый враг Микки-Мауса, присутствующий и в других диснеевских циклах – «Утиных историях», историях о Гуфи, кролике Освальде и др.; впервые появился на экране в феврале 1925 г. в мультфильме «Алиса решает кроссворд» из цикла «Комедии Алисы» под кличкой Пит Голенище (Bootleg Pete), намекающей на карьеру бутлеггера. В ранних лентах изображался в виде человекоподобного кота с деревянной ногой; в дальнейшем неоднократно менял облик (например, в сериале «Гуфи и его друзья» он, как и большинство других персонажей, имеет явные собачьи черты) и прозвища (среди самых известных его кличек – Черный Пит, Хромой Педро, Мистер Сильвестр Макарони, Пьер Охотник, Пит Попрошайка, Ужасный Том).

Хэрни – район в Восточном Лондоне.

Сильверстоун – город в графстве Нортхэмп-тоншир, знаменит автодромом, на котором проводятся крупнейшие национальные и международные соревнования по автоспорту.

Корнуолл – графство на одноименном полуострове на юго-западе Великобритании.

Килберн – район в северной части Лондона.

Хэмпстед – лесистый район в округе Кэмден в северной части Лондона.

Майл-энд – район в Восточном Лондоне.

Роберт Брюс (Роберт I, 1274–1329) – шотландский король в 1306–1329 гг.

Чизуик – обширный район в Западном Лондоне, официально вошедший в состав Большого Лондона в 1965 г.

Я всю жизнь была Тотти. – Тотти (totty, tot-tie) – сленговое выражение, обозначающее сексапильную или легкодоступную женщину (ср. top totty – классная «телка»).

Подсвечник в качестве одного из возможных орудий преступления фигурирует в «Клюдо», правда, дворецкого среди подозреваемых нет. – «Клюдо» – английская настольная логическая игра, изобретенная в 1940-е гг. Энтони Э. Кларком; ныне широко распространен ее американский вариант («Ключ»), выпускаемый компанией «Хасбро»; игра существует также в различных тематических, компьютерных и видеоверсиях. По сюжету игроки (количество которых может составлять от 3 до 6 человек) становятся действующими лицами детективной истории. Собравшись за игровым столом, разделенным на «комнаты» и имитирующим особняк, хозяин которого (доктор Блэк, в американской версии мистер Бодди) убит, они исполняют роль «гостей»-подозреваемых и пытаются вычислить убийцу, установить орудие и точное место преступления при помощи игральных карт с изображением данных элементов сюжета. В число орудий убийства входят веревка, гаечный ключ, свинцовая трубка, револьвер, нож и подсвечник.

Брэдфорд – город в графстве Западный Йоркшир, в центральной части Великобритании.

Тоётоми Хидэёси (1536–1598) – японский полководец и государственный деятель, в 1582 г. сменивший Оду Нобунага в его борьбе за объединение страны.

Лэдброк-гроув – район и улица в Западном Лондоне.

«Паддингтон-грин» – специальное антитеррористическое подразделение Скотленд-Ярда, находящееся в центре Лондона.

...со мной обращаются так, словно я Чарльз Бронсон, снимающийся в «Жажде смерти 15». – «Жажда смерти» – цикл из пяти фильмов, в котором американский актер Чарльз Бронсон (наст. имя Чарльз Бучински, 1921–2003), звезда вестернов и боевиков, исполнил роль Пола Керси – законопослушного нью-йоркского архитектора, вынужденного самолично с оружием в руках вершить правосудие после того, как вломившиеся к нему в дом бандиты убили его жену и изнасиловали дочь, а полиция не смогла найти виновных. Первый фильм цикла был поставлен в 1974 г. режиссером Майклом Уиннером по одноименному роману (1972) Брайана Гарфилда, последующие (1982, 1985, 1987, 1994), развивающие исходную тему, сняты по оригинальным сценариям. «Жажда смерти» вызвала в американском обществе горячие споры о правомерности вигилиантизма (гражданского самосуда), а ее сиквелы, один хуже другого, были справедливо разруганы кинокритиками и, несмотря на рекламную шумиху и коммерческий успех, не стали украшением карьеры стареющего актера. Невзирая на кончину Бронсона, некоторое время назад продюсерами рассматривалась возможность съемок «Жажды смерти 6» – с новым героем-одиночкой в центре действия.

Блэкул – курортный город в графстве Ланкашир, на северо-западе Англии.

Джо Блоу – одно из многих английских обозначений рядового, типичного члена общества, сродни русскому «Иван Петров».

«Хэрродс» – фешенебельный лондонский универмаг в квартале Южный Кенсингтон.

Мэйфэйр – район в Западном Лондоне.

Его отец был нацистом... Как отец Арнольда Шварценеггера. – Намек на происхождение знаменитого американского актера и общественного деятеля, выходца из Австрии.

Блэкхит – район на юго-востоке Лондона.

Шутерс-хилл – местность на юго-восточной окраине Лондона, к востоку от Блэкхит.

Дартфорд – юго-восточный пригород Лондона.

Генри Купер (р. 1934) – легендарный английский боксер, экс-чемпион Великобритании и Европы в супертяжелом весе (1970), чья профессиональная карьера пришлась на 1954–1971 гг.

Когда на Темзе построили барьер... – Имеется в виду система шлюзов в Восточном Лондоне ниже Гринвича, построенная в 1982 г. и призванная защищать город от сильных приливных волн, приблизительно дважды в год нагоняемых в Темзу ветром с Северного моря.

«Звездный путь» – суперпопулярный американский научно-фантастический телесериал, впервые показанный на канале Эн-би-си в 1966–1969 гг. и положивший начало одноименной саге об экипаже звездолета «Энтерпрайз», бороздящего космические просторы в конце XXIII в. Фикциональная вселенная «Звездный путь» была подробно разработана в более поздних телевизионных и кинопроектах, среди которых – анимационный сериал «Звездный путь» (1973–1974), игровые телесериалы «Звездный путь: Новое поколение» (1987–1994), «Звездный путь: Глубокий космос 9» (1993–1999), «Звездный путь: Вояджер» (1995–2001) и «Звездный путь: Энтерпрайз» (2001–2005), а также 10 полнометражных художественных фильмов, первый из которых – «Звездный путь» Роберта Уайза – вышел в свет в 1979 г., а последний – «Звездный путь: Возмездие» Стюарта Бёрда – в 2002 г. На 2008 г. запланирован релиз нового, 11-го фильма эпопеи, который, по словам режиссера Джеффри Абрамса, станет приквелом первой картины.

Гранд-Каньон – крупнейший в мире каньон, прорезающий известняковое плато Колорадо в среднем течении одноименной реки в американском штате Аризона; длина каньона составляет 446 км, ширина на уровне плато колеблется от 6 до 29 км, на уровне дна составляет около 1 км.

Бэйсуотер – район в Западном Лондоне, к северу от Гайд-парка.

...человек, протестовавший против строительства объездной дороги возле Ньюбери... – Речь идет о двуполосной автотрассе протяженностью 14,5 км, официально именуемой магистралью Уинчестер-Престон и огибающей с запада город Ньюбери (графство Беркшир). Ее сооружение в 1995–1998 гг. сопровождалось масштабной вырубкой леса в зоне строительства, вызвавшей массовые акции протеста со стороны природоохранных групп, которые продолжались не один месяц и были окрещены в прессе «третьей битвой при Ньюбери» (в память о двух других битвах близ этого города, состоявшихся в эпоху гражданских войн в Англии, в 1643 и 1644 гг.).

«Молодожены» («The Honeymooners», 1955–1956) – популярный американский комедийный телесериал с участием актеров-комиков Джеки Глисона (наст. имя Герберт Джон Глисон, 1916–1987) и Арта Карни (1918–2003), исполнивших роли друзей-соседей (водителя автобуса Ральфа Крэмдена и ассенизатора Эда Нортоня соответственно), которые отчаянно стремятся разбогатеть, ввязываясь ради этого в различные сомнительные предприятия. Впоследствии, в 1960-1990-е гг., исходный черно-белый сериал был продолжен новыми эпизодами, снятыми уже на цветную пленку. О «Молодоженах» сделано два документальных телефильма (2000, 2002), в которых принимал участие Арт Карни, а в 2005 г. режиссером Джоном Шульцем был поставлен киноримейк оригинального сериала 1950-х гг. (в российский прокат картина вышла под маловразумительным названием «Медовый месяц»).

«Восстановление памяти» («Reversing Memory Loss»). – Очевидно, имеется в виду книга американских врачей Вернона Х. Марка и Джеффри П. Марка, впервые опубликованная в 1992 г. и выдержавшая ряд переизданий.

Джессика Линч (р. 1983) – рядовая армии США, ставшая национальной героиней во время последнего американского вторжения в Ирак. 23 марта 2003 г. военная колонна, в составе которой она находилась, попала в засаду возле г. Насирия, и после ожесточенного боя несколько американских солдат, включая Линч, оказались в плену. Получившая ранения Линч была переправлена в местный госпиталь, где находилась восемь дней, пока 1 апреля не была освобождена группой американского спецназа. Согласно официальной версии событий, в плену она подвергалась издевательствам и насилию со стороны иракцев, хотя сама Линч практически ничего не могла вспомнить о неделе, проведенной ею под Насирией. Это, однако, не помешало ей выпустить в ноябре того же года книгу о своем пребывании в Ираке («Я тоже солдат: История Джессики Линч»), которая написана с ее слов журналистом «Нью-Йорк таймс» Риком Брэггом и подтверждает ультрапатриотическую пентагоновскую версию случившегося, а также получить ряд почетных боевых наград. Между тем операция по освобождению Линч, заснятая на видеокамеру одним из спецназовцев, расценивается многими независимыми экспертами и журналистами как пропагандистский блеф, поставленный по законам телевизионного реалити-шоу и призванный героизировать непопулярную войну в глазах американского общественного мнения.

В восьмидесятые годы человек по имени Майкл Сэмс похитил молодую девушку Стефани Слэйтер, агента по продаже недвижимости, и потребовал выкуп. <...> ...он удрал на мотороллере по разбитой дороге <...> ...и к тому времени уже убил девушку. – Здесь соединены две подлинные криминальные истории, связанные с личностью похитителя, вымогателя и убийцы Майкла Сэмса (р. 1941), которые имели место в Южном Йоркшире – правда, не в 1980-е, а в начале 1990-х гг. В июле 1991 г. в Лидсе Сэмс похитил проститутку по имени Джулия Дарт и, несмотря на доставленный полицией выкуп, убил ее. Спустя полгода, в январе 1992 г., в Бирмингеме им была похищена упомянутая Стефани Слэйтер, которую он держал в заточении и насиловал на протяжении восьми дней, однако вернул домой после получения выкупа. Личность и местонахождение похитителя вскоре были установлены с помощью его бывшей жены, и в 1993 г. он был приговорен к четырем пожизненным срокам заключения, которые отбывает в тюрьме Фулл Саттон в Восточном Йоркшире. История похищения Стефани Слэйтер легла в основу художественного фильма «Во власти страха», снятого в 1997 г.

Бермондси – район в южном Лондоне.

...летаю вместе с Люси и ее бриллиантами. – То есть «нахожусь под кайфом»; фраза отсылает к скандально знаменитой песне «Битлз» «Люси в небе с бриллиантами» (альбом «Оркестр Клуба одиноких сердец под управлением сержанта Пеппера», 1967), в оригинальном названии которой («Lucy in the Sky with Diamonds») первые буквы именных слов были интерпретированы прессой как намек на популярный в 1960-е гг. галлюциноген ЛСД (диэтиламид лизергиновой кислоты).

«Скорость» (speed) – в жаргоне наркоманов обозначение амфетамина.

Эдмунд Хиллари (р. 1919) – новозеландский альпинист, в 1953 г. вместе с Норгеем Тенцингом (1914–1986) первым в мире достигший вершины Эвереста.

Болезнь Вейля – острое инфекционное заболевание, вызываемое микроорганизмами лептоспирами (отсюда второе название болезни – лептоспироз), проникающими через слизистые оболочки и поврежденную кожу; характеризуется поражением печени, почек и кровеносных капилляров. Основным источником инфекции – мелкие млекопитающие, преимущественно грызуны. Названа по имени исследовавшего ее немецкого медика Адольфа Вейля (1848–1916).

Кентиш-таун – район в округе Кэмден.

Кингс-кросс – вокзал в центре Лондона

Бектон – район в Восточном Лондоне.

Кабинет военного времени – коалиционное правительство 1940–1945 гг., возглавлявшееся Уинстоном Черчиллем.

Серпантин – озеро в Гайд-парке.

Собачий остров – исторически заброшенный, а ныне интенсивно развивающийся островной район в Восточном Лондоне.

Купол Тысячелетия – гигантский выставочный комплекс округлой формы, построенный в районе Гринвич в Восточном Лондоне, на берегу Темзы по проекту известного архитектора Ричарда Роджерса; его открытие, состоявшееся в ночь с 31 декабря 1999 г. на 1 января 2000 г. и приуроченное к наступлению нового тысячелетия, было задумано как «величайшее шоу на земле» и отмечено присутствием самой королевы Англии. Однако амбициозный проект стоимостью 1,2 млрд долларов, который, по замыслу его создателей, должен был стать местом паломничества туристов со всего света, оказался убыточным и ровно через год был закрыт для посетителей. В настоящее время предполагается перепрофилировать объект, превратив его в грандиозный спортивно-развлекательный комплекс.

Нил Даймонд (р. 1941) и *Барри Манилоу* (наст. имя Барри Алан Пинкус, р. 1946) – американские поп-композиторы и исполнители, популярные в 1960-1970-е гг.; упоминаются здесь в качестве примеров сценического и творческого долголетия.

Хэмпстед-хит – лесопарк в одноименном районе на севере Лондона.

«Отверженные» – популярнейший французский мюзикл, созданный в 1978–1980 гг. композитором Клодом-Мишелем Шонбергом (р. 1944) и либреттистом Аленом Бублилем (р. 1941) по мотивам одноименного романа (1845–1862, опубл. 1862) Виктора Гюго. Сценическая премьера *«Отверженных»* состоялась в лондонском центре «Барбикан» 8 октября 1985 г.

Холборн – район и улица в центре Лондона.

«Улица Сезам» – популярная американская учебно-развлекательная телепередача для детей, выходящая в эфир с ноября 1969 г.; существуют многочисленные версии программы, разработанные для детской аудитории других стран (в России выходит с 1996 г.).

Хэррогейт – курорт с минеральными водами в Северном Йоркшире.

Эксетер – главный город графства Девоншир (Девон) на юго-западе Англии.

Дорсет – графство на юго-западе Англии на побережье Ла-Манша.

Сотби (Сотбис) – старейшая и крупнейшая в мире аукционная фирма, основанная лондонским книготорговцем Сэмюелем Бейкером в 1744 г.

Джозеф Мэллорд Уильям Тернер (1775–1851) – выдающийся английский художник-пейзажист, один из видных представителей романтизма в живописи.

Пхукет – портовый город в Таиланде.

Юрген Клинсманн (р. 1964) – немецкий футболист, нападающий, чья профессиональная карьера пришлась на 1981–1998 гг., игравший во многих немецких и европейских клубах. Чемпион мира (1990) и Европы (1996). В 2004–2006 гг. – тренер сборной Германии. С 2007 г. – тренер сборной Австралии.

Олдвич – улица и район в Вестминстере.

...кроме шума и ярости. – Реминисценция слов шекспировского Макбета, утверждавшего в финале одноименной трагедии (1606), что жизнь –

«сказка в пересказе идиота,
наполненная яростью и шумом,
и смысла нету в ней»

(V, 5, 26–28. – Пер. С. Антонова).

К шекспировской строке восходит и заглавие известного романа Уильяма Фолкнера «Шум и ярость» (1929).

...Иисус и Чарльтон Хестон вступят в поединок за право сказать последнее слово. – Отсылка к религиозно-эпической драме режиссера Уильяма Уайлера «Бен-Гур» (1959), в которой американский актер Чарльтон Хестон (наст. имя Чарльз Картер, р. 1924) сыграл заглавную роль современника и приверженца Иисуса Христа, на чью долю выпали нечеловеческие страдания.

...магия названий, словно взятых из «Монополии». – «Монополия» – одна из наиболее известных и популярных настольных игр, изобретенная в 1933 г. американцем Чарльзом Брэйсом Дэрроу (1889–1967) и уже к 1935 г. ставшая самой продаваемой игрой в США. Играющий должен, рационально используя стартовый капитал, купить или обменять максимальное количество домов, гостиниц, железных дорог, компаний и др. активов (представленных квадратами на игровом поле), разорить соперников и стать монополистом. Вся топонимика игры позаимствована у реальных объектов г. Атлантик-Сити. В настоящее время существуют многочисленные компьютерные варианты «монополии».

Канал (Английский канал) – принятое в Англии именование пролива Ла-Манш.

Вы помните тот эпизод из «Сумеречной зоны», когда Уильям Шатнер смотрит в иллюминатор на высоте двадцать тысяч футов и видит, как греmlin отрывает крыло самолета? Потом его повторили в фильме, но там он не столь хорош. – «Сумеречная зона» – научно-фантастический сериал канала Си-би-эс, впервые показанный в 1959–1964 гг. и имевший два продолжения (1985–1989, 2002–2003). Подразумевается 123-й эпизод исходного сериала – «Кошмар на высоте 20 000 футов», – поставленный режиссером Ричардом Доннером по рассказу (1961) Ричарда Мэтисона и впервые показанный в телеэфире 11 октября 1963 г. В 1983 г. Стивеном Спилбергом, Джо Данте, Джоном Лэндисом и Джорджем Миллером был снят полнометражный фильм «Сумеречная зона», включавший три сюжета из сериала 1959–1964 гг. (в том числе «Кошмар на высоте 20 000 футов», поставленный Миллером) и одну оригинальную историю. Роль коммивояжера Боба Уилсона, во время полета увидевшего в иллюминатор гремлина на крыле самолета, которую в сериале исполнил вышеупомянутый канадский актер Уильям Шатнер (р. 1931), в фильме исполняет Джон Литгоу. Эта сцена впоследствии неоднократно пародировалась в различных теле- и кинопроектах – в частности, в мультсериале «Симпсоны» (эпизод «Страх на высоте 5,5 футов»), в комедийном сериале «Третья планета от Солнца» (1996–2001), где Шатнер и Литгоу обмениваются впечатлениями о пережитом на борту самолета ужасе, в фильме Стива Эдекерка «Эйс Вентура: Когда зовет природа» (1995) и др.

...те три мудрые обезьяны... – Подразумеваются три мистические обезьяны – Мизару («не вижу зла»), Миказару («не слышу зла») и Мазару («не говорю зла»), олицетворяющие известный принцип буддистского мировоззрения: если я не вижу зла, не слышу зла и ничего не говорю о нем, то я защищен от него.

Тоттенхэм – район в северной части Лондона.

Хэмбл – река в графстве Хэмпшир на юге Англии.

Опра (Гейл) Уинфри (р. 1954) – ведущая популярнейшего ежедневного телевизионного ток-шоу, носящего ее имя. Одна из богатейших женщин Америки, известная своей филантропической деятельностью. В числе ее общественных инициатив – предложение создать общенациональную базу данных о лицах, подвергавших детей сексуальному насилию (в 1993 г. в США был принят соответствующий закон).

...у него были пышные усы, которые в семидесятые считались отличительной чертой полицейских, пока «Вилладж Пипл» не сделали это брендом иного рода. – «Вилладж Пипл» – американская диско-группа, образовавшаяся в 1977 г. и имеющая устойчивый гомосексуальный имидж.